ФАНТАСТИКА

Джон Кристофер

ОГНЕННЫЙ БАССЕЙН

М О С К В А

"МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ"

1991

ББК 84.4 Вл
К 89

На 1-й странице обложки:
Андрей САМОЙЛОВ. Молния

Кристофер Джон.
К 89 Огненный бассейн. Фантастика / Перевод с англ. Д. Арсеньева. – М., Молодая гвардия, 1991. – 288 с.
ISBN 5—235—01907—3

Трилогия известного писателя Джона Кристофера — "Белые горы", "Город золота и свинца", "Огненный бассейн" — рассказывает о героической борьбе землян далекого будущего с захватчиками из космоса, продолжая, таким образом, традицию английской литературы, начатую Гербертом Уэллсом и его "Войной миров".

К $\frac{4703000000}{078(02)—91}$ без объявления ББК 84.4 Вл

ISBN 5—235—01907—3

© ВТО МПФ при ИПО ЦК ВЛКСМ
"Молодая гвардия", 1991.

КНИГА ПЕРВАЯ

БЕЛЫЕ ГОРЫ

Глава первая

День надевания шапок

Кроме церковных часов, в деревне были еще несколько, способных показывать время, и одни принадлежали моему отцу. Они стояли на каминной доске в гостиной, и каждый вечер, перед тем как лечь спать, отец доставал из вазы ключ и заводил их. Раз в год приезжал часовщик из Винчестера на старой хромой лошади, чтобы почистить механизм, смазать и вообще привести в порядок. Потом он пил ромашковый чай и рассказывал матери городские новости, а также деревенские слухи. Отец, если он не был занят на мельнице, в это время уходил, бросив презрительное замечание о сплетнях; но позже, вечером, я слышал, как мать пересказывала ему услышанное.

Величайшим сокровищем моего отца были, однако, наручные часы. Эти маленькие, с циферблатом менее дюйма в диаметре, с браслетом, позволявшим носить их на запястье, часы хранились в закрытом ящике стола и извлекались оттуда лишь в торжественных случаях, таких, как праздник урожая или праздник надевания шапок. Часовщику позволялось осматривать их лишь раз в три года, и отец всегда стоял рядом, глядя, как он работает. Других таких часов не было ни в нашей деревне, ни в окрестных. Часовщик говорил, что есть несколько в Винчестере, но все они хуже наших. Я не знаю, говорил ли он это, чтобы доставить удовольствие моему отцу, которому его слова явно нравились, но часы действительно были великолепной работы. Корпус их был сделан из стали, много лучше той, что готовят в кузницах Алтова, а сам механизм был чудом сложности и искусства. Сзади было написано "Антимагнитные" и "Инкаблок". Мы считали это именем мастера, изготовившего часы в древние времена.

Неделю назад часовщик навещал нас, и мне было позволено присутствовать, когда он смазывал и чистил часы. Зрелище это очаровало меня, и когда он ушел, мысли мои по-

стоянно обращались к сокровищу, теперь закрытому в ящике стола. Конечно, мне запрещалось трогать отцовский стол, а о том, чтобы открыть ящик, и подумать было страшно. Тем не менее именно эта мысль преследовала меня. И через день или два я убедился, что только страх быть пойманным останавливает меня.

В субботу утром я остался один в доме. Отец работал на мельнице; и служанки — даже Молли, которая обычно не уходила днем из дома, — пошли помогать ему. Мать навещала старую миссис Эш, которая болела. Я закончил работу по дому, и больше ничто не мешало мне выйти в прекрасное майское утро и отправиться на поиски Джека. Но голова моя была занята тем, что сейчас есть возможность взглянуть на часы, не опасаясь быть пойманным.

Я знал, что ключ от стола хранится вместе с другими ключами в маленьком ящичке у постели отца. Ключей было четыре, и третий подошел. Я взял часы и стал их рассматривать. Они стояли, но я знал, что их заводят и устанавливают стрелки поворотом шишечки сбоку. Если я сделаю лишь несколько поворотов, они не будут идти долго — на случай, если отец решит позже взглянуть на них. Я завел часы и слушал их спокойное ритмичное тиканье. Потом установил стрелки. Теперь оставалось только надеть их на руку. Даже первое отверстие в кожаном ремешке было слишком свободно. Но я носил часы.

Достигнув этого предела своих мечтаний, я понял, что существует нечто большее. Конечно, носить часы — это триумф, но если бы меня видели другие... Я договорился со своим двоюродным братом Джеком Липером, что увижусь с ним утром в старых развалинах на краю деревни. Джек, старше меня на год — на ближайшем празднике ему должны были надеть шапку, — был человеком, которым я, после родителей, больше всего восхищался. Унести часы из дому, конечно, вопиющее непослушание, но, зайдя так далеко, я уже не мог остановиться. Поддавшись желанию, я решил не тратить времени. Я открыл дверь, сунул руку с часами поглубже в карман брюк и побежал по улице.

Деревня наша лежит у перекрестка. Дорога, на которую выходит наш дом, идет вдоль реки (река, конечно, приводила в движение мельницу), а потом вторая дорога пересекает ее у брода. Рядом с бродом висел небольшой деревянный мост для пешеходов, и я направился к нему, отметив заодно, что река выше обычного от весенних дождей. Перейдя мост, я увидел мою тетю Люси. Она поздоровалась, я ответил, но вначале умудрился перейти на другую сторону дороги. Тут

стояла лавка булочника, с подносами, полными свежих булочек. Вполне естественно, что я направился туда — в кармане у меня было несколько пенни. Но я не остановился у лавочки и побежал дальше, пока не добрался до окраины.

Развалины лежали в ста ярдах дальше. С одной стороны дороги зеленел луг Спиллера, на нем паслись коровы, с другой стороны — колючая изгородь, а за ней — картофельное поле. Я пролез в дыру изгороди, думая о том, что покажу Джеку, и был удивлен, когда меня окликнули. Я узнал голос Генри Паркера.

Генри, как и Джек, был моим двоюродным братом — меня зовут Уилл Паркер, — но, в отличие от Джека, не был моим другом. У меня несколько двоюродных братьев в деревне: у нас редко женятся на чужих. Он был на месяц моложе меня, но выше и тяжелее, и сколько я себя помнил, мы с ним ненавидели друг друга. Когда доходило до драки — а мы дрались частенько, — он превосходил меня физически, и мне приходилось полагаться на быстроту и увертливость, если я не хотел, чтобы он снова и снова побеждал меня. Джек научил меня нескольким приемам, и в прошлом году я не раз побеждал Генри, а в последней драке так бросил его, что он долго не мог встать. Но в драке нужно пользоваться обеими руками. Я сунул левую руку глубже в карман и, не отвечая ему, побежал к развалинам.

Он оказался ближе ко мне, чем я думал, и побежал следом, выкрикивая угрозы. Я обернулся, чтобы посмотреть, далеко ли он, и тут же поскользнулся в грязи. В деревне дорога вымощена булыжниками, но здесь она размыта дождями. Я отчаянно пытался удержать равновесие, но руку из кармана не вынимал и в результате проехался по грязи и упал. Прежде чем я сумел встать, Генри склонился надо мной, вжимая мою голову в грязь.

Обычно такая победа вполне удовлетворяла его, но тут он нашел кое-что поинтересней. Падая, я инстинктивно оперся на обе руки, и он увидел часы. Он мгновенно сорвал их и стал рассматривать. Я поднялся и попытался выхватить, но он поднял их над головой, и я не мог дотянуться.

— Отдай, — сказал я отдуваясь.

— Они не твои, — ответил он. — Они твоего отца.

Я очень боялся, что часы повреждены при падении, но все же сделал ему подножку. Он легко уклонился, отступил и сказал:

— Держись подальше, — он замахнулся, как бы собираясь бросить камень, — иначе я покажу, как далеко бросаю.

— Тогда тебя выпорют, — заметил я.

На его мясистом лице появилась угрюмая улыбка.

— Тебя тоже. А у твоего отца рука потяжелее, чем у моего. Вот что я тебе скажу: я займу их у тебя на время. Может, после полудня верну. А может, завтра.

— Кто-нибудь увидит тебя с ними.

Он опять улыбнулся:

— Я могу рискнуть.

Я решил, что он не сможет их бросить, и прыгнул. Мне почти удалось сбить его с ног, но он удержался. Мы боролись, потом оба упали и покатились в канаву у дороги. В ней стояла вода, но мы продолжали драться, даже после того, как сверху нас окликнули. Джек — это он окликнул нас — спустился и растащил нас силой. Ему это было нетрудно. Ростом он был с Генри и ужасно силен. Он вытащил нас на дорогу, выяснил, что случилось, отобрал у Генри часы и отправил его толчком в спину подальше.

Я со страхом спросил:

— Они в порядке?

— Кажется. — Он осмотрел часы и протянул мне. — Глупо было приносить их сюда.

— Я хотел показать тебе.

— Не стоит, — коротко ответил он. — Во всяком случае лучше положить их назад. Я тебе помогу.

Сколько я себя помню, Джек всегда был рядом и помогал. Странно, подумал я, когда мы возвращались в деревню, что через неделю это кончится. Я уже буду один. Наденут шапку, и Джек станет взрослым.

Джек стоял на страже, пока я клал часы на место и возвращал ключ туда, откуда взял его. Я переоделся, и мы снова пошли к развалинам. Никто не знал, что за здание здесь было, и я думаю, что нас больше всего привлекала надпись на проржавевшем металлическом листе: ОПАСНО — 6600 вольт.

Мы не знали, что такое вольт, но упоминание об опасности, пусть давно ушедшей, действовало возбуждающе. Была еще надпись, но из-за ржавчины виднелась только часть ее ... ЛЕКТ...ЕСТВО. Мы гадали все, не в городе ли сделали эту надпись.

В глубине развалин находилось наше убежище, построенное Джеком. Пробираться к нему нужно сквозь обвалившуюся арку. Внутри было сухо и можно было разводить костер. Джек разжег огонь перед тем, как выйти ко мне, и поставил жариться кролика. Конечно, дома было полно пищи — субботний обед у нас всегда изобильный, — но это не мешало мне с жадностью предвкушать удовольствие от жа-

реного кролика с печеной на угольях картошкой. Впрочем, я потом отдавал должное и пирогу, который испекла мать. Хоть рост у меня небольшой, но аппетит хороший.

Мы в дружелюбном молчании следили, как жарится кролик, и вдыхали его запах. Нам было хорошо молчать, хотя обычно я говорлив. Слишком говорлив, может быть, — я знал, что большинство моих неприятностей с Генри происходило из-за несдержанности моего языка.

Джек был не очень разговорчив, но, к моему удивлению, спустя какое-то время он нарушил молчание. Сначала разговор шел непоследовательно, о событиях в деревне, но я чувствовал, что занимает его что-то более важное. Потом он остановился, молча несколько минут смотрел на кролика и сказал:

— После дня надевания шапок это место будет твоим.

Я не знал, что сказать. Думаю, если бы я поразмыслил об этом заранее, то догадался, что он передаст убежище мне... Но я об этом не думал. Обычно о событиях, связанных с надеванием шапок, многие не думают, и уж тем более не говорят. Особенно это было удивительно со стороны Джека, но то, что он сказал дальше, было еще удивительней.

— Я почти надеюсь, что со мной не получится, — сказал он. — Не уверен, что не предпочел бы стать вагрантом.

Теперь я должен рассказать о вагрантах. В каждой деревне их бывало несколько — в нашей, насколько мне известно, в то время четверо, — но число их постоянно менялось, когда они уходили или переселялись в другие места. Изредка они немного работали, но, независимо от этого, деревня кормила их. Жили они в доме вагрантов — в нашей деревне этот дом стоял на самом перекрестке и был больше остальных, за исключением нескольких, в том числе и дома моего отца. В нем легко могла разместиться дюжина вагрантов, и случалось, что там столько и жило. Их снабжали едой — не роскошной, но питательной. За домом присматривала служанка. Когда дом бывал полон, туда присылали и других слуг.

Было известно, хотя это и не обсуждалось, что вагранты — это люди, которые при надевании шапок потерпели неудачу. Шапки у них были, как у всех нормальных людей, но они действовали неправильно. Когда это случалось, то обнаруживалось в первые же два дня после надевания шапок. Человек, которому надели шапку, начинал проявлять беспокойство, оно все увеличивалось, пока не переходило в лихорадку мозга. Это, естественно, вызывало сильную боль. К счастью, скоро наступал кризис. Для большинства надева-

ние шапок проходило вполне благополучно. Я думаю, что лишь один из двадцати становился вагрантом.

Выздоровев, вагрант отправлялся бродить — он или она, потому что так бывало и с девушками, хотя много реже. Не знаю, происходило ли это потому, что вагранты ощущали себя чужими в общине, или болезнь вызывала у них постоянное беспокойство. Но они уходили и бродили по округе, проводя по нескольку дней в деревне, но всегда уходили дальше. Их мозг, разумеется, был поражен. Никто из них не мог связно говорить, у многих бывали видения, и они совершали странные поступки.

Их воспринимали как должное, заботились о них, но, подобно надеванию шапок, о них не говорили. Дети обычно относились к ним с подозрением и избегали их. Вагранты, со своей стороны, почти всегда были погружены в меланхолию и мало разговаривали друг с другом. Для меня было большим потрясением услышать, что Джек хотел бы стать вагрантом, и я не знал, как ответить ему. Но он, казалось, и не ждал ответа.

Он сказал:

— Часы... а ты задумывался, как было в те дни, когда их сделали?

Я думал об этом время от времени, но и эта тема не была обычной, и Джек никогда раньше не говорил об этом. Я спросил:

— До треножников?

— Да.

— Ну, мы знаем, — это был Черный Век. Людей было слишком много, а еды мало, так что люди умирали с голоду и воевали друг с другом, и было множество разных болезней и...

— И делались такие вещи, как часы, — делались людьми, а не треножниками.

— Этого мы не знаем.

— Ты помнишь, четыре года назад я ездил к тете Матильде?

Я помнил. Это была его тетя, не моя, хотя мы и двоюродные братья. Она вышла замуж за чужака. Джек сказал:

— Она живет в Вишопстоке, по другую сторону Винчестера. Однажды я пошел там гулять к морю. И увидел руины города, который был больше Винчестера раз в двадцать.

Я, конечно, знал о гигантских разрушенных городах древности. Но об этом тоже говорили мало и всегда неодобрительно, с ноткой страха. Никто не осмеливался к ним под-

ходить. Страшно было даже смотреть на них, как сделал Джек.

Я сказал:

— В этих городах царили убийства и болезни.

— Так нам говорили. Но я увидел кое-что еще. Корпус корабля, насквозь проржавевший. Он был больше деревни. Гораздо больше.

Я молчал. Я пытался представить себе, мысленно увидеть то, о чем он говорит. Но мозг мой отказывался сделать это.

— Он был построен людьми, — добавил Джек. — Еще до прихода треножников.

Снова у меня не нашлось слов. В конце концов я неубедительно сказал:

— Сейчас люди счастливы.

Джек повернул кролика. Немного погодя он ответил:

— Да. Наверное, ты прав.

Погода оставалась прекрасной до дня надевания шапок. С утра до ночи люди работали на полях, косили траву. Весной прошли обильные дожди, трава выросла высокая и роскошная, обещая сытную зиму. Сам день, конечно, был праздником. После завтрака мы пошли в церковь, и священник прочел проповедь о правах и обязанностях взрослых мужчин, в число которых вступал Джек. Не женщин, потому что в этом году ни одной девушке у нас не надевали шапку. Джек стоял одиноко, одетый в белый костюм, как и предписывалось. Я смотрел на него, пытаясь угадать, что он чувствует, но каковы бы ни были его эмоции, он их никак не показывал.

Не показывал и тогда, когда кончилась служба, и мы стояли на улице у церкви, ожидая треножник. Слышался колокольный звон, но, помимо этого, все было тихо. Никто не разговаривал, не шептался, не смеялся. Мы знали, какое это испытание, когда надевают шапку. Даже вагранты подошли и стояли в том же молчании. Для нас, детей, время тянулось бесконечно. А как для Джека, одиноко стоявшего посреди улицы? Я впервые ощутил дрожь страха, подумав, что в следующий день на месте Джека буду стоять я. Конечно, я буду не один: вместе со мной пойдет Генри. Но утешения в этом мало.

Наконец мы услышали сквозь звон колоколов глубокий низкий звук. Все затаили дыхание. Звук доносился сверху. И вот мы увидели над крышами домов на юге: огромное полушарие из блестящего металла покачивалось в воздухе на трех коленчатых ногах, в несколько раз выше церкви. Когда оно остановилось, расставив ноги по обе стороны реки, тень

его упала на нас. Мы ждали. Я трясся, не в состоянии унять дрожь, охватившую все тело.

Сэр Джеффри, лорд нашего поместья, сделал шаг вперед и сдержанно поклонился в сторону треножника. Он был стар, и кланяться ему было нелегко. Тут опустилось одно из гигантских сверкающих щупалец, мягко и точно конец его ухватил Джека за талию и поднял вверх, вверх, к открывшемуся в полушарии отверстию. Отверстие поглотило Джека.

После полудня были игры, люди навещали друг друга, смеялись, разговаривали, юноши и девушки ушли в поле. Вечером состоялся пир; так как погода стояла хорошая, столы расставили на улице; запах жареного мяса смешивался с запахом пива, сидра, лимонада, а также различных пирогов, печений и пудингов. Из дома вынесли лампы; в темноте они, как желтые цветы, расцвели по всей улице. Но до начала пира нам должны были вернуть Джека.

Послышался отдаленный гул — все ждали в тишине, — потом топот гигантских ног, сотрясавших землю. Треножник остановился, как и раньше, в полусфере открылось отверстие, опустилось щупальце и осторожно поставило Джека на прежнее место, по правую руку от сэра Джеффри. Я стоял вместе с детьми далеко, но ясно видел Джека. Он был бледен, но больше никаких изменений в его лице я не заметил. На белой выбритой голове более темный металл шапки напоминал сеть паука. Волосы у него скоро отрастут; у Джека густые черные волосы, и через несколько месяцев шапка будет почти не видна. Но она все равно останется и будет с ним до самой смерти.

Это был радостный момент. Джек стал мужчиной, завтра он получит мужскую работу и мужскую плату за нее. Отрезали большой кусок мяса и поднесли ему вместе с кубком эля, и сэр Джеффри произнес тост за его здоровье и счастливое будущее. Я забыл свои прежние страхи, завидовал Джеку и думал о том дне следующего года, когда тоже стану мужчиной.

На следующий день я не видел Джека, но еще через день встретил его, когда, закончив работу по дому, направлялся к убежищу. Он вместе с четырьмя-пятью мужчинами возвращался с поля. Я окликнул его, он улыбнулся и после минутного колебания подошел ко мне. Мы стояли рядом всего лишь в нескольких ярдах от того места, где неделю назад он разнял меня и Генри. Но все сейчас было другим.

Я спросил:

— Как дела? Как ты?

Это не был просто вежливый вопрос. Если надевание шапки не удалось, к этому времени он уже начал бы ощущать боль и беспокойство, а вскоре он превратился бы в вагранта. Он ответил:

— Все в порядке, Уилл.

Я не решался, потом выпалил:

— На что это похоже?

Он покачал головой.

— Ты знаешь: он этом говорить не разрешается. Но могу тебе сказать, что совсем не больно.

— Но почему?

— Что "почему"?

— Почему треножники берут людей и надевают на них шапки? Какое право они имеют?

— Они делают это для нашей пользы.

— Но я не понимаю, почему это происходит. Я предпочел бы остаться прежним.

Он улыбнулся:

— Сейчас ты не понимаешь, но поймешь, когда это происходит. Это... — Он покачал головой. — Не могу описать.

— Джек, — сказал я, — я все думаю... — Он ждал продолжения без всякого интереса. — О том, что ты говорил... о тех удивительных вещах, которые делали люди до треножников.

— Ерунда, — сказал он, повернулся и пошел по улице.

Я некоторое время смотрел ему вслед, а потом, чувствуя себя страшно одиноким, побрел в убежище.

Глава вторая

"Меня зовут Озимандиас"

Только после того, как на него надели шапку, я понял, что значила для меня дружба с Джеком. Эта дружба отделила меня от других мальчиков примерно моего возраста. Вероятно, это можно было преодолеть — Джо Бейт, сын плотника, например, явно хотел со мной подружиться, — но в этом настроении я предпочитал оставаться один. Я привык ходить в убежище и часами сидеть там, думая обо всем. Однажды пришел Генри и начал насмехаться надо мной, и мы подрались. Мой гнев был так велик, что я решительно побил его, и с тех пор он держался от меня подальше.

Время от времени я встречал Джека, и мы обменивались ничего не значащими словами. Он держался со мной дру-

жески и в то же время отчужденно: намек на прежние отношения сохранился, как будто он перешел на другую сторону оврага, а когда и я перейду туда, все снова будет хорошо. Это меня не утешало: тот Джек, с которым я дружил, ушел навсегда. А как же будет со мной? Эта мысль пугала меня, я старался избавиться от нее, но она постоянно возвращалась.

И вот в сомнениях, страхе и размышлении я обнаружил, что интересуюсь вагрантами... Я вспомнил слова Джека и подумал, на кого он стал бы похож, если бы надевание шапки не удалось. Вероятно, сейчас он бы ушел уже из деревни. Я смотрел на вагрантов, живших в нашей деревне, и думал о том, что когда-то они были счастливы и здоровы и строили планы на будущее. Я единственный сын у отца и должен унаследовать мельницу. Но если надевание шапки не удастся...

У нас тогда было трое вагрантов, двое появились недавно, а третий жил уже несколько недель. Это человек в возрасте моего отца, но борода у него нечесанная, волосы редкие и грязные, и через них просвечивала шапка. Он проводил время, собирая на полях камни и строя из них пирамиду поблизости от дома вагрантов. За день он находил примерно двадцать камней, каждый размером в полкирпича. Невозможно было понять, почему он брал именно этот камень, а не другой, и с какой целью строил свою пирамиду. Он говорил мало и использовал слова, как ребенок.

Остальные два были намного моложе; одному, вероятно, только год назад надели шапку. Он говорил много и почти связно, но не совсем. Третий, старше его на несколько лет, говорил понятно, но очень редко. Он был погружен в глубокую печаль и по целым дням лежал на дороге возле дома вагрантов, глядя в небо.

Вскоре молодой вагрант ушел, и в тот же день ушел и строитель пирамиды. Третий вагрант остался. Осталась недостроенная и бессмысленная груда камней. Я смотрел на нее в тот вечер и гадал, что буду делать через двадцать пять лет. Молоть зерно на мельнице? Может быть. А может, бродить по стране, живя милостыней и совершая бессмысленные поступки. Почему-то эта перспектива не казалась мне такой уж мрачной. Мне начало казаться, что я понимаю, о чем говорил Джек в то утро в нашем убежище.

Новый вагрант появился на следующий же день. Идя в убежище, я видел, как он приближается по дороге с запада. Я решил, что ему около тридцати лет, это был плотного сложения человек с рыжими волосами и бородой. Он опирался

на ясеневую палку, за спиной у него болтался обычный мешок, и он пел что-то. Увидев меня, он перестал петь.

— Мальчик, — сказал он, — как называется это место?

— Вертон, — ответил я.

— Вертон, — повторил он. — Прекраснейшая деревня на равнине. Здесь нет ни боли, ни страдания. Ты меня знаешь, мальчик?

Я покачал головой:

— Нет.

— Я король этой земли. Моя жена была королевой страны дождей, но я оставил ее плакать. Меня зовут Озимандиас. Взгляни на мою мощь и отчаяние.

Он говорил ерунду, но по крайней мере говорил, и слова его можно было понять. Они походили на стихи, и я вспомнил, что в одном стихотворении мне встречалось имя Озимандиас. Оно было в одной из дюжины книг, стоявших у нас дома на полке.

Он двинулся к деревне, а я — за ним. Он сказал, оглянувшись:

— Ты идешь за мной, мальчик? Хочешь стать моим пажом? Увы, увы! У лисы есть нора, у птицы гнездо в листве большого дуба, но сыну человеческому негде преклонить голову. Какие у тебя дела?

— Ничего важного.

— Ничего, конечно, не важно, но как человек может найти ничего? Где искать его? Говорю тебе, если бы я сумел найти ничего, то был бы не королем, а императором. Кто живет в доме в этот день и час?

Я понял, что он говорит о доме вагрантов.

— Только один, — сказал я. — Не знаю его имени.

— Его имя будет Звезда. А твое?

— Уилл Паркер.

— Уилл — хорошее имя. Чем торгует твой отец? Ты слишком хорошо одет, Уилл, чтобы быть сыном простого работника.

— Он держит мельницу.

— И ноша его тяжела: я ни о ком не забочусь, но и обо мне никто не заботится... у тебя много друзей, Уилл?

— Нет, немного.

— Хороший ответ. Тот, кто заявляет, что у него много друзей, говорит, что у него их нет.

Повинуясь внезапному порыву, удивившему меня самого, я сказал:

— В сущности, у меня нет ни одного. Был один, но месяц назад ему надели шапку.

Он остановился, я тоже. Мы находились у окраины деревни, напротив дома вдовы Инголд. Вагрант пристально посмотрел на меня:

— Нет важного дела и нет друга. И разговаривает с вагрантами. Сколько же тебе лет, Уилл?

— Тринадцать.

— Ты мал ростом. Значит, на будущий год тебе наденут шапку?

— Да.

Я видел, что вдова Инголд смотрит на нас из-за занавески. Вагрант бросил взгляд в ее окно и вдруг начал нелепо приплясывать посреди улицы. Хриплым голосом он запел:

Под зеленым деревом
Летом хорошо лежать,
Под приятным ветерком
Вместе с птичкой распевать.

И всю остальную часть пути до дома вагрантов он нес чепуху, и я был рад расстаться с ним.

Мой интерес к вагрантам был замечен, и вечером отец отругал меня за это. Иногда он бывал строг, но вообще-то отличался добротой; просто он видел мир только в черном и белом, и ему трудно было проявить терпение, если он считал, что имеет дело с глупостью. Он не видел смысла в том, что мальчишка бродит вокруг дома вагрантов; конечно, о них нужно заботиться, давать им пищу и убежище, но и все. Меня сегодня видели с вновь прибывшим, который кажется еще глупее остальных. Это плохо, и злые языки уже начали работать. Он надеялся, что больше ни о чем подобном не услышит. Я ни под каким предлогом не должен ходить в дом вагрантов. Понятно?

Я сказал, что понял. Я понял также: в этом было нечто большее, чем просто недовольство из-за разговоров. Отец слушал новости о других деревнях и городе, но к сплетням и пересудам относился с презрением.

Я подумал, не скрывается ли за его отношением нечто иное, худшее. У него был старший брат, ставший вагрантом; об этом у нас никогда не говорили, но Джек уже давно рассказал мне. Говорили, что такая слабость передается по наследству, и, может, отец считал мой интерес к вагрантам плохим предзнаменованием перед надеванием шапки в следующем году. Это было нелогично, но ведь человек, нетерпимый к глупости, может иметь свои слабости.

Вспомнив, как странно вел себя новый вагрант в присутствии других, я решил выполнить приказ отца и несколько дней держался в стороне от их дома. Дважды я видел чело-

века, назвавшегося Озимандиасом, он разговаривал сам с собой на улице и кривлялся, и я прятался от него. Но на третий день я пошел в школу не задами, вдоль берега реки, а по улице, мимо церкви и мимо дома вагрантов. Там никого не было, но когда в середине дня я возвращался, то увидел идущего навстречу Озимандиаса. Я ускорил шаг, и мы сошлись на перекрестке.

Он сказал:

— Здравствуй, Уилл! Я не видел тебя много дней. Что у вас случилось, мальчик? Чума? Или простуда?

Он заинтересовал, даже зачаровал меня, и я понимал, что пришел сюда не случайно, а в надежде увидеться с ним. Я сознавал это, но в то же время понимал: мне следует держаться от него подальше. Поблизости никого не было, но другие дети, возвращающиеся из школы, могли увидеть нас, да и на другой стороне улицы стояли знавшие меня люди.

— Я был занят эти дни, — сказал я и приготовился уходить.

Он взял меня за руку.

— Что случилось, Уилл? Тот, у кого нет друзей, может ходить куда угодно и уделить несколько минут для разговора.

— Я должен идти, — сказал я. — Меня ждет обед.

Я отвернулся. После недолгой паузы он убрал руку.

— Тогда иди, Уилл. Хоть не одним хлебом жив человек, но хлеб ему тоже нужен.

Тон у него был веселый, но в нем слышалось еще что-то. Разочарование? Я пошел, но, пройдя несколько шагов, оглянулся. Он смотрел мне вслед.

Я сказал, негромко и запинаясь:

— Вы выходите в поля?

— Когда светит солнце.

— Дальше по дороге, где мы впервые встретились, есть старые развалины, справа; там у меня убежище, вдали, около кустов. Вход через обвалившуюся арку. Там увидите красный камень, похожий на стул.

Он мягко сказал.

— Я слышу, Уилл. Ты проводишь там много времени?

— Обычно иду туда после школы.

Он кивнул:

— Так и делай.

Внезапно взгляд его устремился к небу, он поднял руки над головой и закричал:

— И в тот год пришел пророк Джим, а с ним войско ангелов на белых лошадях; они подняли облачную пыль, а ис-

кры от их копыт подожгли хлеб в полях и зло в человеческих сердцах. Так говорит Озимандиас... Селах! Селах! Селах!

Показались другие дети. Я оставил его и заторопился домой. Я слышал его крик, пока не миновал церковь.

Я шел мимо школы к убежищу со смешанными чувствами ожидания и тревоги. Отец сказал, что надеется больше не услышать о том, что я общаюсь с вагрантами, и прямо запретил мне ходить в их дом. Я исполнил вторую часть его требований и предпринял меры, чтобы выполнить первую. Но у меня не было сомнений, что мое теперешнее поведение он воспримет как открытое неповиновение. И ради чего? Ради разговора с человеком, чьи слова представляли собой странную смесь смысла и бессмыслицы, причем бессмыслица явно преобладада. Не стоило.

И все же, вспоминая проницательные голубые глаза под спутанной массой рыжих волос, я не мог не почувствовать: за этим скрывается нечто такое, что заставляет меня рисковать. По пути к развалинам я внимательно осматривался и позвал только, когда приблизился к убежищу. Но там никого не было. И еще долго никто не появлялся. Я уже начал думать, что он не придет, мозг его слаб, он не понял мои слова или забыл о них, когда услышал стук посоха. Выглянув, я увидел Озимандиаса. Он был менее чем в десяти ярдах от входа. Он не пел и не говорил, а двигался молча, почти украдкой.

Меня охватил новый страх. Рассказывали, что когда-то давно один вагрант убил детей во множестве деревень, прежде чем его поймали и повесили. Правда ли это? Может, и этот такой же? Я пригласил его, не сказав никому ни слова, а крик о помощи отсюда до деревни не долетит. Я замер у стены убежища, собираясь пробежать мимо него и оказаться в сравнительной безопасности снаружи.

Но первый же взгляд на него успокоил меня. У него было доброе лицо. Безумец или нет, но этому человеку можно было верить. Он сказал:

— Вот я и нашел тебя, Уилл. — Одобрительно осмотрелся. — хорошее местечко.

— Его устроил мой брат Джек. У него руки лучше моих.

— Тот, кому этим летом надели шапку?

— Да.

— Ты видел это? — Я кивнул. — Как он с тех пор?

— Хорошо, но он стал совсем другим.

— Стал мужчиной.

— Не только.

— Расскажи мне.

Я колебался, но его голос и лицо внушали доверие. Я понял также, что он говорит естественно и разумно, без странных слов и архаических фраз, которые он употреблял раньше. Я начал рассказывать, сначала несвязно, потом все более легко, о том, что говорил Джек, и о моих последующих размышлениях. Он слушал, иногда кивал, но не прерывал.

Когда я кончил, он сказал:

— Скажи мне, Уилл, что ты думаешь о треножниках?

Я задумчиво ответил:

— Не знаю. Я привык к ним... и боюсь, а теперь... У меня много вопросов.

— Ты задавал их старшим?

— Что это дало бы? Никто не говорит о треножниках. Об этом узнаешь еще ребенком.

— Хочешь, я отвечу тебе? Такие, как я, могут ответить.

Я теперь был уверен в одном и выпалил:

— Вы не вагрант.

Он улыбнулся.

— Смотря как ты понимаешь это слово. Как видишь, я хожу с места на место. И веду себя странно.

— Чтобы обмануть людей, а не потому, что вы иначе не можете. Ваш мозг не изменен.

— Да. Так, как мозг вагрантов или же твоего брата Джека.

— Но ведь на вас надели шапку!

Он коснулся металлической сетки в путанице рыжих волос.

— Согласен. Но не треножники. Люди — свободные люди.

Изумленный, я пробормотал:

— Не понимаю...

— Ты и не можешь понимать. Но слушай, и я расскажу тебе. Сначала треножники. Ты знаешь, кто они? — Я покачал головой, и он продолжал. — И мы не знаем точно. Есть две версии. По одной — это машины, сделанные людьми, но восставшие и покорившие людей.

— В старые дни? Во дни гигантских кораблей и больших городов?

— Да. Мне трудно поверить в это, потому что я не понимаю, как люди могли дать машине разум. Другая версия — они пришли не из нашего мира, а из другого.

— Другой мир?

Я снова оказался в тупике. Он сказал:

— Вам ничего не говорят в школе о звездах? Вторая версия кажется мне правдоподобней. Ты не знаешь, что эти звезды в ночи — сотни и тысячи звезд — это солнца, подо-

бные нашему; вокруг многих из них, как и вокруг нашего Солнца, вращаются планеты.

Я был смущен, голова моя закружилась от этой мысли.

— Это правда? — спросил я.

— Правда. И, может быть, треножники пришли с одной из таких планет. Может быть, треножники — это только машины, в которых находятся живые существа. Но мы не видели того, что внутри треножника, и поэтому не знаем.

— А шапки?

— Это средство, при помощи которого держат в послушании людей.

Вначале мысль эта казалась невероятной. Позже казалось невероятным, как я не видел всего этого раньше. Но всю мою жизнь надевание шапок воспринималось как нечто само собой разумеющееся. Все взрослые носили шапки и были удовлетворены этим. Это был признак взрослости, а сама церемония проходила торжественно и связывалась с праздником и пиром. Хотя некоторые испытывали боль и становились вагрантами, но все дети с нетерпением ждали этого дня. Только позже, когда до церемонии оставались лишь месяцы, возникали сомнения; но эти сомнения рассасывались от уверенности взрослых. У Джека тоже были сомнения, но после того как ему надели шапку, они исчезли.

Я сказал:

— Шапки заставляют людей думать так, как нужно треножникам?

— Они контролируют мозг. Но мы не знаем как и до каких пределов. Ты знаешь, что металл соединяется с телом и его невозможно удалить. Похоже, когда надевают шапку, дают какой-то общий приказ. Позже могут отдаваться особые приказы необходимым людям.

— А как же вагранты?

— И об этом мы можем только догадываться. Может, мозг у некоторых слишком слаб, не выдерживает напряжения. А может, наоборот — слишком силен и борется против порабощения, пока не выходит из строя.

Я подумал об этом и задрожал. Голос внутри головы, от которого нельзя убежать и от которого не спрячешься. Гнев вспыхнул во мне, не только из-за вагрантов, но и из-за всех остальных — моих родителей и Джека...

— Вы говорили о свободных людях, — сказал я. — Значит, треножники правят не всей Землей?

— Почти всей. Нет земель, где бы их не было, если ты это имеешь в виду. Когда они пришли впервые — или когда они восстали, — происходили ужасные вещи. Города унич-

тожались, как муравейники, миллионы и миллионы людей были убиты или умерли от голода.

Миллионы... Я пытался представить себе это, но не мог. В нашей деревне, которая считалась немаленькой, было около четырехсот человек. В городе Винчестере и вокруг него жило около тридцати тысяч. Я покачал головой.

Он продолжал:

— Тем, кто остался, треножники надели шапки, и теперь они уже слушали и служили треножникам и помогали убивать или пленять других людей. И в течение одного поколения мир стал таким, как сейчас. Но по крайней мере в одном месте несколько человек спаслись. Далеко на юге, за морем, есть высокие горы, на них круглый год лежит снег. Треножники держатся низин: может быть, там им двигаться легче, а может быть, им не подходит разреженный воздух. А в горах есть места, где свободные люди могут обороняться от людей в шапках, живущих в окружающих долинах. Мы даже отбираем у них пищу.

— "Мы"? Значит, вы пришли оттуда? — Он кивнул. — Но ведь на вас шапка.

— Взята у мертвеца. Я побрил голову, и ее подогнали под форму моего черепа. Когда волосы отросли, ее трудно стало отличить от настоящей. Но она не отдает приказов.

— И вы можете бродить, как вагрант, и никто не подозревает вас. Но зачем? С какой целью?

— Частично, чтобы узнавать новости и рассказывать, что увидел. Но есть более важная вещь. Я пришел за тобой.

— За мной? — удивился я.

— За тобой и такими, как ты. Кто еще без шапки, но уже достаточно вырос, чтобы задавать вопросы и понимать ответы. И совершить длинное, а может, и опасное путешествие.

— На юг?

— На юг. К Белым горам. К трудовой жизни, которая ждет в конце пути. К свободе. Ну?

— Вы возьмете меня туда?

— Нет. Я не готов еще. К тому же это и более опасно. Мальчик, путешествующий в одиночку, — обычный беглец, но если он идет с вагрантом... Тебе придется идти одному. Если ты решишься.

— Море, — сказал я, — как я его пересеку?

Он посмотрел на меня и улыбнулся.

— Это самая легкая часть. И в остальном я тебе помогу. — Он достал что-то из кармана и показал мне. — Ты знаешь, что это?

Я кивнул.

— Видел однажды. Это компас. Стрелка всегда показывает на север.

— А это?

Рубашка у него была порвана. Он сунул руку в дыру, нащупал что-то и достал. Это оказался длинный пергаментный цилиндр. Он развернул его и положил на камень, прижав у него концы, чтобы они не сворачивались. Я увидел рисунок, который не имел для меня смысла.

— Это называется карта, — пояснил он. — И людям в шапке она не нужна, потому ты ее и не видел раньше. Она расскажет тебе, как добраться до Белых гор. Смотри. Вот это означает море. А вот здесь, внизу, горы.

Он все показал мне на карте, объяснил, какие приметы на местности я должен буду найти, показал, как пользоваться компасом. Что касается последней части пути, за большим озером, он дал мне подробные указания, которые я должен был запомнить. Это на случай, если карту обнаружат. Он сказал:

— Но береги ее. Сможешь проделать дыру в подкладке, как у меня?

— Да. Я сохраню ее.

— Значит, остается пересечь море. Пойдешь к этому городу. Рамни. — Он указал на карте. — В гавани стоят рыбачьи лодки. Та, что называется "Орион", принадлежит одному из нас. Высокий человек, очень смуглый, с длинным носом и тонкими губами. Зовут его Куртис, капитан Куртис. Иди к нему. И он переправит тебя через море. Там начнется трудная часть. Там говорят на другом языке. Тебе придется прятаться и не разговаривать. Пищу будешь красть.

— Все это я смогу. А вы говорите на их языке?

— На нем и на других. Потому мне и дали такое поручение. — Он улыбнулся. — Я могу быть сумасшедшим на четырех языках.

Я сказал:

— Я приду к вам.

— Я найду тебя. Но теперь ты можешь мне помочь. Есть ли здесь поблизости такие, с кем можно поговорить?

Я покачал головой:

— Нет. Ни одного.

Он встал, потянулся и потер колено.

— Тогда завтра я ухожу. Уходи не раньше, чем через неделю, чтобы никто не заподозрил связи между нами.

— Прежде чем вы уйдете...

— Да?

— Почему они не уничтожили людей совершенно, а надели им шапки?

Он пожал плечами.

— Мы не умеем читать их мысли. Есть много возможных ответов. Часть пищи, которую вы здесь выращиваете, идет на корм людям, работающим в подземных шахтах. Там добывают металл для треножников. А в некоторых местах существует охота.

— Охота?

— Треножники охотятся на людей, как люди — на лисиц. — Я вздрогнул. — Они забирают мужчин и женщин в свои города, но мы не знаем, зачем.

— Значит, у них есть города?

— Не по эту сторону моря. Я сам их не видел. Но знаю тех, кто видел, говорят, металлические башни и шпили за большой кольцевой стеной. Отвратительные, слепящие города.

— Вы знаете, как долго это продолжается?

— Правление треножников? Более ста лет. Но для людей в шапках это все равно, что десять тысяч. — Он пожал мне руку. — Желаю удачи, Уилл.

— Спасибо, — сказал я. У него было крепкое рукопожатие.

— Надеюсь, мы снова встретимся в Белых горах.

На следующий день. как и сказал, он ушел. Я начал подготовку. В одной из стен убежища можно было вынуть камень, за ним оставалось свободное место. Только Джек знал о нем, но Джек сюда не придет. Я складывал здесь запасы: еду, смену одежды и пару башмаков. Еды я брал понемногу, выбирая то, что лучше сохраняется: соленое и копченое мясо, сыр и тому подобное. Я думаю, мать замечала исчезновение этого и удивлялась.

Мне было печально от мысли, что придется покинуть ее и отца. Я думал, как они будут несчастны, когда узнают, что я убежал. Шапки не излечивали от людских горестей. Но я не мог оставаться, как не может овца идти к дому мясника, если знает, что ее там ждет. Я знал, что скорее умру, чем позволю надеть на себя шапку.

Глава третья

Дорога к морю

Два обстоятельства заставили меня ждать дольше недели. Во-первых, было новолуние, ночью ничего не видно, я же

предполагал передвигаться по ночам. Пришлось ждать полмесяца. Во-вторых, случилось то, чего я не ожидал: умерла мать Генри.

Она и моя мать были сестрами. Она долго болела, но смерть ее была внезапна. Мать присматривала за ее домом и сразу же перевела Генри к нам, поставила кровать в мою комнату. Со всех точек зрения, мне это не нравилось, но я, конечно, не мог возражать. Мои соболезнования были холодно высказаны и холодно приняты, после этого мы старались держаться как можно дальше друг от друга. Насколько это возможно для двух мальчиков, живущих в одной не очень большой комнате.

Я решил, что это помеха, но не очень значительная. Ночи были еще теплые, а я думал, Генри вернется домой после похорон. Но когда на утро после похорон я сказал об этом матери, то оказалось, что я ошибался.

Она сказала:

— Генри останется с нами.

— Надолго?

— Сколько будет нужно. Во всяком случае, пока на вас обоих не наденут шапки. Твой дядя Ральф слишком занят на ферме и не может присматривать за мальчиком.

Я ничего не сказал, но выражение лица у меня было, должно быть, красноречивое. И мать с непривычной строгостью сказала:

— Я не хочу, чтобы ты говорил об этом. Он потерял мать, и ты должен проявить сочувствие.

— Но я, по крайней мере, могу иметь свою комнату? У нас ведь хватает комнат?

— Я бы оставила тебе твою комнату, если бы вел себя по-другому. Меньше чем через год ты станешь мужчиной и должен научиться вести себя как мужчина, а не как глупый ребенок.

— Но...

— Я не собираюсь с тобой спорить, — гневно сказала она. — Если ты скажешь еще слово, я позову отца.

С этим она вышла из комнаты. Подумав немного, я решил, что разница не так уж велика. Спрятав одежду в гостиной, я смогу выскользнуть, когда он уснет, и одеться. Я твердо решил, как и собирался, уйти в полнолуние.

В последующие два дня лили сильные дожди, но потом прояснилось, и сильная жара высушила землю. Все шло хорошо. Перед сном я спрятал одежду, вещевой мешок и несколько буханок хлеба. После этого нужно было лишь не уснуть, а поскольку я был возбужден, это оказалось нетруд-

но. Постепенно дыхание Генри на другой стороне комнаты стало ровным и глубоким, как это бывает во сне. Я лежал и думал о путешествии: море, чужие земли за ним, Большое озеро и горы, на которых все лето лежит снег. Даже без того, что я узнал о треножниках и шапках, эта мысль была восхитительна.

Луна поднялась до уровня моего окна, и я выскользнул из постели. Осторожно открыл дверь спальни и тихонько закрыл ее за собой. В доме было очень тихо. Лестница немного заскрипела у меня под ногами, но никто не обратил на это внимания, даже если слышал. Дом был деревянный, старый, и ночные скрипы не были в нем необычны. Пройдя в гостиную, я отыскал одежду и быстро оделся. Потом вышел через дверь, ведущую к реке. Мельничное колесо было неподвижно, а вода журчала и всплескивала — черная с серебряными пятнами.

На мосту я почувствовал себя в безопасности. Через несколько минут я буду за деревней. Кошка осторожно прошла по булыжникам; другая у дверных ступенек облизывала блестящую в лунном свете шерсть. Собака залаяла, услышав меня, но недостаточно близко, чтобы поднять тревогу. Миновав дом вдовы Инголд, я побежал. Я добрался до убежища, тяжело дыша, но довольный, что меня никто не заметил. При помощи огнива и смоченной в масле тряпки я зажег свечу и принялся заполнять мешок. Я переоценил имевшееся в моем распоряжении место: одна буханка не вошла. Что ж, пока можно нести ее в руках. Я решил остановиться на рассвете и поесть; после этого для нее найдется место. В последний раз осмотрев убежище, чтобы убедиться, не забыл ли чего, я задул свечу, сунул ее в карман и вышел.

Ночь для ходьбы была прекрасная. Небо полно звезд— все солнца, подобные нашему? — а луна изливала мягкий свет. Я начал надевать мешок. И в это время из тени в нескольких футах от меня послышался голос — голос Генри:

— Я слышал, как ты выходишь, и пошел за тобой.

Я не видел его лица, но подумал, что он надо мной смеется. Может, я и ошибся — это могло быть нервное возбуждение. Но меня охватил слепой гнев, я опустил мешок и бросился на него. В предыдущих двух-трех стычках я одерживал победы и был уверен, что побью его опять.

Самоуверенность и слепой гнев — плохие помощники. Он сбил меня, я встал, и он сбил меня снова. Спустя короткое время я лежал на земле, а он сидел на мне, прижимая мои руки. Я напрягся изо всех сил, но ничего не смог сделать. Он держал меня крепко.

— Слушай, — сказал он, — я хочу тебе кое-что сказать. Я знаю, ты убегаешь. Я хочу идти с тобой.

Вместо ответа я дернулся и попытался вывернуться, но он продолжал крепко держать меня. Он сказал, тяжело дыша:

— Я хочу идти с тобой. Здесь меня ничего не держит.

Его мать, моя тетя Ада, была доброй жизнерадостной женщиной, даже в долгие месяцы болезни. Дядя Ральф, с другой стороны, угрюмый и молчаливый человек, с облегчением отдавший сына в чужой дом. Я понял, что имеет в виду Генри.

Было и другое соображение, более практичное. Даже если я побью его, что тогда? Оставить здесь с риском, что он поднимет тревогу? Я ничего не мог сделать. Даже если он пойдет со мной, я смогу улизнуть, прежде чем мы доберемся до моря и капитана Куртиса. Я не собирался брать его с собой за море. Он мне по-прежнему не нравился, и я не хотел делиться с ним тайнами, которые узнал от Озимандиаса.

Я перестал бороться и сказал:

— Пусти меня.

— Я пойду с тобой?

— Да.

Он позволил мне встать. Я почистился, и мы посмотрели друг на друга в лунном свете. Я сказал:

— Ты, конечно, не захватил с собой еды. Придется разделить мою.

От порта нас отделяло несколько дней. На это время еды хватит.

— Идем, — сказал я. — Лучше уйти подальше за ночь.

Мы быстро шли при ярком лунном свете и к рассвету оказались уже в незнакомой местности. Я решил ненадолго остановиться. Мы отдохнули, съели половину буханки с сыром, попили воды из ручья и пошли дальше. Но дальше, по мере того как рассветало, мы все больше и больше чувствовали усталость.

Примерно в полдень мы, вспотевшие, измученные, добрались до вершины небольшого холма и заглянули вниз, в блюдцеобразную долину. Земля хорошо обработана. Видна деревня, на полях фигурки людей размером с муравья. Дорога уходила в долину и через деревню. Генри схватил меня за руку:

— Смотри!

Четверо всадников приближались к деревне. У них могло быть любое дело. Но, с другой стороны, это мог быть и отряд, разыскивающий нас.

Я принял решение. Мы как раз миновали опушку леса. Я сказал:

— Останемся в лесу до вечера. Можем поспать, а ночью двинемся дальше.

— Ты думаешь, путешествовать ночью лучше? — спросил Генри. — Я знаю, так меньше вероятности, что нас увидят, но и мы не сможем видеть. Ведь можно идти по холмам, никого нет.

— Делай как хочешь. Я ложусь спать.

Он пожал плечами.

— Что ж, останемся, если ты так говоришь.

Его покорность не смягчила меня. Я понимал: сказанное им разумно. Но молча пошел в лес, а Генри за мной. В глубине кустов мы нашли место, где нас не могли увидеть, даже если бы прошли рядом, и улеглись. Я уснул почти немедленно.

Когда я проснулся, было уже темно. Генри спал рядом. Если я встану тихонько, то смогу улизнуть, не разбудив его. Мысль была соблазнительна. Но казалось нечестным оставлять его в лесу, перед наступающей ночью. Я протянул руку, чтобы разбудить его, и тут кое-что увидел: он обернул вокруг своей руки петлю моего мешка, так что я не мог взять мешок, не разбудив его. Значит, и ему пришла в голову такая мысль.

Он проснулся от моего прикосновения. И перед тем как двинуться дальше, мы съели остаток буханки и кусок копченого мяса. Деревья росли густо, и нам не было видно неба, пока мы не вышли из леса. И только тогда я понял, что темнота объяснялась не только приближением ночи: пока мы спали, небо затянуло тучами, и уже падали первые тяжелые капли.

В быстро угасающем свете мы спустились в долину и поднялись по противоположному склону. В окнах домов горел свет, и нам пришлось сделать большой крюк. Пошел сильный дождь, но вечер был теплый, и как только дождь кончился, одежда на нас высохла. С вершины мы еще раз посмотрели на огни деревни и пошли на юго-восток. Вскоре наступила тьма. Мы шли по холмам, поросшим травой. Раз мы набрели на развалившуюся хижину, явно нежилую, и Генри предложил остановиться в ней до утра, но я отказался, и мы пошли дальше.

Некоторое время мы молчали. Потом Генри сказал:

— Слушай.

Я раздраженно ответил:

— Что еще?

— Мне кажется, кто-то идет.

И я услышал сам — топот ног за нами. Должно быть нас увидели жители деревни и предупредили четверых всадников. И теперь они нагоняют нас.

Я прошептал:

— Бежим!

Не дожидаясь ответа, я побежал сквозь ночную мглу. Генри бежал рядом, и мне показалось, что я слышу и наших преследователей. Я побежал быстрее. И тут правая нога у меня подвернулась на камне. Я почувствовал сильную боль и упал.

Генри услышал, как я упал. Он подбежал и спросил:

— Где ты? Что с тобой?

Попробовав встать, я почувствовал сильнейшую боль в правой лодыжке. Генри попытался поднять меня. Я застонал.

— Ты поранился? — спросил он.

— Лодыжка... Она, наверное, сломана. Ты лучше уходи. Они сейчас будут здесь.

Он произнес странным голосом:

— Я думаю, они уже здесь.

— Что?

Я почувствовал теплое дыхание на шее, а протянув руку, коснулся чего-то мягкого.

— Овца!

Генри заметил:

— Они любопытны. Иногда это с ними бывает.

— Дурак! — сказал я. — Заставил нас бежать от стада овец, а теперь смотри, что случилось.

Он ничего не ответил, но наклонился и стал ощупывать мою лодыжку. Я прикусил губу, чтобы не закричать.

— Не думаю, чтобы она была сломана, — сказал он. — Вероятно, вывих. Но тебе придется лежать день-два.

Я сердито отрезал:

— Звучит прекрасно.

— Вернемся к хижине. Я тебе помогу.

Снова пошел дождь, на этот раз проливной. Мое желание гневно отказаться от помощи утонуло. Генри поднял меня на спину. Это было кошмарное путешествие. Он с трудом обрел равновесие: вероятно, я оказался тяжелее, чем он предполагал. Ему часто приходилось опускать меня, чтобы передохнуть. Было абсолютно темно. Каждый раз, как он опускал меня, боль пронзала мою ногу. Я уже начал думать, что он ошибся направлением и пропустил во тьме хижину — это было совсем нетрудно.

Но наконец она показалась в ночи, и дверь открылась, когда он поднял щеколду. Послышался шум — должно быть, крысы. Генри сделал еще несколько шагов и со вздохом изнеможения опустил меня. Ощупью он отыскал в углу груду соломы, и я прополз туда. Нога у меня болела, я промок и чувствовал себя несчастным. К тому же мы за прошлые сутки спали лишь несколько часов. Но все же прошло немало времени, прежде чем я уснул.

Когда я проснулся, был день. Дождь прекратился. В окошке без стекол виднелось голубое утреннее небо. В хижине оказались только скамья и тростниковый стол. На стене висел котел и несколько глиняных кружек. Был еще очаг с грудой дров и куча соломы, на которой мы лежали. Я позвал Генри, потом еще раз. Ответа не было. Я подтянулся, морщась от боли, и пополз к двери, держась за стену.

Генри не было видно. Тут я заметил, что нет и моего мешка там, где я уронил его ночью.

Я вполз обратно и сел у стены. Первые горизонтальные лучи солнца грели меня, пока я обдумывал ситуацию. Генри — и это казалось очевидным — бросил меня и забрал с собой всю пищу. Оставил беспомощного и голодного. Я не мог рассуждать логично. И меня охватил гнев. Но он по крайней мере помог мне забыть боль в ноге и ноющую пустоту в желудке.

Даже когда я успокоился и стал способен рассуждать здраво, это не улучшило моего положения. От ближайшего жилища я находился в нескольких милях. Предположим, что я сумею проползти это расстояние, хотя, казалось, это было невозможно. Или кто-нибудь — пастух, скорее всего, — пройдет на таком расстоянии, что услышит мой крик. И то, и другое означало позорное возвращение в Вертон. А также жалкий и унизительный конец путешествия. Мне стало жаль себя.

Мне было совсем худо, когда я услышал, как кто-то подходит к хижине. Чуть позже послышался голос Генри:

— Где ты, Уилл?

Я ответил, и он подошел. Я сказал:

— Я подумал, ты убежал. Ты взял мешок?

— Конечно, мне нужно было нести в нем.

— Что нести?

— Ты сможешь двигаться только через несколько дней. Я подумал, что стоит позаботиться о продуктах.

Он открыл мешок и показал мне буханку, кусок холодного жареного мяса и пирог.

— Раздобыл на ферме ниже по холму. Окно кладовки было открыто. Не очень большое окно — я думал, что застряну.

Я чувствовал огромное облегчение, но в то же время и недовольство. Он смотрел на меня, улыбаясь, ожидая похвалы за свою находчивость. Я сухо спросил:

— А где пища, которая была в мешке?

Генри удивленно взглянул на меня.

— Я ее сложил на полке. Разве ты не видел?

Конечно, я не видел, потому что не смотрел.

Прошло три дня, прежде чем я смог продолжать путь. Мы оставались в хижине, и Генри дважды отправлялся в долину за продуктами. У меня было достаточно времени для размышлений. Генри, правда, поднял ложную тревогу из-за овец, но только потому, что у него острый слух: я мог обмануться точно так же. Это я настаивал на передвижении по ночам. И теперь я зависел от него. Опасения оставались — конечно, нелегко преодолеть нашу враждебность, но теперь я не видел возможности бросить его до того, как мы доберемся до Рамни. В конце концов я рассказал ему все — куда я направляюсь, что узнал от Озимандиаса.

Он сказал:

— Я как раз из-за надевания шапок и хотел уйти. Конечно, я ничего не знал, просто подумал, что можно спрятаться на время.

Я вспомнил, как Озимандиас спрашивал у меня, захочет ли кто-нибудь еще уйти на юг, вспомнил свой ответ. Сунул руку за подкладку.

— Это карта, — сказал я.

Глава четвертая

Бинпол

Мы пришли в Рамни ранним вечером. День попеременно был то солнечным, то дождливым. Мы промокли, устали, у меня болела нога. Никто не обратил на нас внимания. Конечно, это был город, а в городе люди не узнают сразу пришельца, как это бывает в деревне. К тому же это был порт — тут часто менялись люди. На нас возбуждающе подействовал блеск моря в конце длинной улицы, люди в синих робах, сосущие трубки, и несколько медлительных морских чаек. И запахи: табака, смолы, пряностей, запах самого моря.

Становилось темно к тому времени, как мы достигли гавани. Дюжины лодок всех размеров были привязаны там, многие стояли в гавани, свернув паруса; мы шли по берегу, читая названия. "Майский колокольчик", "Черный лебедь", "Путник", "Веселый Гордон"... "Ориона" не было.

— Может, он в море, — предположил я.

— Что же нам делать?

— Нужно где-то переночевать.

— Не мешало бы и подкрепиться, — сказал Генри.

Мы доели последние запасы утром. Окна таверн ярко горели в сумерках, из некоторых доносились звуки песен. А также запахи пищи, от которых начинал протестовать пустой желудок. В ближайшем окне виднелась доска с надписью мелом: "Горячие пирожки — 6 пенсов". У меня было немного денег, которые я не решился истратить раньше. Я велел Генри ждать и вошел.

Я оказался в комнате с низким потолком, деревянными балками, с выскобленными столами, за которыми ели моряки, запивая еду пивом. Я не стал их рассматривать, но прошел прямо к прилавку, протянул шиллинг и взял два пирожка у смуглой девушки, которая в это время разговаривала с сидящим за ближайшим столом моряком. Я уже направился к выходу, как кто-то схватил меня за руку.

Он казался огромным, пока не встал. Тут я заметил, что из-за коротких ног он лишь на несколько дюймов выше меня. У него была желтая борода и желтые волосы, начинавшиеся на лбу, где виднелся металл шапки. Он сказал хриплым, лающим голосом:

— Ну, парень, хочешь быть моряком?

Я покачал головой:

— Нет.

— Твои родители станут разыскивать тебя, если ты не вернешься вечером?

Я ответил храбро:

— Я живу в трех кварталах отсюда. Меня будут искать, если я не вернусь.

Несколько секунд он молчал, потом расхохотался громко и неприятно.

— И ты говоришь это с таким акцентом!.. Ты из деревни, или я никогда не слышал деревенских парней. — Я попытался вырваться. — Спокойно. Побереги силы для "Черного лебедя".

Он потащил меня к двери. Никто не обращал на это внимания, и я понял, что такие сцены здесь обычны. Если я закричу, это не приведет ни к чему хорошему. Если меня

заметят, то станут расспрашивать, а я не смогу ответить на вопросы. Может, удастся вырваться снаружи. Впрочем, вероятность не очень велика: я чувствовал его силу. А "Черный лебедь" был пришвартован не более чем в ста ярдах отсюда.

И тут я увидел высокого человека, с тонким длинным худым лицом, с черной бородой, очень смуглого. Я крикнул:

— Капитан Куртис!

Он бросил на меня быстрый взгляд и тут же встал.

— Оставь его, Ровли. Это мой парень. Я нанял его сегодня днем.

Человек, которого он назвал Ровли, казалось, собирался спорить, но капитан Куртис сделал шаг, и тот выпустил мою руку. Он сказал:

— Нужно держать его на борту и не позволять бродить по городу.

— Я сам справляюсь со своим экипажем, — ответил капитан Куртис. — Мне не нужны твои советы.

Озимандиас говорил, что переход через море — самая легкая часть, и он был прав. "Орион" стоял за пределами гавани, и капитан Куртис привез нас туда в шлюпке. Он греб, выбирая путь между судами. Корабль оказался водоизмещением не более ста тонн, но когда я, раскачиваясь и цепляясь за веревочную лестницу, поднимался на палубу, он показался мне огромным. Лишь один из шести членов экипажа был на борту — высокий, неуклюжий человек с золотым кольцом в ухе. Капитан Куртис сказал, что остальные были в шапках, но этот — один из нас.

Важно было, чтобы нас не увидели другие члены экипажа: им трудно было бы объяснить цель нашего путешествия. Нас закрыли в каюте капитана, где были две койки. Нам не пришло в голову спросить, где будет он сам спать. Мы слишком устали. Я уснул немедленно и позже сквозь сон смутно слышал, как над головой топали, и скрипела поднимаемая якорная цепь.

Я слышал рассказы о том, как люди делаются больными от движения волн, но хотя на следующее утро, когда я проснулся, "Орион" слегка покачивался, это не принесло мне неприятностей. Капитан дал нам завтрак: ветчину, вареные яйца, горку жареной картошки и кружки с горячей коричневой жидкостью, которая издавала незнакомый, но приятный запах.

Генри принюхался.

— Что это?

— Кофе. Его привозят издалека, и он дорого обходится сухопутным. Вы здоровы? — Мы кивнули. — Сюда никто

не придет. Знают, что мои двери всегда заперты. Но все же сидите тихо. Только один день. Если ветер продержится, к закату будем в гавани.

В каюте был иллюминатор, через который виднелись синие волны с белыми шапками пены. Непривычное зрелище для тех, кто не видел полоски воды, более широкой, чем озерко поблизости от нашей деревни. Вначале мы были очарованы, потом привыкли, а вскоре зрелище нам наскучило. За весь день только одно событие нарушило монотонность, но зато это было удивительное событие.

В середине дня сквозь скрип снастей и плеск волн мы услышали новый звук, высокое улюлюканье, которое, казалось, исходило из самого моря. Генри был у иллюминатора.

— Смотри, Уилл, — сказал он.

Голос его звучал напряженно. Я положил кусок дерева, которому пытался придать форму лодки, и подошел к нему. Море было пусто и сверкало серебром. Но в этом серебре что-то двигалось, какая-то яркая точка. И вот она стала виднее. Треножник, за ним второй, третий... Всего их было шесть.

Я удивленно сказал:

— Они умеют ходить по воде?

— Они идут сюда.

Двигались они быстро. Я заметил, что ноги их не передвигаются, как по земле, а остаются неподвижными: каждая нога поднимала волну, которая, учитывая размеры треножников, была не меньше двадцати футов в высоту. Передвигались они гораздо быстрее скачущей лошади. По мере приближения к нам их скорость, казалось, возрастала, а волна у ног поднималась выше. И тут я увидел, что каждая нога оканчивается чем-то вроде плота. И они двигались прямо на наш "Орион". Если один из них заденет корабль и опрокинет его... у нас, запертых в каюте, не будет никаких шансов.

На расстоянии примерно в двадцать пять ярдов передний треножник резко свернул влево, огибая корму. Остальные последовали за ним. Раздался вой, как будто во всю силу дула дюжина различных ветров. Волна ударила в корабль, и он закачался, как пробка. Мы упали, каюта поплыла под нами, и я больно ударился о койку. Когда я попытался встать, меня бросило к противоположной стене. Волна залила иллюминатор, вымочив нас обоих. А вой усилился — треножники кружили вокруг корабля.

Они сделали три или четыре круга — мне в тот момент было не до счета, — а потом двинулись прежним курсом.

Позже капитан Куртис сказал нам, что такое случается нередко. "Орион" уже несколько раз попадал в такую историю. Никто не знал, зачем они это делают. Может, шутка? Но если и шутка, то невеселая: корабли иногда тонули, перевернувшись. Мы же только вымокли и были потрясены. Думаю, я был больше потрясен не их поведением. Они владели не только сушей, но и морем. Если бы я задумался раньше, то, наверное, сам пришел бы к такому выводу. Но сейчас я был угнетен.

Генри сказал капитану:

— У них другой звук.

— Звук? Вы, наверное, слышали только призыв к надеванию шапок? Севернее пролива они только следят за надеванием шапок, и все. Южнее вы будете чаще видеть их и слышать. Они издают разные звуки.

Раньше я думал о треножниках лишь в связи с надеванием шапок, и только так. То, что рассказывал Озимандиас, — об охоте на людей, как люди охотятся на лис, — не особенно задело меня; мой мозг отвергал это, как фантазию. Но это оказалось не так. Я был угнетен. Я был даже испуган.

Капитан Куртис вывел нас с "Ориона" так же, как и привел на него. Он дал нам продуктов перед уходом, наполнив мой мешок и дав Генри другой. Он дал нам также несколько советов.

— Держитесь скрытно, избегайте контактов с людьми. Помните, они говорят на другом языке. Вы не поймете их, они же не поймут вас. Если они поймают вас, то передадут для надевания шапок.

Он смотрел на нас, свет лампы бросал золотые отблески на его смуглое морщинистое лицо. Он казался суровым человеком, пока не узнаешь его поближе.

— Такое случалось раньше. С парнями, как и вы направляющимися в горы или бежавшими от таких, как Ровли. Их хватали и надевали им шапки в чужой земле. Все они стали вагрантами, причем самыми слабоумными. Возможно, машины, настроенные на другой язык, разрушают мозг. Постарайтесь быстрее выбраться из этого города и потом держитесь в стороне от городов и деревень.

Он резко затормозил шлюпку. На берегу лежали две-три лодки, но не видно было никаких признаков жизни. Слышались отдаленные звуки — звучал молот, далекое пение, — но вблизи были только корпуса лодок, низкая линия стены гавани и крыши города за ней. Чужой город в чужой земле, с жителями которого мы не могли говорить. Киль шлюпки скребнул по булыжнику.

— Идите туда, — прошептал капитан Куртис. — Удачи!

Галька под нашими ногами скрипела, этот звук громко раздавался в тишине ночи. Мы постояли, прислушиваясь. Ничего не двигалось. Я оглянулся и увидел, как исчезает за корпусами лодок шлюпка. Мы остались одни. Я махнул Генри и двинулся вперед. Идите вперед, говорил капитан Куртис, сверните налево, пройдите сотню ярдов, там будет дорога направо. Она выведет вас из города. Четверть часа, и можно будет ослабить бдительность, но лишь недолго.

Однако неприятности начались через минуту.

Дорога шла вдоль стены гавани, по другую сторону виднелся ряд домов, более высоких и узких, чем дома в Рамни. Когда мы с Генри осторожно шли по дороге, открылась дверь одного из домов и оттуда вышел человек. Увидев нас, он крикнул. Мы побежали, он — за нами; из других домов выбегали другие люди. Я успел пробежать не менее пятидесяти ярдов, прежде чем меня схватили. Схвативший меня человек, огромный, свирепый, с неприятным запахом изо рта, тряс меня и чего-то требовал; я понял, что он спрашивает меня о чем-то. Я поискал взглядом Генри и увидел, что его тоже схватили. Слышал ли капитан Куртис шум и понял ли его причину? Вероятно, что нет, но даже если слышал, он ничего не мог сделать. Он ясно сказал нам об этом.

Нас потащили через дорогу. Дом оказался таверной, но не такой, как в Рамни. Мы были в маленькой комнатке, полной запаха табака и жидкости, но и табак и жидкость пахли по-другому. Не было прилавка, зато было полдюжины столов с мраморной поверхностью и стулья с высокими спинками. Люди окружили нас, что-то говоря и делая множество жестов. Я чувствовал, что они чем-то разочарованы. В дальнем конце комнаты виднелась винтовая лестница, ведущая и вверх, и вниз. Кто-то сверху смотрел на нас, заглядывая через головы окружающих нас людей.

Хотя он был высок и лицо его казалось старым, шапки на нем не было. Но самым поразительным было то, что находилось у него на лице. Полоски металла шли от ушей и поддерживали раму, в которую были вставлены два круглых куска стекла, по одному перед каждым глазом. Один глаз у него казался больше другого и придавал лицу комический вид. Даже в нашем отчаянном положении я нашел его комичным. Он выглядел настолько странно, что вполне бы мог быть вагрантом. Впрочем, это невозможно — ведь на нем нет шапки. Мне пришло в голову, что странность его лица объясняется приспособлением, которое он носил. У него бы-

ли тонкие черты лица. И он не мог быть намного старше меня.

Впрочем, у меня было немного возможностей для размышлений. Через несколько минут люди, захватившие нас, очевидно, пришли к какому-то заключению. Нас подтолкнули к лестнице, свели вниз и втолкнули в дверь у основания лестницы. Я упал и услышал, как сзади нас повернулся ключ в замке.

Еще с полчаса мы слышали над головой движение и звуки голосов. Потом захлопала дверь, и в маленькое, забранное решеткой окно мы увидели ноги уходящих. Никто к нам не спустился. Мы слышали скрежет замка, топот последней пары ног — должно быть, уходил хозяин, — и после этого лишь шуршание. Наверное, крысы.

Вероятнее всего, нас держали, чтобы надеть шапки. Я был испуган, осознав, как близко это могло быть — даже завтра, — и предвидя впереди одинокую безумную жизнь. Не будет даже Генри, потому что вагранты бродят поодиночке, каждый укутавшись в собственные безумные видения и фантазии.

Генри проговорил:

— Я думаю...

Голос его принес мне некоторое облегчение. Я спросил:

— Что?

— Окно... Если я тебя подсажу...

Я не верил, что нас заперли в таком месте, откуда легко бежать. Но по крайней мере появилось занятие. Генри наклонился у стены, а я, разувшись, встал ему на плечи. Нога у меня снова заболела, но я не обратил на это внимания. Он медленно распрямился, а я держался за стену и дотянулся до прутьев решетки. Я потянул изо всех сил, но прутья прочно сидели в камне.

Генри шевельнулся подо мной, и я сказал ему:

— Не получается.

— Попробуй еще. Если бы...

Он замолчал, и я услышал то, что его остановило: скрип ключа в замке. Я спрыгнул и стоял, глядя на темный прямоугольник двери. Она медленно и со скрипом открылась. Показался свет. Огонь лампы отражался в маленьких стеклянных кружках. Это был мальчишка, смотревший на нас с лестницы.

Он заговорил, к моему изумлению, по-английски.

— Не шумите. Я вам помогу.

Молча пошли мы за ним по лестнице, старое дерево скрипело под нашими ногами. Мы миновали зал. Он старался

осторожно открывать дверь, но петли ужасно визжали. Наконец дверь была открыта.

Я прошептал:

— Спасибо. Мы...

Он мотнул головой вперед — приспособление на его носу выглядело еще более смехотворно — и сказал:

— Вы хотите идти к лодке? Я могу вам помочь.

— Не к лодке. На юг.

— На юг? Из города вглубь? Не к морю?

— Да, — подтвердил я, — вглубь.

— Я и тут могу помочь. — Он задул лампу, поставил ее за дверь. — Я покажу вам.

Луна ярко освещала качающиеся верхушки мачт за стеной гавани, но кое-где звезды затянуло тучами, с моря дул ветер. Наш проводник пошел по дороге, о которой говорил капитан Куртис, но вскоре свернул в переулок. Мы поднялись по ступенькам. Переулок извивался и поворачивал. Он был так узок, что в него не проникал лунный свет. Мы едва видели дорогу.

Потом улица пошире, переулок, дорога. Дорога расширилась, дома по ее сторонам поредели, и вот перед нами лежит луг, на котором видны темные фигуры пасущихся коров.

— Эта дорога ведет на юг, — сказал наш странный спутник.

— А у тебя не будет неприятностей? — заметил я. — Могут узнать, что ты нас вывел.

Он пожал плечами.

— Неважно. Зачем вы идете на юг?

Я колебался недолго.

— Мы слышали о месте, где не надевают шапок, где нет треножников.

— Треножники? — Он произнес это слово на своем языке. — Огромные, с тремя ногами — это треножники? Место без них? А это возможно? Все носят шапки, и треножники есть повсюду.

— Но не в горах.

Он кивнул.

— На юге есть горы. Там можно спрятаться. Значит, вы идете туда? Я могу пойти с вами?

Я взглянул на Генри, но мне не нужно было его подтверждение. Он будет нам полезен, он знает страну и язык. Слишком хорошо, чтобы быть правдой.

— А тебе можно идти? — спросил я. — Ведь вернуться будет трудно.

— Я готов. — Он протянул руку сначала мне, потом Генри. — Меня зовут...Жанпол.

Высокий и тощий, с этой странной металлически-стеклянной штукой на носу он выглядел нелепо. Генри рассмеялся.

— Больше подходит Бинпол.

Он вопросительно посмотрел на Генри, а потом тоже рассмеялся.

Глава пятая

Город древних

Мы шли всю ночь и сделали десять-двенадцать миль. Когда наступил рассвет. мы остановились отдохнуть и поесть. Пока мы ели, Бинпол рассказал, почему нас схватили: местные мальчишки ломали лодки на берегу, и моряки решили, что мы и есть хулиганы. Невезенье, хотя обернулось все к лучшему. Он кое-что рассказал нам и о себе. Родители его умерли, когда он был ребенком, а его дядя — владелец таверны. Дядя и тетя присматривали за ним, но особой доброты не проявили. У меня создалось впечатление, что они даже слегка побаивались его. Это не так глупо, как звучит, потому что у Бинпола оказалась одна особенность: он был чрезвычайно умен.

Например, его английская речь: он разыскал старый учебник английского языка и выучил его сам. Или приспособление у него на лице. У него плохое зрение, и он решил, что как подзорная труба позволяет морякам лучше видеть на море, так и стекла перед глазами улучшат его зрение. Ему пришлось долго экспериментировать, пока он не нашел подходящие линзы. Были и другие выдумки, которые он пытался осуществить, хотя и с меньшим успехом. Он заметил, что теплый воздух поднимается, и наполнил свиной пузырь паром от котла. Пузырь поднялся к потолку. Тогда он попытался изготовить то, что он назвал баллоном из промасленной кожи, и укрепить его на платформе с жаровней под отверстием, надеясь, что баллон поднимется к небу, но ничего подобного не произошло.

---

* Бинпол — жердь, столб.

Другая идея, которая не получилась, — это прикрепить пружины к концам ходуль. Он сломал себе ногу в прошлом году, испытывая это свое изобретение.

Позже он стал все больше и больше беспокоиться из-за предстоящего надевания шапки, правильно заключив, что это положит конец его исследованиям. Я понял, что не только у Джека, меня и Генри появились сомнения насчет надевания шапок. Вероятно, все или почти все мальчишки испытывали их, хотя и не говорили об этом, потому что разговоры на эту тему были запрещены. Бинпол сказал, что мысль о баллоне появилась у него именно из-за этого: он видел, как летит по небу над незнакомыми землями в место, где нет треножников. Он заинтересовался нами, потому что предположил, что мы пришли с севера, а он слышал, что там треножники встречаются реже.

Вскоре после отдыха мы подошли к развилке дорог, и я еще раз обрадовался, что нам повезло встретиться с Бинполом. Я выбрал бы дорогу, идущую на юг, но он повернул на восток.

— Потому что... — Он произнес слово, похожее на шмен-фе. — Я не знаю, как это называется по-вашему.

— А что это? — спросил Генри.

— Очень трудно объяснить. Увидишь.

Шмен-фе начиналось в городке, но мы его обогнули и вышли к небольшому холму к югу от города с развалинами на вершине. Глядя с вершины холма вниз, мы увидели две параллельные прямые линии, блестящие на солнце. Они выходили из городка и исчезали в удалении. Город кончался открытым пространством, где стояло на колесах с полдюжины предметов, похожих на огромные ящики. Все они были связаны друг с другом. Пока мы смотрели, двенадцать лошадей, запряженных попарно, привязали к первому ящику. На передней паре сидел человек, а другой — на второй от ящика паре. По сигналу лошади напряглись, и ящики двинулись сначала медленно, потом все быстрее. Когда они двигались уже очень быстро, восемь передних лошадей высвободились и отошли в сторону. Остальные четыре продолжали тянуть ящики мимо нашего наблюдательного пункта. Ящиков оказалось пять. У двух передних были по бокам отверстия, и мы видели внутри сидящих людей; остальные ящики были закрыты.

Бинпол объяснил, что двенадцать лошадей необходимы, чтобы ящики начинали двигаться по линиям, когда же они в движении, то достаточно четырех. Шмен-фе перевозит на юг людей и грузы — говорят, больше чем на сто миль. Оно

облегчит нам продвижение. Я согласился, но спросил, как же мы в него попадем: мимо нас лошади бежали слишком быстро. У него и на это был готов ответ. Хоть земля, по которой бежали лошади, выглядела ровной, на ней были уклоны вверх, вниз. На спусках приходилось тормозить движение, на подъемах лошади тащили изо всех сил и иногда даже переходили на шаг перед вершиной.

Мы пошли теперь по пустым линиям от города. Они были сделаны из железа, их верхушки были гладко отполированы колесами, а закрепляли их массивные планки, которые местами выглядывали из земли. Удивительное средство транспорта, но Бинпол им не был удовлетворен.

— Пар, — сказал он задумчиво. — Он поднимает. И толкает. Видели, как подскакивает крышка над котлом? Если сделать много пара, как в большом котле, и заставить его сзади толкать эти вагоны. Но нет. Это невозможно!

Мы рассмеялись. Генри сказал:

— Это все равно что поднять себя за шнурки собственных ботинок.

Бинпол покачал головой.

— Я уверен: есть способ, есть.

Найти подходящее место, чтобы забраться на шмен-фе, оказалось легче, чем я ожидал. Уклон был едва заметен, но верхушка подъема обозначалась деревянным столбом со стрелкой, указывающей вниз. Поблизости же росли кусты, в которых можно было спрятаться. Нам пришлось ждать с полчаса до появления первого экипажа, но он двигался в обратном направлении.

Я удивился, что есть только одна пара линий, но позже узнал, что местами линии дублировались, и там экипажи могли расходиться. Вскоре появился и нужный нам; мы увидели, как лошади с галопа перешли на рысь, а потом на тяжелый, медленный шаг. Когда экипажи с людьми прошли мимо, мы побежали и зацепились за последний. Бинпол показал, как взбираться на плоскую крышу. Не успели мы с Генри последовать за ним, как шмен-фе остановилось.

Я подумал, что, может быть, лишний вес остановил его, но Бинпол покачал головой. Он прошептал:

— Дошли до вершины. Лошади отдыхают и пьют. Потом двинутся дальше.

После пятиминутной остановки они двинулись, быстро набирая скорость. Вдоль крыши шла жердь, за которую нужно держаться — движение было приятным, не то что в экипаже, подпрыгивающем на каждом булыжнике. Генри и я смотрели на проносившуюся мимо местность, Бинпол глядел

в небо. Я заподозрил, что он все еще размышляет об использовании пара вместо лошадей. Жаль, подумал я, что он не может отличить здравую мысль от вздорной.

Время от времени в деревнях делались остановки, входили и выходили люди, выгружали и грузили товары. Мы лежали ничком и молчали, надеясь, что никто не поднимется наверх. Однажды выгружали со множеством проклятий и кряхтением прямо из-под нас большой жернов, и я вспомнил, с каким трудом мой отец доставлял в Вертон новый жернов. Неподалеку от нашей деревни находилась ровная насыпь, которая тянулась на мили, и я подумал, что на ней можно соорудить шмен-фе. А может, она уже была там, давным-давно, до треножников? И эта мысль, подобно многим другим моим новым мыслям, была поразительна.

Дважды мы в отдалении видели треножники. Мне пришло в голову, что, будучи в этой местности гораздо многочисленнее, они должны приносить большой ущерб посевам.

— И не только посевам, — сказал Бинпол. — Часто огромные металлические ноги убивают животных; и людей тоже, если они не успевают убраться с дороги.

И это, подобно всему остальному, воспринималось как должное, но не нами: начав задавать вопросы, мы обнаружили, что каждое сомнение порождает десятки новых.

К вечеру во время остановки для отдыха лошадей мы заметили в отдалении город. Он был больше того, откуда началось шмен-фе, и Бинпол решил, что тут оно кончается. Представилась хорошая возможность улизнуть, и мы так и сделали, когда лошади начали двигаться под крики кучеров. Мы соскользнули, когда шмен-фе начало набирать скорость, и смотрели, как катятся дальше эти экипажи. Мы проделали в юго-восточном направлении от пятидесяти до ста миль. Меньше ста, впрочем, иначе мы бы увидели обозначенные на карте руины одного из огромных городов древних. Мы решили, что нужно двигаться на юг.

Мы шли, пока было светло. По-прежнему было тепло, хотя появились облака. Мы поискали убежища до наступления темноты, но ничего не нашли и остановились в конце концов в сухой канаве. К счастью, ночью не полил дождь. Утром по-прежнему небо было облачное, но без дождя. Мы съели по куску хлеба с сыром и продолжили путь. Шли мы по склону на краю леса, в котором в случае необходимости легко было спрятаться. Генри первым достиг вершины и стоял там, окаменев, глядя вперед. Я ускорил шаг, тревожась из-за того, что он увидел. Дойдя до вершины, я тоже остановился в удивлении.

Перед нами в миле или двух лежали руины огромного города. Никогда ничего подобного я не видел. Город тянулся на мили, поднимаясь на холмы и опускаясь в долины. Лес вторгся в него — повсюду виднелась зелень деревьев, — но чем дальше, тем все больше было серого, белого, коричневого цвета каменных зданий. Деревья росли вдоль рядов зданий, как вены чудовищного существа.

Мы стояли молча, пока Бинпол не пробормотал:

— Это построил мой народ.

— Сколько же жило здесь, как ты думаешь? — сказал Генри. — Тысячи? Сотни? Сотни тысяч? Может быть, больше?

— Предстоит большой обход, — заметил я. — Я не вижу конца.

— А зачем обходить? — удивился Бинпол. — Почему бы не пойти прямо?

Я вспомнил Джека и его рассказ об огромном корабле в гавани города неподалеку от Винчестера. Никому не приходило в голову, что можно не просто посмотреть издали; никто не приближался к огромным городам. Но такой способ мышления исходил от треножников, от шапок. Предложение Бинпола было пугающим, но соблазнительным.

Генри тихо сказал:

— Ты думаешь, мы сможем пройти через него?

— Можем попробовать, — ответил Бинпол. — Если будет слишком трудно, мы вернемся.

Природа вен стала яснее, когда мы приблизились. Деревья следовали старым улицам, пробиваясь сквозь черный камень, из которого они были построены, и поднимая вершины над каньоном, который с обеих сторон образовывали здания. Мы шли в их темной прохладной тени вначале молча. Не знаю, как другие, но мне потребовалось собрать все свое мужество. Птицы пели над нашими головами, подчеркивая тишину и уныние пустыни, по которой мы шли. Только постепенно начали мы интересоваться окружающим и разговаривать, вначале шепотом, потом более естественно.

Странное зрелище представилось нам. Признаки смерти, конечно, — белизна костей, на которых некогда была плоть. Мы ожидали этого. Но один из скелетов был втиснут в ржавый продолговатый корпус с утолщением посредине, стоявший на металлических колесах, одетых каким-то жестким черным веществом. Виднелись другие подобные же сооружения, и Бинпол остановился около одного, заглянул внутрь. Он сказал:

— Места для сидения. И колеса. Это какой-то экипаж.

— Не может быть, — возразил Генри. — Нигде нет упряжи. Может, она сгнила?

— Нет, — возразил Бинпол. — Везде одно и то же. Смотрите.

Я сказал:

— Может, это были хижины, в которых люди отдыхали, когда уставали идти.

— С колесами? Нет. Это экипажи без лошадей. Я уверен.

— Их двигал один из твоих котлов, конечно! — заметил Генри.

Бинпол совершенно серьезно ответил:

— Может, ты и прав.

Некоторые здания обрушились от старости и непогоды, кое-где на большом пространстве они были разбиты, казалось, молотом с неба. Но большинство было более или менее нетронуто, и мы зашли в одно из них. По-видимому, это был магазин, но огромных размеров. Множество металлических баночек рассыпано по полу, некоторые еще лежали на полках. Я подобрал одну из них. Она была обернута в узкую полоску бумаги с выцветшим рисунком сливы. На других банках тоже виднелись рисунки: фрукты, овощи, тарелки супа. Конечно, пища. И вполне разумно: если столько людей жило вместе, без обработки земли, пищу им должны были привозить в сосудах, как моя мать готовила продукты на зиму. Банки проржавели, в некоторых местах насквозь, внутри виднелось сухое нераспознаваемое месиво.

Магазинов были тысячи, и мы осмотрели многие. Содержимое их нас изумило. Огромные свертки ткани, которая еще сохранила дикие цвета и рисунки... ряды рассыпающихся бумажных коробок, полных истлевшей обуви... музыкальные инструменты, одни из них знакомые, но большинство нет... женские фигуры, сделанные из странного твердого вещества, одетые в обрывки платьев...Магазин, полный бутылок. Бинпол сказал, что в них было вино. Мы отбили горлышко у одной бутылки, попробовали, но скривили лица: вино давно прокисло. Кое-что мы захватили с собой: нож, маленький топорик с заржавевшим лезвием, которое можно было заточить; что-то вроде фляжки, сделанной из прозрачного голубого материала; она очень легка и в ней гораздо легче нести воду, чем во фляжках, которые нам дал капитан Куртис; и свечи... и тому подобное.

Но магазин, наполнивший меня благоговейным страхом, был совсем мал. Он втиснулся между двумя гораздо большими и наряду с обычными разбитыми стеклянными окнами имел внутри перегородку из проржавевшего металла. Я за-

глянул внутрь: похоже на пещеру Аладдина. Золотые кольца. Усаженные бриллиантами и другими камнями броши, ожерелья, браслеты. И множество часов.

Я подобрал одни. Тоже золотые и с тяжелым золотым браслетом, который растянулся, когда я сунул внутрь пальцы и развел их. Браслет мог прочно сидеть на запястье. Но впрочем, более толстом, чем мое. Когда я надел часы, они соскользнули, поэтому мне пришлось надеть их выше. Они, конечно, не шли, но это были часы! Генри и Бинпол осматривали что-то на другой стороне улицы. Я хотел позвать их, но потом передумал.

Дело не в том, что мне не хотелось, чтобы у них были такие же часы, хотя и это отчасти. Тут вмешались и воспоминания о драке с Генри из-за отцовских часов, когда мне помог Джек. И еще кое-что. Моя неприязнь к Генри отодвинулась в глубину сознания из-за трудностей и опасностей, которые мы разделяли. Когда к нам присоединился Бинпол, я больше разговаривал с ним, а Генри до некоторого времени оставался в стороне. Я сознавал это и, боюсь, был доволен.

Но позже, особенно после прихода в огромный город, я почувствовал перемену. Но ничего определенного: только Генри больше разговаривал с Бинполом, а тот свои замечания адресовал обычно Генри; и вот уже если раньше мы говорили с Бинполом, а Генри был посторонним, то теперь таким посторонним все чаще становился я. И вот я отыскал магазин с драгоценностями и часами, оставив себе странную машину с четырьмя рядами маленьких белых кружочков с буквами. Я снова взглянул на часы. Нет, не стану их звать.

Постепенно мы перестали обращать внимания на магазины. Частично потому, что наше любопытство пресытилось, но отчасти и из-за того, что мы уже семь часов шли по городу, а никаких признаков его конца не было. Даже наоборот. В одном месте, где образовалась гигантская груда обломков, мы взобрались на ее верх сквозь кусты и увидели море зелени и рухнувшего камня. Оно тянулось бесконечно, как настоящее море, усеянное рифами. Без компаса мы бы заблудились, так как день был облачный и невозможно было определить направление по солнцу. Но мы знали, что по-прежнему движемся на юг.

Мы пришли в район более широких улиц, обрамленных огромными зданиями. Улицы уходили вдаль. Мы остановились поесть в месте, где встречались несколько таких улиц. Здесь деревья не сумели пробиться, и мы сидели на камне, ели мясо и жесткие сухари, которые дал нам капитан Кур-

тис: хлеб мы уже весь съели. Потом мы отдыхали, но через некоторое время Бинпол встал. И Генри пошел за ним. Я лежал, глядя в серое небо, и вначале не ответил, когда они позвали меня. Но Бинпол позвал снова, и голос его звучал возбужденно. Казалось, они нашли что-то интересное.

Это оказалось огромное отверстие, окруженное с трех сторон ржавыми перилами, со ступенями, ведущими вниз, в темноту. Сверху, против входа, виднелась металлическая пластина с надписью "МЕТРО".

Бинпол сказал:

— Ступени такие широкие, что тут могут пройти в ряд десять человек. Куда они ведут?

— Какое нам дело? — ответил я. — Если мы не отдыхаем, лучше двигаться.

— Если бы я мог взглянуть... Зачем был построен такой огромный тоннель?

— Ты там ничего не увидишь.

— У нас есть свечи, — напомнил Генри.

Я гневно сказал:

— Но нет времени. Я не хочу проводить здесь ночь.

Они не обратили на это внимания. Генри сказал Бинполу:

— Мы можем немного спуститься и поглядеть.

Бинпол кивнул.

— Это глупо! — заявил я.

— Ты можешь не ходить, если не хочешь, — возразил Генри. — Оставайся здесь и отдыхай.

Он сказал это равнодушно, в то же время отыскивая в мешке свечи. Их следовало зажечь, а огниво хранилось у меня. Но они были настроены решительно, и я сдался:

— Я иду с вами. Хотя по-прежнему считаю все это бессмысленным.

Ступени привели в пещеру, которую мы осмотрели, насколько позволял слабый свет свечи. Тут не было доступа непогоде, и поэтому предметы сохранились лучше, чем наверху: виднелись странные машины, с полосами ржавчины, но в целом не тронутые разрушением, и что-то вроде ящика с целыми стеклами.

Из пещеры вели тоннели: некоторые как тот, по которому мы вошли, вели вверх, а другие — еще глубже вниз. Бинпол решил исследовать один из них и выполнил намерение, несмотря на возражения. Лестница оказалась очень длинной, а у подножья ее направо отходил другой, меньший тоннель. Даже тот слабый интерес, который у меня был, теперь совершенно исчез; я хотел одного — возвратиться к дневному свету. Но я не стал говорить об этом. Мне показалось по

отсутствию энтузиазма в ответах на реплики Бинпола, что Генри не больше меня хочет идти дальше; может, даже меньше. Я получил от этого небольшое удовлетворение.

Бинпол шел впереди по тоннелю, который повернул и окончился воротами с тяжелой железной решеткой. Когда он толкнул их, ворота заскрипели и открылись. Мы прошли внутрь, рассматривая то, что можно было увидеть.

Это был другой тоннель, но гораздо больше предыдущих. Мы стояли на ровном камне, а тоннель изгибался над нашими головами и уходил за пределы досягаемости света свечи. Но нас удивил стоящий рядом предмет. Вначале я решил, что это дом — длинный низкий узкий дом из стекла и металла, и подумал, кто же решался жить здесь, глубоко под землей. Потом я увидел, что он стоит в широкой выемке, что под ним колеса и колеса эти стоят на длинных металлических полосках. Это было что-то вроде шмен-фе.

Но куда же оно вело? Неужели этот тоннель уходил на сотни миль, но под землей? Может быть, к подземным городам, чьи чудеса были даже удивительнее города над нами. Но как? Мы пошли вдоль выемки и обнаружили, что длинный экипаж соединен с другими такими же — мы насчитали их шесть — а сразу за последним экипажем был вход в другой, меньший тоннель; металлические линии уходили в него и терялись из виду.

Последний экипаж оканчивался окнами, смотрящими вперед. Внутри здесь было сидение, ручки, инструменты. Я сказал:

— Нет места для привязывания лошадей. И как они могли тащить под землей?

— Должно быть, тут использовали твой паровой котел, — сказал Генри.

Бинпол жадно смотрел на незнакомые приборы.

— Или что-то еще более удивительное, — отозвался он.

Возвращаясь, мы заглянули в экипажи: часть их стен была открыта и туда можно было войти. Внутри были сидения и груды различных предметов, включая баночки с едой, которые мы находили в магазинах; и здесь они не проржавели: воздух внизу был сухой и прохладный. Назначение других вещей мы не могли понять — например; груда деревянных ручек с металлическими цилиндрами. С одной стороны виден был металлический полукруг, а внутри него маленький рычажок. Он щелкал, когда на него нажимали пальцем, но ничего не происходило.

— Значит, они перевозили товары, — сказал Бинпол; — И людей, поскольку тут есть сидения.

— А это что? — спросил Генри.

Это был деревянный ящик, полный предметов, похожих на большие металлические яйца — размером с гусиные. Генри подобрал один из них и показал Бинполу. Предмет был сделан из металла с рубчатой поверхностью, и на одном его конце висело кольцо. Генри потянул за него, и оно выскочило.

— Дай я посмотрю, — сказал Бинпол.

Генри протянул ему яйцо, но весьма неуклюже. Оно выпало, прежде чем Бинпол его подхватил, упало на пол и покатилось. Докатилось до края пола и упало в углубление внизу. Генри собирался пойти за ним, но Бинпол схватил его за руку.

— Оставь. Тут есть другие.

Он наклонился к ящику, когда это произошло. Ужасный грохот послышался у нас под ногами, и большой металлический экипаж задрожал. Я схватился за столб, чтобы не упасть. Эхо грохота отражалось в тоннеле, как удаляющиеся удары молота.

Генри потрясенно спросил:

— Что это?

Бинпол уронил свечу и наклонился, отыскивая ее. Подобрал и отдал Генри, чтобы тот снова зажег ее. Я сказал:

— Если бы оно не укатилось под экипаж...

Не нужно было добавлять подробности. И Бинпол заметил:

— Похоже на фейерверк, но более мощное. Для чего древние использовали такие штуки?

Он взял еще одно яйцо. Генри заявил:

— Я не стал бы связываться с ним.

Я согласился с ним, но промолчал. Бинпол отдал Генри свою свечу, чтобы лучше разглядеть яйцо.

Генри сказал:

— Если оно разорвется...

— Раньше они ведь не взрывались, — сказал Бинпол. — Их принесли сюда. Не думаю, чтобы простое прикосновение... Кольцо... — Он положил на него палец. — Вытягиваешь, и оно падает, а немного спустя...

Прежде чем я понял, что он собирается делать, он вытащил кольцо из яйца. Мы оба крикнули, но он не обратил на это внимания, подошел к отверстию и бросил яйцо под экипаж.

На этот раз вместе со взрывом послышался звон стекла, и порыв воздуха задул мою свечу. Я гневно проговорил:

— Глупо так делать!

— Пол защитил нас, — сказал Бинпол. — И я думаю, риск невелик.

— Нас могло поранить осколками стекла.

— Вряд ли.

Впоследствии я понял, что Бинпол поддается разумным доводам, лишь пока не затронуто глубоко его любопытство. Когда что-то интересовало его, он не думал об опасности.

Генри сказал:

— Все равно я не стал бы так больше делать.

Очевидно, он разделял мои чувства.

Бинпол сказал:

— Теперь и не нужно. Мы знаем, как оно действует. Я сосчитал до семи после того, как выдернул кольцо.

Приятно было снова почувствовать себя в большинстве, хотя другой частью большинства был Генри. Я сказал:

— Ну ладно. Ты знаешь, как оно действует. И что хорошего это нам даст?

Бинпол не ответил. Он нашел себе в одном из магазинов мешок — кожа позеленела и заплесневела, но легко очистилась — и теперь вынимал из ящика яйца и складывал их в мешок.

— Ты хочешь взять их с собой? — спросил у него я.

Он кивнул.

— Может, пригодятся.

— Для чего?

— Не знаю. Увидим.

Я спокойно сказал:

— Не нужно. Это опасно для нас.

— Никакой опасности нет, пока кольцо не выдернуто.

Он уже положил в мешок четыре яйца. Я поглядел на Генри, ожидая поддержки. Но тот сказал:

— Я думаю, они могут быть полезны. — Он взял одно из них и взвесил в руке. — Тяжелое, но я тоже возьму парочку.

Не знаю, сказал ли он это, чтобы возразить мне, или на самом деле так думал. Я горько подумал, что особой разницы тут нет. Я снова был в меньшинстве.

Мы прошли по тоннелю, и я был очень рад снова увидеть небо, хотя оно и было облачным и грозило дождем. Вскоре путь нам преградила река, быстро бегущая между высокими берегами. Через нее перекинуто много мостов, но те, которые мы видели, были частично или полностью разрушены. От того, что находился прямо перед нами, осталась лишь груда обломков, вокруг которых пенилась вода. Мы пошли по берегу на восток.

Четыре моста оказались безнадежными, но затем река разделилась. Мне казалось, что если мы будем и дальше двигаться на восток, нам придется искать целых два моста, а это вдвойне трудно, и поэтому лучше вернуться и попробовать идти в противоположном направлении. Но Генри возражал, а Бинпол поддержал его. Я ничего не мог поделать и побрел за ними.

Мое недовольство ничуть не уменьшилось от того, что по следующему мосту можно было перейти, хотя парапет с одной стороны совершенно исчез, а в середине моста виднелась дыра, по краю которой нам пришлось пробираться с большой осторожностью. На противоположной стороне было сравнительно мало деревьев, а здания были массивнее. А потом мы вышли на открытое место, в конце которого виднелось строение. Даже в развалинах оно показалось мне замечательным.

Впереди возвышались две одинаковые башни, у одной из них обвалилась стена. На них и на всем фасаде были каменные статуи, а на крыше и на углах виднелись фигуры чудовищных животных. Я догадался, что это собор, но он был больше собора в Винчестере, который я когда-то считал самым большим зданием в мире. Огромные деревянные ворота были открыты, створки повисли на петлях и подгнили. Часть крыши нефа обвалились, и между столбами и контрфорсом видно было небо. Мы не пошли внутрь; я думаю, никто из нас не захотел тревожить мертвого молчания храма.

Дальше мы обнаружили, что в сущности не перешли реку, а оказались на острове. Река, которая разделилась на западе, снова соединялась на востоке. Пришлось возвращаться по тому же мосту. Я не жалел, видя разочарование Генри, но настолько устал, что подумал: вряд ли это стоило лишних усилий.

В это время Бинпол спросил:

— Что у тебя на руке?

Я и не заметил, как часы соскользнули на запястье. Я показал им их. Генри посмотрел с завистью, но ничего не сказал. Бинпол проявил больше интереса. Он проговорил:

— Я видел часы, но не такие. Как их завести?

— Нужно повернуть кнопку в боку. Но я не стал этого делать: они слишком стары.

— Однако они идут.

Я недоверчиво посмотрел сам. Кроме часовой и минутной стрелки была и третья, очень тонкая. И эта третья стрелка двигалась по циферблату. Я поднес часы к уху: они тикали.

На боку у часов видна была надпись: "автоматические". Похоже на колдовство. Но, конечно, это было еще одно чудо древних.

Мы все смотрели на часы. Бинпол сказал:

— Им не менее ста лет. И однако механизм действует! Какие они были мастера!

Через полмили мы наконец перебрались на ту сторону реки. По-прежнему не было признаков конца города: его огромность, которая вначале пугала, потом внушала благоговение и удивление, стала теперь утомительной. Мы миновали множество магазинов, включая и больший, чем собор; его стена обвалилась, и мы видели, что это магазин или серия магазинов. Но мы не стали его исследовать. Видели мы и другие тоннели с надписью "Метро". Бинпол решил, что в этих местах люди заходили и садились в подземные шменфе. И я думаю, он прав.

Мы тащились вперед. День подходил к концу. Мы очень устали. К ужину — он был очень скуден, потому что наши запасы еды подходили к концу, а было ясно, что здесь мы их не пополним, — мы поняли, что нам придется провести ночь в городе. Нам не хотелось спать в городском здании. но отдаленный вой заставил нас изменить намерения. Если поблизости бегает стая диких собак, лучше не выходить на улицу. Обычно они не нападают на людей, если только не очень голодны; но мы не могли знать, каково состояние их желудков.

Мы выбрали подходящее здание и пошли на первый этаж, осторожно проверяя ступеньки, чтобы они не обвалились. Ничего не случилось, только пыль заставила нас закашлять-ся. Мы нашли комнату, в окнах которой оказались целы стекла. Занавески и обивка поблекли и были проедены молью, но пользоваться ими было можно. Я нашел большой глиняный кувшин с тяжелой крышкой и нарисованными по бокам розами. Когда я поднял крышку, кувшин оказался полон увядших розовых лепестков. Их запах напомнил о столетней давности лет. Тут было и пианино, большое и другой формы, чем те, что я видел. На стене в рамке висела картина — черно-белая — с изображением женщины. Женщина была прекрасна, хотя прическа ее совсем не напоминала прически женщин в наши дни; у нее были большие темные глаза и мягко улыбающийся рот. Ночью я проснулся, в воздухе по-прежнему чувствовался запах роз, а лунный свет через стекло падал на крышку пианино. И мне показалось, что я вижу фигуру за пианино, тонкие пальцы нажимают на клавиши, слышна призрачная музыка.

Конечно, ерунда. Уснув, я увидел себя снова в убежище с Джеком, когда я еще не беспокоился о шапках и треножниках и не думал о путешествии дальше, чем от Вертона в Винчестер. А ведь это было так недавно.

Лунный свет оказался обманчив. Утром небо затянулось тучами. Хотя нам и хотелось побыстрее выбраться из города, мы решили переждать дождь. Из еды у нас оставался кусок сыра, кусок сушеного мяса и сухари. Мы разделили сыр. Еды было еще на один раз; после этого придется идти натощак.

Генри отыскал шахматы и сыграл несколько партий с Бинполом, который легко выиграл. Я играл с ним и тоже проиграл. Я стал играть с Генри. Вначале я думал, что легко выиграю у него: мне казалось, что с Бинполом я играл лучше его. Но я проиграл на двадцатом ходу. Разозлившись, нервничая из-за дождя и голода, я отказался играть дальше и подошел к окну. Небо начало проясняться, его серый цвет местами сменялся голубым. Через четверть часа дождь прекратился, и мы смогли идти дальше.

Улицы были сырые; там, где росли деревья, было грязно; общая влажность усиливалась из-за капель с крыш и ветвей. Все равно, что идешь под дождем, и так же сыро; вскоре мы насквозь промокли. Но позже небо окончательно прояснилось, птицы, казалось, проснулись вторично и наполнили все вокруг своим щебетом и пением. Капли по-прежнему падали, но реже; на землю пролились лучи солнца. Бинпол и Генри разговаривали все веселее. Я же оживал не так быстро. Я почувствовал усталость, меня лихорадило и болела голова. Похоже, я простудился.

В последний раз мы поели в месте, где густо росли деревья, не разделенные зданиями. Причина заключалась в каменных плитах, частью стоящих прямо, но больше упавших, которые рядами уходили во тьму деревьев. На ближайшем камне было вырезано:

"Здесь **лежит**
Марианна Лу**иза** Водрикор
13 **лет**
умерла 15 фе**в**раля 1966 года"

Надпись нам перевел Бинпол.

Значит, она умерла в моем возрасте и была погребена здесь, когда город еще жил. В один из зимних дней. Так много людей. Каменные надгробья занимали расстояние, на котором могло поместиться несколько таких деревень, как наша.

Уже после полудня мы пришли к южному краю города. Переход был неожиданным. Мы прошли около ста ярдов сквозь густую поросль деревьев, миновали несколько полностью разрушенных зданий и оказались на пшеничном поле. Зеленые колосья качались в косых солнечных лучах. Какое облегчение снова оказаться в открытой местности и в цивилизованной земле! Но тут же пришло сознание, что необходима осторожность: через несколько полей шла лошадь с плугом, а на горизонте виднелись два треножника.

По мере нашего продвижения на юг снова показались облака. Мы наткнулись на картофельное поле, но не могли отыскать дров, чтобы испечь картошку. Генри и Бинпол поели сырой картошки, но я не мог. Впрочем, я не хотел есть, и у меня болела голова. Ночь мы провели в развалинах вдали от домов. Крыша на одном конце обвалилась, но на другом еще держалась; она была рифленой и сделана из серого материала, похожего на камень, но более легкого. Ночью мне снились кошмары, а утром я почувствовал еще большую усталость. Должно быть я плохо выглядел, потому что Генри спросил, не заболел ли я. Я оборвал его, он пожал плечами и занялся другим. Бинпол ничего не сказал. Вероятно, он ничего и не заметил. Люди его интересовали гораздо меньше идей.

Для меня это был тяжелый день. С каждым часом я чувствовал себя все хуже, но не собирался этого показывать. Вначале я не хотел сочувствия, потому что негодовал из-за того, что они ближе друг к другу, чем ко мне. Потом я сердился из-за того, что ни Генри, ни Бинпол не обращали внимания на мое состояние. Боюсь, я чувствовал некоторое удовлетворение от своей болезни и того, что я так хорошо держусь. Конечно, это было ребячество.

Во всяком случае отсутствие у меня аппетита не произвело особого впечатления, потому что у нас не было еды. Мы дошли до широкой реки, текущей на юго-восток, вдоль которой в соответствии с картой мы должны были идти. Генри провел полчаса, стараясь безуспешно поймать у берега рыбу. Я в это время лежал в полубессознательном состоянии, смотрел в небо и наслаждался отдыхом.

К вечеру после бесконечных пшеничных и ржаных полей мы увидели сад. Рядами стояли вишни, сливы и яблони. Яблоки, конечно, еще неспелые, но даже на расстоянии мы видели золотые сливы и черно-красные вишни. Беда в том, что ферма стояла рядом с садом, и оттуда хорошо видны были ряды деревьев. Позже, конечно, когда стемнеет, все будет по-другому.

Генри и Бинпол разошлись во мнениях. Генри считал, что нам нужно остаться: тут, по крайней мере, есть хоть надежда поесть. Бинпол настаивал, что нужно идти, пока светло. Позже еще представится возможность добыть пищу. На этот раз я не чувствовал удовольствия от их спора: слишком мне было плохо. Я поддержал Генри, но лишь потому, что не мог двигаться. Бинпол сдался, и они стали ждать.

Когда они попытались меня поднять, я не обратил на это внимания, погруженный в забытье. Они оставили меня и ушли. Я не знаю, сколько времени прошло, но они снова попытались поднять меня, предлагая мне фрукты и сыр, который Бинпол украл на сыроварне, примыкавшей к ферме. Я ничего не мог есть, и тут они впервые поняли, что я по-настоящему болен. Они пошептались, потом поставили меня на ноги и повели, поддерживая с обеих сторон.

Позже я узнал, что в конце сада был старый сарай, который казался брошенным, и они решили отвести меня туда: снова собирался дождь и действительно шел всю ночь. Сознавал только, что меня тащат и наконец позволяют лечь. Потом начались кошмары, после которых я приходил в себя с криком.

Затем с некоторой ясностью я понял, что поблизости лает собака. Вскоре дверь сарая распахнулась, в лицо мне ударило солнце, и я увидел фигуру человека. Послышались громкие голоса, говорящие на незнакомом языке. Я попытался встать, но снова упал.

Потом я лежал на прохладной простыне в мягкой постели, и ко мне склонялась серьезная темноглазая девушка в голубой шапке, похожей на тюрбан. Я удивленно смотрел мимо нее на окружающее: высокий белый потолок, расписанный узорами, стены темного дерева, занавеси алого бархата вокруг кровати. Я никогда не знал такой роскоши.

Глава шестая

Замок красной башни

Генри и Бинпол поняли, что я не в состоянии двигаться. Конечно, они могли оставить меня и уйти. Но, отказавшись от этого, они должны были либо увести меня подальше с фермы, либо оставаться в сарае, надеясь, что нас не обнаружат. Что касается первого выхода, то поблизости не видно

было никакого убежища. А сарай выглядел так, будто в него давно никто не заглядывал. И они решили оставаться в нем. Рано утром они нарвали еще вишен и слив и вернулись, чтобы поесть.

Часа через два пришли люди с собакой. Мы так никогда и не узнали, была ли это случайность, или их заметили в саду, или Бинпол оставил следы в сыроварне. Но люди уже стояли в дверях, и собака с ними — огромная, рамером с небольшого осла, и зубы ее были оскалены. Оставалось только сдаться.

Бинпол заранее выработал план на такой случай, чтобы объяснить, почему ни я, ни Генри не говорим на его языке. Мы его двоюродные братья, оба глухонемые, мы должны будем молчать и делать вид, что ничего не слышим. Что касается меня, то так и случилось, потому что я был без сознания. А Бинпол считал: так мы вызовем меньше подозрений, нас не будут строго караулить и, когда представится возможность, мы все убежим. Не знаю, сработал бы этот план — я находился в таком состоянии, что не мог бежать. Но произошло нечто совсем иное. Именно в это утро проезжала по району графиня де ла Тур Роже и завернула на ферму.

Забота о больных и раздача подарков были в обычае знатных леди. Когда была жива жена сэра Джеффри леди Мэй, она тоже так поступала в Верноне; одно из моих первых воспоминаний — я получаю от нее большое красное яблоко и сахарную свинку. Что же касается графини, то, насколько я могу судить, щедрость и забота о других были не просто выполнением обязанности, но сущностью ее натуры. Она была очень добра, и страдания другого существа — человека и животного — причиняли ей боль. Жена фермера месяц назад обожгла ноги. Сейчас она уже совсем поправилась, но графиня должна была убедиться в этом. На ферме ей рассказали о трех пойманных мальчишках, двое из них глухонемые, причем один болен. И она немедленно начала о нас заботиться.

С ней оказалась порядочная компания. Девять или десять леди и три рыцаря сопровождали графиню. Были также оруженосцы и конюхи. Бинпола и Генри посадили перед конюхами, но меня взял один из рыцарей и привязал к себе поясом, чтобы я не упал. Я ничего не помню об этой поездке, оно и к лучшему. До замка было больше десяти миль, и большая часть пути проходила по неровной местности.

Девушка, склонившаяся надо мной, когда я очнулся, была дочерью графини Элоизой.

Замок де ла Тур Роже стоит на холме у слияния двух рек. Он очень древний, но старые его части перестроены, а другие добавлены в разное время. Сама башня, наверное, новая, потому что сложена из красного камня, который нигде поблизости не встречается. В ней находятся комнаты семьи графа, в ней устроили и меня...

Башня стоит отдельно от других сооружений, выходя бойницами на реку и равнину. Поблизости теснятся другие здания: кухни, склады, помещения для слуг, псарни, конюшни, кузница — все необходимое для хозяйства. Апартаменты рыцарей в прекрасно содержащихся и украшенных домах, хотя в это время там жило только трое холостых рыцарей, остальные жили в своих поместьях поблизости от замка.

Часть рыцарских комнат была отдана оруженосцам. Это были мальчишки, которые обучались военному искусству, и Генри с Бинполом по приказу графини поместили среди них. Они быстро поняли, что опасности немедленно подвергнуться надеванию шапок нет, и решили выждать и посмотреть, как будут развиваться события дальше.

Все время я пролежал без сознания. Позже мне сказали, что я четыре дня не приходил в себя. Я помню незнакомые лица, особенно темноглазое лицо под голубым тюрбаном. которое становилось все более знакомым. Но только через неделю я окончательно пришел в себя. У моей постели сидела графиня, чуть поодаль стояла Элоиза.

Графиня улыбнулась и спросила:

— Тебе лучше?

Я должен выполнить решение... конечно. Я не должен разговаривать. Я ведь глухонемой. Как Генри. Где Генри? Глаза мои обежали комнату. Ветерок раздувал занавеси у высокого окна. Снаружи слышались голоса и звон металла.

— Уилл, — сказала графиня, — ты был очень болен, но тебе лучше. Тебе нужно только окрепнуть.

Я не должен говорить... Но она... она назвала меня по имени. И говорила по-английски.

Она снова улыбнулась.

— Мы знаем тайну. Твои друзья здоровы, Генри и Жан-Поль — Бинпол, как вы его называете.

Больше не было смысла притворяться. Я спросил:

— Они вам рассказали?

— В бреду невозможно следить за своим языком. Ты твердо решил не говорить и громко сказал об этом. По-английски.

Я со стыдом отвернул голову. Графиня сказала:

— Это не имеет значения. Уилл, посмотри на меня.

Голос ее, мягкий, но сильный заставил меня повернуть голову, и я впервые рассмотрел ее по-настоящему. Лицо ее, слишком длинное, чтобы быть прекрасным, было добрым и мягким, она улыбалась. Волосы, черные, чуть тронутые белизной, локонами падали на плечи, серебряные линии шапки виднелись над высоким лбом. Глаза были большие и честные.

— Я могу повидаться с ними?

— Конечно, Элоиза позовет их.

Нас троих оставили наедине. Я сказал:

— Я выдал нас. Ничего не смог сделать.

— Ты не виноват, — ответил Генри, — как ты себя чувствуешь?

— Неплохо. Что они собираются делать с нами?

— Ничего, насколько нам известно. — Он кивком указал на Бинпола. — Он знает больше меня.

Бинпол сказал:

— Они не похожи на горожан или жителей деревень. Те могли бы позвать треножников, эти — нет. Они считают, что для мальчиков хорошо уходить из дома. Их собственные сыновья тоже отсутствуют.

Я все еще чувствовал неловкость.

— Тогда они могут нам помочь, — сказал я.

Бинпол покачал головой, солнечный свет блеснул в линзах перед его глазами.

— Нет. Ведь в конце концов на них шапки. У них другие обычаи, но и они послушны треножникам. Они тоже рабы. Хотя и хорошо к нам относятся, но знать наши планы они не должны.

Я с новой тревогой сказал:

— Если я разговаривал... Я мог сказать что-нибудь о Белых горах.

Бинпол пожал плечами.

— Если даже так, они приняли это за бред. Они ничего не подозревают, считают, что мы убежали из дома, вы двое — из земли за морем. Генри взял у тебя карту. Мы ее спрятали.

Я напряженно думал.

— Тогда вы вдвоем должны бежать, пока это возможно.

— Нет. Потребуется несколько недель, чтобы ты был способен продолжать путь.

— Но вы можете уйти. Я пойду за вами, когда буду в состоянии. Карту я помню хорошо.

Генри обратился к Бинполу:

— Может, это и не так плохо.

Бинпол возразил:

— Нет. Если мы уйдем вдвоем, оставив его, они удивятся. Начнут нас искать. У них есть лошади, и они любят охоту. Поохотятся на нас после оленей и лис.

— Что же ты предлагаешь? — спросил Генри. Я видел, что Бинпол не убедил его. — Если мы останемся, на нас наденут шапки.

— Поэтому-то пока и лучше остаться, — был ответ Бинпола. — Я разговаривал с рабочими и парнями. Через несколько недель будет турнир.

— Турнир?

— Он происходит дважды в году: весной и летом. Пиры, игры, соревнования и борьба рыцарей. Турнир продолжается пять дней, но потом — день надевания шапок.

— И если мы тогда еще будем здесь... — проговорил Генри.

— На нас наденут шапки. Верно. Но нам не обязательно быть здесь. Ты к тому времени окрепнешь, Уилл. А во время турнира всегда большая суматоха. Мы уйдем, а нас целый день, а может, два, три никто не хватится. К тому же у них будет интересное занятие в замке, и им не захочется нас искать.

— Значит, до того времени, ты считаешь, нам ничего не нужно делать? — спросил Генри.

— Это разумно.

Я видел, что это так. Это также освобождало меня от перспективы, о которой я думал с ужасом, — от перспективы остаться одному. Я сказал, стараясь, чтобы голос мой не дрожал:

— Решайте вы вдвоем.

Генри неохотно сказал:

— Наверное, так и вправду будет лучше.

Время от времени мальчики приходили ко мне, но чаще я видел графиню и Элоизу. А изредка заглядывал и граф. Это был большого роста, некрасивый человек, прославившийся своим мужеством в турнирах и на охоте.

Однажды, лишившись лошади, он встретился лицом к лицу с огромным диким кабаном и убил его кинжалом.

Со мной он держался неловко, но дружелюбно, отпуская нехитрые шутки, над которыми сам же громогласно хохотал. Он плохо говорил по-английски, поэтому часто я его не понимал: знание языков считалось делом женщин.

Я до этого мало знал о дворянстве. В Вертоне люди из имения держались в стороне от сельчан. Теперь я узнал их ближе, и лежа в постели, имел время подумать о них, особенно об их отношении к треножникам. В этом, как и предположил Бинпол, они не отличались от других людей. Возьмем, например, их терпимость к побегам мальчиков из дома. Они относились к этому по-другому, чем селяне, и здесь, и у нас в Вертоне, но это потому, что у них другой образ жизни. И капитаны в Рамни прекрасно понимали это. Для дворянства было естественно, что женщины должны быть прекрасны и образованны, а мужчины храбры. Войн не было, как некогда, но были другие возможности продемонстрировать свою храбрость.И мальчишка, пусть даже не благородный, который убежал от обычной жизни. по их мнению, поступил храбро.

И самое плохое, что вся эта храбрость и вся эта галантность — все напрасно. Потому что они принимали шапки и стремились к ним даже больше, чем их подданные. Это было обязательно для превращения мальчика в рыцаря, а девушки — в леди. Думая об этом, я понимал, как хорошие черты характера могут стать бесполезными. Какой смысл в храбрости без свободного разума, управляющего ею?

Элоиза учила меня говорить на их языке. Это оказалось легче, чем я ожидал: в нашем распоряжении было много времени, а она была терпеливым учителем. Труднее всего мне давалось произношение — приходилось произносить звуки в нос, и я иногда отчаивался. Настоящее имя Бинпола, как я узнал, было Жан-Поль, но даже эти простые звуки я произносил с трудом.

Через несколько дней мне позволили вставать. Старая моя одежда исчезла, и мне дали новую. Все оказалось из гораздо лучшего материала и более яркое, чем я привык: брюки были кремового цвета, а рубашка в первый день ярко-красная. К моему удивлению, их каждый вечер отправляли в стирку и заменяли новыми.

Мы с Элоизой ходили по комнатам и двору замка. Дома я не общался с девочками и чувствовал себя неловко, когда не мог избежать их общества, но с ней у меня не было и следа застенчивости. По-английски она, как и ее мать, говорила очень хорошо, но вскоре стала настаивать, чтобы я с ней говорил на ее языке. Благодаря этому моя речь быстро совершенствовалась.

Предполагалось, что я еще недостаточно выздоровел, чтобы присоединиться к другим мальчикам. Если бы я настаивал, мне бы, вероятно, разрешили это, но я с готовностью

принимал сложившееся положение. Послушание увеличивало наши шансы уйти незаметно. К тому же казалось невеликодушным отказаться от доброты Элоизы. Она была единственным ребенком графа и графини, остававшимся в замке: два ее брата были оруженосцами в доме знатного герцога на юге, и у нее, казалось, не было подруг среди других девушек. Я понял, что она одинока.

Была и другая причина. Я все еще испытывал боль из-за того, что Генри заменил меня для Бинпола; встречаясь с ними, я видел, что они подружились. Конечно, их жизнь очень отличалась от моей. Возможно, они даже несколько ревновали из-за того, что меня так баловали. Но у нас было мало возможностей разговаривать, и тем более мы не рисковали обсуждать то самое важное, что было у нас общего.

Итак, я с охотой сменил их на Элоизу. И, подобно матери, она отличалась мягкостью. Подобно ей, испытывала глубокое сочувствие ко всем живым существам, от людей до цыплят, копавшихся в пыли у помещений слуг. У нее была материнская улыбка, но это было единственное, что сближало их внешне, потому что Элоиза была красива не только когда улыбалась, но и в неподвижности сна. У нее было небольшое овальное лицо, тонкая кожа и глубокие карие глаза.

Мне было интересно, какие у нее волосы. Она всегда носила тот же тюрбанообразный головной убор, полностью закрывающий голову. Однажды я спросил ее об этом. Вопрос я задал, запинаясь, по-французски, и либо она не поняла, либо сделала вид, что не понимает; тогда я прямо спросил по-английски. Она что-то сказала, но на своем языке и так быстро, что я не понял.

Мы стояли в маленьком треугольном садике, в том углу замка, который нависал над рекой. Никого не было видно и слышно. Только птицы пели, да какой-то оруженосец покрикивал во дворе для верховой езды. Я был раздражен ее уклончивостью, поэтому схватил, наполовину играя, ее тюрбан. Тот подался. Элоиза стояла передо мной, ее голова была покрыта темным пушком волос, сквозь которые просвечивала серебряная сеть шапки.

Такая возможность не приходила мне в голову. Будучи невелик ростом, я не сомневался, что те, кто старше меня, они и выше — она же была на дюйм или два ниже. Черты лица у нее были нежные и маленькие.

По ее реакции я понял, что сделал что-то отвратительное, но что именно? Мне говорили: для девушки надевание шапки — часть превращения в леди. Придя в себя и снова надев

тюрбан, Элоиза кое-что объяснила, говоря по-английски, так что я смог ее понять. Перед церемонией на девушку надевают тюрбан, и треножник возвращает ее тоже в тюрбане. В течение шести месяцев после этого никто, даже графиня, не должны видеть голову Элоизы. В конце этого времени в ее честь будет дан специальный бал, и здесь, впервые со времени надевания шапки, она покажется без тюрбана. А я сорвал с нее тюрбан, как с мальчишки кепку, играя в школе!

Она говорила не сердито, но с сожалением. Ей было стыдно, что я видел ее голову, но больше всего ее тревожило, что случилось бы со мной, если бы об этом узнали. Первое, но не последнее наказание — жестокая порка. Говорят, однажды за такое оскорбление убили человека.

Слушая, я испытывал противоречивые чувства. Тут была и благодарность за то, что она хотела защитить меня, и негодование: меня судили по кодексу, который ничего не значил для меня. У нас в Вертоне девочки, как и мальчишки, после надевания шапки возвращались с обнаженной головой. Чувства мои по отношению к Элоизе тоже были неопределенны. Я прошел длинную дорогу после ухода из деревни, и не только физически, но и в своем отношении к людям. Все больше и больше привыкал я смотреть на тех, у кого были шапки, как на существ, у которых не было важнейшего человеческого качества — живой искры неповиновения правителям мира. И я презирал их за это — презирал даже графа и графиню, несмотря на всю их доброту ко мне.

Но не Элоизу. Я считал ее свободной, как и я сам. У меня даже появилась мысль, что когда мы снова двинемся к Белым горам, нас будет не трое, а четверо. Но вид ее обнаженной головы показал тщетность этих мыслей. Я начинал думать о ней, как о своем друге, а может, и о большем. Но теперь я знал, что она душой и телом полностью принадлежит врагу.

Этот эпизод сильно встревожил нас обоих. Для Элоизы это был удар и по ее скромности и по ее представлению обо мне. То, что я сорвал тюрбан, шокировало ее. И хотя она знала, что я сделал это в неведении, в ее глазах все равно это был признак варварства; а варвар остается варваром и во всем остальном. Она потеряла уверенность во мне.

Меня этот эпизод привел не к потере уверенности, а к обратному. Ничего-то из нашей дружбы не выйдет: резкая черная черта разделила нас. Оставалось только забыть о ней и сосредоточиться на самом главном — на необходимости добраться до Белых гор. Позже в тот же день я увиделся с Генри и Бинполом и предложил уходить немедленно: я был

уверен, что уже достаточно окреп для путешествия. Но Бинпол настаивал на том, чтобы остаться до турнира, и на этот раз Генри полностью поддержал его. Я был рассержен и разочарован — я надеялся, что он поддержит меня. Снова между ними был союз, а я оказался вне его. Я тут же ушел от них.

На лестнице я встретил графа, который улыбнулся мне, сильно хлопнул по спине и сказал, что я выгляжу лучше, но все еще нуждаюсь в том, чтобы потолстеть. Что мне нужно есть побольше оленины. Ничто лучше оленины не восстанавливает силы. Я прошел в гостиную и застал там Элоизу. Ее лицо было освещено золотым блеском лампы. Она приветливо улыбнулась мне. Неуверенность не затронула ее верности и доброты, они были частью ее души.

Мы продолжали нашу дружбу, хотя между нами появились новые оттенки во взаимоотношениях. Теперь, когда я стал сильнее, мы могли выходить за пределы замка. Для нас седлали лошадей, мы выезжали из ворот замка, спускались по холму на луг, полный летних цветов. Я умел ездить верхом и вскоре стал искусен в этом занятии. Быстро усваивал я и язык страны.

Было несколько облачных и дождливых деньков, но в основном светило солнце, и мы ездили по теплой ароматной земле или, спешившись, сидели на берегу реки, глядя, как играет форель — серебро на серебре. Мы посещали дома рыцарей, и нам давали фруктовые напитки и пирожное. По вечерам мы сидели в гостиной графини, разговаривая с ней или слушая, как она поет, аккомпанируя себе на круглом струнном инструменте с длинным горлышком. Часто приходил сюда и граф и сидел, обычно молча.

Граф и графиня ясно показывали, что я им нравлюсь. Я думаю, это происходило частично оттого, что отсутствовали их сыновья. Таков был обычай, и им не приходило в голову нарушить его, но они явно горевали из-за их отсутствия. В замке были другие мальчишки благородного происхождения, но жили они в помещении рыцарей, присоединяясь к семье графа только за ужином, который накрывался в зале. Тогда за стол садилось сразу тридцать-сорок человек. Я, благодаря своей болезни и пребыванию в башне, стал членом семьи, как никто из этих мальчиков.

Но хотя я знал, что они хорошо ко мне относятся, разговор, который однажды завела со мной графиня, изумил меня. Мы были одни: Элоиза занималась своими нарядами. Графиня вышивала, а я очарованно следил за ее пальцами, искусно и легко делавшими мелкие стежки. Работая, она го-

ворила, голос ее звучал негромко и тепло, с легкой хрипотой, которая была и у Элоизы. Она спросила меня о здоровье — сказал ей, что чувствую себя хорошо, — и хорошо ли мне в замке. Я заверил ее и в этом.

— Я рада, — сказала она. — Может, ты не захочешь оставить нас.

Считалось само собой разумеющимся, что вслед за турниром мы втроем предстанем для надевания шапок. После этого, так как наша мальчишеская неуживчивость пройдет, мы вернемся в свои дома и начнем жизнь, какую ведут и взрослые. Меня поразило то, что сказала графиня.

Она продолжала:

— Твои друзья, я думаю, захотят уйти... Для них можно было бы найти место среди слуг, но я чувствую, что они будут счастливее в своих деревнях. Но ты — другое дело.

Я перевел взгляд с ее рук на лицо.

— А именно, миледи?

— Ты не благородный, но дворянство можно и заслужить. Даровать его во власти короля, а король — мой двоюродный брат. — Она улыбнулась. — Ты не знал этого? Он в долгу передо мной. Я спасла его от серьезной ошибки, когда он был еще мальчиком, без шапки. В этом не будет задержки, Гильом.

Гильом — так они произносили мое имя. Я знал это, но раньше графиня никогда не обращалась ко мне так. Голова у меня закружилась. Хотя я привык к замку и жизни, которую здесь вели, она всегда казалась мне немного нереальной. И этот разговор о короле... В Англии тоже был король, он жил где-то на севере. Я никогда не видел его и не ожидал увидеть.

Графиня говорила мне, что я могу остаться — она хочет, чтобы я остался, — и не как слуга, а как рыцарь. У меня самого будут слуги, и лошади, и оружие, изготовленное специально для меня, так что я смогу участвовать в турнирах, и место в семье графов де ла Тур Роже. Я смотрел на нее и видел, что она говорит искренне. Я не знал, что и ответить.

Графиня улыбнулась и сказала:

— Мы поговорим об этом еще, Гильом. Нам спешить некуда.

Нелегко писать о том, что было дальше.

Первой моей реакцией на слова графини было удивление. Неужели я откажусь от надежды на свободу, дам кому-то распоряжаться своим мозгом ради дорогой одежды и возможности иметь силу? Сама мысль об этом казалась мне абсур-

дной. Какие бы привилегии я не получил, все равно я оставался б овцой среди овец. Утром, однако, проснувшись рано, я начал думать заново. И снова отверг эту мысль, решительно, но не так быстро, и с сознанием добродетельности этого. Принять предложение означало предать других: Генри и Биппола, варранта Озимандиаса, капитана Куртиса, всех свободных людей в Белых горах. Ничто не заставит меня сделать это.

Но мысль оказалась коварной. Отныне я уже не мог забыть о ней. Конечно, я не приму предложения, но если... Вопреки своему желанию, я думал об открывающихся возможностях. Я уже настолько изучил язык, что мог разговаривать с жителями замка, хотя они и смеялись над моим акцентом. И, казалось, меня так много ждало впереди... После турнира будет праздник урожая, потом охота. Они говорили о том, как приятно выезжать ранним утром, когда трава скрипит под ногами лошади, о псах, лающих на склонах холмов, об охоте, о возвращении домой с добычей, о том, как разжигают очаг в большом зале и жарят туши целиком. А позже — праздник Рождества, который длится двенадцать дней. Тогда приходят жонглеры и певцы. Потом весна и соколиная охота — выпускаешь сокола в небо, и он камнем падает на добычу. А потом лето, и снова турнир, и так круглый год.

К этому времени изменилось и мое отношение к окружающим людям. В Вертоне разница между мальчиками и взрослыми мужчинами проявлялась резче, чем здесь. Там все взрослые, даже мои родители, казались мне чужими. Я уважал их, восхищался или боялся, даже любил их, но я не знал их так, как узнал в замке. И чем ближе я узнавал их, тем труднее было мне их презирать. Они были в шапках, они приняли треножники и все, что стояло за ними, но это не помешало им, как графу, графине, Элоизе и другим, остаться добрыми, щедрыми, храбрыми и счастливыми.

Именно в этом, как ни невероятно, заключалась суть. До надевания шапок могли существовать сомнения, неуверенность, отвращение, эти люди, вероятно, тоже знали их. Когда шапка надета, сомнения исчезали. Большая ли это потеря? И потеря ли вообще? Треножники, помимо самого акта надевания шапок, казалось, не вмешивались в жизнь людей. Конечно, были случаи, как на море с "Орионом". Капитан Куртис рассказаывал, что иногда при этом тонут корабли, но сколько их погибло в ураганах и разбившись о скалы? Озимандиас рассказывал о людях, работающих в подземных шахтах, чтобы добыть металл для треножников, об охоте

треножников на людей, о том, что люди служат им в их городах. Но даже если это правда, то все это происходит очень далеко. И совершенно не затрагивает эту безопасную и приятную жизнь.

Снова и снова возвращался я к самому главному — верности Генри, Бинполу и остальным. Но даже эта мысль, по мере того как проходили дни, казалась все менее и менее убедительной. В поисках спасения я разыскал Генри и Бинпола и опять предложил им немедленно уходить. Они спокойно отвергли мое предложение. У меня сложилось впечатление, что они не хотят со мной разговаривать и с нетерпением ждут, когда я уйду. Я ушел, негодуя на их холодность, но в то же время немного радуясь ей. Если ищешь оправданий для неверности, хорошо иметь повод для негодования.

К тому же была Элоиза. Мы гуляли, ездили верхом, разговаривали, и постепенно сдержанность и неловкость, появившаяся после случая в саду, преодолевались; нам снова было хорошо, мы были довольны обществом друг друга. Однажды мы сели в лодку, и я греб вверх по течению к острову. День был жарким, но в траве под деревьями было прохладно, а стрекозы, красные и желтые бабочки танцевали в воздухе над текущей водой. Я не рассказывал ей о предложении графини, она сама упомянула об этом. Она считала несомненным, что я останусь, и я почувствовал от этого странное удовольствие. Будущее здесь, в этой богатой и прекрасной стране, в замке, с Элоизой...

Если только надевание шапки окончится благополучно, напомнил я себе. А почему бы и нет? Капитан Куртис предупредил меня, когда местный язык был для меня бессмысленным набором звуков. Теперь же, хотя до совершенного владения мне было далеко, я его понимал. Не мог я стать вагрантом и из-за сопротивления: ведь я очень много выигрывал.

Я напомнил себе то, о чем думал, когда лежал в постели после лихорадки. Ничто не важно, ничто не имеет ценности, если несвободен мозг. Но это настроение теперь казалось далеким и нереальным. Треножники подчинили людей, когда те находились в расцвете своей власти и величия, способные создавать огромные города, корабли, а может, и еще большие чудеса. Если наши предки со всей их силой потерпели неудачу, какими жалкими выглядят усилия горстки людей, цепляющихся за голые горные склоны. И если нет надежды победить, то какая альтернатива? Жить, подобно преследу-

емым животным, переносить трудности и отчаяние — и эта жизнь, с ее полнотой, безопасностью и счастьем?

Во время гребли часы съехали мне на запястье и стали мешать. Вначале я думал, что графиня и другие заинтересуются ими — захотят узнать, как попало к мальчику такое чудо, но они не проявили никакого интереса. У них не сохранилось никаких следов мастерства древних, а время ничего не значило для них. Во дворе были солнечные часы, и этого было достаточно. Я снял часы, которые мешали грести, и бросил их Элоизе, чтобы она их подержала. Но она умела ловить не лучше других девушек, и часы упали за борт. Я успел заметить, как они исчезают в зеленой глубине. Элоиза расстроилась, но я успокоил ее, сказав, что потеря невелика. И в тот момент это действительно было так.

Время турнира быстро приближалось. Повсюду чувствовалось возбуждение и приподнятость. На лугу воздвигались большие палатки для тех, кому не хватит мест в замке. С утра до вечера звенело оружие, рыцари непрерывно тренировались; насмешливые крики сопровождали неудачные выпады. Я принял участие в тренировках, и обнаружил, что неплохо владею конем и легко попадаю в кольцо.

Я продолжал размышлять. Возьмем, например, верность. Верность кому? Люди в Белых горах даже не знают о моем существовании. Для Озимандиаса и капитана Куртиса я был одним из многих мальчишек, отправленных ими на юг. А Генри и Бинпол? Нужен ли я им вообще? Казалось, нет. Может, им лучше без меня?

С утра шел дождь, но к полудню прояснилось, и состоялись предварительные поединки. Я увидел Генри и Бинпола на утоптанном поле, где слуги убирали помет. Стены и башня замка вырисовывались на фоне заходящего солнца.

Бинпол сказал, что уходить нужно завтра рано утром до того, как поднимутся слуги на кухне. Они уже сложили еду в мешки. Мой мешок исчез вместе со старой одеждой, но Бинпол сказал, что это неважно: у них еды вполне достаточно. Я должен встретиться с ними у ворот замка в назначенное время.

Я покачал головой:

— Я не приду.

— Почему, Уилл? — спросил Бинпол.

Генри ничего не сказал, но на его широком лице появилась улыбка, и я почувствовал в тот момент, что ненавижу его больше, чем когда-либо в Вертоне. Его мысли и презрение были совершенно очевидны.

— Вы можете уйти незаметно. Но я нет. И мое отсутствие за завтраком заметят и начнут искать.

— Верно, Бинпол, — сказал Генри. — Граф не захочет терять своего приемного сына.

Я не предполагал, что им станет известно об этом. Бинпол смотрел на меня, и его глаза за линзами ничего не выражали.

— Я даю вам день, может быть, два, чтобы вы ушли подальше. Я пойду следом. Постараюсь вас догнать, но вы не должны меня ждать.

Генри рассмеялся:

— И не будем!

Я говорил себе, что еще не принял решения. Правда, что им двоим уйти легче, но правда и то, что я смогу последовать за ними — я хорошо помнил карту. Но правда было и то, что завтра, на второй день турнира, будет избрана собравшимися рыцарями королева турнира. А я был уверен, что выберут Элоизу. Не потому, что она дочь графа, а потому, что она действительно прекраснее всех.

Бинпол медленно сказал:

— Хорошо. Может быть, так будет лучше.

— Удачи вам.

— И тебе. — Он слегка покачал головой. — Удачи тебе, Уилл.

Я повернулся и пошел в башню. Генри сказал мне что-то вслед, но я не расслышал и не стал возвращаться.

Глава седьмая

Треножник

На следующий день я проснулся рано. Было еще время присоединиться к ним, но я не шевельнулся. Окно моей комнаты выходило на юг, я видел темно-синее небо и одну яркую звезду на нем. Я был рад хорошей погоде. Им будет легче идти, но и турнир, и выборы королевы пройдут лучше. Я лежал и смотрел в небо, пока снова не заснул, и проснулся вторично, когда служанка постучала в дверь. Небо побледнело и блестело золотом.

Никто не упоминал о Генри и Бинполе; и никто, казалось, не заметил их отсутствия. Я не удивился этому: турнир был в полном разгаре, все были возбуждены и полны ожиданий. После завтрака мы отправились на поле к павильонам. Но без Элоизы. Я ее не видел все утро. Она выйдет вместе с

другими леди, чтобы предстать перед рыцарями. Мы заняли места в павильоне, и, пока ждали, певцы развлекали нас балладами. Потом послышался шум: появились леди.

Их было одиннадцать. Десять были одеты роскошно, в расшитые золотом и серебром платья, шлейфы их несли служанки, чтобы они не волочились в пыли. Головы у леди были обнажены, волосы высоко взбиты и украшены яркими лентами, которые сверкали на солнце. Одиннадцатой была Элоиза. На голове у нее, конечно, был тюрбан, она оделась в простое платье, темно-синее, с отделкой белыми кружевами. Самая молодая, она шла последней, и ее не сопровождала служанка. Под гул барабанов леди прошли по полю к павильону и остановились, склонив головы. Прогремели фанфары.

Одна за другой выходили они вперед. Таков был обычай, и рыцари, выбиравшие эту леди, обнажали мечи и поднимали их. После первых двух или трех не оставалось никаких сомнений в результате. Каждой леди салютовало несколько рыцарей, чтобы никому не было позора, но когда вперед выступила Элоиза, в своем простом платье, мечи поднялись, как серебряный и золотой дождь на солнце, и вначале рыцари, а потом и зрители закричали о своем выборе, и мне захотелось смеяться и плакать в одно и то же время.

Она выступила вперед, другие леди следовали за ней, а она стояла серьезная и трогательная в своей невинности, а отец ее, граф, осторожно укрепил корону на ее тюрбане. И подданные проходили мимо, чтобы поцеловать ей руку, и среди них — я.

В этот день я не разговаривал с ней. У нее были свои обязанности — восседать в отдельной ложе, награждать победителей, а меня волновал сам турнир, я приветствовал рыцарей, которых знал, и вся атмосфера была праздничной и веселой.

Был только один тревожный момент. Во второй половине дня послышался далеко странный звук, который постепенно становился громче. Постоянное повторение пяти нот, металлический звон, и хотя я никогда раньше не слышал этого звука, я знал, что издавать его может только треножник. Я посмотрел в направлении звука, но из-за замка ничего не было видно. Окружающие не проявили никакого беспокойства — состязание восьми рыцарей на поле привлекало все их внимание. Даже когда над замком появилось полушарие, и треножник остановился над полем, расставив ноги по берегам реки, не было ни следа страха или волнения.

Ясно, что треножник всегда присутствовал на турнире, и у людей не было повода для беспокойства. Конечно, они больше свыклись с видом треножников, чем мы в Вертоне, где они появлялись лишь в день надевания шапок. Почти ежедневно можно было видеть, как они в одиночку или группами шагают по долине. Я тоже привык к этому зрелищу — на расстоянии. Но в тени треножника я почувствовал себя совсем по-иному. Я со страхом взглянул на полушарие и увидел ряды кругов, как будто сделанных из темно-зеленого стекла. Может, он через них смотрит. Наверняка. Я не замечал их раньше, потому что в Вертоне не осмеливался рассматривать треножника. Я опустил глаза и стал следить за ходом турнира, но мысли мои были далеко от него.

Однако прошло немного времени, и мое беспокойство улеглось. Треножник не издавал ни звука с тех пор, как занял позицию у замка, и не двигался. Он просто стоял, и я постепенно привык к его присутствию. Через час я уже радостно приветствовал своего любимца шевалье де Труильона, надеясь на то, что он победит и в финальном поединке. Он победил... его противник покатился по вытоптанной траве, и я присоединился к восторженным зрителям.

Вечером, как и в каждый день турнира, был пир. Поскольку погода была хорошая, он состоялся во дворе. Семья графа и рыцари с леди сидели за столом, им подносили пищу; остальные подходили к стоявшим в стороне столам, уставленным мясом, рыбой, фруктами, овощами, пирогами и бутылками с вином, и брали себе все что угодно. Но много не пили, а после того, как леди ушли в замок, рыцари остались, зажгли факелы, и тут допоздна звучали песни и шло веселье. Я не мог сосчитать количества блюд. Не просто разные виды мяса, дичи и рыбы, но и множество способов их приготовления, а также разнообразные соусы и подливки. Еда считалась здесь высоким искусством; я думаю, даже сэр Джеффри не мог бы понять этого, не говоря уж об остальных жителях Вертона.

Я ушел наевшийся и счастливый. Треножник по-прежнему стоял на месте, но теперь он выглядел смутной тенью на фоне звездного неба и казался чем-то далеким и неважным. Из окон своей комнаты я его не видел совсем. Виднелась яркая полоса Млечного Пути, горели факелы во дворе — и все. Я услышал стук в дверь, сказал: "Войдите!" В комнату скользнула Элоиза.

На ней по-прежнему было синее платье с белыми кружевами, но корону она сняла. И прежде чем я успел что-нибудь произнести, она сказала:

— Уилл, я не могу оставаться здесь. Мне удалось ускользнуть, но меня будут искать.

Я понял ее. У королевы турнира особое положение. Пока идет турнир, нет места приятным беседам и прогулкам. Я сказал:

— Выбор правильный. Я рад, Элоиза.

— Я хотела проститься с тобой, Уилл.

— Ведь ненадолго. На несколько дней. Потом, когда мне наденут шапку...

Она покачала головой.

— Мы больше не увидимся. Разве ты не знаешь?

— Но я остаюсь здесь. Твой отец сказал мне об этом сегодня утром.

— Ты остаешься, но не я. Тебе разве никто не говорил?

— О чем?

— Когда кончается турнир, королева уходит служить треножникам. Так всегда делается.

Я тупо спросил:

— Где служить?

— В их городе.

— Надолго?

— Я сказала тебе. Навсегда.

Ее слова поразили меня, но еще больше поразило лицо. На нем была такая преданность, такое счастье, как будто исполнилось ее самое сердечное желание.

Ошеломленный, я спросил ее:

— Твои родители знают об этом?

— Конечно.

Я знал, что они горюют из-за отсутствия своих сыновей, которые уехали на несколько лет ко двору герцога. А это была их дочь, которую они любили больше всего, и она уйдет к треножникам и никогда не вернется... и весь день они были радостны и счастливы. Чудовищно!

Я выпалил:

— Ты не должна! Я не допущу этого!

Она улыбнулась и слегка покачала головой, как взрослый, слушающий выдумки ребенка.

— Уйдем со мной, — сказал я, — мы пойдем туда, где нет треножников. Уйдем немедленно.

— Когда тебе наденут шапку, ты поймешь.

— Я не допущу, чтобы мне надели шапку!

— Ты не понимаешь. — Она глубоко вздохнула. — Я так счастлива. — Подойдя ко мне, она взяла меня за руку и поцеловала в щеку. — Так счастлива! — повторила она и пошла к двери. — Я должна идти. Прощай, Уилл. Вспоминай меня. Я буду о тебе помнить.

И она исчезла, ноги ее прошелестели в коридоре, прежде чем я пришел в себя. Когда я подошел к двери, коридор был пуст. Я позвал, но лишь эхо моего голоса отразилось от каменных стен. Я даже сделал несколько шагов ей вслед, но потом остановился. Бесполезно. И не только из-за других. Из-за самой Элоизы. "Я буду о тебе помнить". В действительности она уже обо мне забыла. Теперь все ее мысли устремлены к треножникам. Хозяева позвали ее, и она с радостью пошла.

Я вернулся к себе в комнату, разделся и постарался уснуть. Меня одолевало множество ужасов. Ужас от того, что случилось с Элоизой. Ужас перед существами, которые делали это с людьми. Но больше всего ужас перед тем, как близко я подошел к падению — нет, к добровольному прыжку во что-то такое, по сравнению с чем самоубийство кажется чистым и благородным. Что случилось бы, если бы не судьба Элоизы? Она приняла шапку, как бесчисленные другие, не понимая, не зная выхода. Но я-то понимал, я-то знал! И я подумал о каменном лице Бинпола, о презрении Генри, когда я в последний раз видел их, и устыдился.

Шум поединков во дворе давно затих. Я лежал, ворочаясь с боку на бок, и видел, как постепенно светлеет за окном. Я прекратил заниматься бесполезным самобичеванием и начал строить планы.

В замке было темно и тихо, когда я осторожно спускался по лестнице, но снаружи уже было светло. Никого не было видно, да и не будет, по крайней мере в течение нескольких часов. Даже слуги вставали позже в дни турнира. На кухне я увидел одного из них, храпевшего под столом: должно быть, он был настолько пьян, что не смог добраться до постели. Можно было не опасаться разбудить его. Я захватил с собой наволочку и положил в нее остатки вчерашнего пира: пару жареных цыплят, пол-индюка, буханку, сыр, соленую колбасу, а потом пошел в конюшню.

Здесь опасность была вероятней. Конюхи спали рядом со стойлами, и хотя они тоже были пьяны, беспокойство лошадей могло разбудить их. Мне нужна была лошадь, на которой я привык ездить с Элоизой, — гнедой невысокий жеребец, по кличке Аристид. Это было нервное животное, но мы привыкли друг к другу, и я рассчитывал на это. Он стоял

спокойно, только фыркнул несколько раз, когда я отвязывал его, и пошел за мной, как овечка. К счастью, солома на полу заглушала его топот. Я взял седло и вывел Аристида из конюшни.

Только за воротами замка я оседлал его. Он заржал, но я рассудил, что мы уже достаточно далеко, чтобы не опасаться этого. Прежде чем сесть верхом, я осмотрелся. За мной лежал замок, темный и спящий; передо мной — турнирное поле, флаги его павильонов слегка шевелились на утреннем ветерке. Слева... я совсем забыл о треножнике, а возможно, уверил себя, что он ночью ушел. Но он был здесь, насколько я мог судить, точно в том же месте. Темный, подобно замку; подобно же замку спящий? Как будто бы так, но я почувствовал беспокойство. Не садясь верхом и не придерживаясь обычной широкой дороги, я повел коня по узкой тропке меж скалами и спустился с холма между лугами и рекой. Здесь линия деревьев частично закрыла от меня и замок, и металлического гиганта. Ничего не случилось. Я наконец-то сел верхом, сжал колени, и мы двинулись.

Я сказал правду Генри и Бинполу, что их могут не хватиться день или два, а мое отсутствие сразу же заметят. Возможно, что даже во время турнира меня стали бы искать. Поэтому мне пришлось взять лошадь. И это давало мне возможность преодолеть большее расстояние, прежде чем начнется преследование. Если меня не найдут в двадцати милях от замка, я чувствовал, что тогда окажусь в безопасности.

Лошадь также давала мне возможность догнать Генри и Бинпола. Я примерно знал их маршрут; они вышли на день раньше, но шли пешком. Теперь меня уже не занимало то, что они относятся друг к другу более дружески, чем ко мне. Наоборот, в раннем свете утра я чувствовал себя очень одиноким.

Предстояло сделать около мили вдоль реки к броду, по которому мне нужно было переправиться. Я проделал примерно половину этого расстояния, когда услышал звук. Тупой гул, с которым огромная тяжесть опускается на землю, потом еще, и еще. Я автоматически, оглядываясь, пустил Аристида галопом. Зрелище было очевидным и страшным. Треножник оставил свою позицию у замка. Безжалостно и безостановочно он шел за мной.

Следующие несколько минут я почти не помню; частично от страха я ни о чем не мог думать ясно, частично же из-за того, что произошло потом. Помнится мне только самый ужасный миг — когда я ощутил, как металлическая лента,

холодная и невероятно гибкая, обвивается вокруг моей талии и поднимает со спины Аристида. Подъем в воздух и отчаянное барахтанье, боязнь того, что произойдет, и одновременно боязнь упасть на далекую землю. Я увидел черноту открытой двери, которая должна проглотить меня, ощутил никогда не испытанный ранее страх, закричал, закричал... и чернота.

Солнце било мне в глаза, согревая, превращая черноту в плывущее розовое. Я открыл глаза и тут же заслонил их от сверкания. Я лежал спиной на траве, и солнце уже поднялось над горизонтом. Было не менее шести часов утра. А ведь было только четыре, когда...

Треножник.

Я вспомнил и ощутил прилив страха. Мне не хотелось смотреть в небо, но я знал, что должен. Небо было голубое и пустое. Виднелись верхушки деревьев. Больше ничего. Я встал и осмотрелся. Замок, а рядом, на том месте, что и вчера, треножник. Неподвижный, как замок, как скалы.

В пятидесяти ярдах от меня щипал росистую траву Аристид со спокойным удовлетворением, как лошадь на хорошем пастбище. Я пошел к нему, стараясь привести мысли в порядок. Сон это, кошмар, привиделось из-за падения с лошади? Но я ясно вспомнил, как поднимался в воздухе, и дрожь прошла по моему телу. Сомневаться не приходилось — это произошло. Страх и отчаяние были реальны.

Что же тогда? Треножник поднял меня. Неужели... Я поднял руку к голове, пощупал волосы, череп. Никакой металлической сетки. На меня не надели шапку. Вместе с облегчением я почувствовал тошноту и вынужден был остановиться и перевести дыхание. Аристид поднял голову и легонько заржал в знак того, что узнает меня.

Сейчас самое главное. Замок уже просыпается, по крайней мере слуги. Времени больше нет... меня все еще могут увидеть с укреплений. Я взял лошадь за повод, вставил ногу в стремя и сел в седло. Поблизости река мелела, здесь брод. Я двинул жеребца вперед, он охотно послушался. Переправляясь, я снова оглянулся. Ничего не изменилось, треножник не двигался. На этот раз облегчение не ослабило, а подбодрило меня. Вода плескалась у ног Аристида. Ветер усилился и принес запах, который мучил меня, пока я не вспомнил. Так пахли кусты на речном острове, где мы с Элоизой проводили время и где я был так счастлив, а она говорила о будущем. Я добрался до противоположного берега. Дорога, ровная и прямая, вела через ржаное поле. Я пустил Аристида рысью.

Мы безостановочно двигались несколько часов. Вначале местность была пустынной, но позже мне попадались люди, шедшие на поля или уже работавшие там. С первыми я столкнулся неожиданно, выехав из-за поворота, и испугался. Но они поклонились, когда я проезжал мимо, и я понял, что они кланяются седлу и моей красивой одежде. Для них я был представителем дворянства и знатным человеком, выехавшим на прогулку до завтрака. И все же я избегал встреч с людьми, если мог, и был рад, когда обработанные земли кончились, и началось холмистое взгорье, где мне встречались только овцы.

У меня было время подумать о треножнике, о том поразительном факте, что меня схватили, но отпустили, не причинив вреда, не надев шапки. Но никакой причины я не мог найти. Пришлось отнести это к тем загадочным поступкам треножников, причины которых нам неизвестны, — каприз, может быть, как каприз заставил треножника кружиться вокруг "Ориона", завывая от гнева, радости или какой-то совсем другой, непонятной нам эмоции, а потом унестись прочь. Эти создания не были людьми, и не следовало искать для их действий человеческих мотивов. Реальностью оставалось то, что я был свободен, что мой мозг по-прежнему принадлежал мне.

Я поел, напился из ручья, сел верхом и поехал дальше. Я думал о тех, кого оставил в замке: о графе и графине, рыцарях и оруженосцах, с которыми я познакомился, и об Элоизе. Я был убежден теперь, что они меня не найдут: копыта Аристида не оставляют следов на короткой траве и сухой земле, а они не смогут надолго оторваться от турнира для поисков. Они казались так далеко от меня, не по расстоянию, а как люди. Я помнил их доброту — нежность и деликатность графини, смех графа и его тяжелую руку на своем плече, — но было что-то нереальное в моих воспоминаниях о них. Кроме Элоизы. Я ясно видел ее, слышал ее голос, как слышал и видел ее много раз за прошлые недели. Но резче и больнее всего вспоминалось мне выражение ее лица, когда она сказала, что идет служить треножникам и добавила:"Я счастлива, так счастлива!". Я пнул Аристида, он коротко фыркнул в знак протеста, но перешел на галоп.

Холмы впереди вздымались все выше и выше. На карте был обозначен проход, и если я не сбился с пути, то скоро должен увидеть его. Я натянул поводья на вершине холма и огляделся. Мне показалось, что я вижу впереди в нужном месте проход, но все дрожало в жаркой дымке и трудно было

разглядеть подробности. Однако внимание мое привлекло кое-что поближе.

Примерно в полумиле впереди что-то двигалось. Пешеход, два пешехода. Я еще не мог их узнать, но кто еще мог оказаться в этом пустынном месте? Я снова пустил Аристида в галоп.

Они повернулись, встревоженные топотом копыт, но задолго до этого я уверился, что это они. Боюсь, что когда я остановился перед ними и спрыгнул со спины лошади, я испытывал гордость своим мастерством всадника.

Генри удивленно смотрел на меня. Бинпол сказал:

— Значит, ты пришел, Уилл?

— Конечно. А ты думал иначе?

Глава восьмая

Бегство и преследование

Я ничего не сказал им об Элоизе и о том, что изменило мои планы. И не потому, что мне было стыдно признаваться, насколько я серьезно решил остаться и дать надеть на себя шапку из-за всего того, что меня ожидало, — конечно, мне было очень стыдно. Я ни с кем не хотел говорить об Элоизе. Генри сделал одно или два замечания о ней, но я промолчал. Впрочем, он был так поражен моим появлением, что почти ничего не говорил.

Я рассказал им о моей встрече с треножником. Я надеялся, что они прольют хоть какой-то свет на это происшествие; может быть, Бинпол выработает какую-нибудь теорию, объясняющую это, но они были в таком же недоумении, как и я. Бинпол просил меня вспомнить, действительно ли я оказался внутри треножника и что я там увидел, но я, конечно, не мог.

Именно Бинпол сказал, что нужно отправить Аристида. Я не думал об этом, только смутно представлял себе, как, найдя их, я великодушно предложу им ехать по очереди, оставаясь владельцем Аристида. Но Бинпол справедливо заметил, что три мальчика и лошадь — совсем не то, что три пеших мальчика. Нас все заметят и будут задавать вопросы.

Я неохотно признавал, что нельзя оставлять Аристида с нами. Мы сняли седло, потому что на нем был герб графов де ла Тур Роже, и спрятали его под скалой, забросав землей и камнями. Когда-нибудь его найдут, конечно, но не так быстро, как Аристида... Он хороший конь, и тот, кто найдет

его, без всадника и упряжки, не будет очень уж старательно искать владельца. Я снял с него уздечку, и он закачал головой, благодаря за свободу. Потом я резко шлепнул его по боку. Он отскочил на несколько ярдов и остановился, глядя на меня. Я думал, что он не захочет уйти, и старался придумать хоть какой-то предлог, чтобы он подольше оставался с нами, но он заржал, снова замахал головой и поскакал на север. Я отвернулся, не в силах смотреть на него.

И вот мы снова в пути втроем. Я был очень рад их обществу и придерживал язык даже в отношении Генри, который, оправившись от изумления, сделал несколько ехидных замечаний о том, как трудно мне будет теперь после роскоши, к которой я привык в замке. Бинпол вмешался, остановив его. Мне кажется, Бинпол решил, что поскольку в каждой группе должен быть предводитель, в нашей таким предводителем будет он. Я не хотел возражать ему, по крайней мере в этот момент.

Ходьба показалась мне утомительной. Для езды верхом нужны совсем другие группы мускулов, да и отвык я от напряжения во время болезни и последующего выздоровления. Я сжал зубы и держался наравне с остальными, стараясь не показать своей усталости. Но обрадовался, когда Бинпол предложил остановиться для еды и отдыха.

Ночью, когда мы спали под звездами, а подо мной был не мягкий матрац, к которому я успел привыкнуть, а жесткая земля, мне стало даже немного жаль себя. Но я так устал, не спав предыдущую ночь, что не долго бодрствовал. Утром у меня болело все тело, как будто кто-то всю ночь бил меня. День был снова ярким и тихим, и не было даже легкого ветерка, освежавшего нас вчера. Это четвертый, последний день турнира. Будет общая схватка и езда по кругу. Элоиза по-прежнему носит свою корону и раздает награды победителям. А завтра...

Вскоре мы достигли прохода, обозначенного на карте. Двигались мы вдоль реки, спускавшейся вдоль холмов, ее течение прерывалось время от времени водопадами, иногда довольно большими. Карта показывала, что выше есть еще одна река, и на некотором расстоянии эти реки текут параллельно. К этому месту мы подошли вечером.

Вторая река, за исключением нескольких мест, где она разбила́ свои берега, была удивительно прямой и одинаковой по ширине. Больше того, она текла на разных уровнях, и границы между ними обозначались хитроумными приспособлениями — сгнившими балками, проржавевшими колесами и т.д., — видимо, работой древних. Бинпол, конечно,

все рассмотрел в свое удовольствие. Люди сделали вторую реку, выкопали русло, и может быть, пустили в нее воду из главной реки. Бинпол показал нам под вокруг растущей травой и другой растительностью, покрывавшей берега, блоки, тщательно уложенные и скрепленные. А что касается приспособлений, то они предназначались для того, чтобы помочь лодкам проходить с одного уровня на другой, последовательно заполняя водой секции. В его объяснении это звучало разумно, но он умел правдоподобно выдумывать.

Эта идея все больше воодушевляла его, пока мы шли вдоль реки. Он был уверен, что перед нами водная шмен-фе, лодки перевозили по ней грузы, а люди входили и выходили в тех местах, где были колеса и другие устройства.

— А лодки толкали твои паровые котлы, — сказал Генри.

— А почему бы и нет?

Я сказал:

— Некоторые остановки совсем рядом друг с другом, другие — в милях. И ни признака того, что здесь когда-то были деревни.

Бинпол нетерпеливо возразил:

— Невозможно понять все, что делали древние. Но они построили эту реку, это несомненно, и должны были использовать ее. И ее можно снова заставить работать.

Там, где прямая река резко сворачивала к северу, мы оставили ее. Дальше местность стала более неровной, следы человека там встречались гораздо реже. Пища снова стала проблемой. Мы съели то, что захватили в замке, а находить здесь что-нибудь было трудно. Однажды мы набрели на гнездо дикой куропатки. В гнезде было четырнадцать яиц, десять из них мы смогли съесть; остальные оказались порченными. Мы с большим удовольствием съели бы и саму куропатку, если бы поймали.

Наконец мы увидели с холмов широкую зеленую долину, по которой протекала большая река. В отдалении поднимались другие холмы. За ними, в соответствии с картой, находились горы. Там конец нашего пути. Но долина была покрыта полями, виднелись дома, фермы, деревни. Там была пища.

Но добыть ее оказалось труднее, чем мы ожидали. Три наши первые попытки ни к чему не привели: два раза из-за яростно лающих собак, в третий раз из-за самого фермера, который проснулся и выбежал с криком, когда мы бежали по его двору. Мы нашли картофельное поле и отчасти удовлетворили свирепый голод, но картофельная диета слишком бедна для путешествий и жизни. Я тоскливо думал о пище,

которая пропадает в замке. Я рассчитал, что сегодня день надевания шапок, когда задается еще более великолепный пир, чем во время турнира. Но, думая об этом, я вспомнил и об Элоизе, которой на пиру уже не будет. Существует нечто худшее, чем голод, и из-за него можно перенести и болезни, и физические неудобства.

На следующее утро нам повезло. Мы прошли уже половину долины (реку мы переплыли, а потом, когда мы, уставшие, лежали на берегу, солнце нас высушило) и снова начали подъем. На пути была деревня, которую мы решили обогнуть. Даже на расстоянии в ней виднелись флаги и вымпелы; отмечался какой-то местный праздник. Я подумал о надевании шапок, но Бинпол заметил, что, скорее, это какой-то церковный праздник — они более обычны в этой земле, чем в Англии.

Мы следили некоторое время и стали свидетелями исхода из фермы, находящейся в нескольких сотнях ярдов от кустарника, в котором мы лежали. К передней двери подвели две телеги, люди сели в них, лошади были украшены лентами, а люди одеты в праздничные костюмы. Они выглядели веселыми, и что гораздо важнее, сытыми.

Я голодно сказал:

— Как вы думаете, они все ушли?

Мы подождали, пока телеги не скрылись из виду, потом произвели разведку. Бинпол приблизился к дому, а мы с Генри ждали поблизости. Если в доме есть кто-нибудь, Бинпол извинится и уйдет. Если нет никого...

Там не было даже собаки — может быть, их взяли с собой на праздник, — и нам не пришлось взламывать дверь. Оказалось открытым окно, через которое я влез и откинул задвижку на двери. Мы не стали тратить времени и направились прямо в кладовку. Мы съели половину жареного гуся, холодную свинину, сыр с хрустящим хлебом. Когда мы съели, сколько смогли, то наполнили и наши мешки и ушли, пресыщенные и сонные.

А чувство вины? Это было наше самое крупное воровство. В деревне звонили колокола, и вдоль главной улицы двигалась процессия: дети в белом в сопровождении взрослых. Там были и фермер с женой. Вернувшись, они обнаружат свою кладовку пустой. Я мог представить себе, как расстроилась бы моя мать, представить гневное презрение отца. В Вертоне странника не отправляли голодным, но правило "твое и мое" было священно.

Разница заключалась в том, что мы не были странниками — мы находились вне закона. Специфическим, жалким об-

разом, но мы вели войну. Непосредственно — с треножниками, но не непосредственно — со всеми теми, кто, независимо от причины, поддерживал их. Включая — я вынужден был смотреть фактам в лицо — всех тех, кого знал и полюбил в замке де ла Тур Роже. Все были против нас в этой стране, через которую мы шли. Нам приходилось жить, опираясь на свои силы и средства: старые правила для нас недействительны.

Позже мы увидели идущий по долине треножник — первый, встреченный нами за несколько дней. Я решил, что Бинпол ошибался, что треножник направляется к деревне для надевания шапок, но он остановился в пустынной местности примерно в миле от нас. Он стоял тут неподвижно и мертво, как и возле замка. Мы пошли немного быстрее, чем раньше, и старались укрыться. Хотя в этом мало смысла: вряд ли он интересовался нами или даже просто видел нас. Через час мы потеряли его из виду.

Тот же самый или похожий треножник мы увидели на следующее утро. И опять он остановился на некотором расстоянии от нас и стоял там. Снова мы пошли и потеряли его из виду. Небо затянулось тучами, подул ветер. Мы прикончили пищу, взятую на ферме, и снова чувствовали голод.

К вечеру мы пришли к полю, поросшему растениями, которые поддерживались столбиками. На гибких ветвях виднелись гроздья маленьких зеленых ягод. Эти ягоды собирали, когда они достигали зрелости, и делали из них вино. Поблизости от замка было несколько таких полей, но я удивился, увидев, сколько их здесь и как эти поля — скорее террасы — были размещены, чтобы ловить дождь и солнце. Я был настолько голоден, что попробовал есть эти ягоды, но они оказались твердыми и кислыми.

Мы спали под открытым небом, но теперь погода менялась, и мы решили, что неплохо бы подыскать убежище. Мы даже нашли хижину, стоявшую на стыке трех полей. Помня наш последний опыт, мы подходили к ней осторожно, но Бинпол заверил нас, что ее используют, только когда собирают урожай. Поблизости не видно было никаких жилищ — только длинные ряды столбов и растений уходили в сумерки. Хижина оказалась абсолютно пустой, в ней не было даже стула или стола, только крыша, хотя местами и сквозь нее виднелось небо. Впрочем, от дождя она нас защитит.

Приятно было отыскать убежище, а покопавшись, мы обнаружили и еду, хотя и не очень съедобную. Это были связки лука. Такой лук люди в синих костюмах привозили иногда в Вертон из-за моря, но этот лук оказался высохшим, а ме-

стами и гнилым. Должно быть, его принесли с собой рабочие во время последнего сбора, хотя трудно было понять, почему они его оставили. Во всяком случае, протест наших желудков был до некоторой степени удовлетворен. Мы сидели на пороге хижины, жевали лук и смотрели, как темнеет в долине. Даже после ужина из высохшего лука с перспективой провести ночь на голом полу я чувствовал себя более довольным, чем живя в замке. Теперь я меньше думал о том, что недавно волновало меня, — все это отдалилось и поблекло. И мы двигались довольно быстро. Еще несколько дней — и мы достигнем гор.

Генри обошел вокруг хижины и позвал нас. Ему не понадобилось ничего показывать. На холме, не более чем в миле от нас, стоял треножник.

— Вы думаете, это тот же самый? — спросил Генри.

Я ответил:

— Его не было видно, когда мы входили в хижину. Я все время осматривался.

Генри с беспокойством сказал:

— Конечно, они все выглядят одинаково.

— Нужно идти, — сказал Бинпол. — Может, это и случайность, но лучше принять меры.

Мы оставили хижину и побрели по холму. Ночь мы провели в канаве. Я спал плохо, к счастью, не было дождя. Но сомневаюсь, чтобы я мог спать в хижине, зная, что снаружи стоит чудовищный часовой.

Когда мы утром пустились в путь, треножника не было видно, но вскоре после того, как мы остановились поесть, он — или другой такой же — вырисовался над вершиной холма и застыл примерно на таком же расстоянии от нас. Я почувствовал, как у меня дрожат ноги.

Бинпол сказал:

— Мы должны скрыться от него.

— Да, но как?

— Может, мы помогаем ему тем, что идем по открытой местности.

Перед нами расстилалось поле и виноградники. Слева, немного в стороне от нашего курса, виднелись деревья — по-видимому, край леса.

— Посмотрим, сможет ли он следить за нами сквозь ветви и листву, — сказал Бинпол.

Перед входом в лес мы увидели поле репы и заполнили ею мешки: впереди могло не быть возможности раздобыть пищу. Но какое облегчение оказаться в укрытии: толстый и

зеленый потолок раскинулся над нашими головами. Видны были лишь кусочки неба, но солнца не было.

Идти стало, конечно, труднее и утомительней. Местами деревья росли очень густо, а подлесок так сплетался, что приходилось искать обход. Вначале мы почти ожидали услышать треск ломающихся под ногами треножника деревьев, но проходили часы, а слышны были лишь обычные лесные звуки: пение птиц, лепет белочки, отдаленное хрюканье, вероятно, дикой свиньи. И мы были довольны. Хотя точно не знали, преследовали ли нас, теперь мы положили этому конец.

Мы провели время в лесу, остановившись немного раньше обычного, потому что набрели на хижину лесника. Тут были дрова, и я развел огонь, а Генри снял со стены несколько веревочных ловушек и расставил их поблизости от входа в норы кроликов. Позже, проверив ловушки, он нашел одного кролика. Мы выпотрошили его и зажарили. У нас еще оставалась репа, но тошно было даже смотреть на нее.

На следующее утро мы направились в открытую местность и спустя час достигли ее. Треножника не было видно, и мы в хорошем настроении пошли по местности, гораздо менее обработанной. Тянулись луга, на которых паслись коровы и козы, изредка попадались картофельные поля. Иногда встречались деревья с маленькими синими плодами, обладавшими сладким терпким вкусом. Мы наелись их и наполнили мешки мелкой картошкой.

Местность постоянно поднималась и становилась все более пустынной. Лес остался на востоке, но попадались сосновые рощицы. Мы шли в тишине, даже птиц не было слышно. К вечеру мы поднялись на вершину хребта; под нами на склоне холма лежали срубленные сосны; белели пни.

Это был хороший наблюдательный пункт. Мы видели окружающие холмы, покрытые темным лесом, а за ними... такие далекие, что казались крошечными и все же величественными... белые вершины, окрашенные в розовый цвет заходящим солнцем, вырисовывались на фоне голубого неба... Мы увидели Белые горы.

Генри ошеломленно сказал:

— Да ведь они в мили высотой!

— Наверно.

Я чувствовал себя лучше, глядя на них. Они сами по себе, казалось, бросали вызов металлическим чудовищам, которые беспрепятственно шагали по низинам. Теперь я верил, что люди смогли найти в горах убежище и жить там сво-

бодно. Я думал об этом, когда Бинпол неожиданно шевельнулся.

— Слушайте!

Я вслушался и обернулся. Он был за нами... далеко, конечно, но я знал, что это он — слышался треск и грохот деревьев под ударами массивных ног: гигант шел по сосновому лесу. Потом шаги смолкли. И в разрывах листвы мы увидели на фоне неба треножник.

— Мы не были на виду с утра, — сказал Бинпол. — Да и сейчас нас не видно. И однако он знает, что мы здесь.

С тяжелым сердцем я ответил:

— Возможно, это совпадение.

— Дважды — может быть. В третий раз — вряд ли. Но если то же самое происходит раз за разом... Он идет за нами, и ему даже не нужно нас видеть. Как собака идет по запаху.

— Это невозможно! — сказал Генри.

— Там, где другие объяснения не подходят, невозможное становится истиной.

— Но почему он идет за нами? Почему он просто не схватит нас?

— Кто может сказать, что у него на уме? Может, ему интересно, куда мы идем.

Недавнее радостное настроение исчезло... Белые горы существовали. Они могли бы нам предоставить убежище. Но до них еще много дней пути, а треножник лишь в нескольких гигантских шагах.

— Что же нам делать? — спросил Генри.

— Надо думать, — ответил Бинпол. — Пока он ограничивается тем, что идет за нами. Это дает нам время. Но, возможно, не так уж много.

Мы начали спускаться по склону. Треножник не двигался, но у нас на этот счет не было больше иллюзий. Мы тащились в отчаянном молчании. Я пытался придумать хоть какой-то способ отделаться от него, но чем больше я думал, тем безнадежней мне казалось наше положение. Может, товарищи что-нибудь придумают. Бинпол, скорее всего. Конечно, он что-нибудь придумает.

Но к тому времени, как мы остановились на ночь, он ничего не придумал. Мы спали под соснами. Здесь было сухо и сравнительно тепло, а постель из игл была мягче, чем все, на чем я спал после замка. Но в этом было мало утешения.

Глава девятая

Мы даем бой

Утро было пасмурное и соответствовало нашему настроению. У подножья сосен стоял тонкий серый холодный туман: мы проснулись, дрожа от холода, когда еще едва рассвело. Мы брели меж деревьев, стараясь согреться в движении, и грызли сырую картошку. Вечером мы не смогли разглядеть долину, а сейчас вообще ничего не было видно. Стало светлее, но туман ограничивал видимость. Видно было на несколько ярдов, а дальше стволы деревьев исчезали в дымке.

Конечно, мы не видели треножника. И ничего не слышали; слышались только звуки наших шагов, но и те на ковре опавших игл звучали так тихо, что вряд ли выходили за пределы видимости. Днем раньше это подбодрило бы нас, но теперь мы знали, что это безразлично. Сейчас наш преследователь за пределами видимости и слышимости. Но он был там и двадцать четыре часа назад и все же нашел нас в лесу.

Мы вышли из сосен на высокую влажную траву, которая тут же промочила нам ноги. Было очень холодно. Мы шли быстрее, чем обычно, но это не согрело нас. Я дрожал, зубы у меня слегка стучали. Мы почти не разговаривали. Не было смысла спрашивать Бинпола, не придумал ли он что-нибудь. Достаточно было взглянуть на его несчастное длинное лицо, розовое от холода, чтобы понять: нет, не придумал.

Спуск в долину был крутым, и мы двинулись на запад. Карта показывала, что если мы пройдем несколько миль вдоль долины, спуск будет легче. Мы автоматически продолжали идти по карте, за неимением другого выхода. Слышался отдаленный плеск воды. Мы пошли на него, увидели реку и двинулись вдоль нее. Мы шли уже несколько часов, но мне было так же холодно и сыро, как и в самом начале, голод усилился. Вокруг не было признаков пищи или жизни.

Постепенно туман рассеивался. Грязноватая серость белела, становилось прозрачно, и время от времени появлялись яркие полосы, отражавшиеся от серебряной поверхности воды. Настроение наше слегка улучшилось, а когда появилось солнце, вначале как туманное серебряное пятно, а потом уж как сияющий огненный диск, мы почувствовали себя сравнительно хорошо. Я говорил себе, что, может, мы ошиблись и у треножника нет никакого волшебного способа выслеживать нас. Может, он руководствовался чувствами —

слухом, зрением, которые просто тоньше, чем у нас. Но если это так, то долгий путь в тумане должен был сбить его со следа. Этот оптимизм был не очень разумен, но я почувствовал себя лучше. Последние клочья тумана рассеялись, и мы шли по широкой долине, освещенной солнцем. Пели птицы. Мы были совершенно одни.

Но тут послышался треск на склоне долины. Я оглянулся и увидел его, далекого, но отвратительно реального.

В полдень мы набрели на заросли хрена. Мы нарвали его и съели. Во рту жгло, было горько, но все же это была пища. Мы оставили долину и начали подъем по длинному, но сравнительно пологому склону, и треножник снова исчез из виду. Но не из сознания. Чувство безнадежности, ощущение западни, которая в нужный момент захлопнется, становилось все сильнее. Даже солнце, которое согревало нас с ясного неба, не веселило меня. Когда оно начало склоняться к западу и Бинпол предложил остановиться, я упал на траву, опустошенный и измученный. Остальные двое, немного передохнув, отправились на поиски пищи, но я не мог пошевелиться. Я лежал на спине, закрыв глава и закинув руки за голову. По-прежнему я не шевельнулся, когда они вернулись, обсуждая, можно ли есть змей — Генри видел одну, но не сумел убить. Я лежал с закрытыми глазами, когда Генри совсем другим голосом спросил:

— Что это?

Я был уверен, что это не имеет значения. Бинпол что-то ответил, но так негромко, что я не разобрал. Они пошептались. Я не открывал глаза. Они еще пошептались. Наконец Бинпол произнес:

— Уилл.

— Да?

— У тебя рубашка порвана под мышкой.

— Знаю. Порвал, когда пробирался сквозь кусты у реки.

— Посмотри на меня, Уилл. — Я открыл глаза и увидел, что он стоит надо мной. На лице у него было странное выражение. Что у тебя под мышкой?

Я сел.

— Под мышкой? О чем ты говоришь?

— Так ты не знаешь? — Я сунул правую руку под мышку. — Нет, с другой стороны.

На этот раз я использовал левую руку и коснулся чего-то, что не было плотью. И было оно гладкое и твердое, как маленькая металлическая пуговица. На поверхности ее пальцы мои нащупали нечто вроде тонкой сетки. Казалось, оно врос-

ло в мое тело, никакого перехода не было. Я поднял голову и увидел, что они смотрят на меня.

— Что это?

— Это металл шапки, — ответил Бинпол. — И оно вросло в тело, как шапка.

— Треножник... — начал я. — Вы думаете, когда он поймал меня у замка...

Мне не нужно было кончать предложение... Их лица показали, что они думают. Я отчаянно сказал:

— Вы думаете, я веду его? Я под контролем?

— Он идет за нами уже несколько дней, с тех пор, как ты догнал, — ответил Генри. — Что еще мы можем подумать.

Я смотрел на него. Загадочная способность треножника находить нас и загадка маленькой металлической пуговицы, вживленной в мое тело, — их нельзя было разделить, они связаны. Но мозг оставался моим, я не был предателем. Я был уверен в этом, как в своем существовании. Но как мне доказать это? Я не видел выхода.

Генри повернулся к Бинполу.

— Что мы будем с ним делать?

— Нужно подумать, прежде чем решать.

— У нас нет времени. Мы знаем, что он с ними. Он посылал им сигналы. Он, наверное, уже сообщил, что его поймали. Треножник может быть на пути сюда.

— Уилл рассказал нам о треножнике, — ответил Бинпол. — Что он поймал его и выпустил, что он был без сознания и ничего не помнит. Если бы его мозг служил треножникам, зачем бы он стал нам рассказывать об этом? И разве он не стал бы осторожнее, порвав рубаху? Пуговица очень мала, не как шапка, и далеко от мозга.

— Но ведь треножник по нему следит за нами.

— Да, это так. Компас — он показывает на север. Наверное, там много железа. Но если поднести ближе железный предмет, компас укажет на него. Мы же видим, почему он это делает. Треножник поймал Уилла, когда тот уходил из замка. Все остальные спали. Уилл был без шапки, но треножник не надел на него шапку. Может, ему стало интересно, куда идет Уилл и что собирается делать. И он снабдил его этой штукой, за которой можно идти, как по стрелке компаса.

Разумно. Я был уверен, что так и есть... Теперь при каждом движении я ощущал под рукой эту пуговицу. Было не больно, просто я знал, что она там. Почему я не чувствовал ее раньше? Та же мысль пришла в голову и Генри.

— Но он должен был знать о ней. Почувствовать.

— А может, и нет. В вашей стране бывают люди... которые развлекают — с животными, прыгают в воздухе, силачи и все такое прочее?

— Цирк, — ответил Генри. — Я однажды видел.

— К нам в город приезжал цирк, и там человек делал странные вещи. Он приказывал спать, и люди подчинялись его приказам. Они совершали даже такие поступки, из-за которых казались глупыми. Иногда приказ действовал спустя какое-то время. Моряк со сломанным бедром целую неделю ходил без костыля, после чего боль и хромота вернулись.

— Сейчас я чувствую ее, — сказал я.

— Мы тебе ее показали, — ответил Бинпол.

— Наверно, это и уничтожило приказ.

Генри сказал нетерпеливо:

— Это не меняет фактов. Треножник из-за этой штуки может следовать за нами и поймать, когда ему вздумается.

Я видел, что он прав, и сказал:

— Остается только одно.

— Что?

— Если мы разделимся, и я пойду другим путем, вы будете в безопасности.

— Другим путем к Белым горам? Но ты все же приведешь его туда. Вероятно, это ему и нужно.

Я покачал головой.

— Я туда не пойду. Вернусь назад.

— И будешь пойман. И на тебя наденут... наденут шапку?

Я вспомнил, как меня сорвали со спины Аристида, как отделялась земля внизу. Надеюсь, я не побледнел от страха, который испытал.

— Сначала нужно меня поймать.

— Поймает, — сказал Бинпол. — У тебя никаких шансов уйти.

— Я могу по крайней мере увести его в сторону.

Наступило молчание. Как я сказал, это единственный выход, и они должны будут согласиться. И говорить им ничего не нужно. Я встал и отвернулся.

— Уилл, — сказал Бинпол.

— Что тебе?

— Я сказал, что мы должны подумать. Я думал. Эта штука у тебя под мышкой, она маленькая, и хотя посажена прочно, не думаю, что она уходит глубоко.

Он помолчал. Генри спросил:

— Ну и что?

Бинпол посмотрел на него, потом на меня.

— Поблизости нет крупных сосудов. Но будет больно, если мы вырежем.

Сначала я не понял, к чему он ведет, а когда понял, от радости у меня закружилась голова.

— Ты думаешь, мы сможем?

— Попробуем.

Я начал стаскивать рубашку.

— Не будем тратить времени.

Бинпол не торопился. Он заставил меня лечь, подняв руки, и ощупал пальцами пуговицу и кожу вокруг нее. Я хотел, чтобы все поскорее кончилось, но был в его руках и понимал, что не должен проявлять нетерпения.

Наконец он сказал:

— Да, будет больно. Я постараюсь сделать это побыстрее, но тебе нужно что-нибудь закусить. А ты, Генри, держи его руки, чтобы он не мог вырваться.

Он дал мне кожаную лямку от своего мешка, чтобы я зажал ее в зубах; я ощутил на языке кислый резкий вкус. Нож был тот самый, что мы подобрали в большом городе. Его лезвие было покрыто чем-то вроде жира, и Бинпол немало времени провел, затачивая его. Но все же оно было, по-моему, недостаточно острое. По знаку Бинпола Генри зажал мне руки. Я лежал на левом боку лицом к земле. Прополз муравей и исчез в гуще стебельков травы. Потом Бинпол навалился на меня всем весом своего тела, левой рукой он еще раз ощупал пуговицу у меня под мышкой. Я как раз закусил ремень, когда он сделал первый надрез. Тело мое дернулось, я чуть не вырвал у Генри свои руки. Боль была мучительной.

Последовал еще один удар боли, и еще. Я старался крепче сжимать кожу, мне показалось, что я прокусил ее. Капли пота выступили у меня на лице; я видел, как они падали в пыль. Я хотел крикнуть ему, чтобы он прекратил, чтобы кончилась боль, и уже выпустил кожу, чтобы сказать об этом, как новый удар боли заставил снова прикусить ее вместе с языком. Горячий соленый вкус крови во рту и слезы на глазах. С огромного расстояния я услышал слова Бинпола:

— Отпусти его.

Руки мои были свободны. Боль была по-прежнему сильна, но все же легче, чем только что. Бинпол встал, и я начал подниматься вслед за ним на ноги.

— Как я и думал, — сказал Бинпол, — оно только на поверхности. Смотри.

Я выплюнул ремень и посмотрел то, что он держал в руке. Пуговица была серебряно-серая, примерно полдюйма в диаметре, толще в центре и заострялась к краям. Она была цельной, но производила впечатление, будто внутри ее имеются сотни крошечных деталей. К ней были прикреплены окровавленные клочки моего тела, вырезанные Бинполом.

Бинпол потрогал пуговицу пальцем.

— Любопытно, — сказал он. — Я хотел бы изучить ее. Жаль, что мы должны ее оставить.

Во взгляде его отражался неподдельный интерес.У Генри, который тоже смотрел на пуговицу, позеленело лицо. И во мне, при виде клочков мяса, поднялась тошнота. Я отвернулся. Когда я пришел в себя, Бинпол все еще разглядывал пуговицу.

Тяжело дыша, я сказал:

— Выбрось ее. И нам лучше идти. Чем дальше мы отсюда уйдем, тем лучше.

Он неохотно кивнул и бросил ее на траву.

— Как твоя рука? Сильно болит?

— Не помешает идти час-другой.

— Тут есть трава, которая залечивает раны. Я поищу ее по пути.

У меня уже вытекло немало крови, и она продолжала течь. Я вытирал рубашкой, а потом скатал ее в сверток и сунул под мышку. Так я и шел. Мое предположение, что ходьба отвлечет меня от боли, оказалось неверным. Болело даже сильнее, чем раньше. Но я избавился от пуговицы треножника, и каждый шаг уводил меня все дальше.

Мы продолжали подъем по неровной, большей частью открытой местности. Солнце садилось справа от нас: по другую сторону длинные тени почти поравнялись с нами. Мы молчали. Я сжимал зубы от боли. Если бы мы были в состоянии оценить, вечер стоял прекрасный и мирный. Тихо и спокойно. Ни звука, кроме...

Мы остановились и прислушались. Сердце у меня сжалось, боль на мгновение отступила, сменившись страхом. Звук, слабый, но постепенно усиливавшийся, доносился сзади — отвратительное улюлюканье, которое мы слышали в каюте "Ориона", — охотничий крик треножника.

Секунду спустя он вышел из-за холма, несомненно, направляясь к нам. Он был на расстоянии нескольких миль, но приближался быстро, гораздо быстрее обычной своей походки.

— Кусты... — сказал Генри.

Больше говорить не потребовалось: мы уже бежали. Кусты представляли собой единственное убежище, куда мы успели бы добежать. Они доходили нам едва до плеча. Мы поползли, забираясь в центр поросли.

Я сказал:

— Не может быть, что он по-прежнему идет за мной.

— Пуговица, — объяснил Бинпол. — Мы вырезали ее и тем самым подняли тревогу. И он пошел за тобой, на этот раз охотясь.

— Как ты думаешь, он нас видит?

— Не знаю. Он далеко, а света мало.

В сущности солнце уже зашло; небо над нашим убежищем окрасилось золотом. Но все же было ужасно светло, гораздо светлее, чем когда я покидал замок. Я старался успокоить себя тем, что был тогда гораздо ближе к треножнику. Вой раздавался все ближе и громче. Должно быть, треножник уже миновал место, где Бинпол сделал операцию. А это значит...

Я почувствовал, как земля подо мной дрожит, снова и снова, с все большей силой. Мимо мелькнула нога треножника, и я увидел полушарие, черное на фоне неба, и постарался втиснуться в землю.В этот момент улюлюканье прекратилось. В тишине послышался другой звук — что-то пронеслось по воздуху. Щупальце ухватило два-три куста, вырвало их с корнем и отбросило прочь.

За моей спиной Бинпол сказал:

— Он знает, что мы здесь. Он может вырвать все кусты, и мы будем видны.

— Или убьет нас, вырывая кусты, — добавил Генри. — Если эта штука ударит тебя...

Я сказал:

— Я покажусь.

— Бесполезно. Он знает, что нас трое.

— Можно разбежаться в разных направлениях, — предложил Генри. — Один из нас может уйти.

Я видел, как взлетают в воздух кусты. К страху невозможно привыкнуть: он охватывает все сильней.

— Мы можем сразиться с ним, — сказал Бинпол. Он сказал это с безумным спокойствием, от которого я чуть не застонал.

— Чем? — спросил Генри. — Кулаками?

— Металлическими яйцами. — Бинпол уже открыл свой мешок и рылся в нем. Щупальце треножника снова опустилось. Оно систематизированно вырывало кусты. Еще немного — и оно будет рядом. — Может, именно для этого их

использовали наши предки. Они ушли под землю, чтобы сражаться.

— И погибли, — сказал я. — Как ты думаешь?

Но он уже доставал яйца.

Генри сказал:

— Я их выбросил. Слишком тяжело.

Щупальце скользнуло вниз, и на этот раз вырванные кусты осыпали нас землей.

Бинпол сказал:

— Четыре яйца. — Он протянул по одному Генри и мне. — Я возьму остальные. Потянув за кольцо, считайте до трех. И бросайте. В ближайшую ногу. Полушарие слишком высоко.

На этот раз я увидел щупальце в непосредственной близости от себя.

— Давай! — крикнул Бинпол.

Он потянул за кольцо, Генри сделал то же самое. Я держал яйцо в левой руке и должен был переложить в правую.

Боль рванула мне руку, и я уронил яйцо. Я наклонился, отыскивая, когда Бинпол крикнул: "Кидай!".Они выскочили, а я подобрал яйцо, не обращая внимания на боль в руке, и тоже встал. И тут же выдернул кольцо.

Ближайшая нога треножника находилась на склоне, примерно в тридцати ярдах от нас. Бинпол бросил первым и промахнулся: яйцо на целых десять ярдов не долетело до цели. Его второй бросок и бросок Генри были ближе к цели. Одно яйцо со звоном ударило о металл. Почти тут же они взорвались. Послышалось три почти одновременных взрыва, и столбы земли и пыли взлетели в воздух.

Но они не могли скрыть очевидного факта — яйца не причинили никакого вреда треножнику. Он стоял прочно, как и раньше, и щупальце его снова опускалось, на этот раз прямо к нам. Мы побежали, вернее в моем случае приготовились бежать. Прежде чем я успел шевельнуться, щупальце ухватило меня за талию. Я отрывал его левой рукой, но это было все равно, что пытаться сдвинуть скалу. Оно держало меня с удивительной точностью, прочно, но не больно, и поднимало так, как я мог бы поднять мышь. Но мышь может укусить, а я ничего не мог сделать державшей меня жесткой сверкающей поверхности. Меня поднимало ... вверх, вверх. Земля внизу уменьшалась, я увидел маленькие фигурки Бинпола и Генри. Они убегали, как муравьи. Я посмотрел вверх и увидел отверстие в боку полушария. И вспомнил, что в правой руке у меня сжато железное яйцо.

Много ли времени прошло с тех пор, как я выдернул кольцо? В страхе и сомнении я забыл считать. Несколько секунд, оно сейчас взорвется. Щупальце теперь втягивало меня внутрь. Отверстие в сорока футах, тридцати пяти, тридцати. Я откинулся назад, борясь против сжимающей меня ленты. Руку мою снова пронзила боль, но я не обратил на это внимания. Изо всех сил я бросил яйцо. Вначале я промахнулся, но яйцо ударилось о край отверстия и отскочило внутрь. Щупальце продолжало нести меня вперед. Двадцать футов, пятнадцать, десять...

Хотя я находился близко, взрыв прозвучал не так громко, как остальные три, должно быть потому, что произошел внутри полушария. Послышался глухой звук, похожий на звон. Меня снова охватило отчаяние — последняя возможность не удалась. Но в тот же момент я почувствовал, что металлические объятья разжимаются, и я падаю.

Я находился втрое выше вершин сосен: кости мои разобьются о землю, когда я упаду. Я отчаянно ухватился за металл, с которым несколько секунд назад столь же отчаянно боролся. Руки мои цеплялись за щупальце, но я продолжал падать. Я посмотрел на землю и закрыл глаза, чтобы не видеть, как она летит мне навстречу. Но последовал толчок, и движение прекратилось. Ноги мои повисли в нескольких футах от земли. Мне осталось только выпустить щупальце и спрыгнуть.

Бинпол и Генри подбежали ко мне. Мы со страхом смотрели на треножник. Он стоял внешне невредимый. Но мы знали, что он разбит, уничтожен, лишен жизни.

Глава десятая

Белые горы

Бинпол сказал:

— Не знаю, сообщил ли он другим перед смертью, но нам лучше уходить.

Генри и я радостно согласились. Что касается меня, то, даже зная, что он мертв, я боялся его. Мне казалось, что он вот-вот обрушится на нас, раздавит своим чудовищным весом. Мне отчаянно хотелось побыстрее уйти из этого места.

— Если придут другие, — сказал Бинпол, — они обыщут все окрестности. Чем мы дальше успеем уйти, тем лучше для нас.

Мы побежали по холму и бежали, пока хватало дыхания. Рука у меня болела, но я как-то меньше ощущал эту боль. Однажды я упал, и было так хорошо просто лежать, прижавшись лицом к траве и к пыльной земле. Мне помогли встать, и я был отчасти благодарен, а отчасти недоволен.

Нам потребовалось полчаса, чтобы добраться до вершины. Тут Бинпол остановился, и мы вместе с ним — не думаю, чтобы я мог сделать еще хоть несколько шагов, прежде чем снова упаду. И никакая помощь не поставит меня на ноги. Я глотая воздух, который резал мне легкие. Постепенно теснота в груди прошла, и я смог дышать без боли.

Я посмотрел вниз, на длинный склон, по которому мы поднялись. Наступала тьма, но треножник был еще виден. Неужели я убил его? Я начал понимать всю невероятность того, что сделал, не с гордостью, а с удивлением. Неуязвимые, непобедимые хозяева Земли — и моя рука принесла одному из них смерть. Я подумал, что теперь знаю, что чувствовал Давид, когда увидел Голиафа, падающего в пыль в долине Элах.

— Смотрите, — сказал Бинпол. Голос его звучал тревожно.

— Куда?

— На запад.

Он указал. В отдалении что-то двигалось. Знакомая ненавистная форма вырисовывалась на фоне неба, за ней вторая, третья. Они были еще далеко. Но приближались.

Мы снова побежали вниз, по другому склону хребта. Тут же треножники исчезли из виду, но это было слабым утешением; мы знали, что они в соседней долине, и понимали ничтожность нашей быстроты сравнительно со скоростью их передвижения. Я надеялся, что они некоторое время останутся с мертвым треножником. Но, казалось, их немедленной задачей было отыскать убийцу и отомстить ему. Я споткнулся на неровной земле и чуть не упал. Но ведь сейчас темно и становится все темнее. Если только у них не кошачье зрение, наши шансы намного улучшаются.

В долине не было никакого укрытия, я не видел ни одного куста. Лишь жесткая трава и выступы камня. Около одного из них мы отдыхали, когда усталость заставила нас остановиться. Вышли звезды, но луны не было; она не взойдет еще несколько часов. Я радовался этому.

Луны нет, но над хребтом появился свет, он двигался, менял форму. Несколько огней? Я обратил на них внимание Бинпола. И он сказал:

— Да. Я уже видел такое.

— Треножники?

— А что же еще.

Огни превратились в лучи, протянувшиеся по небу, как руки. Они укорачивались, а один из них изогнулся, так что один конец его опускался вниз. Я не видел, что находится за лучом, но это легко было представить. Лучи света исходили из полушария и освещали треножникам путь.

Они шли на расстоянии ста ярдов друг от друга, и лучи освещали всю местность перед и между ними. Шли они медленно, медленнее даже, чем обычно, но даже так мы не могли бы сравняться с ними. К тому же они, насколько нам было известно, не знали усталости. Они не издавали ни звука, слышались лишь тупые удары ног о землю, и это было даже ужаснее, чем охотничье улюлюканье.

Мы бежали, останавливались и бежали снова. Чтобы не тратить силы на еще один подъем, мы шли по дну долины на запад. В темноте мы спотыкались, падали и ушибались. За нами двигались столбы света, качаясь взад и вперед. Во время одной из остановок мы увидели, что треножники разделились. Один перевалил через хребет в соседнюю долину, другой пошел на восток. Но третий двигался за нами и постепенно нагонял нас.

Мы услышали плеск ручья и по предложению Бинпола устремились к нему. Поскольку треножники разошлись в разных направлениях, было маловероятно, чтобы они шли по запаху, как собаки, но, возможно, они увидят наши следы в траве и на мягкой земле. Мы вошли в ручей и двинулись по воде. Ручей был всего несколько футов шириной, к счастью, совсем мелкий и по большей части с ровным дном. Прекрасные кожаные башмаки, сшитые для меня сапожником в замке, не улучшились от воды, но у меня были более важные поводы для размышлений.

Мы снова остановились. Ручей плескался у наших ног. Я сказал:

— Бесполезно. Он догонит нас через четверть часа.

— Что же мы можем сделать? — спросил Генри.

— Остался только один треножник. Его свет покрывает все дно долины и немножко захватывает склоны. Если мы побежим вверх по склону, возможно, он пройдет мимо.

— Или увидит наши следы, ведущие от ручья, и тут же нас поймает.

— Нужно идти на риск. Иначе у нас нет шансов. О чем ты думаешь, Бинпол?

— Я? Я думаю, что уже немного поздно. Посмотрите вперед.

Впереди виднелся свет, который становился все ярче и вскоре превратился в луч. Мы смотрели в молчании и отчаянии. Другой свет, приближающийся по вершине хребта, и как раз там, куда я предлагал подняться. А в отдалении виднелись и другие лучи, на противоположном склоне. Не только один треножник безжалостно шел за нами сзади. Они все были вокруг нас.

— Разделимся? — предложил Генри. — Тогда у нас будет немного больше шансов.

— Нет, — ответил я. — Шансы те же. Просто их вообще нет.

— Нужно идти. На месте они нас тем вернее поймают, — сказал Генри.

— Подождите, — проговорил Бинпол.

— Чего ждать? — Еще несколько минут, и будет поздно.

— Вот эта скала.

Из-за рассеянного света от лучей треножников видимость стала лучше. Мы видели друг друга и немного окружение. Бинпол указал вниз по ручью. В двадцати ярдах от нас виднелась скала выше головы.

— Она может дать нам укрытие, — сказал Бинпол.

Я сомневался в этом. Мы могли бы прижаться к скале, но лучи все равно отыщут нас. Но ничего лучшего предложить я не мог. Бинпол с плеском пошел по ручью, мы за ним. Ручей протекал рядом со скалой. И скала достигала тридцати футов в длину. Ее верхняя часть оказалась гладкой, слегка изогнутой и совсем не давала укрытия. Зато нижняя часть...

Когда-то ручей был больше, стремительней и подрыл скалу у основания. Мы наклонились, ощупывая углубление руками. В самом высоком месте оно достигало двух футов и проходило под всей скалой. С севера появилось еще два луча. Времени больше не оставалось. Мы втиснулись в щель, головой и ногами: Бинпол, затем Генри и в конце я. Правая моя рука была прижата к скале, но левый бок казался ужасно открытым. Я старался прижаться плотнее, даже причиняя боль руке. Стоило мне чуть-чуть приподнять голову, как она касалась скалы. Звук моего дыхания, казалось, эхом отдавался во всем укрытии.

Бинпол прошептал:

— Не разговаривать. Мы должны лежать совсем тихо. С час, может быть.

Я видел, как снаружи становилось все светлее — это приближались треножники, — и слышал все более тяжелые удары их ног. Я постепенно стал видеть, как свет начал отражаться дальше по ручью. И тут прямо перед моим лицом

ночь превратилась в день, я мог видеть даже камешки, стебельки травы, застывшего в неподвижности жука — все с ужасной ясностью. Земля затряслась, и нога треножника опустилась в нескольких ярдах от нас. Я еще плотнее прижался к скале. Предстоял долгий час.

И действительно, он оказался долгим. Всю ночь лучи света двигались над долиной, приближаясь и удаляясь, снова и снова пересекая местность. Наконец наступил рассвет, но охота не прерывалась. Треножники продолжали ходить взад и вперед. И хотя, возможно, мимо несколько раз проходил один и тот же, всего их тут собрались десятки.

Но они не видели нас, и по мере того, как медленно уходили часы, мы все более и более убеждались, что и не увидят. Даже днем щель в скале не видна с высоты полушария. Мы не осмеливались покинуть убежище. Лежали в увеличивающемся неудобстве, скуке, голоде, а у меня добавлялась еще и боль. Рука начала сильно болеть, и временами я закусывал губу и чувствовал, как щеки мои смачиваются слезами.

К середине дня интенсивность поиска стала ослабевать. Иногда на протяжении пяти-десяти минут мы осмеливались выползти и вытянуть ноги, но всегда появлялся треножник, а иногда и целая группа. Мы не могли далеко отойти от щели: поблизости не было никакого другого убежища.

День сменился сумерками, сумерки ночью, и снова появились столбы света. Было их не так много, как раньше, но не было промежутка, чтобы не виделся хотя бы один из них, либо в долине, либо по хребтам. Иногда я начинал дремать, но ненадолго. Угнетающе действовало сознание нависшей над головой скалы, я замерз, рука у меня горела. Однажды я проснулся, застонав от боли. Уйдут ли они с рассветом? Я смотрел на небо, мечтая увидеть естественный свет. Наконец он наступил, серый, облачный рассвет, и мы, дрожа, выползли и осмотрелись. Уже с полчаса не видно было лучей. Но пять минут спустя мы торопливо заползли в щель: по долине шел треножник.

Так продолжалось все утро и большую часть дня. Я так одурел от голода и боли, что думал только о том, как бы продержаться от одного момента до другого, да и остальные были не в лучшем состоянии. Когда к вечеру треножники исчезли, мы не могли поверить, что охота окончена. Мы выползли из убежища, но несколько часов просидели у ручья, ожидая возвращения треножников.

Когда мы решились уходить, стало уже темно. Мы ослабели от холода и усталости. Пройдя с милю или две, мы упали и всю ночь пролежали на открытом месте, без всякой надежды скрыться, если вернутся треножники. Но они не вернулись, и рассвет показал нам пустую долину, обрамленную молчаливыми холмами.

Следующие дни были тяжелыми. Особенно для меня, потому что рука у меня воспалилась. В конце концов Бинпол вскрыл рану, и на этот раз, боюсь, я оказался менее терпелив и кричал от боли. Бинпол приложил к ране найденные им травы и перевязал обрывком рубахи. А Генри сказал, что это ужасная, должно быть, боль: он кричал бы еще сильнее. Я обрадовался его доброму отношению больше, чем ожидал.

Мы отыскали коренья и ягоды, но все время оставались голодны и дрожали в нашей тонкой одежде, особенно по ночам. Погода изменилась. Небо было затянуто облаками, с юга подул холодный ветер. Мы достигли плоскогорий, откуда надеялись увидеть Белые горы, но не увидели — только пустой серый горизонт. Иногда мне казалось, то, что мы видели раньше, — это мираж, а не реальность.

Потом мы спустились в долину и увидели полоску воды, такую обширную, что конца ее не было видно, — Большое озеро карты. Земля была богатой и плодородной. Мы находили все больше и больше пищи, а с удовлетворением голода поднималось и настроение. Травы Бинпола подействовали: рука постепенно заживала.

Однажды утром, отлично выспавшись на сеновале, мы обнаружили, что небо снова голубое, а все предметы видны отчетливо и ясно. Равнина на юге оканчивалась холмами, а за ними, величественные и такие близкие, что, казалось, можно коснуться их рукой, возвышались снежные вершины Белых гор.

Конечно, они были не так близко, как казалось. Оставалось еще немало миль по равнине, а затем по холмам. Но мы могли видеть их и шли в хорошем настроении. Мы шли уже с час, и мы с Генри подшучивали над гигантским паровым котлом Бинпола, когда он остановил нас. Я подумал, что наши шутки рассердили его, но затем ощутил, как под нами дрожит земля. Они приближались с северо-востока, слева и сзади от нас, — два треножника — двигаясь быстро и направляясь прямо на нас. Я отчаянно огляделся, но заранее знал, что увижу. Местность была плоской, без деревьев и скал, без изгородей и канав, а ближайшая ферма находилась в полумиле от нас.

— Побежим? — предложил Генри.

— Куда? — спросил Бинпол. — Не убежать. — И если уж он решил, что положение безнадежно, значит, оно действительно таково.

Через одну-две минуты они нас настигнут. Я перевел взгляд от них на белые вершины. Уйти так далеко, так много вынести, увидеть цель — и все напрасно.

Земля дрожала все сильнее. Они уже в ста ярдах, в пятидесяти... Они шли рядом, и щупальцы их странно извивались, описывая в воздухе причудливые траектории. А между и над ними что-то двигалось, что-то золотое подбрасывалось в ясное небо.

Они были рядом. Я ждал, что вот-вот опустится щупальце и схватит меня, и ощущал не страх, а бессильный гнев. Огромная нога опустилась в нескольких ярдах от нас. И вот они прошли мимо, уходят...

Бинпол удивленно сказал:

— Они нас не видели. Слишком заняты друг другом? Брачный обряд? Но ведь они машины. Что же тогда? Я бы хотел знать ответ на эту загадку.

Он, как всегда, приветствовал и загадку и ответ на нее. А я чувствовал лишь слабость облегчения.

Долгое, трудное и опасное путешествие — сказал мне Озимандиас. Так оно и оказалось. А в конце ждала трудная жизнь. Он был прав и в этом. У нас не было никакой роскоши, да мы ее и не хотели: тела наши и ум были устремлены к решению главной задачи.

Но тут были свои чудеса, из которых величайшим был наш дом. Мы не просто жили в Белых горах, мы жили в одной из гор. Древние построили здесь шмен-фе, высекли в сплошной скале тоннель. Зачем они сделали это, для какой цели, мы не знали; но этот тоннель стал нашей крепостью. Даже когда мы пришли летом, у входа в главный тоннель лежал снег. Но внутри горы было не так холодно, нас защищали толстые скальные стены.

У нас были наблюдательные пункты, откуда можно было видеть склоны. Иногда я приходил на один из таких пунктов и смотрел на зеленую солнечную долину далеко внизу. Там были деревни, крошечные поля, дороги, булавочные головки — скот. Жизнь казалась там теплой и легкой сравнительно с суровостью скал и льда, которые нас окружали. Я же не завидовал этой легкости.

Потому что неправда, будто у нас нет роскоши. Есть: свобода и надежда. Мы живем с людьми, чьи умы принадлежат

им самим, кто не признал господства треножников и кто, терпеливо вынеся многие лишения, готов был к войне с врагом.

Наши предводители создали совет, а мы были новичками и к тому же мальчишками — мы не знали, каковы планы и каково наше участие в них. Но мы знали, что будем участвовать, это несомненно. И еще одно несомненно: в конце мы уничтожим все треножники, и свободные люди будут наслаждаться добротой Земли.

КНИГА ВТОРАЯ

ГОРОД ЗОЛОТА И СВИНЦА

Глава первая

Трое избраны

Однажды Джулиус созвал совещание инструкторов, и все тренировки прекратились. Мы втроем: Генри, Бинпол и я — решили использовать свободное время для исследования верхних уровней тоннеля. Мы взяли на кухне продукты, с полдюжины больших, медленно сгорающих свечей и двинулись вверх по долгому извилистому склону от пещеры, в которой жили.

Вначале мы болтали, слыша, как эхо наших голосов отдается от скал, но по мере того, как продвижение становилось все более затруднительным, мы перестали разговаривать, сберегая силы. Древние разместили в пещере шмен-фе — железную дорогу, как она некогда называлась на моем языке, и металлические полосы уходили вдаль, казалось, бесконечно. Свечи давали мало света, но зато он не мигал: тут не было даже ветерка, который мог бы задуть пламя. Мы взбирались в гору, но изнутри нее.

Я удивляюсь этому, как всегда раньше. И это одна из бесчисленных загадок, оставленных нашими предками. Даже с теми замечательными машинами, которыми, мы знали, они обладали, должны были уйти многие годы, чтобы прорубить туннель в самом сердце горы. И для чего? Чтобы построить железную дорогу, ведущую на вершину, которая всегда покрыта снегом и льдом? Я не видел в этом никакого смысла.

Они были странные и удивительные люди. Я видел руины одного из гигантских городов с широкими улицами, которые тянулись на мили, со зданиями, устремившимися к небу, с огромными магазинами, где могли бы поместиться все дома моей родной деревни, и еще бы осталось место. Они легко и свободно передвигались по земле, могущество их было безмерно, почти непостижимо. И, несмотря на все это, треножники победили и поработили их. Как это случилось? Мы не знаем. Знаем только, что, кроме нас, горсточки живущих в

Белых горах, люди выполняют все приказы треножников, и выполняют с радостью.

С другой стороны, способ, которым они удерживают свое господство, совершенно очевиден. Это делается благодаря шапкам, сеткам из серебристого металла, которые плотно охватывают череп и врастают в тело. Шапку надевают в четырнадцать лет, обозначая этим превращение ребенка во взрослого. Треножник забирает тебя и возвращает. Вернувшиеся, за исключением вагрантов, несвободны, они не распоряжаются своим мозгом.

Мы шли все выше и выше по тоннелю. Изредка мы отдыхали, вытянув ноги. Иногда в этих местах были отверстия, сквозь которые видны горы и холодные, пустынные снежные поля, лежащие в их тени. Если бы мы знали, каким долгим и трудным будет подъем, мы бы, наверное, на него не решились, но теперь, уже зайдя так далеко, не хотели возвращаться. Изредка нам попадались разные предметы: пуговица, коробочка с надписью "Кэмел" и рисунком животного, похожего на горбатую лошадь, обрывок газеты, напечатанной на языке, который мы сейчас изучали. В обрывках речь шла о совершенно непонятных вещах. Всему этому было больше ста лет, это были реликвии мира до треножников.

Наконец мы достигли пещеры, где кончалась железная дорога. Каменные ступени вели в помещение, похожее на дворец. В огромном, обшитом деревом зале сквозь большие окна мы смотрели на удивительные картины. Снежные вершины окружали долину, через которую далеко внизу текла река. Вершины ослепительно сверкали на солнце, на них больно было смотреть. Жил ли здесь когда-то король — король, правивший миром и выбравший своим жилищем его крышу?

Но почему же королевский зал уставлен столиками и к нему примыкают кухни? Мы продолжали поиски и нашли надпись: "Отель "Юнгфрау". Я знал, что такое отель, — большая гостиница, в которой останавливались путники. Но здесь, на вершине горы? Эта мысль была еще более невероятна, чем мысль о королевском зале. Не король и его приближенные ходили по этим гулким помещениям и смотрели на вечные снега, но обычные женщины и мужчины. Действительно, странный и удивительный народ. В те дни, подумал я, все были короли и королевы.

Я смотрел вокруг. Здесь уже столетиями ничего не менялось. А для меня изменилось так много.

Нас было одиннадцать, готовившихся к первой атаке на врага. Учение было тяжелым, и физически, и умственно, но мы мало знали о своем задании и о том, как ничтожны наши шансы на успех. Дисциплина и тренировки немного увеличивали наши шансы, но нам нужны были даже самые ничтожные.

Мы — вернее, некоторые из нас — должны были произвести разведку. Мы почти ничего не знали о треножниках, не знали даже, разумные ли это машины или средства передвижения других разумных существ. Нужно было узнать больше, прежде чем надеяться на успех, и существовал лишь один способ получить эти знания. Кто-то из нас должен был проникнуть в город треножников, изучить их и вернуться с информацией.

План был таков. Город находится на севере, в стране, называемой Германия. Каждый год в него приносят некоторое количество только что надевших шапки, чтобы они служили треножникам. Отбирают их разными способами. Я сам был свидетелем одного способа в замке де ла Тур Роже, когда Элоиза, дочь графа, стала королевой турнира. Я пришел в ужас, узнав, что в конце своего короткого правления она станет рабыней врага, пойдет на это с радостью, считая честью.

Среди немцев каждое утро праздника проводились игры, на которые собирались молодые люди со всей земли. В честь победителей давали пир, после чего они тоже отправлялись служить в город. Мы надеялись, что на следующих играх один из нас выиграет и получит доступ в город. Мы надеялись... Что произойдет с ним потом, неизвестно. Для успеха придется целиком полагаться на себя, как в изучении треножников, так и в передаче информации. Последнее было, вероятно, труднее всего. Хотя ежегодно десятки, а может, сотни уходили в город, никто оттуда не вернулся.

И вот снег у входа в туннель, где проходили наши тренировки, начал таять, а неделю спустя лежал лишь островками, появилась свежая трава. Небо поголубело, солнце отражалось от белоснежных вершин, и мы быстро загорели в чистом, разреженном воздухе. В перерывах мы ложились на траву и смотрели вниз. В полумиле под нами виднелись маленькие фигурки. Нам они были видны, но от тех, кто мог бы заметить их из долины, они прятались. Это был наш первый отряд, отправившийся добывать продовольствие на богатых землях людей в шапках.

Я сидел с Генри и Бинполом немного в стороне от остальных. В горах жизнь всех тесно связана. Но у нас эта связь

была еще теснее. Трудности, выпавшие на нашу долю, уничтожили ревность и вражду, которые сменились подлинной дружбой. Все ребята в нашем отряде были друзьями, но отношения между нами троими все же были особыми.

Бинпол печально сказал:

— Я сегодня не взял метр семьдесят...

Говорил он по-немецки. Мы изучали этот язык и нуждались в практике. Я ответил:

— Иногда выходишь из формы. Ты еще наверстаешь.

— Но у меня с каждым днем результаты все хуже.

— А я сегодня обошел Родриго, — заметил Генри.

— У тебя все в порядке.

Генри тренировался в беге на длинные дистанции, и Родриго был его главным соперником. Бинпол упражнялся в прыжках в длину и в высоту. Я был одним из двух боксеров. Всего было четыре вида состязаний (четвертое — спринтерский бег), и они проходили в остром соперничестве. Генри хорошо шел с самого начала. Я был уверен в себе, во всяком случае, по отношению к здешнему противнику. Это был Тонио, смуглый юноша с юга, выше меня, с более длинными руками, но не такой быстрый. Бинпол же все пессимистичнее смотрел на шансы попасть в команду.

Генри успокаивал друга, говоря, что слышал, как инструкторы его хвалили. Интересно, правда ли это, или выдумано для поддержки? Я надеялся на первое.

Я сказал:

— Я спрашивал Иоганна, принято ли решение о том, сколько нас пойдет.

Иоганн, один из наших инструкторов, приземистый, мощный, светловолосый человек, выглядел диким злобным быком, но в глубине души был очень добр

— И что же он сказал?

— Он не уверен, но думает, что четверо — лучшие из каждой группы.

— Значит, трое нас и еще один, — сказал Генри.

Бинпол покачал головой:

— Мне не выйти.

— Выйдешь.

— А четвертый? — спросил я.

— Возможно, Фриц.

Это был лучший спринтер. Фриц — немец и пришел к нам из местности на северо-востоке. Главным его соперником был француз Этьен, который нравился мне больше. Этьен был веселый и говорливый, Фриц молчаливый и угрюмый.

— Пусть кто угодно, лишь бы мы втроем прошли, — сказал я.

— Вы двое пройдете, — сказал Бинпол.

Генри вскочил на ноги.

— Свисток. Пошли, Бинпол. Пора за работу.

У старших были свои задачи. Одни тренировали нас, другие уходили с отрядами за пищей. Были и такие, кто изучал немногие книги, оставшиеся от древних, и старался заново постигнуть чудеса искусства наших предков. Бинпол, когда представлялась возможность, бывал с ними, слушал их разговоры и иногда даже высказывал свои предположения. Вскоре после нашей встречи он рассказывал — мне казались эти слова ерундой — о чем-то вроде гигантского котла, который без лошадей приводил в движение экипажи. Нечто подобное было открыто — и открыто заново — здесь, хотя и не работало пока должным образом. А планы у нас были еще грандиознее — получать свет и тепло при помощи того, что древние называли электричеством.

А во главе всех стоял один человек, он держал в своих руках все нити управления, решения его выполнялись беспрекословно. И это был Джулиус.

Ему около шестидесяти лет, он мал ростом и хром. Мальчиком он упал в расщелину и сломал бедро. Оно неправильно срослось, и он остался хромым. В те дни дела в Белых горах шли по-другому. У тех, кто там жил, была единственная цель — выжить, и число их уменьшалось. Именно Джулиус подумал о привлечении людей извне. И он верил — и заставлял верить других, что придет день, когда человек выступит против треножников и победит их.

И именно Джулиус разработал план, к выполнению которого мы сейчас готовились. И Джулиус же должен был сделать окончательный выбор.

Однажды он пришел взглянуть на нас. У него были седые голова и борода, красные щеки, как у большинства тех, кто провел всю жизнь в разреженном воздухе высот. Он опирался на палку. Я увидел его и сосредоточил все внимание на поединке, в котором участвовал. Тонио парировал мой удар левой и нанес удар правой. Я увернулся, сильно ударил его по ребрам, а затем слева ударил по челюсти, отчего он упал.

Джулиус поманил меня, и я побежал к тому месту, где он стоял. Он проговорил:

— Ты совершенствуешься, Уилл.

— Благодарю вас, сэр.

— Тебе, наверное, не терпится узнать, кто из вас примет участие в играх?

Я кивнул:

— Немного, сэр.

Он изучал меня

— Когда треножник схватил тебя, ты помнишь то, что чувствовал? Ты боялся?

— Да, сэр.

— А мысль о том, что ты будешь в их руках, в их городе, не пугает тебя? — Я промолчал, а он продолжал: — Есть альтернатива выбора. Мы, старшие, можем оценить вашу быстроту и совершенство тела и мозга, но мы не можем читать в ваших сердцах.

— Да, — признал я, — меня это пугает.

— Можешь не идти. Ты будешь полезен и здесь. — Его бледно-голубые глаза смотрели на меня. — Никто не узнает, что ты предпочел остаться.

— Я хочу идти. Мне легче перенести мысль, что я буду в их руках, чем позор, если меня оставят.

— Хорошо. — Он улыбнулся. — И ты ведь уже убил треножник — сомневаюсь, чтобы другой человек мог похвастать этим же. Теперь мы знаем, что они не всемогущи.

— Вы хотите сказать, сэр...

— Я хочу сказать то, что сказал. Есть и другие соображения. Готовься, трудись, если хочешь быть избранным.

Позже я видел, как он говорил с Генри, и он мне ничего не сказал.

На протяжении всей зимы наша диета, хоть и сытная, была однообразна — сухое или соленое мясо, которое, что с ним ни делали, оставалось тяжелым и неаппетитным. Но в середине апреля наш отряд привел с собой шесть коров, и Джулиус решил, что одну можно зарезать и зажарить. После пира он произнес речь. Когда он проговорил уже несколько минут, я понял — и возбуждение сразу охватило меня, — что наступил момент объявления имен тех, кто сделает попытку разведать город треножников.

Джулиус говорил негромко, а я с остальными ребятами находился в дальнем конце пещеры, но слова его ясно доносились до нас. Все слушали внимательно и молча. Я взглянул на Генри — он был справа от меня. Мне показалось, что он выглядит уверенным. Моя собственная уверенность быстро ослабела. Вероятно, он пойдет, а я останусь.

Сначала Джулиус говорил о плане вообще. Участников готовили несколько месяцев. У них будут определенные пре-

имущества перед соперниками, потому что человек в высокогорье развивает сильные легкие, да и мышцы у него сильнее, чем у тех, кто живет в плотном воздухе. Но следует помнить, что соперников будут сотни, они будут лучшими бойцами страны. Может случиться так, что ни один член нашего маленького отряда не наденет чемпионский пояс. В таком случае мы повторим попытку. Терпение столь же необходимо, как и решительность.

Конечно, участники игр должны быть в шапках. Это не представляло трудности. У нас были шапки, снятые с убитых во время набегов на долины. Их можно подогнать. Они похожи на настоящие шапки, но не контролируют мозг.

Теперь подробности. Город треножников лежит в сотнях миль к северу. Большую часть этого расстояния покрывает большая река. По ней плывут торговые баржи, и одна из них принадлежит нашим людям. Она доставит участников до места, где происходят игры.

Джулиус помолчал, потом продолжил.

Решено избрать троих из числа готовившихся. Многое принималось во внимание: индивидуальное мастерство и сила, вероятный уровень соперничества на играх, темперамент, вероятная полезность участника, если ему удастся проникнуть в город. Нелегко было сделать выбор, но необходимо. Слегка подняв голос, Джулиус сказал:

— Встань, Уилл Паркер.

Несмотря на все свои надежды, я был ошеломлен, услышав свое имя. Когда же я встал, ноги у меня дрожали.

Джулиус сказал:

— Ты неплохо проявил себя как боксер, Уилл, и у тебя преимущество малого роста и веса. Ты тренировался с Тонио, который на играх выступал бы в более тяжелом весе, и это пошло тебе на пользу.

Сомнения наши были связаны с самим тобой. Ты нетерпелив, часто неразумен, склонен действовать сгоряча, не подумав, что произойдет потом. С этой точки зрения Тонио подошел бы больше. Но его успех на играх менее вероятен, а это пока главное. Тяжелая ответственность ляжет на тебя. Можем ли мы рассчитывать, что ты сделаешь все, чтобы преодолеть свои недостатки?

— Да, сэр.

— Садись, Уилл. Встань, Жан-Поль Дели.

Мне кажется, я больше обрадовался за Бинпола, чем когда услышал собственное имя, может, потому, что я был менее смущен и более оптимистично настроен. Итак, нас будет

трое — втроем мы путешествовали, втроем сражались с треножником на склоне холма.

Джулиус сказал:

— И в твоем случае были трудности, Жан-Поль. Ты лучший из наших прыгунов, но мы не уверены, что ты достиг уровня, необходимого для победы на играх. К тому же затруднение связано с твоим зрением. Приспособление, которое ты изобрел — или же, вернее, открыл заново, потому что оно было широко употребительно среди древних, — производит впечатление эксцентричности, а эксцентричность не характерна для людей с шапками. Без этих линз ты будешь видеть хуже своих товарищей. Если тебе удастся попасть в город, ты будешь подмечать детали хуже Уилла, например.

Но зато поймешь увиденное ты лучше. Ум твой — это преимущество, которое перевешивает слабость зрения. Ты можешь оказаться самым полезным при доставке сведений. Ты принимаешь задание?

— Да, сэр.

— Остается третий, и здесь выбрать было легче всего. — Я видел, что Генри доволен собой и совсем по-детски почувствовал какое-то недовольство. Он наиболее вероятный победитель в состязаниях и наиболее подходит для следующего этапа.

— Фриц Эгер, ты согласен?

Я попытался поговорить с Генри, но тот ясно показал, что хочет остаться один. Я позже еще раз увидел его, он был мрачен и необщителен. На следующее утро я встретил его в наружной галерее.

Это было наше любимое место, где через отверстия можно было смотреть на внешний мир. В тысячах футов внизу виднелась богатая зеленая равнина с дорогами, как черные нити, с крошечными домиками, коровами с булавочную головку на миниатюрных лугах. Генри сидел у стены. Увидев меня, он отвернулся. Я неловко сказал:

— Если хочешь, чтобы я ушел...

— Неважно.

— Мне жаль.

Он вымученно улыбнулся.

— Не так, как мне.

— Если повидаться с Джулиусом...Не понимаю, почему бы не послать четверых вместо троих.

— Я уже виделся с ним.

— Надежды нет?

— Никакой. Я лучший из наших, но они думают, что у меня нет шансов на играх. Может, в следующем году.

— Не понимаю, почему не попытаться и в этом году?

— Я говорил об этом. Он ответил, что трое и так уже слишком большая группа. Легче оказаться заподозренными, да и труднее с доставкой.

С Джулиусом не спорят. Я сказал:

— Что ж, у тебя будет возможность в будущем году.

— Если он будет, этот год.

Если наша экспедиция не удастся, состоится еще только одна. Я подумал о том, что означает неудача лично для меня. Долина с полями, домами и ленточками-реками, на которую я с такой жадностью смотрел, показалась вдруг менее привлекательной. Я смотрел на нее сквозь темное отверстие, но здесь я был в безопасности.

Но даже в приступе страха я жалел Генри. Я тоже мог бы быть не избран. Не думаю, что перенес бы это так же достойно, как он.

Глава вторая

Пленник в яме

Мы выступили во второй половине дня, тайно пробрались через ближайшую долину и дальше шли при луне. До восхода солнца мы не отдыхали; к этому времени мы прошли половину пути — до берега дальнего из двух озер, лежавших под нашей крепостью. Мы спрятались на склоне холма; высоко над нами сверкал белый пик, с которого мы начали свой путь. Мы устали. Поели и уснули, несмотря на жару.

Сто миль отделяло нас от того пункта на реке, где нас будет ждать "Эрлкениг". У нас был проводник — человек, знавший местность благодаря участию в набегах. Он доведет нас до баржи. Мы шли по ночам, а днем отдыхали.

Прошло несколько недель после пира и речи Джулиуса. Все это время мы продолжали готовиться, начав с того, что постригли волосы и надели специально подогнанные фальшивые шапки. Вначале было неудобно, но постепенно я привык к этому жесткому металлическому шлему. Волосы у меня уже проросли сквозь сетку, и мы были уверены, что во время игр не будем отличаться от тех, на кого надели шапки в первые недели лета. Ночью мы надевали шерстяные шапочки, иначе холод металла не давал уснуть.

Генри не было среди тех, кто нас провожал. Я понимал это. И я не пошел бы, если бы нас поменяли местами. Мне хотелось злиться на Фрица, занявшего место Генри, но я помнил, что говорил Джулиус о моей несдержанности. Помнил я и то, как негодовал из-за дружбы Бинпола и Генри во время нашего путешествия на юг и как это повлияло на меня во время пребывания в замке де ла Тур Роже.

Я решил, что больше такое не повторится, и делал особые усилия, чтобы преодолеть вражду к Фрицу. Но он не отвечал на мои попытки, оставаясь молчаливым и замкнутым. Видя это, я еще больше готов был невзлюбить его. Но мне удалось подавить свое раздражение. Хорошо, что с нами был Бинпол. Обычно, когда обстоятельства позволяли, мы с ним разговаривали. Наш проводник Примо, смуглый, внешне неуклюжий, но на самом деле удивительно ловкий человек, говорил немного, кроме необходимых предупреждений и указаний.

Нам была дана неделя на то, чтобы добраться до баржи, но мы покрыли это расстояние за три-четыре дня. Мы шли по вершине гряды, огибая развалины одного из огромных городов. Он расположен на изгибе реки, которая была нашей целью. Река течет с востока, и раннее утреннее солнце сверкает на ее поверхности, потом она поворачивает и устремляется на север. Две баржи шли вниз по течению, примерно с дюжину были пришвартованы в гавани небольшого островка.

Примо указал вниз.

— Одна из них — "Эрлкениг". Сможете спуститься сами?

Мы уверили его, что сможем.

— Тогда я возвращаюсь. — Он кивнул. — И удачи вам всем.

"Эрлкениг" оказался одной из самых маленьких барж, примерно пятидесяти футов в длину. Ничего в нем не было особенного — длинное низкое сооружение, всего на несколько футов возвышающееся над водой, с навесом на носу, который давал некоторую защиту от непогоды. Экипаж состоял из двух человек, оба с фальшивыми шапками. Старшего из них звали Ульф. Это был приземистый, с бочкообразной грудью, человек около сорока, с грубыми манерами и привычкой постоянно сплевывать. Он мне не понравился, особенно когда он сделал насмешливое замечание по поводу хрупкости моего тела. Его товарищ Мориц был лет на десять моложе и, я думаю, в десять раз приятнее. У него были красивые волосы, тонкое лицо и теплая улыбка. Но не было

сомнений в том, кто из них хозяин: Мориц автоматически подчинялся Ульфу. И именно Ульф, сплевывая и бранясь через довольно регулярные интервалы, давал нам указания на время пути.

— У нас баржа с экипажем из двух человек, — сказал он нам. — Один лишний мальчишка — это ничего, он сойдет за ученика. Но если их больше, привлечет внимание, а нам это не нужно. Поэтому вы по очереди будете работать на палубе — и когда я говорю "работать", я именно это и имею в виду, — а остальные двое будут лежать в трюме и не выйдут, даже если баржа перевернется. Вам говорили о необходимости дисциплины, так что я не буду повторяться, хочу сказать только: я выкину всякого, кто вызовет неприятности, и независимо от причины.

Я знаю, какая работа вам предстоит, и надеюсь, что вы ее выполните. Но если вы не сможете вести себя разумно и по пути повиноваться приказам, значит, из вас не будет толку и потом. Поэтому я, не задумываясь, выполню свое обещание. А поскольку мне не нужно, чтобы он остался в гавани, и люди начали задавать ему вопросы, я скорее всего привяжу ему железо к ногам и брошу в воду.

Он откашлялся, сплюнул и хмыкнул. Вероятно, последнее замечание должно сойти за шутку. Но я не был уверен в этом. Он выглядел вполне способным выполнить угрозу.

Он продолжал:

— Вы пришли рано, и это, конечно, лучше, чем прийти поздно. Нам нужно еще погрузиться, и во всяком случае известно, что мы не тронемся еще три дня. Мы можем выйти на день раньше, но не более. Итак, первой паре придется два дня просидеть внизу, прежде чем снова увидеть небо. Хотите бросить жребий?

Я посмотрел на Бинпола. Два дня на палубе, конечно, лучше двух дней в трюме. Но тогда была возможность потом провести в заключении два дня с молчаливым Фрицем. Бинпол, который, по-видимому, пришел к такому же заключению, сказал:

— Мы с Уиллом пойдем вниз.

Ульф взглянул на меня, я кивнул. Хозяин баржи сказал:

— Как хотите, Покажи им койки, Мориц.

Когда мы спускались с холма, Бинпола занимало, как баржи движутся. У них не было парусов, да те мало помогали бы на реке. Конечно, они легко могли идти вниз по течению, но как они движутся обратно, вверх? Подойдя ближе, мы увидели по бокам барж колеса с планками. Бинпол

был возбужден мыслью, что, может быть, тут с древних времен сохранились и машины.

Ответ оказался обескураживающим. Каждое колесо имело внутри привод, который при плавании против течения двигал осел. Приученные к этой работе с юности, ослы равномерно шли вперед, их усилия передавались колесу и двигали баржу по воде. Их жизнь казалась мне тяжелой и скучной, и мне было их жаль, но Мориц, который любил животных, хорошо смотрел за ними. В плавании вниз по реке они работали мало и паслись, где только представлялась возможность. И теперь они в поле, недалеко от речного берега, и останутся там до отплытия "Эрлкенига". Пока их не привели на борт, мы с Бинполом оставались в их маленьких стойлах, где запах ослов и сена смешивался с запахом старых грузов.

На этот раз грузом служили деревянные часы и резные украшения. Их делали жители большого леса на востоке, а теперь их повезут вниз по реке для продажи. Их нужно было грузить осторожно из-за хрупкости, и на борт пришли приглядывать за этим владельцы. Мы с Бинполом прятались за тюками сена, которое держали для ослов, и старались не шуметь. Однажды я не удержался и чихнул, но, к счастью, люди в это время громко смеялись и ничего не услышали.

Но все же это было облегчение, когда прошли два дня, и баржа рано утром двинулась по реке. Ослы тянули привод — двое работали, а один отдыхал, а мы с Бинполом бросили жребий, кому сменять Фрица на палубе. Повезло мне, и я вышел на палубу. Был сумрачный, ветреный день, часто шел дождь. Но воздух был легким и свежим, особенно после заточения внизу, и так много можно видеть на реке и по берегам. На запад лежала обширная плодородная равнина, где на полях работали люди. На востоке поднимались холмы, над их вершинами висели темные тучи. Впрочем, у меня было немного времени, чтобы восхищаться картиной. Ульф позвал меня и дал ведро и швабру с горстью мягкого желтого мыла. Палуба, как он справедливо отметил, не убиралась несколько недель. Я принесу пользу, исправив это.

"Эрлкениг" двигался ровно, но не быстро. К вечеру мы причалили к длинному острову, где уже стояла одна баржа. Это был один из многих остановочных пунктов вдоль всей пятисотмильной реки. Мориц объяснил мне, что они расположены на расстоянии дневного перехода друг от друга. Вниз по течению обычно легко проходили два таких отрезка за день, но на третьем рисковали очутиться в темноте. Баржи не плыли по ночам.

На всем пути к реке мы ни разу не видели треножников. За один день на палубе я видел два. Оба в отдалении шагали на западном горизонте, по крайней мере в трех-четырех милях. Один их вид заставил меня вздрогнуть от страха, который мне пришлось подавлять. Можно на время забыть об окончательной цели нашего пути, но их вид напомнил мне о ней.

Я старался успокоить себя тем, что до сих пор все шло хорошо, мы не встретили никаких препятствий. Это помогало мало, но к следующему вечеру даже этого небольшого утешения не стало.

"Эрлкениг" остановился в небольшом торговом городке. Мориц сказал, что у Ульфа здесь какое-то дело. Оно должно было занять не больше часа, но он решил, поскольку мы и так идем раньше намеченного, задержаться здесь до следующего утра. Наступил полдень, но Ульф не возвращался. И Мориц все заметнее нервничал.

В конце концов он высказал свои сомнения. Ульф, случалось, напивался. Мориц считал, что в этой поездке он так не сделает, учитывая всю ответственность нашего поручения, но если дело, которое он должен был завершить, не вышло, он мог рассердиться, зайти в таверну, рассчитывая немного выпить, чтобы успокоиться, но один стакан тянет за собой другой. Запив, он мог отсутствовать несколько дней.

Эта мысль обескураживала. Садилось солнце, а Ульфа не было. Мориц начал говорить о том, что он оставит нас на барже, а сам пойдет искать его.

Трудность заключалась в том, что "Эрлкениг", Ульф и Мориц были хорошо известны в городе. Постоянно к барже подходили люди поздороваться и поболтать. Если Мориц уйдет, с ними придется иметь дело Бинполу (был его день на палубе), и Мориц из-за этого беспокоился. Могли возникнуть подозрения. Вряд ли Бинпол подходил для нового ученика. Люди на реке любопытны, хорошо знают друг друга, и Бинпол мог сказать что-нибудь такое, что сразу бы выдало его.

Бинпол предложил другой выход. Мы можем поискать Ульфа. Выбрав момент, когда поблизости никого не будет, мы выскользнем с баржи и побродим по тавернам, пока не найдем его. Тогда мы либо уговорим его вернуться, либо по крайней мере скажем Морицу, где он. Если нас станут расспрашивать, мы выдадим себя за пришельцев из дальних районов: в конце концов город же торговый. Это не то же

самое, что отвечать на вопросы, как мы оказались на борту "Эрлкенига".

Мориц колебался, но согласился, что в этом есть смысл. Постепенно он позволил нам убедить себя. Конечно, втроем мы не можем искать Ульфа, но один может — Бинпол, поскольку это была его идея. Бинпол ушел, и я тут же начал убеждать Морица отпустить и меня.

Мне помогло то, что моей настойчивости сопутствовало равнодушное молчание Фрица. Он не делал никаких замечаний и ясно показывал, что собирается ждать, пока дела сами собой, без его помощи, придут в порядок. Я знал, что уговорю Морица, он был гораздо дружелюбнее Ульфа, но и гораздо менее самоуверен. Он сказал, что я должен вернуться через час, найду Ульфа или же нет, и я согласился. Я дрожал от возбуждения: мне предстояло оказаться в незнакомом городе чужой страны. Я убедился, что никто не следит за баржой, быстро спрыгнул на причал и пошел.

Город оказался больше, чем я думал, глядя на него с борта баржи. К реке выходил ряд складов и амбаров, многие в три этажа. Часть зданий была каменная, но больше деревянные, дерево резное и расписанное фигурами людей и животных. Поблизости находилось несколько таверн, и я быстро пробежался по ним, хотя Бинпол, очевидно, уж побывал здесь. В одной сидели за большими кружками два старика и курили трубки. А в другой была дюжина посетителей, но я тут же увидел, что среди них нет Ульфа.

Я вышел на дорогу, которая под прямым углом уходила от реки, и пошел по ней. Тут располагались магазины, двигались экипажи и всадники. Людей было множество. Я понял, почему, когда пришел к первому перекрестку: поперечная улица в обеих направлениях была перекрыта столами, за которыми продавали пищу, одежду и другие товары. В городе был торговый день.

Как интересно после долгой зимы, проведенной в темном туннеле в горах, оказаться снова среди множества людей, занятых повседневными делами. И особенно интересно для меня. Ведь до побега к Белым горам я знал лишь спокойствие деревенской жизни. Несколько раз я бывал в Винчестере на рынке. Этот город был, вероятно, больше Винчестера.

Я прошел мимо рядов. На первом были навалены груды овощей: морковь и картошка, толстые бело-зеленые стебли спаржи, горох, большие кочаны капусты, белой и цветной. Во втором продавали мясо — и не просто куски, какие мясник привозил к нам в деревню, но ноги, челюсти, внутренности. Я бродил, глазея и принюхиваясь. Один ряд был це-

ликом отдан сыру десятков различных оттенков и цветов, форм и размеров. Я и не знал, что их может быть так много. А рыбный ряд с сушеной и копченой рыбой, свисающей с крюков, со свежей рыбой, только что пойманной и уложенной на каменные плиты, с еще влажной чешуей! С приближением темноты некоторые киоски закрывались, но многие еще торговали, и людей было множество.

Между двумя киосками — в одном торговали кожей, в другом свертками тканей, — я увидел вход в таверну и виновато вспомнил о том, что мне полагалось делать. Я вошел и осмотрелся. Там было темнее, чем в предыдущих тавернах, помещение было заполнено табачным дымом и едва видимыми фигурами, некоторые сидели за столиками, другие стояли у прилавка. Когда я подошел, чтобы всмотреться повнимательней, меня окликнули из-за прилавка. Говоривший оказался высоким толстым человеком в кожаном переднике. Грубым голосом, с акцентом, который я с трудом понимал, он спросил:

— Что тебе, парень?

Мориц дал мне несколько местных монет. Я сделал то, что мне казалось самым благоразумным: заказал кружку темного эля — обычный здешний напиток. Кружка оказалась больше, чем я ожидал. Он принес мне кружку с пеной по краям, и я дал ему монету. У пива был горьковатый вкус, впрочем, не неприятный. Я осмотрелся в поисках Ульфа, вглядываясь в темные углы, где на деревянных стенах висели головы оленей и диких кабанов. На мгновение мне показалось, что я его вижу, но человек передвинулся в более светлое место. Это был не Ульф.

Я начал нервничать. С шапкой меня признавали мужчиной, поэтому я вполне мог находиться здесь. Но мне не хватало уверенности тех, у кого были настоящие шапки, и я, конечно, сознавал свое отличное от остальных положение. Установив, что Ульфа здесь нет, я хотел уйти побыстрее. Как можно незаметнее я поставил кружку и начал продвигаться к улице. Не успел я сделать и двух шагов, как человек в кожаном переднике окликнул меня. Я обернулся.

— Эй! — Он протягивал несколько мелких монет. — Ты забыл сдачу.

Я поблагодарил его и хотел идти дальше. Но тут он увидел, что моя кружка на две трети полна.

— Ты не допил свой эль. Тебе он не понравился?

Я торопливо сказал, что эль понравился, просто я не очень хорошо себя чувствую. К своему отчаянию я увидел,

что посетители начали проявлять ко мне интерес. Человек за прилавком отчасти, казалось, смягчился, но сказал:

— Ты не вюртембуржец, говоришь не так. Откуда ты?

На это у меня был готов ответ. Мы должны были называть себя приезжими из отдаленных мест. В моем случае это была местность на юге, называемая Тироль. Я так и сказал.

Что касается возможных подозрений, то это подействовало. С другой точки зрения, выбор оказался неудачен. Позже я узнал, что в городе были сильные антитирольские настроения. В прошлом году на играх тирolец победил местного чемпиона и, как утверждали, победил нечестно. Один из посетителей спросил, отправляюсь ли я на игры, и я, ничего не подозревая, ответил, что да. Последовал поток оскорблений...Тирольцы все лгуны и воры, они презирают добрый вюртембургский эль. Их нужно выгнать из города, выкупать в реке, чтобы немного очистить...

Нужно было убираться, и побыстрее. Я проглотил оскорбления и пошел. Снаружи я затерялся бы в толпе. Думая об этом, я не смотрел себе под ноги. Из-под одного столика протянулась нога, и под аккомпанемент общего хохота я растянулся на опилках, которыми был посыпан пол.

Даже это я готов был вынести, хотя при падении больно ушиб колено. Я начал вставать, но в этот момент кто-то ухватил меня за волосы, проросшие сквозь шапку, затряс яростно и ударил о землю.

Нужно быть благодарным, что при этом у меня не свалилась фальшивая шапка. Нужно было думать только об одном — о возможности благополучно уйти и добраться до баржи. Но боюсь, что в тот момент я не мог думать ни о чем, кроме боли и унижения. Я встал, увидел перед собой ухмыляющееся лицо и размахнулся.

Мой противник был примерно на год старше меня и гораздо тяжелее. Он презрительно отразил мою атаку. Не сознавая, как глупо я себя веду, я использовал то, чему меня научили во время долгих тренировок. Я поднырнул под его руку и нанес ему сильнейший удар в грудь. Теперь была его очередь упасть, и люди, стоявшие вокруг нас, взревели. Мой противник медленно встал, его лицо было искажено гневом. Остальные образовали круг и раздвинули столы. Я понял, что боя не избежать. Я не боялся, но понимал собственную глупость. Джулиус предупреждал меня о моей несдержанности, и вот, спустя всего неделю после начала важнейшего дела, эта несдержанность подвела меня.

Он двинулся на меня, и я снова сосредоточился на настоящем. Я увернулся и сбоку ударил его. Хотя он и был тя-

желее меня, ему не хватало умения. Я мог сколько угодно плясать вокруг него, нанося удары. Но этого нельзя было делать. Нужен один решающий удар. Со всех точек зрения, чем скорее это кончится, тем лучше.

Поэтому, когда он в следующий раз атаковал меня, я отразил удар левым плечом и сам сильно ударил его в уязвимое место под ребрами. Я вложил всю свою силу в этот хук. Глотая воздух, он непроизвольно пошел головой вперед. От второго моего удара он еще быстрее двинулся, но уже назад и ударился об пол. Зрители молчали. Я поглядел на лежащего противника и, видя, что он и не собирается вставать, направился к двери, ожидая, что кольцо зрителей расступится, и меня выпустят.

Но этого не случилось. Они продолжали молча и неподвижно смотреть на меня. Один из них наклонился над лежащим. Он сказал:

— Удар в голову. Он может быть серьезно ранен.

— Нужно вызвать полицию, — заметил кто-то другой.

Несколько часов спустя я смотрел на звезды, ярко горевшие на чистом черном небе. Я был голоден, замерз. Но больше всего я был недоволен собой. Я был пленником в яме.

Член магистрата, который допрашивал меня, проявил вопиющую несправедливость. Мой противник оказался его племянником и сыном богатейшего купца в городе. Ясно было, что я спровоцировал его, унизительно отозвавшись о вюртембуржцах, и ударил, когда он не смотрел на меня. Это совершенно не соответствовало случившемуся в действительности, но большинство свидетелей подтвердили эту версию. Правда, нужно сказать, что моего противника среди них не было: он все еще не пришел в себя после удара головой об пол. Меня предупредили о том, что если он не поправится, меня повесят. А тем временем я был приговорен к заключению в яме до городского праздника.

Именно в этот день и производилось наказание преступников. Яма оказалась круглой, примерно пятнадцати футов в диаметре и такой же глубины. Дно и стены вымощены камнем. Гладкие стены не давали возможности выбраться, а вверху торчали остриями внутрь железные прутья, которые вообще делали невозможным побег. Меня бросили сквозь них, как мешок картошки, и оставили. Мне не дали еды, мне нечем было укрыться на ночь, которая оказалась очень холодной. При падении я разбил локоть и ободрал руку.

Но по-настоящему веселье, как с удовлетворением сказали мне, начнется завтра. Яму содержали отчасти для наказания, отчасти для развлечения жителей. В их обычае было

бросать в несчастных пленников все, что подвернется под руку. Предпочитали обычно гнилые овощи, комки грязи, помои и тому подобное, но если они сердились по-настоящему, то могли использовать камни, поленья и разбитые бутылки. В прошлом бывало, что пленников тяжело ранили или даже убивали. Они ожидали получить завтра большое удовольствие и не преминули сообщить мне об этом.

Хорошо еще, что небо оставалось ясным. Тут не было защиты от дождя. У стены стояло корыто с водой. Хотя я и хотел пить, но не настолько: света было достаточно, чтобы разглядеть зеленую слизь по краям корыта. Пленникам не давали еды. Достаточно проголодавшись, они могли есть гнилые отбросы, кости, черствый хлеб и все прочее, чем в них швыряли. Это тоже считалось развлечением.

Какой я все же дурак! Дрожа, я ругал себя за глупость.

Ночь тянулась медленно. Я несколько раз ложился, свернувшись клубком, и пытался уснуть. Но было так холодно, что я должен был встать и походить, чтобы восстановить кровообращение. Я ждал наступления дня и боялся его. Что случилось с остальными? Вернулся ли Ульф? Я не надеялся на его вмешательство. Его хорошо знали в этом городе, но он не мог пойти на риск и признать свою связь со мной. Завтра они уплывут вниз по реке и оставят меня здесь. Что еще они могут сделать?

Широкий круг неба надо мной посветлел, и я смог определить, где восток, по начинающемуся рассвету. Для разнообразия я сел спиной к стене. Усталость, несмотря на холод, надвинулась на меня. Голова опустилась на грудь. Потом какой-то звук сверху заставил меня очнуться. Я увидел чью-то голову. Кому-то не терпится добраться до жертвы, сонно подумал я. Скоро начнется забава.

И тут я услышал негромкий голос:

— Уилл, как ты там?

Голос Бинпола.

Он принес с баржи веревку. Вытянувшись, он привязал ее к одному из железных прутьев и бросил мне другой конец. Я схватил его и подтянулся. Трудно было пробраться сквозь прутья, но Бинпол помог мне. Через несколько секунд я перевалил через край ямы.

Мы не стали тратить время на разговоры. Яма находилась на окраине города. Сам город, еще спящий, но уже озаренный рассветом, отделял нас от реки и от "Эрлкенига". У меня сохранились лишь смутные воспоминания, как меня привели сюда, но Бинпол бежал уверенно, и я следовал за ним.

Нам потребовалось лишь десять минут, чтобы добраться до реки, и мы видели только одного человека в отдалении. Он что-то закричал нам, но не сделал попытки нас преследовать. Я понял, что Бинпол хорошо рассчитал время. Мы миновали улицу, где был рынок. Еще пятьдесят ярдов, и мы будем в гавани.

Мы добежали до нее и повернули налево. Сразу за таверной, рядом с баржей, которая называлась "Зигфрид", я остановился, как вкопанный, и Бинпол сделал то же. Да, "Зигфрид" был на месте, но следующий кнехт оказался пустым.

Бинпол потянул меня за рукав. Я посмотрел, куда он показывал, — на север. В четверти мили от нас посредине реки "Эрлкениг" направлялся вниз по течению — крошечная лодка, быстро уменьшавшаяся на расстоянии.

Глава третья

Плот на реке

Первой нашей задачей было уйти подальше, пока не стало известно о моем побеге из ямы. Мы прошли несколько кварталов, застроенных хижинами, совсем не похожими на крашеные, резные дома в центре города, и вышли на дорогу, которая шла вдоль берега реки. Справа из-за лесистых холмов поднялось солнце. С угрожающей быстротой формировались облака. Через полчаса они затянули все небо и закрыли солнце, а еще четверть часа спустя в лицо нам ударил дождь. Пять минут спустя, уже абсолютно промокнув, мы нашли убежище в разрушенном здании в стороне от дороги. Тут у нас было время подумать о случившемся и о том, что делать дальше.

По пути Бинпол рассказал, что было с ним. Он не нашел Ульфа, но когда вернулся на баржу, Ульф уже был там. Он был пьян, но это не улучшило его характера. Он разъярился на меня и Бинпола за то, что мы ушли в город. Он решил, что мы вдвоем проведем оставшуюся часть пути под палубными досками. А Фриц, очевидно, единственный, на кого можно рассчитывать, в ком есть разум.

Шло время, я не возвращался, и гнев Ульфа усиливался. Вечером пришел один его знакомый и рассказал о молодом тирольце, который затеял драку в таверне и был приговорен к яме. Когда этот человек ушел, Ульф заговорил с холодным гневом и нетерпением. Моя глупость поставила все под

угрозу. Я не только не гожусь для дела, но являюсь просто помехой. Он не станет ждать и не будет пытаться освободить меня утром. "Эрлкениг" продолжит путешествие. В играх будет два участника, вместо трех. А что касается меня, то я могу оставаться в яме и сгнить в ней.

Хотя Бинпол не говорил мне об этом, но он решил, что Ульф жесток и несправедлив. Мы находились в его распоряжении и должны были повиноваться всем его приказам. Больше того, в его словах был определенный смысл. Прежде всего дело, а не личности. Задача Бинпола — как можно лучше выступить в играх, добиться доступа в город треножников и добыть информацию, которая поможет уничтожить их. Только это и было важно.

Но Бинпол расспросил Морица о яме: что это такое, где она помещается. Не знаю, то ли Мориц не понял, к чему направлены эти вопросы, то ли понял и одобрил. Я думаю, он был слишком мягким человеком для работы, которая требует суровости. Во всяком случае, Бинпол узнал все, что ему было нужно, на рассвете взял веревку и отправился искать меня. По-видимому, Ульф слышал, как он уходил, и либо в гневе, либо холодно и логично рассудил, что нужно спасти единственного достойного члена трио от возникающих подозрений и расспросов.

И вот мы оказались на мели в сотнях миль от цели.

Дождь прекратился так же внезапно, как и начался, и сменился горячим солнцем, в лучах которого наша влажная одежда начала парить. Менее часа спустя мы снова вымокли; на этот раз убежища вообще не было, ливень вымочил нас до костей. И так продолжалось весь день. Мы мокли, мерзли и все время сознавали — особенно я, — в какую историю попали.

К тому же мы были голодны. Со вчерашнего обеда я ничего не ел, и как только возбуждение от спасения и бегства спало, я почувствовал жестокий голод. У нас оставалось еще немного денег, но негде было истратить их, а мы не хотели ждать, когда в городе откроются магазины. Мы шли по лугам, где паслись коровы. Я предложил подоить одну и с помощью Бинпола загнал ее в угол поля. Она сопротивлялась моим неуклюжим и неумелым попыткам, вырвалась и убежала. Пытаться снова казалось бесполезным.

Спустя несколько часов мы увидели поле репы. Поблизости виднелся дом, но мы рискнули нарвать ее немного. Репа оказалась мелкой и горькой, но все же ее можно было

жевать. Снова пошел дождь и на этот раз продолжался без перерыва больше часа.

Мы нашли развалины, в которых решили провести ночь. Других источников пищи мы не встретили и жевали траву в попытках уничтожить голод. Это оказалось бесполезно, и к тому же у нас разболелись животы. И, конечно, одежда оставалась мокрой. Мы пытались уснуть, но безуспешно. Когда же ночь начала сереть, усталые и невыспавшиеся, мы пошли дальше.

День, хоть и без дождя, выдался облачным и холодным. Река, широкая и могучая, текла рядом, мы видели плывущую вниз баржу, и нам показалось, что до нас долетел аромат жареной свинины. Вскоре нам встретилась небольшая деревушка. Бинпюл хотел притвориться вагрантом, надеясь получить пищу. Я предложил заменить его, но он сказал, что это его идея, и я не должен показываться. Я спрятался за изгородью и ждал.

В моей родной деревне был дом вагрантов, в котором останавливались эти бедные блуждающие безумцы. Там им давали еду и белье, стирали и чинили их одежду. Бинпол говорил мне, что в его стране ничего подобного нет. Вагранты спали где придется — в сараях, если повезет, или в развалинах. Они выпрашивали пищу у дверей, и ее давали им с различной щедростью.

Мы полагали, что-нибудь подобное может существовать и здесь. В деревне было с полдюжины домов, и я видел, как Бинпол подошел к первому и постучал. Дверь не открыли; позже он рассказал мне, что голос изнутри велел ему убираться, добавив проклятие. У второй двери вообще не было ответа. В третьем доме открылось окно, и на него в сопровождении хохота выплеснули ведро грязной воды. Когда же он, еще более мокрый, пошел дальше, дверь отворилась. Он обернулся, готовясь перенести унижение, если есть надежда получить пищу, и побежал. На него спустили огромного свирепого пса. Собака гнала его почти до того места, где лежал я, а потом стояла и лаяла ему вслед.

В полумиле дальше мы нашли картофельное поле. Картошка была маленькая и, конечно, вареная она вкуснее. Но у нас не было возможности развести костер. Мы тащились вперед и, когда наступил вечер, увидели у берега баржу. Я думаю, одна и та же мысль пришла нам в голову: это "Эрлкениг"; по какой-то причине Ульф задержался, и мы можем присоединиться к ним. Это была весьма нелепая надежда, но все же разочарование оказалось горьким. Баржа

была большая, и шла она вверх по течению, а не вниз. Мы ушли от реки.

Позже мы снова вышли на берег и сидели, дрожа, в хижине с обвалившейся крышей. Мы молчали. Не думал ли Бинпол, что если бы не я, он сейчас в тепле и безопасности плыл бы на барже?

Но Бинпол сказал:

— Уилл.

— Да.

— Там, где стояла баржа, была пристань и несколько домов. Должно быть, это остановочный пункт.

— Может быть.

— Первый, который мы миновали после выхода из города.

Я подумал об этом.

— Да, это так.

— Ульф предполагал проходить два пункта за день, двигаясь не очень быстро. Значит, за два дня...

За два дня мы прошли расстояние, которое баржа проходит за утро, хотя мы шли с рассвета дотемна. Я ничего не сказал.

Бинпол продолжал:

— Планировалось, что мы прибудем за три дня до начала игр. Путь должен был занять пять дней. А так нам потребуется двадцать дней. Игры начнутся до нашего прибытия.

— Да, — я старался унять дрожь. — Ты думаешь, нам придется вернуться?

— В туннель? Мне не хочется думать, что нам скажет там Джулиус.

Мне тоже этого не хотелось, но я не знал, что еще мы можем сделать.

Бинпол сказал:

— Мы должны двигаться быстрее. Есть река.

— Мы не смеем приблизиться к баржам. Ты знаешь, что нам сказали об этом. К незнакомцам тут относятся подозрительно и никогда не пускают на борт.

— Если бы у нас была своя лодка...

— Неплохо бы, — сказал я без сарказма. — Или бы вдоль реки шло шмен-фе.

Бинпол терпеливо проговорил:

— Лодка — или плот? Стена хижины, может быть? Она и так отпала. Если мы сможем оторвать ее и спустить в воду... течение понесет нас вдвое быстрее.

Я почувствовал неожиданный прилив надежды, которая на мгновение позволила мне забыть холод и ноющую пустоту в желудке. Это возможно. Давным-давно мальчишкой

я помогал своему двоюродному брату Джеку строить плот, и мы плавали на нем по пруду. Он перевернулся, и мы оказались в воде и тине. Тогда мы были детьми. Но сейчас положение другое.

— Ты думаешь, мы сможем... — сказал я.

— Утром, — ответил Бинпол. — Попробуем утром.

День, как бы для того, чтобы подбодрить нас, был ясный. При первом свете мы принялись за работу. Сначала она оказалась ободряюще легкой, а потом обескураживающе трудной; стена, о которой говорил Бинпол, была площадью примерно в шесть квадратных футов и почти отделилась от крыши. Мы завершили это отделение и высвободили бока. Осталось только нажать. Стена обрушилась... и раскололась на несколько частей.

Надо, сказал Бинпол, скрепить их перекрестными планками. Доски будем брать из других стен. Придется вытаскивать гвозди, распрямлять их и снова забивать, где понадобится. Говорил он со спокойной убежденностью.

Беда в том, что большинство гвоздей было не только изогнуто, но проржавело, и они ломались иногда от легкого нажима. Нам приходилось отыскивать сравнительно сохранившиеся, осторожно распрямлять их и прибивать ими доски. Конечно, молотка у нас не было. Мы пользовались камнями с ровной поверхностью. Бинпол отыскал хороший камень и отдал мне, так как, сказал он, я лучше смогу его использовать. Это верно. У меня всегда были умелые руки — боюсь, более умные, чем голова.

Работа была тяжелой и долгой. К концу мы вспотели, а солнце уже высоко стояло в небе. Оставалось стащить плот в воду, но это тоже было нелегко. Хижина находилась примерно в пятидесяти футах от воды, а земля была неровной. Поднять плот мы не могли, он был слишком тяжел, и нам пришлось тащить и толкать его, время от времени отдыхая между усилиями. Однажды, когда на пути попались колючие кусты, я готов был сдаться и в гневе пнул доски. Бинпол вытащил плот из кустов. Вскоре мы добрались до берега и без сил упали на песок. И снова, благодаря Бинполу, нам повезло: он наткнулся на гнездо какой-то водной птицы. Мы съели четыре яйца сырыми, облизали скорлупу и взялись за последнюю часть работы. Бинпол тащил с одной стороны, а я — с другой. Плот зловеще заскрипел, я увидел, как зашатался гвоздь, но все же плот коснулся воды и поплыл. Мы взобрались на него и оттолкнулись от берега.

Путешествие не было триумфальным. Течение подхватило нас, повернуло и понесло вниз. Но под нашим весом один угол плота ушел под воду. Впрочем, из-за каких-то капризов равновесия поверхность плота ушла под воду лишь на несколько дюймов. Мы по очереди сидели в воде и на сравнительно сухом конце. Вода была холодна, ведь речка питается тающим снегом в горах.

Но мы по крайней мере продвигались быстрее, чем по суше. Берега проплывали мимо. И погода держалась хорошая... Солнце сияло в небе, голубизна которого отражалась в гладкой поверхности, по которой мы двигались. Бинпол окликнул меня и указал: на западе через поля огромными скачками шел треножник. Я почувствовал некоторое удовлетворение от этого зрелища. Хоть мы и малы сравнительно с ним, но нам предстоит сражаться.

Когда я в следующий раз увидел треножник, мне было не до таких рассуждений.

Час спустя мы миновали баржу. Она шла вверх по течению, и поэтому встреча была короткой. Человек на палубе с любопытством смотрел на нас и задал какой-то вопрос, который мы не расслышали. Должно быть, мы представляли странное зрелище, плывя на своем диком сооружении.

Голод не был утолен четырьмя яйцами и становился все сильнее и сильнее. Мы видели поля, которые как будто могли дать нам пищу, но тут нам стала ясна одна особенность нашего плота: мы не могли управлять им. У нас было несколько досок, но они лишь могли отталкивать плот от препятствий. Я понял, что нам придется положиться на течение, и добраться до берега мы можем, лишь покинув плот и пустившись вплавь. Мы находились теперь далеко от берега, а течение было сильное; нужно быть хорошим пловцом, чтобы добраться до берега. Тем временем поля сменились террасами с ровными рядами виноградных лоз. Здесь пищи не было. Плоды винограда в это время еще зелены.

Большая рыба, вероятно, семга выпрыгнула около нас. Мы не могли бы изжарить ее, но если бы удалось поймать, я думаю, мы съели бы ее сырой. Видения еды проходили передо мной, когда я цеплялся за дерево плота. Жареное мясо на вертеле... баранья нога с соусом, который моя мать готовила из садовой мяты... или просто хлеб с сыром, хлеб, запеченый снаружи, но мягкий изнутри, сыр, желтый и крошащийся при прикосновении. Я глотал слюну.

Проходили часы. Солнце поднялось высоко и начало клониться к западу. Мне было и жарко, и холодно. Я пил воду,

черпая ладонями, чтобы заполнить ноющую пустоту в желудке, но чувствовал себя все хуже. В конце концов я сказал Бинполу, что мы должны как-то добыть пищу. Мы проплыли две деревни, по одной на каждом берегу... Там еда, что-нибудь съедобное, по крайней мере в огородах, если не найдется чего-то получше. Если мы будем сильно грести к берегу обломками досок... и постараемся доставить плот на берег при виде следующего человеческого жилища...

Бинпол сказал:

— Лучше бы продержаться до вечера. Тогда больше возможностей для добычи.

— Мы можем тогда не увидеть деревни

— Это значит бросить плот.

Конечно! Я был голоден.

— Мы не можем жить без пищи. Безумием было садиться на плот, не имея возможности управлять им.

Бинпол молчал. Все еще раздраженный, я сказал:

— А как же ночью? Здесь невозможно даже спать. Если уснешь, то скатишься в воду и утонешь. До темноты все равно придется бросить плот.

— Да, я согласен. Но подождем еще. Сейчас домов не видно.

И верно. Река текла мимо зеленых берегов, на которых не было никаких признаков жизни. Я угрюмо сказал:

— Пожалуй. Не пора ли нам поменяться?

Позже мы проплыли пустынные развалины, а севернее встретили еще одну баржу. Было сильное искушение закричать и попросить подобрать нас. Я преодолел его, но с трудом. Вскоре после полудня мы миновали остановочный пункт. Он был пуст, белела на солнце маленькая гавань. У второго поста были привязаны две баржи, а в миле к нему направлялась и третья.

Потом мы снова увидели развалины, но по-прежнему никаких следов обитания. Река стала шире, и мы плыли по ее центру. Плыть тут было бы нелегко в любых обстоятельствах, а тем более для нас, голодных и уставших, замерзших и промокших. Недовольство, которое я испытывал по отношению к Бинполу, поблекло перед предстоящим испытанием.

И вдруг совершенно неожиданно все изменилось. Треножник появился с севера, идя по западному берегу. Он должен был миновать нас в ста ярдах, ближе, чем любой другой в этом путешествии. Я испытал огромное облегчение, когда он прошел мимо. Но тут он повернул и направился к нам, и я услышал улюлюканье, которое дважды слышал раньше

и имел все основания бояться. Вода взметнулась фонтанами, когда огромные ноги погрузились в воду. Не оставалось никаких сомнений, что его цель — мы. Неужели они захватили "Эрлкениг"? Неужели они каким-то фантастическим способом узнали о нашей цели и ищут нас? Я смотрел на Бинпола, а он на меня. Я сказал:

— Лучше нырнуть.

Но было уже поздно. Из полушария свесилось щупальце. Оно ударило между нами, расколов хрупкий плот. И в следующее мгновение мы оба барахтались в воде.

Глава четвертая

Отшельник на острове

Я ожидал быть схваченным щупальцем. То, что оно вместо этого разбило плот, одновременно удивило и встревожило меня. Я ушел на глубину и наглотался воды, прежде чем сообразил, что произошло. Вынырнув, я огляделся и увидел, что треножник молча удаляется прежним курсом на юг. Казалось, его поступок совершенно бессмыслен, точно так же, как кружение вокруг "Ориона", когда мы пересекали пролив. Как озорной мальчишка, он увидел что-то, разбил его с бессмысленной злобой и пошел своим путем.

Но у меня были более важные дела, чем размышления над мотивами поступков треножника. Плот раскололся на два бруса, один из них плясал рядом со мной в воде. В несколько гребков я доплыл до него, ухватился и осмотрелся в поисках Бинпола. Я видел только реку, серую от приближающегося вечера, и подумал, что, возможно, конец щупальца ударил друга, и он уже под водой. Потом я услышал его голос и, повернувшись назад, увидел, что он плывет ко мне. Он ухватился за другой конец бревна, и мы, отплевываясь, начали грести.

— Поплывем к берегу? — спросил я.

Он закашлялся, потом сказал.

— Еще нет. Посмотри вперед. Река изгибается. Если мы просто будем держаться, нас может прибить ближе.

Бревно, которое нас удерживало, я во всяком случае не хотел оставлять. Течение казалось более быстрым и бурным. По обоим берегам возвышались холмы, река пробивала себе путь среди них. Мы приблизились к месту, где она резко поворачивала на запад. И тут я увидел, что зеленый берег справа от нас разделяется.

— Река... — сказал я. — Тут она разделяется.

— Да, — ответил Бинпол. — Уилл, я думаю, сейчас нужно плыть.

Я учился плавать в речках около моего родного Вертона и один или два раза в озере вблизи поместья. Это лучше, чем ничего, но Бинпол вырос в приморском городе. Он быстро поплыл, гребя мощными ударами, и, поняв, что я отстаю, окликнул меня:

— У тебя все в порядке?

— В порядке, — отозвался я и сосредоточился целиком на плавании. Течение было очень сильное. Берег, к которому мы плыли, скользнул мимо и назад. Только постепенно я стал правильно оценивать расстояния. А потом увидел то, что меня испугало. Впереди от берега отходила отмель, за которой виднелось обширное водное пространство. Река вовсе не разделялась здесь. В ней просто был остров. Если я не попаду на него, то окажусь в трудном положении. Я и так устал, а плыть еще дальше... Я сменил направление и поплыл поперек течения. Бинпол снова окликнул меня, но я не стал тратить силы на ответ. Руки мои становились все тяжелее, а вода холоднее. Я больше не смотрел, куда направляюсь, сосредоточившись на том, чтобы передвигать руки. Что-то ударило меня по голове, и я погрузился в воду. Больше я ничего не помню, кроме смутного сознания, что меня тащат и под ногами у меня твердая земля.

Меня вытащил на травянистый берег Бинпол. Придя в себя, я увидел, как близко находился к гибели. Мы лежали в нескольких ярдах от северного конца острова. Остров находится в середине речного изгиба, и сразу за ним река сильно расширяется. Голова у меня болела, я положил ладонь на лоб.

— Тебя ударило бревно, — сказал Бинпол. — Я думаю, от плота. Как ты себя чувствуешь, Уилл?

— Голова кружится. И голод. Тут есть...

— Да, деревня.

Сквозь сгущающийся мрак мы разглядели дома на восточном берегу. В окнах горел свет. К этому времени я готов был принять ведро помоев или встретиться со злой собакой — и даже подвергнуться расспросам о том, что мы делаем здесь, — лишь бы снова не доверяться реке. Голова у меня прояснилась, но физически я был так слаб, словно провел месяц в постели.

— Утром мы пойдем туда, — сказал Бинпол.

— Да, — устало кивнул я, — утром.

— На дальнем берегу деревья гуще. Хоть какая-то защита от дождя.

Я опять кивнул, заставил свои свинцовые ноги сделать несколько шагов и остановился. Кто-то стоял у деревьев и смотрел на нас. Поняв, что мы его увидели, он направился к нам. В тусклом свете я разглядел, что это мужчина средних лет, высокий и худой, одетый в грубые темные брюки и рубашку. У него были длинные волосы и борода. Я увидел кое-что еще. На лбу волосы у него редели. Они были черные и начинали седеть. И там, где должна была находиться полоса шапки, виднелась только кожа, задубевшая и смуглая.

Он говорил по-немецки с сильным акцентом. Он видел, как мы барахтались в воде, и как Бинпол вытащил меня на берег. Манеры у него были странные, как будто он в одно и то же время и недоволен и приветлив. Мне казалось, что он с удовольствием увидел бы, как мы проплываем мимо, и даже не задумался бы о наших шансах на спасение. Но мы уже были здесь...

Он лишь сказал:

— Вам нужно просушиться. Идемте со мной.

Множество вопросов мелькало у меня в голове, и среди них самый важный: почему на нем не было шапки? Но казалось более благоразумным подождать с вопросами. Я посмотрел на Бинпола, он кивнул. Человек провел нас к утоптанной тропе. Она извивалась между деревьями, и через несколько минут мы оказались на поляне. Перед нами был деревянный дом, в окне горела масляная лампа, из трубы поднимался дым. Наш проводник открыл двери и вошел, мы же за ним.

В очаге горели дрова. На полу лежал большой ковер, красный, с изображением черных и желтых животных; на ковре сидели три кошки. Человек отпихнул их ногой, не грубо, просто заставляя их уступить место. Он подошел к шкафу и достал два холщевых полотенца.

— Снимите мокрое, — сказал он. — Согрейтесь перед огнем. У меня есть несколько пар брюк и рубашек, сможете надеть, пока ваши не просохнут. Вы голодны?

Мы взглянули друг на друга. Бинпол сказал:

— Очень голодны, сэр. Если вы...

— Не называйте меня "сэр". Я Ганс. Хлеб и холодное мясо. Я не готовлю на ночь.

— Достаточно одного хлеба, — сказал я.

— Нет. Вы голодны. Вытритесь.

Брюки и рубашки были, конечно, велики, особенно для меня. Я закатал штанины, и он дал мне ремень, которым я подпоясался. Внутри рубашки я вообще потерялся. Пока мы переодевались, он ставил все необходимое на выскобленный деревянный стол: ножи и тарелки, блюдце с желтым маслом, большой плоский хлеб с коричневой корочкой, и мясо, частично нарезанное: розовое мясо было окружено чистым белым жиром, с одной стороны запеченным. Я отрезал его, пока Бинпол кромсал хлеб. Ганс следил за мной, и я слегка устыдился толщины кусков. Но он одобрительно кивнул. Потом принес две кружки, поставил их около тарелок и опять вернулся с большим глиняным кувшином, из которого налил нам темного пива. Мы принялись за еду. Я уговаривал себя есть медленно, но тщетно. Мясо было нежным, хлеб мягким, а масло таким, какого я не пробовал с тех пор, как ушел из дому. Пиво, которым я запивал все это, было крепким и вкусным. Челюсти у меня заныли от жевания, но живот требовал еще и еще.

Ганс сказал:

— Вы действительно были голодны. — При этом я виновато взглянул на свою тарелку.

— Ничего.Ешьте. Люблю, когда радуются еде.

Наконец я остановился; Бинпол закончил есть намного раньше. Я чувствовал себя наполненным, даже переполненным, и счастливым. Уютная комната с мягким светом лампы и отблесками огня в очаге, с тремя кошками, мурлыкавшими у очага. Я решил, что сейчас начнутся расспросы: откуда мы, как оказались в реке. Ничего подобного. Наш хозяин сидел в деревянном кресле-качалке, как будто самодельном, и курил трубку. Он не считал тишину неловкой. В конце концов заговорил Бинпол:

— Как случилось, что у вас нет шапки?

Ганс достал трубку изо рта.

— Я никогда не беспокоился об этом.

— Не беспокоились?

Он медленно, с усилием отвечал на наши расспросы. Отец привез его на этот остров ребенком после смерти матери. Они жили вдвоем, выращивали овощи, держали кур, свиней и продавали продукты в деревне за рекой. Потом в свою очередь умер и его отец, и он остался один. Никто в деревне не беспокоился о нем: его не считали своим. Так случилось, что всю весну того года, когда на него должны были надеть шапку, и все лето он не покидал острова, сосредоточившись на выполнении своих работ, в которых раньше помогал отцу. Он рассказал нам, что похоронил отца недалеко от дома и

за длинные месяцы зимы вырезал на каменной плите его имя. С тех пор он бывал в деревне не больше двух раз в год. У него была лодка, в которой он плавал туда и назад.

Вначале я не поверил ему, думая о том, как мы бежали к Белым горам, чтобы избежать надевания шапки. Этот же человек оставался просто на месте и ни о чем не беспокоился. Разве могут существовать такие пробелы во власти треножников над Землей? Но чем больше я думал, тем менее удивительным мне это казалось. Он был один и жил отшельником. Господство треножников основывалось на рабстве людей, на представлении о том, что там, где собирается несколько человек, хотя бы два-три, шапки естественны и неизбежны. Один человек был неважен, пока он сидел тихо и не вызывал неприятностей. В тот момент, как он начал их вызывать, ему, конечно, пришлось бы иметь дело либо с самим треножником, либо с его человеческими слугами.

Бинпол, разобравшись во всем этом, начал расспрашивать его о треножниках. Много ли он их видел? Что он испытывает к ним? Я видел, куда ведут вопросы, и решил предоставить дело ему. Наш хозяин не казался удивленным или обеспокоенным таким поворотом разговора, и одно это показывало, как ничтожны его контакты с внешним миром. Обычаи в разных странах меняются, но повсюду разговор о треножниках и шапках был табу. Ни один человек в шапке не говорил бы так, как он.

Но он оставался абсолютно равнодушным... Да, время от времени он видит треножники. Ему кажется, что они повреждают посевы; да и как им избежать этого, слишком уж велики. Но он рад сказать, что ни один из них не ставил свою тяжелую ногу на этот остров. Что касается шапок, что ж, люди носят их, но они, похоже, не приносят ни вреда, ни пользы... Он знает, что они имеют какое-то отношение к треножникам, потому что треножники забирают мальчишек в день надевания шапок. Бинпол смело спросил, не препятствуют ли шапки людям воевать против треножников.

Ганс задумчиво посмотрел на него.

— Ну, вы ведь знаете об этом больше меня, не так ли? А какой смысл воевать с треножниками? Нужно иметь очень сильную руку, чтобы добросить камень хотя бы до середины его роста, а что это даст? И зачем? Конечно, какой-то вред они приносят. Посевы, иногда скот, даже люди, если не уберутся вовремя с дороги. Но молния может убить тоже, а град уничтожает посевы.

Бинпол сказал:

— Мы плыли по реке на плоту. Треножник разбил наш плот. Поэтому мы и оказались здесь.

Ганс кивнул.

— Неудачи случаются у всех. Какая-то болезнь скосила всех моих кур два года назад. Осталось только три.

— Мы вам очень благодарны за убежище, — сказал Бинпол.

Ганс перевел взгляд с его лица на огонь и обратно.

— Я обхожусь без людей, но теперь вы здесь... Мне нужно вырубить деревья на верхнем конце. У меня болит плечо, я не могу сам. Сделаете завтра и отплатите мне за еду и жилье. Позже я перевезу вас в деревню.

Бинпол хотел что-то сказать, но передумал и кивнул. Наступило молчание. Ганс опять уставился на огонь. Я сказал, отчасти раздраженный, но все же надеясь:

— Но если бы вы встретили людей, которые борются с треножниками, разве вы не помогли бы им? В конце концов вы ведь свободный человек.

Он некоторое время смотрел на меня, потом ответил:

— Странный разговор. Я не имею ничего общего с людьми, но разговор странный. Ты не из нашей местности, парень.

Частично это было утверждение, частично вопрос.

— Но если бы существовали люди, которые не желают быть рабами треножников, вы же сделали бы все, что можете...

Я замолчал под спокойным взглядом бородатого человека

— Странный разговор, — повторил он. — Я занимаюсь своими делами. Всегда только ими занимался и буду. Может вы из тех, кого называют вагрантами? Но они бродят сами по себе, а не парами. У меня нет ни с кем неприятностей, потому что я держусь в стороне. Похоже, вы мечтаете о неприятностях. Если вы об этом думаете...

Бинпол прервал его. Он сказал, бросив мне предупреждающий взгляд:

— Не обращайте на него внимания, Ганс. Он просто плохо себя чувствует. Его ударилю в воде бревно. Видите у него шишку на лбу?

Ганс встал и подошел ко мне. Долго смотрел на мою голову. Потом сказал:

— Да. Может, он слегка свихнулся. Но это не помешает ему завтра работать топором. Вам обоим будет полезен хороший сон. Я встаю рано, поэтому вечером не засиживаюсь.

Из другой комнаты он принес одеяла, пожелал нам доброй ночи и ушел, забрав с собой лампу. Мы с Бинполом

легли на полу по обе стороны очага. Мне было слегка нехорошо: после двух дней голодания не так-то легко переварить ужин, весьма обильный. Я думал, что ночь будет у меня беспокойной. Но усталость оказалась сильней. Я смотрел на огонь и трех кошек, по-прежнему сидевших перед ним. А потом сразу увидел освещенный солнцем холодный пепел, кошек не было, и Ганс, чьи тяжелые шаги разбудили меня, велел нам вставать.

Он приготовил плотный завтрак. Большие куски жареного окорока с яйцами (яиц можно было съесть сколько угодно, я съел три штуки) и горячие коричнево-золотистые картофельные пирожки. И пиво, такое же, как и накануне вечером.

— Ешьте хорошо, — сказал Ганс. — Чем больше съедите, тем лучше поработаете.

Он отвел нас на северную часть острова. Там было картофельное поле примерно с акр, и он объяснил нам, что хочет увеличить его, срубив деревья в примыкающем к полю лесу. Он сам начал это делать, но ревматизм сначала задержал, а затем совсем помешал ему работать. Он дал нам топор, лопаты, мотыгу, посмотрел немного, как мы начали, и ушел.

Работа была тяжелой. Между деревьями рос густой подлесок, корни переплетались, и их невозможно было выкопать. Бинпол считал, что если мы хорошо поработаем, то за утро можно будет отплатить нашему хозяину за гостеприимство, и после полудня он перевезет нас в деревню. Но хотя мы вспотели от напряжения, работа шла медленно. В середине дня пришел Ганс и критически глянул на результаты нашего труда.

— Я думал, вы сделаете больше. Но начало есть. Сейчас вам лучше пообедать.

Он дал нам жареных цыплят и груду вареной картошки с кислой капустой. И еще дал вина, сказав, что если мы напьемся в полдень пива, то захотим спать. Потом была сладкая черника с кремом. Ганс сказал:

— Отдохните с полчаса, переварите еду, пока я убираю. Потом вернетесь на поле. Большой дуб оставьте на завтра. Я хочу быть уверен, что он правильно упадет.

Он оставил нас лежать на солнце. Я сказал Бинполу:

— Завтра? Не много ли за то, чтобы перевезти нас к деревне?

Бинпол медленно ответил:

— Завтра, и послезавтра, и еще один день. Он решил держать нас, пока не будет расчищен лес.

— Но это займет неделю, а то и две!

— Да. А времени у нас мало, если мы хотим участвовать в играх.

— Но пешком мы не доберемся. Нужно найти материал и построить другой плот. Впрочем, вряд ли мы сумеем. Нужна лодка.

И тут я удивился, как эта идея не пришла мне в голову раньше. По пути на поле мы видели лодку Ганса. Она была привязана в маленьком заливчике на востоке острова, неуклюжая шестифутовая лодка с парой весел. Мысли Бинпола, судя по его взгляду, шли в том же направлении.

Я сказал:

— Если нам удастся вечером улизнуть... Конечно, это подло, но...

— Лодка очень много значит для него, — заметил Бинпол. — Без нее ему не добраться до деревни. Вероятно, он построил ее сам, и построить другую ему будет нелегко, особенно с его ревматизмом. Но мы знаем из его слов, что он не станет нам помогать, хотя у него и нет шапки. Он стал бы удерживать нас и заставлять работать, даже если бы знал, что нам предстоит. Добраться до города, Уилл, важнее, чем этот одинокий человек с его лодкой.

— Итак, вечером...

— Пропадет еще полдня, да и может не представиться случая, когда еще мы будем одни. — Он встал. — Лучше сейчас.

Мы как можно невинней пошли с поля. Я увидел открытую дверь дома, но Ганса не было. После этого мы побежали в направлении заливчика с лодкой. Она закачалась, когда Бинпол забрался на борт и достал из нее весла, а я занялся веревкой. Лодка была привязана к дереву сложным узлом, который сначала мне не поддавался.

— Торопись, Уилл, — сказал Бинпол.

— Если бы был нож...

— Мне кажется, я что-то слышу.

Я тоже услышал — сначала топот бегущих ног, затем хриплый крик. Я отчаянно дернул узел, и он поддался. Когда я карабкался в лодку, она опасно наклонилась подо мной. Бинпол оттолкнулся от берега, и тут же из-за деревьев показался Ганс. Он выкрикивал проклятия. К тому времени, как он добежал до воды, мы были уже в десяти футах от дерева на берегу. Ганс не остановился, он бросился в воду вслед за нами. Вода поднялась ему до колен, потом до пояса, но он продолжал с криками идти вперед. Ему удалось ух-

ватиться за весло, но Бинпол выдернул его. Течение подхватило нас и понесло.

Ганс замолчал, и выражение лица у него изменилось. Я легко перенес его гнев и ругань, но тут было другое. Мне и сейчас становится плохо, когда я вспоминаю ужасное отчаяние на его лице.

Мы быстро плыли вниз по течению. Мы по очереди гребли весь день с самого утра. Пища вновь была проблемой, но мы как-то продержались, хотя в первые дни сильно голодали. Мимо вверх и вниз проплывали баржи, но мы держались от них подальше, и это становилось все легче делать, так как русло реки сильно расширялось. Сама река представляла огромный интерес: по берегам мелькали роскошные леса, пастбища, виноградники, пшеничные поля и молчаливые руины гигантских городов древних. Много раз мы видели треножники, а однажды слышали и их охотничье улюлюканье, но достаточно от нас далеко. Ни один из них не приблизился к нам. В реку впадали притоки, древние замки вздымали свои башни на утесах, а в одном месте огромная красновато-коричневая скала, поросшая деревьями, выше треножника, торчала из середины реки.

Наконец мы прибыли к месту, где проходили игры. К берегу было причалено множество барж, и среди них был "Эрлкениг".

Глава пятая

Игры

Это была земля цветущих лугов, богатой почвы, маленьких богатых деревень и множества ветряных мельниц, чьи крылья медленно поворачивались под порывами теплого ветра. Стояла прекрасная погода. Настоящая погода игр, говорили люди.

Город лежит на запад от реки, за лугами. Здесь шло множество людей, и не только участники игр, но и зрители. Город и прилегающие деревни кишели ими, а еще тысячи расставляли на полях палатки. Чувствовалось праздничное оживление — все ели, пили пиво и прошлогоднее вино, все были довольны, одеты в лучшее платье. Мы пришли за день до начала. Ночь мы провели под открытым небом, под ивой, у быстрого ручья, но завтра, если удастся пройти предварительные испытания, мы станем участниками и будем жить

в длинном низком деревянном здании, построенном рядом с полем.

По пути к этому месту нужно пройти через город, с его большим собором с двумя одинаковыми башнями, с заново раскрашенными домами, и пересечь холмы. Бродя там, мы однажды обнаружили огромное овальное углубление, его пологие склоны спускались к каменной платформе в центре. Мы не могли догадаться о назначении этого места, но камни его, треснувшие и выветрившиеся, несли на себе следы не годов, а столетий. Бесчисленных поколений, подумал я, до прихода треножников. Далее была деревня, а рядом с ней — поле. Оно было огромно, и местные жители рассказывали, что во времена древних здесь происходили великие сражения, в которых — хотя в это трудно поверить — люди убивали друг друга. Это поле самой свирепой, самой жестокой битвы, и некоторые говорили, что такая же битва еще предстоит. Я надеялся, что это предзнаменование нашего успеха. Нам действительно предстоит битва, и мы авангард нашей армии.

На барже мы встретили Морица, но не Ульфа, который где-то пил. Мориц был рад видеть нас, но советовал не оставаться, потому что Ульф продолжал ругать нас и вряд ли обрадовался бы, узнав, что мы все же добрались вовремя. Мориц сказал нам, что Фриц утром ушел на поле.

В городе и деревнях повсюду висели знамена и вымпелы, они окружали поле, как тысячи огромных цветов. Вокруг поля были сооружены деревянные трибуны, на которых сидели зрители, множество разносчиков ходило среди них, продавая безделушки, ленты, сладости, вино и горячие сосиски. С одной стороны выдавался судейский павильон с помостом, на котором победитель получал свой чемпионский пояс. Мы отчаянно надеялись побывать на этом помосте.

В первый день, как я и сказал, отсеивались те, у кого были совсем низкие результаты. Мы не сомневались, что пройдем квалификацию, и действительно легко прошли ее. Я боксировал с парнем примерно моего возраста и веса, и меньше минуты спустя судья прекратил бой, отправив меня взвешиваться. В палатке, где происходили дальнейшие процедуры, я встретил Фрица. Он не проявил ни удивления при моем появлении, ни любопытства. Я сказал ему, что Бинпол тоже здесь, и он кивнул. Трое лучше одного. Но у меня было впечатление, что он лишь себя считает способным проникнуть в город, что на нас не стоит рассчитывать. Я почти надеялся, что он проиграет в первом же забеге, но тут же спо-

хватился и стал ругать себя за глупость. Важно только, чтобы кто-нибудь победил, и трое лучше одного.

Позже я нашел Бинпола. Он тоже без труда прошел квалификацию, с большим запасом прыгнув в длину и в высоту. Вместе мы пошли на обед: нам дали теперь еду и постель. Я спросил его, что он думает о своих шансах. Он серьезно ответил:

— Все в порядке. Я особенно и не напрягался. А ты, Уилл?

— Тот, кого я победил, тоже получил квалификацию. Я видел его в доме.

— Неплохо. Не поискать ли нам Фрица?

— Позже. Сначала поедим.

На следующее утро состоялась церемония открытия. Из города двинулась процессия со знаменами, и капитан игр, седой старик, председатель городского магистрата, приветствовал участников, собравшихся на поле, и произнес немало пышных фраз о соперничестве и чести. Может, его слова и произвели бы впечатление на меня, если бы не необычные зрители. Во время турнира в замке де ла Тур Роже молчаливым часовым возвышался один треножник, здесь их было шесть. Они пришли рано утром и, когда мы проснулись, уже окружили поле. Соперничество и честь — пустые слова, когда вспомнишь, что игры предназначены поставлять рабов этим металлическим чудовищам. Рабов — или жертвы. Ведь хотя ежегодно сотни мужчин и женщин входили в город, не было известно ни об одном вернувшемся оттуда. Думая об этом, я дрожал, несмотря на жаркое солнце.

В этот день бокса не было, и я мог следить, как разворачиваются события в других видах. Фриц участвовал в беге на сто и двести метров. Это было популярное состязание: вначале проводилось двенадцать забегов по десять участников в каждом; занявшие первое и второе места участвовали в следующих трех забегах, победители которых уже встречались непосредственно... Фриц пришел вторым в четвертом забеге. Он, возможно, вводил в заблуждение соперников, но мне казалось, что он бежал изо всех сил. Первая группа участников в прыжках в длину начала состязания после полудня, и Бинпол легко победил, на полметра опередив ближайшего соперника.

Мой первый бой состоялся на следующее утро. Мой противник, высокий тощий парень, только защищался. Я гонял его по всему рингу, изредка пропускал удары, но гораздо больше нанес и не сомневался в результате. Позже я опять дрался и снова легко выиграл. Бинпол был среди зрителей.

После боя я надел тренировочный костюм, который мне выдали, и мы отправились наблюдать за событиями на поле. Шли состязания на двести метров. Бинпол вглядывался в доску объявлений. Он спросил, какой забег проводится. Я ответил: седьмой.

— Значит, Фриц уже пробежал. Он в шестом забеге. Есть ли уже результаты?

— Сейчас вывешивают.

Доска объявлений находилась рядом с павильоном судей. При помощи сложной системы окошечек и лестниц группа мальчишек развешивала номера победителей. Вот не доске появились номера двоих победителей шестого забега.

— Ну? — спросил Бинпол.

Я покачал головой:

— Нет.

Ни Бинпол, ни я больше ничего не сказали. Проигрыш Фрица в одном из двух видов был нашим первым поражением, и мы понимали, что возможны и другие. Конечно, было бы ужасно, если бы мы все проиграли, но и с такой возможностью приходилось считаться.

Для меня лично такая возможность стала совершенно реальной в следующем бою. Мой противник, подобно первому, был быстр, но более искусен и агрессивен. В первом раунде он нанес мне несколько сильных ударов и заставил меня промахнуться при контакте. Я не сомневался, что проиграл раунд и вполне мог проиграть весь бой. В начале второго раунда я постарался сблизиться и наносить удары по корпусу. Это мне удалось, но я чувствовал, что все еще проигрываю. Последний раунд я начал в отчаянном настроении. Атаковал яростно и привел противника в замешательство. Он на мгновение открылся, и я поймал его на удар справа в голову. Он упал. Правда, встал немедленно, но начал нервничать и держался на расстоянии. К тому же он явно устал, очевидно, от ударов по корпусу во втором раунде.

К концу боя я был уверен, что последний раунд за мной, но относительно всего боя сомневался. Я видел, как совещались судьи. Они делали это дольше обычного, и моя неуверенность перешла в физическую слабость. Я дрожал, когда мы шли к центру ринга, и с трудом мог поверить, когда судья поднял мою руку в знак победы.

Фриц и Бинпол следили за боем. Бинпол сказал:

— Я думал, ты проиграешь.

Я все еще дрожал, но чувствовал себя уже лучше.

— И я тоже.

— Поздно спохватился, — заметил Фриц.

— Но не так поздно, как ты на двухсотметровке.

Ответ был глупый, но Фриц не возмутился. Он просто сказал:

— Правда. Поэтому я должен выложиться в следующем забеге.

Вероятно, его невозмутимость была хорошим качеством, но меня она раздражала.

После обеда произошли два события: Фриц вышел в финал бега на сто метров, а Бинпол проиграл прыжки в высоту. Фриц опять пришел вторым, но победитель опередил его на несколько ярдов, и шансы Фрица казались мне незначительными. Бинпол был весьма угнетен поражением. В предварительных состязаниях он прыгал хорошо и уверенно, и казалось несомненным, что он победит. И вот в первой же финальной попытке его подвела координация, и он нелепо сбил планку бедром. Вторая попытка была лучше, но все же с ошибками. Мне показалось, что в третьей попытке он уже преодолел планку, но в последнее мгновение задел ее ногой.

— Не повезло, — сказал я.

Когда он натягивал тренировочный костюм, лицо у него было белым от гнева на самого себя.

— Как я мог прыгать так плохо? — спросил он. — Ведь раньше я прыгал намного выше. И теперь, в самый нужный момент...

— Есть еще прыжки в длину.

— У меня не получается взлет...

— Забудем об этом.

— Легко сказать.

— Вспомни, что говорил Фриц. Выложись во втором виде.

— Да. Это хороший совет.

Но он не выглядел убежденным.

Наступил день финалов. Вечером процессия отправилась в город, где в честь игр будет дан ужин. Будут приветствовать всех участников, особенно победителей в их алых поясах. А утром, после того, как они парадом в последний раз пройдут по полю, их подберут треножники и унесут в свой город.

Ночью было очень жарко, а небо, больше не голубое, затянулось тучами, которые каждую минуту угрожали проливным дождем. В отдалении гремел гром. В случае дождя торжества переносятся на следующий день. Я смотрел на небо через двери дома и молился, чтобы дождя не было. Нервы

у меня были напряжены до предела. Я старался заставить себя позавтракать, но пища не шла в горло.

Сначала шел вид Бинпола, затем мой и наконец Фрица. Я начал следить за состязанием по прыжкам и постепенно отвлекся. Бинпол прыгал хорошо, и было ясно, что лишь двое участников смогут тягаться с ним. Они прыгали раньше, и после первой попытки их разделяли дюймы. Остальные намного отстали. Во второй попытке они показали почти такие же результаты, но Бинпол прыгнул дальше всех и захватил лидерство. Я видел, как он возвращается из ямы, отряхивая песок, и подумал: он выиграет.

Один из его соперников в финальной попытке прыгнул недалеко. Зато другой, долговязый веснушчатый парень, у которого волосы пучками пробивались сквозь серебряную шапку, прыгнул намного лучше и вышел на первое место. Разница составляла девять сантиметров — около четырех дюймов по нашим английским мерам. Само по себе немного, но на этой стадии соревнований огромное преимущество. Я видел, как Бинпол собрался, разбежался по травянистой дорожке и бросил свое тело в воздух. Раздались крики. Это, несомненно, был лучший прыжок дня. Но восторженные крики превратились в стон разочарования, когда судья поднял флажок. Прыжок не засчитали, долговязый парень выиграл.

Бинпол ушел. я пошел за ним, говоря:

— Ты же не виноват. Ты сделал все, что мог.

Он поглядел на меня без всякого выражения.

— Я заступил на планку. С самых первых тренировок я этого не делал.

— Ты вложил в попытку слишком много усилий. Это могло случиться с любым.

— Я хотел победить. Но и боялся последующего. Но все же я старался.

— Мы все это видели.

— В прыжках в высоту я не собрался в решающий момент. А на этот раз глупо нарушил правила. Я старался, но зачем?

— Ты говоришь глупости. Ты слишком старался.

— Оставь меня одного, Уилл. Сейчас я не хочу разговаривать.

Боксерские финалы проходили в середине дня, и мой вес шел вторым. Мне предстояло драться с немцем с севера, сыном рыбака. Он был даже меньше меня ростом, но муску-

листый и крепко сложенный. Я видел, как он дерется, и понял, что это сильный боец, быстрый и с мощным ударом.

Первую минуту мы осторожно кружили по рингу. Потом он быстро ударил слева и справа, я парировал. Я контратаковал его и прижал к канатам, сильно ударив по ребрам и сбив дыхание. Но он ушел, прежде чем я ударил еще. Мы снова дрались на дистанции, но в последние тридцать секунд я сумел приблизиться к нему и несколько раз ударить. Раунд был за мной.

Я уверенно начал второй раунд. атаковал, а он отступал. Он был почти прижат к канатам. Сильный хук в челюсть. Я промахнулся ненамного, но все же промахнулся. А следующее, что я помню: я лежу на полу, а рефери надо мной считает:

— ...три, четыре, пять...

Бинпол позже сказал мне, что это был короткий апперкот — снизу вверх в подбородок. Удар подбросил и перевернул меня. В тот момент я сознавал лишь, что плыву в каком-то тумане боли, и земля прочно держит меня в объятьях. Мне нужно встать, но я не знаю, как это сделать. Да и срочности никакой нет. Между словами судьи такие длинные промежутки.

— ...шесть, семь...

Я, конечно, проиграл, но по крайней мере сделал все возможное. Как и Бинпол. Сквозь туман я увидел его печальное лицо.

— Я старался, но зачем?

А я? Поймал удар, потому что ослабил бдительность. Неужели в глубине души я хотел этого? И теперь могу сказать себе: ты сделал все, что мог, и никто не имеет права упрекнуть тебя? Можешь возвращаться в Белые горы вместо города треножников. Но с сомнением в душе, от которого нелегко избавиться.

— Восемь!

Каким-то образом я умудрился встать. Я плохо видел и шатался. Парень с севера атаковал. Я сумел уйти от его ударов, но не представляю, каким образом. Оставшуюся часть раунда он гонялся за мной, однажды загнал в угол и сильно ударил. На этот раз не упал, но когда я сел в своем углу, и меня начали обтирать влажной губкой, то понял, что безнадежно проигрываю. Чтобы победить, мне нужен только нокаут.

Он тоже понимал это. Убедившись в начале третьего раунда, что я пришел в себя, он не пытался сближаться, а боксировал на расстоянии. Я шел за ним, он уходил. Вероятно,

я получил несколько очков, но потерял гораздо больше. А часы, большие деревянные часы, показывали, как уходили секунды. В начале каждого раунда их пускали в ход и три минуты спустя останавливали.

Я пришел в отчаяние. Отказавшись от защиты, на этот раз сознательно, я стал наносить удары. Чаще всего я промахивался, а он сумел несколько раз сильно достать меня по корпусу. Но я продолжал отчаянно драться, а не боксировать, надеясь на чудо. И оно произошло. Он нанес удар, который закончил бы дело, начатое апперкотом, но промахнулся. Зато я своим ударом в челюсть не промахнулся. Колени его подогнулись, он упал, и я был уверен, что он не встанет ни при счете десять, ни пятьдесят. У меня лишь оставалось сомнение, не прозвучит ли гонг раньше конца счета. Мне казалось, что идут последние секунды боя. Но я ошибся. К моему изумлению, до конца оставалось еще больше минуты.

Мы с Бинполом молча следили за финалом бега на сто метров, испытывая разные чувства. Но наше молчание кончилось, когда стало ясно, что Фриц держится наравне с бегуном, который обошел его в предыдущем финале. Мы оба закричали, когда они пересекли финишную ленту. Бинпол считал, что победил Фриц, я — что он проиграл. Наступило время объявления результатов, и оба мы ошиблись. Победитель не был назван. И предстоял новый забег всего с двумя участниками.

И на этот раз Фриц не допустил ошибки. Он с самого начала захватил лидерство и удерживал его до конца. Я горячо его приветствовал вместе со всеми. Я был бы еще более рад, если бы на его месте оказался Бинпол, но я радовался тому, что в городе у меня будет союзник.

Вечером во время пира разверзлись небеса, непрерывно гремел гром, и через высокие окна я видел молнии над крышами домов города. Мы ели прекрасную пищу в огромных количествах, пили вино, которое пузырилось в бокалах и щекотало горло. А я сидел за высоким столом среди других победителей в алых поясах.

Утром, когда начался парад, шел мелкий дождь. Поле было мокрое, и наша обувь покрылась грязью. Я попрощался с Бинполом и сказал, что надеюсь снова увидеться с ним в Белых горах.

Но надежда на это была слабой. Церемония прощания продолжалась, а шесть треножников неподвижно стояли на прежних местах. Я смотрел на лица спутников, счастливые

и возбужденные мыслью о службе треножникам, пытался придать своему лицу такое же выражение. Ноги у меня дрожали. Я сделал усилие и сдержал дрожь, но несколько мгновений спустя они снова дрожали.

Нас было более тридцати, разбитых на шесть групп. Группа с Фрицем первой направилась к ближайшему треножнику. Когда они приблизились к металлическим ногам гиганта, сверху опустилось щупальце. Оно по очереди подняло их к отверстию в полушарии; точно в такое отверстие год назад я бросил взрывающееся металлическое яйцо древних. Сейчас у меня не было защиты и не должно было быть. Я следил, как пошла следующая группа, за ней третья, четвертая. Наступила наша очередь, и, шлепая по лужам, я побрел за остальными.

Глава шестая

Город золота и свинца

Когда щупальце приблизилось ко мне, я больше всего боялся, что начну сопротивляться и тем самым покажу, что отличаюсь от остальных. Мне даже казалось, что щупальце каким-то образом прочтет мои мысли. Когда наступила моя очередь подниматься, я постарался отвлечься. Я думал о доме, о послеполуденных прогулках по полям, о плавании по реке со своим двоюродным братом Джеком. Но тут дыхание у меня оборвалось, и я полетел вверх сквозь пронизанный дождем воздух. Надо мной раскрылась дверь в полушарии — зияющая пасть, к которой несло меня.

Я ожидал, что потеряю сознание, как и в первый раз, у замка де ла Тур Роже, но этого не случилось. Позже я понял, почему так. У треножников есть для этого способ, но они применяют его только к тем, у кого нет шапок, кто может испугаться и сопротивляться. Но для тех, кто преклоняется перед ними, это не нужно.

Щупальце внесло меня внутрь и освободило, и я смог оглядеться. Полушарие имело не менее пятидесяти футов в основании, но часть, где мы находились, была гораздо меньше. Это было неправильной формы помещение примерно в семь футов высотой. Внешняя стена с дверью изгибалась, в ней виднелись иллюминаторы, закрытые чем-то вроде толстого стекла. Остальные стены были прямые и слегка наклонные, при этом внешняя стена была длиннее внутренней. И имелась еще одна, но запертая дверь.

Никакой мебели не было. Я провел ногтем по металлу: он был жесткий, но шелковистый на ощупь. В моей группе было шестеро, я поднимался пятым. Внесли последнего, и дверь закрылась — поднимающаяся круглая крышка, которая прилегла без всякой щели. Я смотрел на лица своих товарищей. Они были в смущении, но в то же время радостно возбуждены, и я постарался скопировать их выражение. Все молчали, и для меня это было облегчением. Я не знал бы, что сказать и как.

Молчание в течение бесконечных минут, затем пол неожиданно наклонился. Погрузка закончилась, очевидно. Началось наше путешествие в город.

Двигались мы гладко. Три ноги машины прикреплялись к кольцу под полушарием. В местах соединений имелись сегменты, которые обладали способностью удлиняться и сокращаться, когда ноги перемещались относительно друг друга. Между кольцом и полушарием имелось такое устройство из пружин, которое компенсировало толчки. Поэтому мы ощущали только легкую качку. Она вначале вызывала тошноту, но мы к ней быстро привыкли.

Треножник мог спокойно двигаться в любом направлении, но сейчас то помещение, в котором мы находились, оказалось расположенным впереди. Мы столпились у иллюминаторов.

Впереди и немного справа виднелся холм с древним полукругом каменных ступеней, за ним город, где мы пировали накануне вечером. Дальше лента реки. Мы направлялись к ней, двигаясь на северо-восток. Дождь прекратился, и на небе появилась просинь между облаками. Все внизу казалось маленьким и далеким. Поля, дома, скот, которые мы видели в долине из туннеля, были еще меньше, но там панорама не менялась. Тут же картина постоянно изменялась. Мы как будто висели на животе у огромной птицы, пролетающей над местностью.

Вспомнив треножники, которым ноги служили плотами, я подумал, смогут ли и эти так, когда достигнут реки. Но ничего подобного. Передняя нога с фонтаном брызг ушла в воду, остальные за ней. Треножник пересек реку по дну, как всадник пересекает ручей ниже мельницы моего отца в Вертоне. На другом берегу треножник изменил направление и двинулся на юг. Вокруг расстилалась открытая местность, затем пустыня.

Мы с Бинполом видели развалины одного из городов-гигантов на своем пути на север. Река на протяжении миль

текла меж черных угрюмых берегов. Но с высоты видно было гораздо больше. Город тянулся на восток от реки — темная отвратительная масса разрушенных зданий и разбитых дорог. И среди них росли деревья, но меньше, чем в том городе, который мы пересекали на пути в Белые горы. Этот город казался больше и отвратительней. Я не видел здесь остатков широких улиц и площадей, тут не было чувства, что наши предки до прихода треножников жили в порядке и красоте. Но здесь было сознание силы и власти, и я снова удивился, как они могли быть побеждены, как мы, горсточка беглецов, можем надеяться победить там, где они проиграли.

Один из нас увидел его первым и закричал, остальные начали тесниться, чтобы тоже увидеть. Оно поднималось за краем развалин, кольцо тусклого золота, встающее на сером горизонте, увенчанное и накрытое огромным пузырем зеленоватого хрусталя. Стена была втрое выше треножника, гладкая и без всяких перерывов. Все это, хотя и находилось на земле, казалось странно не связанным с нею. На некотором расстоянии от того места, куда мы направлялись, из-под золотого щита вырывался поток и устремлялся к большой реке за нами. Следуя взглядом за течением, можно было подумать, что иллюзия вот-вот рассеется, город исчезнет и останется только река, текущая среди обычных полей. Но город не исчезал. Стена поднималась все выше, становилась зловещей и угрожающей.

Небо посветлело. Время от времени сквозь тучи прорывалось солнце. Оно блестело на стене, отражаясь от хрустальной крыши. Мы видели гигантское золотое кольцо, на котором сверкал титанический изумруд. И узкую темную щель, которая все расширялась. В сплошной стене открылась дверь. Первый треножник прошел в нее.

Я был совершенно не подготовлен к тому, что случилось, когда наш треножник вошел в город. Я упал, как будто получил свирепый удар, но такой удар, который одновременно пришелся по всем частям тела, удар спереди, сзади, а больше всего сверху. Я увидел, падая, что с моими товарищами происходит то же самое. Пол, как магнитом, притягивал нас к земле. Пытаясь встать, я понял, что это не удар, а нечто совсем другое. Все мои члены налились свинцом. И огромных усилий стоило поднять руку, даже пошевелить пальцем. Напрягая все силы, я встал. На спине я нес огромную тяжесть. И не только на спине — на каждом квадратном дюйме тела.

Остальные выглядели удивленными и испуганными, но не несчастными. В конце концов треножники хотят им добра. Вокруг разлился тусклый зеленоватый свет, как в густом лесу или в пещере на дне моря. Я пытался понять, что все это значит, и не мог. Вес тела сгибал мне плечи. Я распрямлял их, но чувствовал, как они снова провисают.

Время шло. Мы ждали. Тишина, тяжесть и тусклая зелень. Я старался сосредоточиться на самой важной мысли — мы достигли первой цели и находимся внутри города треножников. Нужно иметь терпение. Это не мое отличительное качество, как указывал Джулиус, но теперь мне придется им обзавестись. Ждать было бы легче без этой полутьмы и сокрушительной тяжести. Было бы облегчением сказать что-нибудь, что угодно, но я не осмеливался. Я переминался, пытаясь найти положение поудобнее, но не смог.

Я смотрел на внутреннюю дверь, но со слабым свистом открылась наружная. Снаружи видна была все та же тусклая зелень. Появилось щупальце и вынесло одного из моих товарищей. Я понял, что оно каким-то образом видит нас снаружи. Может ли быть, что треножники живые, что мы пленники живой разумной машины? Щупальце вернулось. На этот раз оно взяло меня.

Зал, длинный и узкий, но невероятных размеров, не менее восьмидесяти футов в высоту и в три раза больше в длину. Что-то вроде стойла для треножников. У стены в полутьму уходил их длинный ряд. Они были едва освещены тусклым зеленоватым светом висящих шаров. Их полусферы прислонились к стене высоко над нашими головами. Те, в которых мы прибыли, разгружали свой человеческий груз. Я увидел Фрица, но не заговорил с ним. Мы заранее условились, что на первом этапе не будем общаться. Так безопаснее. Один за другим к нам присоединялись остальные. Наконец щупальце неподвижно застыло. И послышался голос.

Он тоже звучал так, будто говорила машина, глубокий и без интонаций, он гулко отражался от стен. Говорил он по-немецки.

— Люди, вам оказали великую честь. Вы избраны служить хозяевам. Идите туда, где виден синий свет. Там вы найдете других рабов, которые научат вас, что делать. Идите за синим светом.

Он вспыхнул, когда еще звучал голос, — глубокий синий свет у основания стены, вдоль которой стояли треножники. Мы пошли к нему или, скорее, заковыляли, преодолевая свинцовую тяжесть, тянувшую книзу. Воздух стал жарче,

чем был внутри треножника. Свет горел над открытой дверью, через которую мы попали в небольшое помещение, почти такое же, как в треножнике, но с правильными стенами. Когда мы все вошли, дверь за нами закрылась. Щелчок, скрежет, и неожиданно вес стал еще больше. Желудок у меня потянуло книзу, я ощутил неодолимую тошноту. Это длилось несколько секунд, затем кратковременное ощущение легкости. Скрежет прекратился, дверь открылась, и мы вышли в другое помещение.

Оно оказалось большим, но все же скромным сравнительно с залом треножников. Тот же зеленоватый свет шел от ламп на стенах, я заметил, что свет этот не мигал, как в наших лампах. У меня создалось смутное впечатление рядов столов или скорее скамей. И полуодетых стариков.

Именно они должны были инструктировать нас. На них были только шорты, они напоминали мне тех, кто работал на уборке урожая. Но на этом сходство кончалось. Зеленый свет отражался в их глазах, но даже в нем я видел, что кожа у них бледная и нездоровая. Но так ли они стары, как кажутся? Двигались они старчески, и кожа у них была в морщинах, но в остальном... Они подошли к каждому, и я пошел за своим проводником к одной из скамей. Здесь лежала небольшая кучка предметов.

Большинство из них не требовали объяснений. Две пары шортов, такие же, как на инструкторах, носки, две пары туфель. Нет, пара туфель и пара сандалий. Позже я узнал, что сандалии полагается носить в домах. Но было также устройство, удивившее меня. Усталым голосом с южно-немецким акцентом раб объяснил:

— Перед выходом ты должен надеть это и носить всегда, пока дышишь воздухом хозяев. В доме твоего хозяина будет комната, в которой ты будешь есть и спать, там это тебе не нужно, но во всех других местах не снимай. Воздух хозяина слишком силен для таких, как мы. Если ты будешь дышать им без защиты, ты умрешь.

Устройство было как будто сделано из толстого стекла, но на ощупь производило другое впечатление. Даже самая толстая его часть, которую надевали на голову и плечи, слегка поддавалась при нажиме. Заканчивалось оно тонким поясом, который прилипал к телу. Шлем удерживался еще и поясом, который шел по груди и под мышками. С обеих сторон шеи в отверстиях видны были пласты темнозеленого материала, похожего на губку. Через сеть тонких отверстий они пропускали воздух. По-видимому, эти губки фильтро-

вали воздух хозяев, которым не могли дышать их рабы. Мой инструктор указал на них.

— Их нужно менять ежедневно. Твой хозяин снабдит тебя новыми.

— А кто мой хозяин?

Это был глупый вопрос. Инструктор тускло взглянул на меня.

— Твой хозяин выберет тебя.

Я напомнил себе, что должен наблюдать и не задавать вопросов. Но было одно обстоятельство, которое я хотел выяснить.

— Давно ты в городе?

— Два года.

— Но ты не...

Остатки прежней гордости пробились сквозь тяжелую тусклость его голоса:

— Два года назад, через месяц после того, как мне надели шапку, я выиграл бег на тысячу метров на играх. Никто в моей области не добивался этого раньше.

Я с ужасом смотрел на его старческое лицо, на бледное дряхлое тело. Он не больше чем на два года старше меня, может, и меньше.

— Переоденься. — Голос его снова стал тусклым и лишенным всякого выражения. — А старую одежду брось в груду.

Я снял свой алый чемпионский пояс.

— А это куда?

— Туда же. В городе он тебе не нужен.

Мы переоделись, сложили ненужные вещи в специальные мешки и надели маски. Потом нас построили и провели в другое помещение, меньшего размера. Дверь за нами закрылась, и я увидел в противоположной стене такую же дверь. Послышался свист, и по полу подул ветерок. Я понял, что воздух уходит сквозь решетку у основания одной из стен. Но из другой решетки на уровне головы поступал другой воздух. Я чувствовал его, а спустя некоторое время мне показалось, что я вижу его — густой, зеленоватый в зеленом свете. Каким-то непонятным образом воздух в помещении менялся, обычный уступал место тому, которым дышат хозяева. Это продолжалось несколько минут. Затем свист прекратился, и двери впереди открылись. Нам велели выходить.

Вначале меня поразил зной. Мне казалось, что в треножнике и во внешних помещениях города жарко, но это было прохладой в сравнении с жаром, в который вступил я. К тому же воздух был не только горячий, но и влажный. Пот

сразу покрыл все тело, но особенно голову, закрытую прозрачной жесткой оболочкой. Он тек по лицу и шее, собираясь в том месте, где пояс прижимал маску к груди. Я вдохнул горячий воздух. Тяжесть снова согнула меня. Ноги начали подгибаться. Один из моих товарищей упал, за ним другой, третий... Спустя несколько мгновений двое из них сумели встать, третий лежал неподвижно. Я хотел помочь ему, но вспомнил свое решение ни в чем не проявлять инициативы. Я был рад, что есть повод ничего не делать. И так трудно было удержаться от падения и потери сознания.

Постепенно я немного привык к обстановке и смог бросить взгляд вперед. Мы находились на чем-то вроде карниза, и под нами проходила главная улица города. Непривычная картина ошеломляла. Ни одна из дорог не была прямой, и лишь некоторые шли на одном уровне: они опускались и поднимались, огибали здания и терялись на расстоянии в зеленой полутьме. Город изнутри казался обширнее, чем через иллюминатор треножника, но я решил, что это впечатление создает густой зеленоватый воздух. В нем невозможно было видеть далеко и ясно. Хрустальный купол, покрывавший город, не был виден изнутри. Зеленый туман, казалось, тянулся бесконечно.

Здания тоже поразили меня. Они были разных размеров, но одной формы — пирамидальной. Непосредственно под нашим карнизом я увидел несколько приземистых пирамид с широким основанием. Дальше пирамиды становились тоньше и поднимались на разную высоту, самые низкие доходили до уровня карниза, но большинство было гораздо выше. В них виднелись треугольные отверстия, похожие на окна, но размещены они были без всякого порядка и последовательности. У меня уставали глаза при взгляде на них.

Странные экипажи двигались по дорогам. В общем это тоже были пирамиды, но лежали они не на основании, а на боковой поверхности. Верхние части этих экипажей были сделаны из того же прозрачного материала, что и наши шлемы, и я смутно видел внутри фигуры. Другие фигуры двигались между зданиями и по карнизам, которые отходили от зданий через неравные промежутки. Фигуры были двух видов, одни гораздо меньше других. Хотя на расстоянии трудно разглядеть подробности, ясно было, что одни — хозяева, другие — рабы: меньшие фигуры двигались медленно, как будто несли большую тяжесть, большие двигались легко и быстро.

Один из инструкторов сказал:

— Смотрите! Это жилища хозяев.

Голос его, хоть и приглушенный, звучал почтительно. Под нишами с губками находились маленькие металлические устройства. Они передавали звуки через маски. Голос звучал искаженно, но к этому можно было привыкнуть. Он указал на ближайшую пирамиду.

— А это место выбора. Спускайтесь.

Мы медленно, пошатываясь, спускались по спиральной рампе, чья крутизна вызывала добавочную боль в мышцах ног и головокружение, от которого то один, то другой падали. Парень, который потерял сознание на карнизе, пришел в себя и тоже был с нами. Это был тот, который победил Бинпола в прыжках в длину, — веснушчатый верзила, вложивший все свои силы в последнюю попытку. Здесь бы он далеко не прыгнул. Жара продолжала уносить наши силы, а пот образовывал неприятную лужу у основания маски. Мне отчаянно хотелось вытереть пот, но, конечно, это было невозможно. Для этого пришлось бы снять маску, а меня предупредили, что вдыхание воздуха хозяев означает смерть.

Я по-прежнему не видел вблизи ни одного хозяина. Но по крайней мере одна проблема была решена. Треножники не были хозяевами, как думали некоторые, а просто хитроумными машинами, чтобы нести хозяев во внешнем мире. Я не видел, чем это может помочь Джулиусу и остальным, но это была информация. Постепенно узнаю больше, гораздо больше. После этого мне и Фрицу нужно будет бежать. И все! Я рассмеялся бы, если бы у меня были силы. И, конечно, мне следовало помнить свою роль избранного, но доброволь-ного раба.

Рампа привела в одну из приземистых пирамид, примерно на полпути от ее основания. Внутри было светло от множества зеленых шаров, которые на разной высоте свисали с потолка. Во всяком случае, светлее, чем снаружи. Нас провели по извивающемуся коридору в длинную комнату со сводчатым потолком. Вдоль одной из стен тянулся ряд прямоугольных помещений с открытой передней стенкой. Стены их были сделаны из жесткой стеклоподобной субстанции. Нам сказали, что каждый из нас должен занять одно из таких помещений. После этого нужно ждать. Хозяева придут в должное время.

Мы ждали долго. Другим, я полагаю, было легче ждать. Желание служить хозяевам давало им терпение. У нас с Фрицем не было такого преимущества. Он находился примерно через десять клеток от меня, и я не мог его видеть.

Я видел лишь тех, что находились рядом, и очень смутно еще двоих-троих. Напряжение усиливалось, но я знал, что не должен его показывать. Было очень неудобно. Большинство из нас сидело или лежало на полу. Лежать было легче, но пот собирался внутри маски. Это вообще неприятно, а когда голова и плечи не подняты, то непереносимо. К этому времени я ужасно захотел пить. Я подумал, может, нас забыли, и мы умрем от жажды и истощения. Наверное, мы представляли какую-то ценность для хозяев, но не очень большую. Нас легко заменить.

Я скорее почувствовал вначале, чем услышал — ропот пробежал по рядам клеток, ропот благоговения, удивления, обожествления. Я понял, что наступил этот момент, и изогнул шею, пытаясь рассмотреть что-нибудь. Они входили на дальнем конце комнаты и приближались к клеткам. Хозяева.

Несмотря на все неудобство и усталость, несмотря на страх перед будущим, первым моим желанием было рассмеяться. Они были так нелепы! Гораздо выше человека, примерно вдвое, и пропорционально толще. Тела их были шире у основания: внизу четыре пять футов в окружности, но заострялись кверху.

Голова... если это была голова, потому что никакого признака шеи. Потом я заметил, что их тела опираются не на две ноги, а на три, и эти ноги толстые и короткие. Им соответствовали три руки или скорее щупальца, выдававшиеся примерно из середины тела. А их глаза — я видел, что их тоже три, и размещены они треугольником, один вверху и два внизу, примерно в футе от верхушки. Эти существа были зеленые, хотя и разного оттенка, от темного, почти коричневого, до бледного. Это, а также разный рост служили мне единственным средством отличить их друг от друга. Да, слабое средство!

Позже я узнал, что когда к ним привыкнешь, различать их становится легче. Отверстия, служившие им ртом, носом, ушами, тоже различались по размеру и форме, а также по расположению относительно друг друга. Но по первому впечатлению они были безлики и совершенно одинаковы. Я почувствовал дрожь страха, когда один из них, остановившись передо мной, заговорил:

— Встань, мальчик, — произнес он.

Я решил, что звуки доносятся изо рта, и принял за рот нижнее отверстие, но потом заметил, что как раз открывается и закрывается верхнее, а нижние два остаются закры-

тыми. У хозяев органы питания и дыхания не соединены, как у человека; они дышат и говорят через одно отверстие, а едят и пьют через нижнее, большее по размеру.

Я встал, как мне было приказано. Ко мне протянулось щупальце, слегка коснулось меня, потом прочнее схватило за руку. Оно пробежало по телу, и я сдержал дрожь.

— Двигайся, — сказал хозяин. Голос был холодный, ровный, негромкий, но отчетливый. — Походи, мальчик.

Я начал ходить по кругу внутри клетки. Однажды я видел в Винчестере продажу лошадей — мужчины щупали их мускулы, смотрели, как они ходят по кругу. Хозяин стоял и смотрел, как я сделал несколько кругов. Затем, не добавив ни слова, пошел дальше. Я снова сел.

Они быстро передвигались на своих приземистых ногах, подпрыгивая ритмичными движениями. По-видимому, они были гораздо сильнее нас, раз так легко могли двигаться в свинцовом городе. Когда им действительно надо было передвигаться быстро, они могли вращаться, как волчки, очень быстро перемещаясь при этом вперед, каждая нога касалась земли через несколько ярдов. Я думаю, что это была их разновидность бега.

Выбор продолжался. Еще один хозяин осмотрел меня, и еще один. Парень в соседней клетке был взят; хозяин приказал ему идти за собой, и тот повиновался. Они исчезли в толпе. Некоторые хозяева осматривали меня внимательнее других, но все проходили мимо. Я думал, не подозревают ли они что-то, может, мое поведение в чем-то отклоняется от обычного. Я размышлял также о том, что будет со мной, если меня никто не выберет. Известно, что из города не возвращаются. Значит...

Эта тревога оказалась неоправданной. Я узнал, что те, кто не попадал в личные слуги, отправлялся в общую группу. Но тогда я этого не знал и сознавал, что клетки вокруг меня пустеют. Я видел, как мимо прошел Фриц, следуя за хозяином. Мы посмотрели друг на друга. К моей клетке подошел хозяин, молча посмотрел на меня и пошел дальше.

Количество хозяев, как и рабов, уменьшалось. Я печально сидел на полу. Я устал и хотел пить, у меня болели ноги, а кожу на груди и плечах жгло от соленого пота. Я прислонился к прозрачной стене и закрыл глаза. И поэтому не видел, что подошел новый хозяин, лишь услышал его голос:

— Встань, мальчик.

Мне его голос показался приятнее, чем у других, его можно было назвать почти теплым. Я встал и с любопытством посмотрел на него.

Он был меньше среднего роста и более темного цвета. Коричневый оттенок на темно-зеленом был вполне заметен. Он смотрел на меня сверху вниз, кожа между его глазами дергалась. Он велел мне походить. Я собрал все силы и пошел как можно резвее.

Мне было приказано остановиться. Хозяин сказал:

— Подойди ближе.

Щупальце обвилось вокруг моей левой руки. Я сжал зубы. Второе щупальце прошло по телу, ощупало ноги, грудь. От его сжатия у меня перехватило дыхание. Оно отступило. Послышался голос:

— Ты странный, мальчик.

Эти слова, подводя итог моим страхам, оледенили меня. Я глядел на безликую колонну чудовища. Чем-то я, несомненно, выдал себя. Возбуждением? Недостаточным счастьем от перспективы служить одному из этих нелепых и отвратительных существ? Я старался прогнать это настроение. Хозяин снова заговорил:

— Как ты стал чемпионом игр — в каком из ваших человеческих видов спорта?

— В боксе... — я поколебался и добавил: — хозяин.

— Ты маленький, но, я думаю, сильный для своего роста. Из какой земли ты пришел сюда?

— С юга, хозяин. Из Тироля.

— Горная страна, С высокогорья приходят сильные люди.

Он замолчал. Щупальце, державшее мою левую руку, разжалось. Три глаза смотрели на меня. Затем тот же голос произнес:

— Иди за мной, мальчик.

Я нашел своего хозяина.

Глава седьмая

Кошка моего хозяина

Мне повезло с моим хозяином. Он отвел меня к своему экипажу, стоявшему в ряду других у здания, велел сесть и повез нас. Он объяснил, что моей обязанностью будет управлять экипажем. Это оказалось нетрудно. Экипаж приводился в движение невидимой силой, которая шла из-под земли. Я видел, что некоторые хозяева тут же принялись обучать своих новых рабов, но мой не стал этого делать, потому что видел: я устал и расстроен. Экипажи передвигались на множестве колес, поставленных на одной стороне пира-

миды, и водитель сидел в заостренной части. Хозяин отвез нас к центру города, где он жил.

По пути я разглядывал окружающее. Трудно было в нем разобраться: улицы, здания, рампы были в одно и то же время очень похожи и совершенно различны; в их размещении либо не было никакого плана, либо я не мог понять этот план. Тут и там виднелись небольшие площадки, которые показались мне садами. Они были треугольной формы и заполнены водой, из которой поднимались странные растения различных цветов: красного, коричневого, зеленого, синего, но все тусклые. У них тоже была одинаковая форма, широкая у основания и заостренная кверху. Над многими садами-бассейнами поднимался туман, а в некоторых медленно передвигались или стояли хозяева, погруженные, как растения, в воду.

Мой собственный хозяин жил в высоком здании, выходящем на большой сад-бассейн. Здание было пятиэтажное и больше походило на треугольник, которые, по-видимому, так любили хозяева: три его стороны были короче других и образовывали почти прямые линии. Мы оставили экипаж у входа — оглянувшись, я увидел, как раскрылась земля и он опустился в яму, — и прошли в здание. Внутри оказалась движущаяся комната, такая же, в какой мы покинули зал треножников. На этот раз я понял, что происходит: комната поднималась вверх, и мы вместе с нею. Мы вышли в коридор, и я побрел вслед за хозяином к двери, которая была входом в его дом.

Многое, конечно, я понял гораздо позже. Пирамиды делились на квартиры хозяев. Внутри находились меньшие пирамиды, накрытые внешней; они использовались как склады, помещения для экипажей, общие комнаты рабов и тому подобное. Дома хозяев находились в другом месте, и о важности хозяина для города можно было судить по расположению его дома. Самые важные жили вверху. Ниже находились еще два треугольных дома. Несколько таких домов размещались в беспорядке по углам пирамиды. Мой хозяин не отличался значительностью, и дом его был в углу, ближе к основанию, чем к вершине.

При первом взгляде на город с его пирамидами я решил, что количество хозяев фантастически велико. Но при более близком знакомстве я понял, что это впечатление обманчиво. Все у них было в гораздо больших масштабах, чем у людей. Особенно просторны были дома, с большими высокими комнатами, не менее двадцати футов в высоту.

Коридор вел в проход с несколькими дверями. Двери круглые и работали на том же принципе, что и в треножнике: нужно было нажать кнопку, и часть стены поднималась внутрь и вверх. Не было ни замков, ни задвижек. В одном направлении проход поворачивал под прямым углом и вел в наиболее важную часть дома — треугольную комнату с видом наружу. Здесь хозяин ел и отдыхал. В центре пола был сделан небольшой круглый сад-бассейн, с поверхности которого поднимался пар. Это было любимое место хозяина.

Но мне его показали не сразу. Хозяин провел меня по коридору в противоположном направлении. Проход оканчивался тупиком, но сразу перед ним находилась дверь. Хозяин сказал:

— Это твое убежище, мальчик. Там воздушный шлюз — место, где меняется воздух, — за ним ты сможешь дышать без маски. Здесь ты будешь есть и спать. Когда мне не нужны твои услуги, можешь оставаться здесь или в общем помещении. Сейчас отдохни. В нужное время услышишь звонок. Тогда снова наденешь маску, пройдешь через шлюз и придешь ко мне. Найдешь меня в комнате с окном, в конце прохода.

Он повернулся и легко заскользил на своих толстых ногах вдоль широкого высокого прохода. Я понял, что получил разрешение быть свободным, и нажал кнопку двери прямо перед собой. Она открылась, и я вошел, и дверь автоматически закрылась за мной. Послышался свист, по ногам подуло — воздух хозяев уходил и заменялся человеческим. Все это заняло мало времени, но мне показалось, что прошел целый век, прежде чем открылась дверь в противоположной стене и я смог войти. Дрожащими пальцами я сорвал крепления пояса, удерживающего маску.

Не думаю, чтобы я смог дольше выдерживать эту затхлую маску с лужей собственного пота на груди. Но позже я узнал, что мне повезло. Фрица еще несколько часов учили его обязанностям, прежде чем позволили отдохнуть. Поведение моего хозяина и в другом оказалось особым. Помещение для слуги было маленьким по площади, но таким же высоким, как все другие помещения в доме. Хозяин соорудил промежуточный пол, к которому вела лестница, там была моя спальня. У других рабов постель помещалась в том же крохотном пространстве.

Помимо этого, здесь находился стул, стол (оба простые), шкаф с двумя ящиками и отделением для запаса пищи, маленькая туалетная секция. Все голое и некрасивое. Допол-

нительного подогрева не было, но не было и возможности освежиться. Изнемогая от жары, можно было лишь пройти в туалет, где специальное приспособление позволяло разбрызгивать воду по телу. И эта вода, и вода для питья всегда была теплой, но по крайней мере холоднее окружающего воздуха. Я долгое время стоял под ней, потом переоделся. Чистая одежда тут же стала влажной от воздуха. В городе никогда не ходишь сухим.

В шкафу я нашел еду в пакетах. Она была двух разновидностей: нечто вроде сухаря и порошок, который нужно было смешивать с водой. Пища всегда была одинаковой и невкусной. Ее изготовляли где-то в городе машины. Я попробовал сухарь, но обнаружил, что недостаточно голоден, чтобы есть его. Устало вскарабкался я по лестнице — в городе свинца это тяжелая работа, — и упал на жесткую голую постель, ожидавшую меня. В моей комнате, конечно, не было окон. Свет давал зеленый шар, который включался нажатием кнопки. Я нажал кнопку и погрузился в темноту и забвение. Я снова был в Белых горах и говорил Джулиусу, что треножники сделаны из бумаги, а не из металла и что можно отрубить им ноги топором. Но в середине моего рассказа Джулиус начал звонить. Я тут же проснулся, вспомнил, где нахожусь, и понял, что меня зовут.

Ничего не зная об условиях внутри города, мы с Фрицем не могли конкретно условиться о встрече, хотя, разумеется, нам хотелось увидеться, как только появится возможность. Когда я оценил размеры и всю сложность города, отчаяние овладело мной: у нас не было никакой надежды на встречу. В городе были тысячи хозяев, даже учитывая их любовь к просторным помещениям. Если у каждого из них есть слуга...

В одном отношении это оказалось гораздо легче, чем я думал; в других — труднее. И начать с того, что не каждый хозяин обладал рабом. Это была привилегия определенного ранга, и ею пользовались, вероятно, менее тысячи хозяев, да и не все использовали это право. Среди хозяев было распространено движение, возражавшее против присутствия людей в городе. Оно основывалось не на страхе перед восстанием: никто не сомневался в покорности рабов. Но многие считали, что, пользуясь услугами враждебных рабов, хозяева ослабнут и деградируют. Общее количество людей, отбираемых на играх и другими способами, никогда не превышало пятисот-шестисот.

Но для этих пяти или шести сотен средства общения были крайне ограничены. Помимо индивидуальных помещений для еды, сна и тому подобного, в каждой пирамиде имелись общие помещения для рабов. В большой без окон комнате можно было встретиться и поговорить: на стенах в специальных окошках загорался номер раба, которого вызывал хозяин. В общие места других пирамид нельзя было уходить без риска, что тебя потребует хозяин. И рабы никогда не шли на этот риск, не из страха перед наказанием, а потому что не представляли себе, что могут доставить какое-нибудь неудобство своим хозяевам.

Мы могли встретиться на улице, исполняя поручения своих хозяев, но вероятность этого была мала. Наиболее реальной возможностью встретиться, по-видимому, служило место, где наши хозяева выполняли какие-то функции и где так же имелось общее место-помещение для рабов.

Я обнаружил, что таких функций несколько. Самым любимым занятием моего хозяина было погружение в бассейн в центре пирамиды; в гостиной группы хозяев особое устройство, приводимое в движение щупальцами, волновало воду, издавая в то же время дикие звуки, которые мне казались отвратительными, а хозяевам доставляли удовольствие. В другом случае хозяева разговаривали друг с другом на своем языке, полном свистящих и хрюкающих звуков; в третьем хозяева на помосте подпрыгивали и кружились — я думаю, это было их вариантом танцев.

Я всюду сопровождал своего хозяина и охотно отправлялся в общее помещение, чтобы вымыться, съесть сухарь и лизнуть соленую палочку, которыми нас снабжали. И поискать среди других рабов Фрица. Но я его не видел и начал думать, что это безнадежная задача. Я знал, что не все хозяева отпускают своих рабов. К счастью, было одно событие, которое привлекало к себе общий интерес. Они называли это охотой за шаром.

Оно происходило через равные промежутки времени на арене шара. Это было большое открытое пространство в центре города, и разумеется, в форме треугольника. Его покрывал какой-то красноватый материал: на пространстве было установлено семь столбов около тридцати футов высотой, на конце каждого столба имелось приспособление в форме корзины. Три таких столба стояли в вершине треугольника, три на полпути к центру и один в центре.

Смысла того, что происходило на площадке, я не понял. Вероятно, это была какая-то игра, но она резко отличалась от игр людей. Маленькие треножники, не больше двадцати

футов высотой, появлялись из-под земли, выстраивались на площадке и начинали преследовать друг друга. В ходе этого преследования между щупальцами треножников появлялся один или несколько золотых шаров. Их появление приветствовалось гулкими возгласами хозяев, которые следили за происходящим с террас вокруг площадки. Возгласы усиливались, когда золотые шары начинали взлетать в воздух. Время от времени один из шаров оказывался в корзине и вспыхивал там, а зрители разражались пронзительными возгласами. Когда шар оказывался в корзине центрального столба, то вопли усиливались. Потом преследование начиналось заново, и появлялся новый шар.

Я обнаружил, что в маленьких треножниках находились один или два хозяина. Казалось, охота шаров требует немалого искусства, и лучшие ее участники пользовались почетом.

Именно охота шаров дала мне возможность после нескольких недель бесплодных поисков найти Фрица. Я проводил хозяина к его сидению на той стороне площадки, которая отведена для хозяев высшего ранга, и заторопился — то есть потащился несколько быстрее обычного — в общую комнату. Она была больше других общих комнат, но густо заполнена: в ней было не менее нескольких сотен рабов. Я стянул маску, положил ее в один из ящиков у входа и отправился на поиски. Он стоял в дальнем конце в очереди за солеными палочками, которые мы сосали, чтобы возместить соль, утраченную нами при постоянном потении. Он увидел меня, кивнул и принес две соленые палочки туда, где стоял я.

Я был поражен его видом. Я знал, что такая жизнь, сочетание тяжести с жарой и влажностью, быстро губит людей. Многие из них находились в жалком состоянии, они состарились и ослабли гораздо раньше времени. Я понимал также, что и мои силы постепенно слабеют, хотя я научился беречь энергию. Но перемены во Фрице превосходили все мои ожидания.

Мы все похудели, но он, высокий и отлично сложенный, казалось, потерял в весе гораздо больше. Ребра его торчали, лицо было истощено. Он согнулся так, как те, что провели год и больше в городе. Я с ужасом заметил кое-что еще — следы ударов на его спине. Я знал, что некоторые хозяева бьют своих рабов за неосторожность и глупость, пользуясь при этом чем-то вроде летающего хлыста. Его прикосновение обжигало тело. Но Фриц был не глуп и не допустил бы неосторожности.

Отдавая мне соленую палочку, он негромко сказал:

— Самое важное — условиться о следующих встречах. Я живу в 71-й пирамиде 43. Нам легче встретиться там, если у тебя хороший хозяин.

— Но как? Я не найду туда пути.

— Возле... Нет. Где ты живешь?

— 19-я пирамида, 15.

— Я знаю, где это. Слушай. Мой хозяин ежедневно уходит в бассейн-сад точно в два-семь. И остается там целый период. Я думаю, мне хватит времени добраться до тебя. Если ты сумеешь выйти в общее помещение...

— Конечно.

— Я буду рабом хозяина, посещающего твоего хозяина.

Я кивнул. Мы использовали деление времени, принятое хозяевами. День делился на девять периодов, а каждый период делился на девять частей. Два-семь означало приблизительно полдень. В это время мой хозяин тоже отправлялся в бассейн-сад. Даже если бы он не сделал этого, я смог бы уйти по какому-нибудь поручению.

— Твой хозяин... он плохой?

Фриц пожал плечами.

— Мне не с чем сравнивать.

— Твоя спина...

— Это ему нравится.

— Нравится?

— Да. Вначале я думал, будто что-то делаю неверно, однако это не так. Он находит причины. Я кричу и вою, и это доставляет ему удовольствие. Я научился кричать громче, тогда он быстрее кончает. А как твой хозяин? У тебя на спине ничего нет.

— Мне кажется, он из хороших.

Я рассказал Фрицу о своей жизни. Он внимательно выслушал меня и кивнул:

— Даже очень хороший.

Он кое-чем еще поделился со мной, и я понял, что не только побоями его жизнь в худшую сторону отличается от моей. Любыми возможными способами хозяин унижал, преследовал его и возлагал на него непосильные тяжести. Я почти стыдился своей жизни. Но Фриц сказал:

— Все это неважно. Главное то, что мы узнали в городе. Мы должны обмениваться информацией, чтобы знать все. Расскажи мне сначала, что узнал ты.

— Очень немного. Практически ничего. — Я мысленно собрал обрывки сведений и изложил их ему. — Вот и все.

Фриц серьезно слушал. Он сказал:

— Все это полезно. Я узнал, где расположены большие машины, которые дают тепло, свет и энергию их экипажам. Наверное, они же делают город тяжелым. Рампа 914 ведет на улицу 11. Улица проходит между двумя садами-бассейнами и уходит под землю. Там, внизу, машины. Я пока не смог туда спуститься — не знаю, могут ли вообще туда ходить люди, — но попытаюсь.

Еще я обнаружил место, где в город поступает вода. Это сектор стены 23. Река выходит из-под земли и проходит через машину, которая делает воду пригодной для хозяев. Там я был и пойду еще. Огромное помещение, и мне трудно в нем разобраться. Есть еще место счастливого освобождения.

— Счастливого освобождения?

Раз или два я слышал это выражение от других рабов, но не знал его значения. А Фриц сказал:

— Это недалеко отсюда, улица 4. Туда уходят рабы, когда у них уже нет сил служить своим хозяевам. Я пошел за одним из них и видел, что происходит. Раб становится под металлическим куполом. Вспыхивает свет, и он падает мертвый. Пол, на котором он лежит, движется. Открывается дверь, там печь, и тело сгорает без следа.

Он продолжал рассказывать, что узнал о рабах в городе. Они поступают не только после игр; в других странах существуют и другие способы отбора, но выбирают всегда молодых и сильных. Жизнь в городе, даже у такого хозяина, как мой, медленно, но верно убивает человека. Некоторые умирают почти сразу же после прибытия; другие — через год, два. Фриц встретил раба, который провел в городе пять лет, но он был исключением. Когда раб чувствует, что приближается смерть, он добровольно уходит в место счастливого освобождения и умирает с радостной уверенностью, что отдал хозяину все свои способности и энергию.

Я внимательно выслушал все это. Вот теперь мне действительно стало стыдно. Я считал свою жизнь тяжелой, и это служило мне извинением того, что я ничего не сделал. В сущности я тянул время, ожидая встречи с Фрицем и надеясь тогда решить, что делать. Он же, страдавший гораздо больше, тем не менее выполнял нашу задачу, от решения которой зависело будущее всего человечества.

Я спросил его:

— Как ты сумел все это узнать, если у тебя есть только два часа, которые твой хозяин проводит в бассейне? Этого времени просто не хватит.

— Часть дня мой хозяин проводит с другом. Его гость не одобряет рабов. и поэтому хозяин уходит без меня. Я свободен и отправляюсь на разведку.

— А если он неожиданно вернется или же вызовет тебя?

В каждом доме были средства для вызова рабов. Фриц сказал:

— Я придумал предлог. Он, конечно, меня побьет, но к этому я привык.

Бывали случаи, когда я оставался один. Тогда я целый день отдыхал. Однажды я вышел, но путаница улиц, рамп и пирамид угнетала меня, и я вернулся. Я почувствовал, что краснею при этом воспоминании.

Мы говорили в стороне от остальных, но все больше и больше рабов прибывало с арены, и в помещении стало тесно.

— Хватит, — сказал Фриц. — 19 пирамида 15. В общем помещении около двух-девяти. До свидания, Уилл.

— До свидания, Фриц.

Следя, как он исчезает в толпе рабов, я принял решение — действовать активней и меньше жалеть себя.

Обязанности, которые я выполнял по отношению к своему хозяину, сами по себе не были обременительны. Я прибирался в доме, готовил и сервировал еду, следил за ванной, стелил постель и тому подобное. Что касается пищи, то приготовление ее было очень легким: нужно было смешать несколько веществ разной плотности, цвета и, вероятно, вкуса, которые поступали в прозрачных мешках. Некоторые нужно было смешивать с водой, а другие поступали уже в готовом виде. Другое дело — сервировка. Порции пищи размещались на треугольном подносе и съедались в определенной последовательности. Очень важно было, как положить и разместить пищу. Я быстро усвоил все это и получил похвалу. Все это несколько труднее, чем кажется, потому что существовали десятки вариантов, и их было необходимо запомнить все.

Хозяин несколько раз в день принимал ванну, кроме того, он ежедневно уходил в сад-бассейн и много времени проводил в бассейне комнаты с окном: все хозяева погружались в воду, как только получали возможность. Его ванна находилась в соседнем со спальней помещении. В нее вели ступени, а сама ванна представляла собой яму, в которую хозяин полностью погружался. Вода в ванне была особенно горячей: кипящая, она поднималась со дна. Я должен был добавлять в нее порошок и масла для цвета и запаха, а также

приносить необычные устройства, похожие на щетку. С их-то помощью хозяин растирал свое тело.

Постель находилась вверху и была такой же формы, как ванна, но к ней поднимались не по ступеням, а по спиральной рампе. Она была очень крутой, и я тяжело дышал, поднимаясь по ней. Внутри находилось нечто вроде влажного мха, и я ежедневно должен был убирать старый мох и заменять его свежим из шкафа. Это была самая трудная моя обязанность.

Кроме этих и им подобных обязанностей, я выполнял и другие функции — функцию общения. Если не считать совместных посещений охоты шаров и других развлечений, хозяева вели необыкновенно одинокую жизнь. Они навещали друг друга, но не часто, а большую часть времени проводили дома в одиночестве. Я заметил, что даже в садах-бассейнах они много не разговаривают друг с другом. Но я подозреваю, что моему хозяину одиночество давалось труднее, чем остальным. Раб-человек был для него не просто исполнителем работ по дому, не просто знаком принадлежности к определенному рангу, он был и существом, которое могло слушать. В моей родной деревне у старой миссис Эш было шесть кисок, и большую часть дня она разговаривала то с одной, то с другой из них. Я был кошкой своего хозяина.

Но кошкой, которая умела говорить. Хозяин не только говорил со мной о вещах, имевших отношение к нему (я редко понимал смысл его слов и так и не разобрался, какую же работу он выполнял), но он и расспрашивал меня. Ему любопытно было узнать о моей жизни до победы на играх и прибытия в город. Вначале я решил, что он что-то подозревает, но быстро убедился, что интерес его невинен. И я рассказал ему, что я сын мелкого фермера в Тироле. Я рассказывал, как пас коров на высокогорных лугах с раннего утра и до вечера, когда наступало время доения. Я изобрел братьев и сестер, двоюродных братьев, дядюшек и тетушек; изобрел целый образ жизни, который, по-видимому, очень его заинтересовал. Когда у меня не было обязанностей, я лежал в постели и выдумывал, что еще рассказать ему. Так проходило время.

Вернее, так оно проходило, пока я не понял, как мало сделал сравнительно с Фрицем. Но когда я при нашей следующей встрече в общем помещении сказал об этом Фрицу, он со мной не согласился. Он сказал:

— Тебе повезло с хозяином. Я и понятия не имел, что хозяева разговаривают с рабами, кроме отдачи приказов. Мой, во всяком случае, этого не делает. Сегодня утром он

снова побил меня, но молча. Может, ты больше узнаешь от него, чем бродя по городу.

— Если я начну задавать вопросы, он заподозрит меня. Люди в шапках не касаются чудес хозяев.

— Не нужно вопросов. Ты можешь направлять его. Ты говоришь, он не только расспрашивает, но и рассказывает о своей жизни?

— Иногда. Но его слова не имеют смысла. Он использует слова своего языка, когда говорит о своей работе, потому что в человеческом языке нет слов для соответствующих понятий. Несколько дней назад он заявил, что чувствует себя несчастным, потому, что во время зутлебута цуцуцу вошел в спивис и поэтому было невозможно издул цуцуцу. Во всяком случае звучало похоже. Я даже не пытаюсь понять, что он говорит.

— Если будешь продолжать слушать, то со временем сможешь понять.

— Не вижу, каким образом.

— Ты должен быть настойчив, Уилл. Побуждай его к разговорам. Он использует газовые пузыри?

Это маленькие резиновые шарики, которые приставлялись к коже хозяина возле носового отверстия. Когда хозяин нажимал на такой шарик щупальцем, из него поднимался красновато-коричневый туман и медленно окружал голову хозяина.

Я проговорил:

— Один или два раза, когда сидел в бассейне комнаты с окном.

— Похоже, они действуют на хозяев, как крепкие напитки на людей. Мой бьет меня сильнее, после того как нанюхался газовых пузырей. Может, твой будет разговорчивей. Принеси ему, когда он будет в бассейне.

— Сомневаюсь, подействует ли.

— Попробуй.

Фриц выглядел больным и истощенным. Рубцы на его спине кровоточили. Я сказал:

— Завтра же попробую.

Я принес их, но хозяин отослал меня. Он спросил меня, сколько телят бывает у коровы, а потом сказал, что пушлу струлгупали. Я немногого добился.

Глава восьмая

Пирамида красоты

Когда я уже отчаялся получить полезную информацию от своего хозяина, он сам решил за меня эту проблему. Его работа, чем бы она ни была, происходила примерно в полнолуние в полумиле от того места, где он жил. Я отвозил его туда в экипаже и оставался в общем помещении, пока он не освобождался. Это продолжалось около двух периодов (примерно пять человеческих часов), и я использовал это время, как и другие рабы, чтобы отдохнуть и, если возможно, то поспать. В городе быстро привыкаешь максимально беречь энергию. В общих помещениях стояли диванчики. Они были жесткие и на всех их обычно не хватало, но это была исключительная роскошь, и я был благодарен и за нее.

В этот раз я был настолько счастлив, что мне достался диванчик, и я лежал на нем и дремал, когда меня затрясли. Я сонно спросил, в чем дело. Мне сказали, что на доске горит мой номер, меня вызывает хозяин. Первой моей мыслью было, что кто-то хитрит, пытаясь занять мой диванчик. Будивший меня раб сам хочет занять его. Я так и сказал ему. Но он настаивал, что говорит правду. Наконец я встал и увидел, что так оно и есть.

Готовясь надеть маску, я сказал:

— Не понимаю, почему хозяин вызывает меня. Сейчас только три-девять. Должно быть, ошибка.

Раб уже занял мое место и разлегся. Он заметил:

— Может, это болезнь.

— Какая болезнь?

— Время от времени она случается с хозяевами. Два или три дня, а то и больше, они остаются дома. Чаще это случается с такими, как твой хозяин, у которых коричневая кожа.

Я вспомнил, что утром мне показалось, что у хозяина кожа темнее обычного. Когда я вышел из общей комнаты и, как полагалось, низко поклонился, я увидел, что теперь она много темнее. Щупальца хозяина слегка дрожали. Он велел мне ехать домой, и я повиновался.

Я подумал, вспомнив человеческие болезни, что он захочет лечь в постель, и вспомнил, что еще не сменил мох. Но он отправился в бассейн и сидел там молча и неподвижно. Я спросил, не нужно ли ему что-нибудь. Он не ответил. Тогда я отправился в спальню и принялся за работу. Я уже поч-

ти закончил и укладывал старый мох в шкаф, где он уничтожался, как услышал звонок.

Хозяин все еще сидел в бассейне. Он сказал:

— Мальчик, принеси мне газовый пузырь.

Я принес и смотрел, как он пристраивает к месту между ртом и носом и нажимает щупальцем. Как жидкость, вылился красновато-коричневый туман и поднялся вверх. Хозяин глубоко вдыхал его. Так продолжалось пока пузырь не опустел. Он отбросил его и велел мне принести новый. Это было необычно. Хозяин опустошил его и велел принести третий. Вскоре он заговорил.

Вначале слова его были непонятны. Я понял, что он говорит о болезни. Он говорил о проклятии Склудзи — то ли это имя его семьи, то ли расы. Много говорил он о злобе — я не понял, собственной или всех хозяев вообще. Болезнь — это наказание за злобность, и переносить ее нужно стоически. Центральным щупальцем он отбросил пустой третий пузырь и велел мне принести четвертый, да побыстрее.

Газовые пузыри находились в комнате, где хранились запасы пищи. Когда я вернулся в комнату с окном, хозяина не было в бассейне. Он сказал нетвердым голосом:

— Я велел принести быстро, мальчик.

Два его щупальца схватили меня и подняли в воздух легко, как котенка. С нашей первой встречи в месте выбора он не притрагивался ко мне, и я был поражен. Но удивление тут же сменилось болью. Третье щупальце взметнулось в воздухе и хлестнуло меня по спине. Меня как будто ударили тяжелым кнутом. Я дернулся, но щупальца держали крепко. Хлыст обрушился снова и снова. Теперь он походил не на веревку, а на палку. Я подумал, что он сломает мне ребра, а может, и позвоночник. Фриц говорил, что он кричит, потому что его хозяин хочет этого. Вероятно, мне тоже следовало закричать, но я не стал. Я закусил губу, ощутив соленый вкус крови во рту. Избиение продолжалось. Я потерял ударам счет: их было слишком много. Потом шум в ушах и забвение.

Очнулся я на полу. Пошевелившись, почувствовал сильную боль. Тело мое превратилось в сплошной кровоподтек. Я заставил себя встать. Как будто кости не сломаны. Я поискал хозяина и увидел, что он молча и неподвижно сидит в бассейне.

Я чувствовал унижение и гнев, все во мне болело. Я выбрался из комнаты и побрел в свое убежище. Внутри я снял маску, вытер пот с шеи и плеч и забрался в постель. И тут я понял, что, уходя, не поклонился хозяину. Я, разумеется,

не чувствовал почтения к нему, но таков был обычай. Мне ведь следовало имитировать поведение людей в шапках. Это ошибка и, может, опасная. Когда я думал об этом, прозвенел звонок. Хозяин снова вызывал меня.

Устало я спустился, надел маску и покинул убежище. Мысли мои путались, я не знал, чего ожидать. Нового избиения я бы не перенес: мне было больно даже идти. Но я совершенно не был подготовлен к тому, что произошло в комнате с окнами. Хозяин был не в бассейне, а стоял у входа. Щупальце схватило меня и подняло. Но пока я готовился к удару, второе щупальце слегка коснулось меня, гибким змеиным движением обернулось вокруг моих избитых ребер. Кошку сначала наказали, а потом приласкали.

Хозяин сказал:

— Ты странный мальчик.

Я ничего не ответил. Мне было неловко, голова оказалась намного ниже туловища. Хозяин продолжал:

— Ты не издаешь громких звуков, как другие. В тебе какое-то отличие. Я сразу это увидел в месте выбора.

От его слов я оцепенел. Я не понимал, что естественная реакция людей в шапках на такое избиение — плакать, как дети... Фриц понял и вел себя соответственно, а я глупо сопротивлялся.И умудрился потом не поклониться. Меня ужаснула мысль, что сейчас хозяин концом щупальца коснется шапки через мягкую часть маски. Он тут же поймет ее отличие от настоящей шапки, которая срастается с телом. А тогда...

Но он отпустил меня. Я сделал запоздалый поклон и чуть не упал при этом. Хозяин поддержал меня и сказал:

— Что такое дружба, мальчик?

— Дружба, хозяин?

— В наших архивах есть то, что вы, люди Земли, называете книгами. Интересуясь вашей расой, изучал некоторые из них. В этих книгах ложь, но ложь, похожая на правду. И в них говорится о дружбе. О близости между двумя существами... для нас, хозяев, это странно. Скажи мне, мальчик, была ли в твоей жизни до того, как тебя избрали служить, дружба? Был ли у тебя друг?

Я поколебался, но потом сказал:

— Да, хозяин.

— Расскажи о нем.

Я рассказал о своем двоюродном брате Джеке, который был моим ближайшим другом до того, как на него надели шапку. Я изменил подробности нашей жизни, чтобы они соответствовали горному Тиролю, но в целом описал наши за-

нятия и убежище, которое мы устроили за деревней. Хозяин внимательно слушал. Наконец сказал:

— Между тобой и твоим другом установилась связь, связь добровольная, а не вынужденная обстоятельствами... вы хотели быть вместе, говорить друг с другом. Я прав?

— Да, хозяин.

— Это часто у вас бывает?

— Да, хозяин.

Он замолчал. Он молчал так долго, что я решил, будто он уже забыл обо мне, и собрался уйти... отдав, конечно, поклон. Но тут хозяин снова заговорил.

— Собака. Это маленькое животное, которое живет с людьми?

— Некоторые, хозяин. Есть и дикие собаки.

— В одной из ваших книг говорится: "Его единственным другом была собака". Может это быть правдой или это ложь?

— Может быть правдой, хозяин.

— Да, я так и думал. — Щупальца его шевельнулись особым образом. Я знал, что так он выражает удовлетворение. Потом одно из них мягко обернулось вокруг моей талии.

— Мальчик, — сказал хозяин, — ты будешь моим другом.

Я был поражен. Значит, я все же ошибся. В конце концов я не кошка в глазах хозяина. Я его щенок!

Когда я при следующей встрече рассказал об этом Фрицу, я думал, что это его позабавит. Но он воспринял мой рассказ серьезно.

— Это удивительно, Уилл.

— Что удивительно?

— На первый взгляд хозяева кажутся одинаковыми. Я думаю, и люди для них таковы. На самом деле они сильно различаются. У меня хозяин странный в одном отношении, у тебя — в другом. Но странность твоего хозяина может помочь нам кое-что узнать о них, а странность моего... — он заставил себя улыбнуться, — приносит только боль.

— Я все-таки не осмеливаюсь задавать вопросы, которые не задают люди в шапках.

— Может, ты не прав. Тебе следовало кричать, когда он бил тебя, но именно потому, что ты не кричал, он заинтересовался тобой. Он заметил, что ты странный, раньше. Вспомни, они не привыкли иметь дело со свободными людьми, им в голову не придет, что человек может быть опасен. Я думаю, ты можешь его расспрашивать, если будешь придерживаться общих тем и станешь вовремя кланяться.

— Пожалуй, ты прав.

— Полезно было бы найти архив с книгами. Они заставили людей в шапках уничтожить все книги, в которых хранились знания древних, но здесь они их сохранили.

— Попробую узнать об этом.

— Но осторожно, — предупредил он. — Твоя задача нелегка.

Вероятно, он подумал, что справился бы с ней лучше, и я склонен с ним согласиться. Вместо моего упрямства и гордости он обладал удивительной выносливостью. Он выглядел больным и был опять жестоко избит в это утро. Следы хлыста его хозяина исчезали через сорок восемь часов, но эти были свежие. Один или два раза хозяин избивал его щупальцем, и Фриц сказал, что хотя следы от этого долго не заживают, но сами побои не так болезненны. Мне ненавистна была мысль об этом хлысте.

Фриц рассказал мне о своих новых открытиях. Наиболее полезным из них было помещение, где на стенах была картина звездного неба, и хозяева могли приводить эту картину в движение. В той же пирамиде был шар размером с человека, покрытый картой. Фриц не хотел проявлять особого любопытства, но часть карты он узнал: на карте было узкое море, через которое переправились мы с Генри, были далеко на юге Белое горы и большая река, вниз по которой плыл "Эрлкениг". И примерно в том месте, где мы сейчас находились, к карте был прикреплен золотой кружок. Это мог быть только город хозяев.

На шаре были еще два золотых кружка, оба гораздо ниже нашего и далеко друг от друга: один на краю большого континента на востоке, другой на перешейке между двумя континентами на западе. Они тоже должны были обозначать города хозяев. Значит, было всего три города, которые правили миром. В этот момент в комнату вошел хозяин, и Фриц вынужден был уйти, делая вид, что оказался здесь по какому-то поручению. Но он собирался вернуться в ту комнату и получше запомнить расположение городов.

У меня по-прежнему не было ничего достойного упоминания. Кроме того, что я щенок своего хозяина. Фриц сказал, что моя задача не из легких. В одном отношении он оказался прав. Но во всем остальном его положение было гораздо труднее. И в то же время только он и добывал полезную информацию.

Болезнь моего хозяина продолжалась несколько дней. Он не выходил из дома и большую часть времени проводил в бассейне. Много раз он использовал газовые пузыри, но

больше не бил меня. Изредка он выходил из бассейна, поднимал меня и ласкал, а также разговаривал со мной. Часто его слова были для меня непонятны, но не всегда. Однажды, когда зеленоватый туман снаружи поредел от приближавшегося света солнца, я понял, что он говорит о завоевании Земли хозяевами.

Они явились на огромном корабле, который может передвигаться в пустоте между планетами и в еще большей пустоте между звездами, которые согревают вращающиеся вокруг них планеты. Этот корабль двигался с немыслимой скоростью, почти так же быстро, сказал хозяин, как летит солнечный луч, но даже с такой скоростью путешествие продолжалось много лет. Я теперь понял, что хозяева живут гораздо дольше нас. Этот хозяин, как и другие в городе, прилетел на этом корабле и жил с тех пор. Это была экспедиция, посланная на поиски миров, которые их народ может завоевать и колонизировать. Экспедиция испытала множество неудач и разочарований. Не все звезды имели планеты, а там, где планеты были, они по разным причинам не подходили для обитания.

Хозяева происходили с планеты, которая была гораздо больше и теплее Земли. Предметы на ней были тяжелее. Некоторые планеты, найденные хозяевами, оказались слишком малы, другие слишком велики для их целей, одни слишком холодны — они были удалены от своих звезд, другие же слишком горячи. Из десяти планет нашего солнца только одна подходила им, но у нее была ядовитая атмосфера и слишком малое тяготение. И все же они решили, что этот мир следует захватить.

Большой корабль облетел вокруг Земли, а хозяева изучали жизнь внизу. У древних были удивительные машины, при помощи которых можно было говорить и видеть на расстоянии, и хозяева слушали и смотрели, оставаясь незамеченными. Много лет они изучали наш мир, изредка посылая меньшие корабли, чтобы выяснить важные детали. Некоторые из древних, говорил мой хозяин, сообщали, что видели эти корабли, но им никто не верил. С хозяевами этого не могло случиться, но у людей было странное обыкновение — оно называется "ложью" — говорить то, чего не было, и поэтому они не верят друг другу.

Хозяева понимали, что человек может быть опасным противником. У них были многочисленные чудеса: передача изображений на расстоянии, гигантские города в расцвете могущества и силы и многое другое. Люди начали уже строить корабли, которые могли пронести их через пустоту. Ко-

нечно, им было далеко до кораблей хозяев, но начало было положено, а учились они быстро. И у них было оружие. Такое, как металлическое яйцо, найденное Бинполом в городе-гиганте, и гораздо мощнее, как бык по сравнению с муравьем. Хозяин сказал, что с помощью этого оружия можно было выжечь многие квадратные мили и полностью уничтожить один из городов-гигантов.

Если бы они посадили корабль на Землю и захватили плацдарм, этот плацдарм был бы уничтожен. И хозяева нашли другой способ. Он был основан на той области знаний, в которой они преуспели даже больше, чем в межзвездных путешествиях,— в понимании деятельности мозга и контроле над ним.

Когда в нашем путешествии к Белым горам они посадили мне под мышку пуговицу, по которой треножник шел за нами, а Генри сказал, что я должен был бы знать о ней, Бинпол рассказал о человеке из цирка, который заставлял людей спать и выполнять его приказы. Я сам однажды видел такого человека в Вертоне. Хозяева умели гораздо больше. Они могли легко заставлять людей повиноваться им даже без шапок — по крайней мере на время. Но все же нужно было поставить людей в такое положение, чтобы они могли отдавать свои приказы. Чтобы изготовить рагу из кролика, сначала нужно поймать кролика.

И они поймали кролика при помощи чуда самих древних — передачи изображений. Эти изображения посылались по невидимым лучам и принимались в миллионах домов по всему миру. Хозяева нашли способ не выпускать лучи из их источника и заменять их своими с теми изображениями, которые им были нужны. А их лучи подчиняли мозг человека... Люди смотрели изображения, а те передавали им приказ спать. Когда они впадали в гипносон, изображения отдавали команды.

Этот контроль, как я сказал, ослабевал с течением времени, но длился несколько дней, и хозяева хорошо использовали это время. Приземлились сотни маленьких кораблей, и люди собрались к ним толпами, как им и было приказано. На их головы надевали шапки — сначала сами хозяева, а потом и люди, уже носившие шапки. Этот процесс все расширялся. Нужно было лишь достаточное количество шапок, а их хватало. План был хорошо продуман.

К тому времени, когда те, кто не смотрел картины, поняли, что происходит, было уже поздно. Эти люди были разрознены, а те, кто действовал по приказу хозяев, объединялись общей целью. И когда приказ, отданный изображени-

ями, ослабел, уже столько людей носили шапки, что пришельцы встретили лишь неорганизованное слабое сопротивление. Первое, что сделали люди в шапках, они захватили контроль над могучим оружием древних. Тогда приземлился большой корабль, и была организована первая оккупационная база.

Это не было концом, сказал мой хозяин... Сопротивление продолжалось. Были большие корабли в море, были подводные корабли. И некоторые из них обладали оружием, способным нанести удар через половину мира. Хозяева выслеживали их и уничтожали. Один из таких подводных кораблей продержался больше года и в конце концов определил положение главной базы. Он выпустил гигантское яйцо по воздуху и промахнулся совсем немного. Но при этом он обнаружил и свою собственную позицию, и хозяева, используя аналогичное оружие, потопили его.

На суше сопротивление длилось годы, все время ослабевая, так как число людей в шапках увеличивалось, а свободных уменьшалось. Треножники расхаживали по миру, направляя послушных им людей на плохо вооруженные отряды свободных. В конце концов наступил мир.

Я сказал:

— Теперь все люди счастливы. У них есть хозяева, которые правят ими и помогают им. Больше нет войн и злобы.

Только такое замечание и должно было ожидать, и я постарался вложить в него как можно больше энтузиазма.

Хозяин ответил:

— Не совсем так. В прошлом году напали на треножник, и хозяева в нем погибли от ядовитого воздуха.

Я спросил в ужасе:

— Кто же мог это сделать?

Одно щупальце с плеском опустилось в бассейн.

— Прежде чем тебе надели шапку, мальчик мой, любил ли ты хозяев, как теперь?

— Конечно, хозяин, — я колебался. — Ну, может, не так сильно. Шапка помогает.

Он шевельнул щупальцем. Я знал, что этот жест означает согласие. Он сказал:

— Шапки надевают на череп к тому времени, когда заканчивается период роста. Среди хозяев некоторые думают, что их нужно надевать раньше, потому что люди за год или за два до надевания шапки начинают бунтовать против хозяев. Это было известно, но считалось неважным, потому что шапки снова делают их хорошими. Но именно такие

мальчики нашли древнее оружие, сохранившее силу, и использовали его так, что четверо хозяев были убиты.

Отметив про себя, что, по-видимому, обычный экипаж треножника состоит из четырех хозяев, я изобразил дрожь ужаса и страстно сказал:

— Тогда, конечно, на мальчиков следует надевать шапки раньше!

— Да, — согласился хозяин. — Я думаю, что так и будет. Это значит, что люди в шапках будут умирать раньше и испытывать сильные боли, потому что шапка сжимает растущий череп, но было бы неразумно допускать риск, даже самый незначительный.

Я сказал:

— Хозяевам не должна грозить опасность.

— С другой стороны, некоторые говорят, что это не имеет значения, так как мы уже приближаемся к завершению плана. Когда же это произойдет, шапки вообще не потребуются.

Я ждал продолжения, но он молчал. Наконец я осмелился:

— Плана, хозяин?

Он по-прежнему не отвечал, а я не решился настаивать. Спустя полминуты он сказал:

— Иногда по ночам я думаю об этом. Вероятно, это болезнь, проклятие Склудзи...Что такое добро, мальчик, и что такое зло?

— Добро — это повиновение хозяевам.

— Да. — Он глубже погрузился в парующую воду бассейна и обернул щупальца вокруг себя. Я не знал, что означает этот жест. — В каком-то смысле ты счастлив, мальчик, что носишь шапку.

Я горячо сказал:

— Я знаю, что я счастлив, хозяин.

— Да. — Щупальце развернулось. — Подойди ближе, мальчик.

Я подошел к краю бассейна. Щупальце, от воды скользкое, гладило меня, а я изо всех сил старался скрыть отвращение. Хозяин сказал:

— Я рад нашей дружбе, мальчик. Она мне особенно помогает во время болезни. В той книге, что я читал, человек давал собаке вещи, которые ей нравились. Ты чего-нибудь хочешь, мальчик?

Я колебался недолго, потом сказал:

— Я хотел бы увидеть чудеса города, хозяин. Какое счастье видеть их!

— Это можно сделать. — Щупальце отдернулось, он начал вставать. — Теперь я хочу есть. Приготовь стол.

На следующий день болезнь кончилась, и хозяин вернулся к своей работе. Он дал мне браслет, который я должен был носить на руке, и объяснил, что в любой части города эта штука зажужжит, как множество пчел, если я ему понадоблюсь. Тогда я должен вернуться к нему, а в остальном я свободен. Мне не обязательно, например, оставаться в общем помещении, пока он работает.

Я был удивлен тем, что он не забыл мою просьбу, но еще больше удивился последовавшему. Он действительно брал меня с собой на экскурсии. Многое из увиденного оказалось неинтересным или непонятным. В одной маленькой пирамиде не было ничего, кроме разноцветных пузырьков, которые медленно двигались вверх и вниз. То, что сказал о ней хозяин, вообще не имело для меня смысла. Было также несколько поездок к большим водяным садам: я стоял или сидел на берегу, а он бродил в воде среди растений. Он пригласил меня восхититься их красотой, и я послушно восхитился. Они были отвратительны.

Но он брал меня также в место, о котором говорил Фриц, с вращающимся шаром, покрытым картой, с яркими звездами на стенах. Когда хозяин произнес несколько слов на своем языке, звезды двинулись. Это были звездные карты, и на одной из них он показал мне звезду, с планеты которой давным-давно вылетели хозяева. Я постарался как можно лучше запомнить ее положение, хотя трудно было сказать, что мне это даст.

А однажды он взял меня в пирамиду красоты.

С первого дня в городе меня поражало, что все рабы были мужчины. Элоиза, дочь графа де ла Тур Роже, была избрана королевой турнира и после этого с радостью, как она сказала мне, пошла служить треножникам в их город. Я думал, что встречу ее здесь — этого я хотел и не хотел в одно и то же время. Ужасно было бы увидеть ее измученной, как все остальные рабы. Но я не видел девушек, и Фриц, когда я спросил его, сказал, что тоже не видел. Я увидел их однажды, когда устало тащился рядом с хозяином, и пот собирался у меня под подбородком.

Это была не одна, а несколько пирамид, соединявшихся у основания. Мы добирались долго, две девятых (более получаса) в экипаже от того места, где жил хозяин. Я увидел прогуливающихся хозяев, некоторые были с рабами. Мы

вошли в первую пирамиду, и я чуть не закричал при виде того, что лежало передо мной: сад с земными цветами — красными, голубыми, желтыми, розовыми и белыми. Я почти забыл о них, окруженный вечной зеленой полутьмой, видя лишь отвратительные тусклые растения садов-бассейнов.

Коснуться их я не мог. Они были защищены от атмосферы города стекловидным материалом. Но мне потребовалось больше времени, чтобы понять, что несмотря на всю видимость жизни, они были мертвы. Впервые я понял это, когда заметил на алом бархате розы пчелу. Она не двигалась. Я увидел других пчел, бабочек — самых разных насекомых, но все они были неподвижны. И цветы тоже были неподвижны и безупречны. Это было пышное зрелище, панорама истинной жизни мира, который завоевали хозяева. Там, внутри, даже свет был белый, а не зеленый, и от этого цветы сверкали с ослепительной яркостью. Дальше находилась лесная поляна с белочками на ветках, с птицами, каким-то образом подвешенными в воздухе, с бегущим ручьем, на берегу которого сидела выдра с рыбой в зубах. И все застывшее, мертвое. Оно не имело ничего общего с миром, который я знал, как только я пригляделся, потому что мой мир был живой, движущийся, пульсирующий жизнью.

Тут была дюжина различных видов, некоторые оказались мне незнакомы. Одни показывали темное водянистое болото, чем-то похожее на сады-бассейны хозяев. В воде плавало несколько странных существ. Я бы принял их за бревна, если бы не их разинутые пасти со множеством зубов. В некоторых пирамидах работали хозяева в масках, похожих на наши, и мой хозяин сказал мне, что время от времени виды меняются. Но это была лишь смена одной мертвой сцены другой.

Однако у хозяев была особая цель. Мы прошли к центральной пирамиде. Тут поднималась вверх спиральная рампа с выходами на разные уровни. Я устало тащился за хозяином. Как всегда, после четверти часа ходьбы, я чувствовал сильную усталость, а рампа была крутой. Мы прошли мимо первого выхода. А во втором хозяин подвел меня к треугольному отверстию и сказал:

— Смотри, мальчик.

Я посмотрел, и соленый пот у меня на лице смешался с солеными слезами — слезами не только горя, но и гнева. Думаю, что большего гнева я в жизни не испытывал.

У викария в Вертоне была комната, которую он называл своим кабинетом, а в нем шкаф со множеством ящичков. Однажды меня послали к нему по какому-то делу, и он, вытаскивая ящички, показывал, что в них лежит. Там под

стеклом были ряды бабочек, приколотых с расправленными крылышками. Я вспомнил об этом, глядя на то, что было здесь выставлено. Здесь тоже были ряды ящичков, все прозрачные, и в каждом лежала девушка, одетая в прекрасное платье.

Хозяин сказал:

— Это женщины, которых привозят в город. Ваш народ избирает их за красоту, а потом еще хозяева, которые владеют этим местом, отбирают их. Время от времени тут случаются замены, но самые прекрасные будут долго храниться перед восхищенными хозяевами. Долго после завершения плана.

Я был слишком полон ненависти и горечи, чтобы обратить внимание на это загадочное замечание о плане. Мне бы хоть одно из тех железных яиц, что мы нашли в городе-гиганте...

Он повторил:

— Будут долго храниться перед восхищенными хозяевами. Разве это не прекрасно, мальчик?

И я, давясь, ответил:

— Да, хозяин. Это прекрасно.

— Я давно не смотрел на них, — продолжал хозяин. — Сюда, мальчик. В этом ряду особенно прекрасные образцы. Временами я сомневаюсь в назначении нашей расы распространять свое господство по всей галактике, править ею. Но мы по крайней мере умеем хранить красоту. Мы сохраняем самое прекрасное на колонизируемых планетах.

Я сказал лишь:

— Да, хозяин.

Я уже говорил, что одновременно я хотел и не хотел найти в городе Элоизу. Здесь, в этом отвратительном месте, желание и нежелание усилились тысячекратно. Глаза мои жадно искали того, от чего я мог отвернуться лишь в горести и отвращении.

— Здесь все рыжеволосые, — сказал хозяин. — Это необычно для вашей расы. Оттенки красного различаются. Посмотри, в каком порядке они уложены — красный оттенок все усиливается. Я вижу здесь два новых промежуточных образца, которых не было при моем последнем посещении.

Но мои глаза искали черные волосы, которые я видел лишь однажды — короткие волосы, проросшие сквозь серебряную сетку шапки.

— Ты хочешь идти дальше, мальчик, или ты видел уже достаточно?

— Я хочу идти дальше, хозяин.

Хозяин издал негромкий гудящий звук, который означал, что он доволен. Вероятно, ему нравилось думать, что он делает приятное своему другу щенку. Он пошел дальше, а я за ним, и наконец увидел ее.

Она была в том же простом темно-синем платье, отделанном белыми кружевами, что и на турнире, когда лес мечей взлетал в солнечных лучах, и все рыцари провозгласили ее королевой турнира. Ее карие глаза были закрыты, лицо порозовело. Если бы не ящик, так похожий на гроб, и не сотни других вокруг нее, я мог бы принять ее за спящую.

Но на голове у нее не было ни короны, ни тюрбана. Я смотрел на ее короткие локоны. Они не совсем закрывали то, что она носила на голове, — шапку, которая привела ее, радостную, сюда, в это отвратительное место.

— Прекрасный образец, — сказал хозяин. — Ты достаточно видел, мальчик?

— Да, хозяин, — ответил я, — я видел достаточно.

Глава девятая

Я наношу отчаянный удар

Проходили дни и недели. В городе были постоянные зеленые сумерки, которые иногда чуть рассеивались, и тогда можно было догадаться, что снаружи прекрасный летний день, и солнце сверкает в высоком голубом небе. Из города оно виднелось, как бледный диск, заметный лишь в зените. Жара не менялась, не менялась и сокрушительная тяжесть. И день за днем жара и тяжесть уносили силы. По вечерам я без сил ложился на жесткую постель, с каждым утром все труднее становилось вставать.

Мне мало помогало то, что хозяин становился все более привязанным ко мне. Его ласки, вначале случайные, стали ежедневным ритуалом, и я должен был делать что-то подобное в ответ. У него на спине под задним щупальцем было место, которое он любил растирать. Он заставлял меня это делать и указывал, чуть выше или ниже. Я до крови обрывал свои ногти о его жесткую кожу, а он требовал еще и еще. Наконец я нашел замену — предмет, похожий на щетку странной формы, который производил аналогичный эффект. Это спасло мне ногти, но не мышцы правой руки, а он требовал от меня все новых усилий.

Однажды я поскользнулся и, так как он в то же время повернулся, слегка задел место между его носом и ртом. Ре-

зультат был поразительный. Он издал дикий воющий звук, и мгновение спустя я лежал на спине, отброшенный рефлекторным движением его щупалец. Я почти потерял сознание. Он протянул щупальце, и я был уверен, что меня ожидает новое избиение. Но он лишь поставил меня на ноги.

По-видимому, его действие было инстинктивным и оборонительным. Он объяснил, что место между двумя отверстиями у хозяев наиболее чувствительно. Мне нельзя его касаться. Хозяина можно тяжело ранить, если ударить в это место. Он поколебался, а затем добавил: такой удар может даже убить хозяина.

Я выглядел несчастным и раскаявшимся, как и следует верному рабу в подобных обстоятельствах. Я продолжал растирать и царапать его спину, и он скоро успокоился. Его щупальца обернулись вокруг меня, как у отвратительного страстного спрута. Через полчаса я был отпущен в свое убежище. Хотя я и устал, но прежде чем лечь, я записал самое важное из того, что узнал.

Я уже давно поступал так. Узнавая что-либо новое, даже самое банальное, я все записывал. Это лучше, чем полагаться на память. Я по-прежнему не знал, сумею ли выбраться из города или передать свои записи, но важно было продолжать сбор информации. Я гордился тем, что изобрел свой журнал. Хозяин однажды взял меня с собой в то место, где находились книги, и позволил унести одну из них с собой, чтобы я мог читать во время отдыха. Я обнаружил, что черная жидкость, которую хозяева употребляют в пищу, может служить чернилами, и изготовил примитивное перо. Писать было нелегко, но я умудрился царапать заметки на полях книги в безопасности, так как хозяин не мог прийти в мое убежище из-за атмосферы в нем.

Кроме журнала, я, конечно, пересказывал узнанное Фрицу во время наших встреч, а он сообщал мне о своих открытиях. Город брал с него тяжелую пошлину — и город, и в особенности его хозяин. Однажды его не было несколько дней. Я дважды ходил к пирамиде его хозяина и расспрашивал других рабов в общем помещении. В первый раз я ничего не узнал, но во второй мне сказали, что его поместили в больницу для рабов. Я спросил, где это, и мне объяснили. Больница находилась далеко, слишком далеко, чтобы тут же отправиться туда. Пришлось ждать следующего рабочего времени хозяина.

Больница находилась в секции пирамиды, отведенной под склад. Она была просторнее общих помещений, там стояли кровати, и не было больше ничего. Больница была устроена

хозяином, более благосклонным к рабам, чем остальные. В ней должны были приходить в себя рабы, заболевшие от перенапряжения, но еще недостаточно изношенные, чтобы отправиться в место счастливого освобождения. Больницей распоряжался раб, который выбирал себе помощника. Этот помощник со временем сменял его. Хозяева не обращали на больницу никакого внимания. И если раб падал и быстро не приходил в себя, его доставляли в больницу. Здесь он находился, пока ему не становилось лучше, или пока он не решал, что пора идти в место счастливого освобождения.

Конечно, никакого присмотра тут не требовалось, потому что рабы стремились служить своим хозяевам, а если они не в силах были это сделать, то кончить жизнь. Фриц лежал в кровати немного в стороне от остальных. Я спросил его, что случилось. Его хозяин избил его и сразу же отправил по поручению, не дав зайти в убежище. По пути Фриц упал. Я спросил, как он сейчас чувствует. Он ответил, что ему лучше. Но вид у него был плохой. Он сказал:

— Завтра я возвращаюсь к хозяину. Если он взял другого раба, я пойду в место выбора. Может, меня выберет другой хозяин... Но не думаю. Сейчас должна прибыть новая партия рабов с игр, которые проводятся на востоке. Новые рабы сильнее меня.

— Тогда ты пойдешь в общую группу? — заметил я. — Может, это и к лучшему...

Он покачал головой.

— Нет. Туда идут только новые, которых никто не выбрал.

— Значит...

— Место счастливого освобождения.

Я с ужасом сказал:

— Тебя не могут заставить сделать это!

— Если я не захочу, это покажется странным. А мы не должны делать ничего необычного. — Он вымученно улыбнулся. — Не думаю, что это произойдет. Новички еще не прибыли. Хозяин пока ждет. Я думаю, он возьмет меня назад, по крайней мере на время. Но здесь мне нельзя больше оставаться.

— Мы должны искать выход из города, — сказал я. — Когда с одним из нас что-либо случится, он сможет бежать.

Фриц кивнул:

— Я думал об этом; но это нелегко.

— Если бы мы смогли пробраться в зал треножников и украсть один из них. Может, нам удалось бы привести в действие его механизмы.

— Не думаю, что на это много шансов. Ты вспомни, они вдвое выше нас, и все предметы в городе, кроме экипажей, рассчитаны на их рост. К тому же я не вижу способа проникнуть в зал треножников, у нас нет предлога оказаться там.

— Должен быть какой-то выход.

— Да. Мы узнали многое, что хотел бы знать Джулиус. Один из нас должен вернуться в Белые горы.

Возвращаясь из больницы и позже, я думал о Фрице. Если его хозяин все же взял нового раба... Если даже нет, Фриц был слаб и все слабел. И не только из-за побоев: хозяин сознательно давал ему задания, превосходившие его силы. Я пытался вспомнить — казалось, это было так давно, — как не хотел, чтобы он участвовал в нашей экспедиции. Хотя мы с ним виделись и редко, он стал мне сейчас ближе, чем когда-либо были Генри и Бинпол. Мы как будто стали братьями.

Некоторые наслаждаются дружбой в хорошие времена, когда светит солнце, и мир ко всем добр. Но именно общие беды соединяют людей. Мы оба были рабами этих чудовищ, и из всех рабов города только мы двое понимали, что эти существа сделали с нами: что это не боги, которым радостно служить, а мерзкие чудища. Я долго не спал этой ночью, беспокоясь о Фрице и стараясь придумать хоть какой-нибудь способ бегства из города. Конечно, он должен будет уйти первым. Самые нелепые планы приходили мне в голову — например, взобраться по золотой стене и прорубить дыру в куполе. Я лежал, потел и приходил в отчаяние.

На следующий день я снова увидел Фрица. Он ушел из больницы, и хозяин взял его назад. И снова избил. Необходимость срочно отыскать выход отступила, но недалеко.

Я сначала недоумевал, зачем хозяева изучали наш язык, вместо того, чтобы заставить рабов изучать их речь, но потом сообразил. Хозяева жили долго, гораздо больше обычных людей, и сравнительно с ними рабы в городе были бабочками-однодневками. Раб приходил в негодность уже к тому времени, как научался понимать настолько, чтобы быть полезным. Были, вероятно, и другие факторы. Хозяева сохраняли возможность разговаривать друг с другом, не опасаясь рабов. У них были какие-то способы обучения, неизвестные людям. Они не нуждались в книгах, но передавали знания от мозга к мозгу непосредственно. Поэтому и обучение было для них легким делом. Мой хозяин говорил со мной по-немецки, но с рабами из других стран он мог гово-

рить на их языке. Это его забавляло — деление людей на расы так, что один не понимает другого. Кажется, сами хозяева всегда принадлежали к одной расе.

Люди не только забавляли моего хозяина. Он изучал человека более внимательно, чем другие хозяева: читал старые книги, расспрашивал меня. У него было странное отношение к людям. В нем соединялись отвращение и презрение, очарование и сожаление. Сожаление выступало на первый план, когда он впадал в меланхолию — одну из фаз болезни — и подолгу сидел в бассейне, вдыхая газовые пузыри. В один из таких периодов он кое-что рассказал мне о плане.

Я принес ему третий пузырь и вынужден был вытерпеть обычную ласку влажных слизистых щупалец. И тут он стал жаловаться, что такая удивительная дружба будет длиться недолго. Я, его собака, и так живущая недолго, еще сокращаю свою жизнь пребыванием в городе. Ему не пришло в голову, что он может продлить мою жизнь, освободив меня. А я, конечно, не предложил это. Разумеется, я предпочитаю год или два счастья быть его рабом долгой жизни на свободе. Это была не новая тема. Он говорил об этом и раньше, а я старался выглядеть удивленным, восхищенным и довольным своей участью.

Но на этот раз предсказания моей близкой смерти перешли в размышления и даже сомнения. Начались они на личном уровне... Он снова начал расспрашивать о моей жизни до прихода в город, и я нарисовал картину — комбинацию правды и вымысла. Мне кажется, иногда я противоречил сказанному ранее, но он не обращал на это внимания. Я рассказывал о наших детских играх, о рождественском пире — я знал, что на юге он проходит примерно так же, как у нас в Вертоне, только у нас чаще выпадал снег. Я рассказывал об обмене подарками, о службе в церкви и о последующем пире — жареный индюк с каштанами, окруженный сосисками и золотистой картошкой, горячий сливовый пудинг. Я описывал все это ярко, потому что несмотря на жару и растущую слабость у меня текли слюнки при мысли о пище, так отличной от той, что поддерживала нашу жизнь в городе.

Хозяин сказал:

— Трудно понять удовольствие низшего существа, но я вижу, что все это приносило тебе радость. И если бы ты не победил на играх, ты бы многие годы наслаждался этим. Ты об этом думал, мальчик?

— Но, победив на играх, я получил разрешение войти в город, где я могу быть с вами, хозяин, и служить вам.

Он молчал. Красноватый туман перестал подниматься из пузыря, и я без приказания встал и принес ему новый. Он все еще молча взял его, приставил и нажал. Когда поднялся туман, он сказал:

— Так много вас, год за годом — это печально, мальчик. Но все это ничто по сравнению с теми мыслями, которые приходят в мою голову, когда я думаю о плане. И все же он должен быть выполнен. Таково наше назначение в конце концов.

Он замолчал. Я сидел тихо, и немного погодя он продолжил. Он говорил о плане.

Как я уже говорил, существовало несколько отличий Земли от того мира, откуда пришли хозяева. Их мир больше, поэтому предметы на нем тяжелее, а также более жаркий и влажный. Эти отличия особенного значения не имели. В городе машины создавали тяжесть, но хозяева могли жить и без нее. Тяжесть в городе была меньше той, что существовала на их планете, а их потомки научатся жить при нашей силе тяжести. Что касается жары, то на Земле были достаточно жаркие участки — далеко на юге, где располагались другие два города.

Но было отличие, к которому они не могли приспособиться, — наша атмосфера была ядовита для них, а их — для нас. Это значило, что за пределами города они могут жить только в масках, и маски закрывали у них не только голову, но и все тело, потому что наше яркое солнце для них вредно. В сущности, за исключением очень редких случаев, они не покидали треножники — а в холодных краях Земли вообще никогда.

Все это однако можно было изменить и... будет изменено. На их родную планету сообщили об успехе экспедиции по завоеванию Земли. Были взяты образцы воздуха, воды и других составляющих нашего мира. Их изучили, и в должное время было получено сообщение: земная атмосфера может быть изменена, и хозяева смогут жить в ней. Колонизация будет завершена.

На это требуется время. Нужно построить могучие машины. Некоторые их части могут быть созданы здесь, другие привезут с родной планеты. Их установят в тысячах мест по всей Земле, и они начнут поглощать наш воздух и выделять пригодный для хозяев. Атмосфера станет густой и зеленой, как под куполом золотого города, солнечные лучи не будут пробиваться сквозь нее, а все живое — цветы и деревья, животные, птицы и люди — задохнутся и умрут. Рассчитано что через десять лет после установки машин пла-

нета будет пригодна для хозяев. Задолго до этого человеческая раса прекратит свое существование.

Я слушал в ужасе. Подчинение людей не было конечным злом, оно лишь предшествовало их полному уничтожению. Я умудрился вставить несколько подобающих замечаний о том, что хозяева всегда желают лишь добра.

Хозяин сказал:

— Ты не понимаешь, мальчик. Но и среди нас есть такие, кого печалит мысль о неизбежной гибели всего живого на этой планете. Это тяжелая ноша.

Я навострил уши. Возможно ли, что хозяева не едины? Не сможем ли мы это использовать?

Он продолжал:

— Те из нас, кто так думает, считают, что должны быть устроены места, где существа вашей планеты продолжали бы жить. Например, города. Можно устроить так, что в них смогут расти деревья, жить люди и животные. А хозяева смогут посещать их в масках или защитных экипажах и рассматривать — не мертвыми, как в пирамиде красоты, а живыми. Разве это не хорошо, мальчик?

Я подумал, как он мне ненавистен, как они все ненавистны, но улыбнулся и сказал:

— Да, хозяин.

— Некоторые говорят, что в этом нет необходимости, напрасная трата ресурсов, но я думаю, они ошибаются. В конце концов мы, хозяева, ценим красоту. Мы сохраняем лучшее на колонизируемых мирах.

Места, где горсточка людей и животных будет жить, чтобы удовлетворять любопытство и тщеславие хозяев... "Мы ценим красоту..." Мне необходимо было знать важнейшую деталь. Нужно было рисковать. Я спросил:

— Когда, хозяин?

Вопросительно шевельнулось щупальце.

— Когда?.. — повторил он.

— Когда исполнится план, хозяин?

Сначала он не ответил, и я подумал, что его удивил мой вопрос, может, даже насторожил. Некоторые его реакции я научился угадывать со временем, но большинство было скрыто от меня. Он сказал:

— Большой корабль со всей необходимой аппаратурой уже вылетел. Через четыре года он будет здесь.

Через четыре года машины начнут изрыгать свой яд. Я знал: Джулиус уверен, что времени у нас достаточно, что нашу кампанию доведут до конца последующие поколения. И вдруг время стало нашим врагом, таким же неумолимым,

как хозяева. Если мы потерпим неудачу, и в следующем году будет предпринята вторая попытка, мы потеряем четверть драгоценного периода, отведенного нам для действий.

Хозяин сказал:

— Великолепное зрелище, когда большой корабль летит в ночи, как звезда. Я надеюсь, ты увидишь это, мальчик.

Он надеялся, что я доживу до этого: четыре года — очень большая продолжительность жизни для раба в городе. Я горячо сказал:

— Я тоже надеюсь, хозяин. Это будет весьма славный и счастливый момент.

— Да, мальчик.

— Принести еще газовый пузырь, хозяин?

— Нет, мальчик. Теперь я поем. Приготовь мой стол.

Фриц сказал:

— Один из нас обязан уйти.

Я кивнул. Мы находились в общем помещении пирамиды Фрица. Здесь было с полдюжины других рабов, двое играли в карты, остальные лежали неподвижно и даже не разговаривали. В мире за куполом начиналась осень; воздух после утреннего заморозка резок и приятен. В городе же влажная жара не изменялась. Мы сидели в стороне и негромко разговаривали.

— Ты нашел что-нибудь? — спросил я.

— Только установил, что доступа к залу треножников нет. Рабы в месте входа не имеют ничего общего с рабами внутри города. Это те, что не выбраны хозяевами, и они завидуют входящим в город. Они не пропустят никого в противоположном направлении.

— Можем попытаться... напасть на них...

— Их слишком много. И еще одно.

— Что?

— Твой хозяин говорил тебе об уничтоженном треножнике. Они знают об опасности, но думают, что она исходит только от ребят, которым не надели шапки. Если они узнают, что мы проникли в город с фальшивыми шапками... Этого они не должны узнать.

— Но если один из нас сбежит, — возразил я, — разве это не предупредит их? Никто из тех, у кого настоящая шапка, не захочет покинуть город.

— Только через место счастливого освобождения. Тех, кто туда идет, не проверяют. Побег должен быть тайным.

— Любой способ бегства лучше, чем ничего. Мы должны сообщить новости Джулиусу и остальным.

Фриц кивнул, а я снова обратил внимание на его худобу, непропорционально большую голову на тощей шее. Если кому-то из нас суждено бежать, то это должен быть он. С хозяином, добрым, по их меркам, я продержусь еще больше года. Хозяин сказал, что я сумею увидеть большой корабль. Но Фриц не переживет зиму, если не убежит, это несомненно.

Фриц сказал:

— Я кое-что придумал.

— Что именно?

Он поколебался, потом сказал:

— Да, лучше, если ты будешь знать, пусть даже это только идея. Река.

— Река?

— Она входит в город, ее очищают и делают пригодной для хозяев. Но она и вытекает. Помнишь, мы видели с треножника поток из-под стены? Если бы мы нашли место в городе... возможно, это выход.

— Конечно. Выход должен быть в противоположной стороне города.

— Не обязательно. Но там есть район, в котором не разрешается жить рабам. И его трудно исследовать, опасно привлекать к себе внимание.

— Нужно попытаться. Стоит использовать любой шанс.

Фриц сказал:

— Как только мы найдем выход, один из нас должен идти.

Я кивнул. Не было сомнений в том, кто это должен быть. Я подумал, как одиноко будет в городе, без друзей, не с кем будет поговорить. За исключением, конечно, хозяина. Эта перспектива заставила меня вздрогнуть. Я подумал об осени снаружи, о первом снеге, о том, как снег покрывает полгода выход из туннеля в Белых горах. Я взглянул на часы на стене, разделенные на периоды и девятые, — время хозяев. Через несколько минут нужно надевать маску и везти хозяина домой с работы.

Это произошло четыре дня спустя.

Хозяин услал меня с поручением. У них была привычка натираться разными маслами и мазями, он велел мне отправиться в определенное место и привезти определенное масло. Это нечто вроде магазина, с узкой спиральной рампой в центре, а по бокам на разных уровнях разложены разные предметы. Никто не следил за магазином и не платил денег. Пирамида, куда меня послали, находилась гораздо дальше, чем обычные места моих посещений. Я решил, что ближе

такого масла нет, — он дал мне пустой контейнер, чтобы я мог взять такой же. Я больше часа тащился по городу и возвращался, измученный и мокрый от пота. Мне отчаянно хотелось в убежище — снять маску, умыться и растереться, но было немыслимо, чтобы раб сделал это, не доложившись вначале хозяину. Поэтому я отправился в комнату с окном, ожидая застать хозяина в бассейне. Но он находился не там, а в дальнем углу комнаты. Я подошел к нему и поклонился.

— Подать масло сейчас, хозяин, или поставить его с другими?

Он не ответил. Я подождал и приготовился уходить. Временами он бывал необщителен и погружен в свои размышления. Выполнив долг, я мог поставить масло в шкаф и отправиться в убежище, пока он не позовет меня. Но когда я повернулся, он схватил меня щупальцем и поднял. Еще ласка, подумал я, но ошибся. Щупальце держало меня, а он разглядывал меня немигающим взглядом.

— Я знал, что ты странный, — сказал хозяин. — Но я не предполагал, насколько ты странен.

Я не ответил. Мне было неудобно, но я привык к его неожиданным действиям и не испытывал особых опасений.

Он продолжал:

— Я хотел тебе помочь, мальчик, потому что ты мой друг. Я решил, что тебя можно поудобнее устроить в твоем убежище. В одной из ваших книг рассказывается о человеке, который приготовил своему другу то, что называется "сюрприз". Я тоже хотел сделать тебе сюрприз. И нашел там любопытную вещь.

Второе щупальце он держал за собой, а теперь вытянул его вперед — в нем была книга, в которой я делал свои записи. Я отчаянно пытался найти какое-нибудь объяснение, сказать что-нибудь, и не смог,

— Странное существо, — повторил он. — Слушает и записывает в книгу. Зачем? Люди в шапках знают, что все, касающееся хозяев, — чудо, которое людям не дано узнать. Я рассказывал об этих чудесах, а ты слушал. Ты ведь мой друг, верно? Впрочем, странно, что ты не проявлял страха при разговоре о запретных вещах. Странный, я уже сказал. Но записывать потом, тайно, в убежище... Шапка должна была абсолютно исключить это. Осмотрим твою шапку, мальчик.

И тут он сделал то, чего я постоянно опасался. Держа меня в воздухе одним щупальцем, другим он коснулся мягкой части маски и потянул вверх. Я подумал, что вот маска по-

рвется и я отравлюсь, но этого не случилось. Кончик щупальца пробежал по краю фальшивой шапки.

— Действительно странно, — сказал хозяин. — Шапка не приросла к телу. Что-то неверно, очень неверно. Необходимо расследовать. Мальчик, тебя должны осмотреть...

Он произнес непонятное слово; я думаю, он говорил об особой группе хозяев, имеющих отношение к надеванию шапок. Ясно, что мое положение стало отчаянным. Я не знал, смогут ли при исследовании прочесть мои мысли, но по крайней мере им станет известно о существовании фальшивых шапок, и они встревожатся. Они проверят всех рабов в городе. Фриц тоже погибнет.

Сопротивляться бесполезно. Человек даже при нормальной тяжести гораздо слабее хозяина. Щупальце держало меня за талию, так что руки у меня были свободны. Но что с того? Разве только... Центральный глаз над носом и ртом смотрел на меня. Хозяин понял: что-то не так, но все еще не думал, будто я могу быть опасен. Он не помнил, что рассказал мне однажды, когда я растирал его и поскользнулся.

Я проговорил:

— Хозяин, я покажу вам. Поднесите меня ближе.

Щупальце приблизило меня к нему. теперь я был не более чем в двух футах. Я повернул голову, как бы собираясь показать что-то. Это скрыло мое следующее движение, пока уже было поздно парировать его или отбросить меня. Удар пришелся точно в то место, между носом и ртом, что и в тот раз, но теперь за ним стоял весь вес моего тела.

Он взвыл, щупальце, державшее меня, развернулось и отбросило меня. Я упал в нескольких ярдах на пол и скользнул к самому краю бассейна. Я так ударился, что чуть не потерял сознание. Я с трудом поднялся.

Но хозяин перевернулся, отбросив меня, и лежал вытянувшись и молча.

Глава десятая

Под золотой стеной

Я стоял у бассейна, стараясь сообразить, что делать. Голова у меня кружилась от удара и от того, что я наделал. Тем же самым ударом, который нокаутировал моего противника в финальном поединке игр, я уложил хозяина. Теперь мне казалось это невероятным. Я смотрел на большое упавшее тело и пытался собраться с мыслями. Удивление и

гордость смешивались со страхом: даже без шапки невозможно было не чувствовать страха перед размером и силой этих существ. Как я, простой человек, осмелился ударить такое существо?

Но постепенно я начал соображать более трезво. То, что я сделал, было вынужденно. Но сейчас мое положение стало ненамного лучше. Ударив хозяина, я непоправимо выдал себя. Нужно решать, и решать быстро. Он без сознания, а надолго ли? И когда он очнется...

Первой моей мыслью было бежать. Но я тут же понял, что при этом сменю меньшую западню на гораздо большую. В городе, где я не проживу долго без убежища или общего помещения, меня легко выследить. Все остальные рабы будут искать дьявола, осмелившегося поднять руку на одного из их божеств.

Я осмотрелся. Все было обычно. Только в маленькой прозрачной пирамиде, которой хозяин измерял время, поднимались разноцветные пузырьки. Хозяин не двигался. Я снова вспомнил его слова: хозяина можно ранить, ударив в это место, можно даже убить. Возможно ли это? Конечно же нет. Но он не двигался, щупальцы его безжизненно вытянулись на полу.

Я должен знать правду. Следовательно, его нужно осмотреть. На его теле были места, к которым близко подходят сосуды, и там, несмотря на жесткую плотную кожу, можно было ощутить медленные удары пульса. Нужно поискать их. Но при мысли о том, что придется приблизиться к нему, страх мой удвоился. Снова я захотел убежать, выбраться из пирамиды, пока есть возможность. Ноги мои дрожали. Несколько мгновений я вообще не мог двинуться с места. Затем заставил себя подойти к хозяину.

Конец одного щупальца лежал рядом. Я с дрожью коснулся, отдернул руку, сделав большое усилие, поднял его. Оно было влажное и упало, когда я его выпустил. Я подошел ближе, наклонился над телом и потрогал то место у основания щупальца, где проходили сосуды. Ничего. Я снова и снова нажимал, преодолевая отвращение. Никакого пульса.

Я встал и отошел от него. Невероятное стало еще невероятнее. Я убил хозяина.

— Ты уверен? — спросил Фриц.

Я кивнул.

— Точно.

— Во время сна они похожи на мертвых.

— Но пульс сохраняется. Я заметил это, когда он однажды уснул в бассейне. Он мертв, это несомненно.

Мы находились в общем помещении пирамиды Фрица. Я скользнул в дом его хозяина, привлек внимание Фрица так, чтобы его хозяин меня не увидел. Фриц догадался, что случилось нечто непредвиденное, потому что раньше мы не связывались таким экстренным способом. Но правда поразила его, как раньше поразила меня. Выслушав мои уверения, что хозяин мертв, он замолчал.

Я сказал:

— Я должен выбраться. Может, все же попытаться через зал треножников? Но прежде я решил рассказать тебе.

— Да, — он пришел в себя. — Зал треножников не подойдет. Лучше всего река.

— Но мы не знаем, где выход.

— Можно поискать. Но на это нужно время. Когда его хватятся?

— Не раньше следующей работы.

— Когда это?

— Завтра. Второй период.

Это значит после полудня. Фриц сказал:

— В нашем распоряжении ночь. Это лучшее время для поисков в месте, где не должно быть рабов. Но раньше нужно кое-что сделать.

— Что?

— Они не должны знать, что человек, носящий шапку, способен причинить вред хозяину, ударить или убить его.

— Немного поздно, я уже сделал это. Не знаю, как мы сможем избавиться от тела, а даже если и сможем, его все равно будут искать.

— Можно придать этому вид несчастного случая.

— Ты думаешь, можно?

— Попробуем. Он говорил, что удар в это место может убить, значит, такое случалось в прошлом. Я думаю, мы должны немедленно идти туда и посмотреть, что можно сделать. Меня послали с поручением, которое послужит предлогом. Но лучше идти не вместе. Иди, а я через несколько минут.

— Ладно, — кивнул я.

Я заторопился назад, но, подходя к знакомой пирамиде, начал спотыкаться. Несколько секунд я простоял в коридоре, не решаясь нажать кнопку, открывающую дверь. А вдруг я ошибся. Не заметил слабого пульса, и теперь он пришел в себя. Или его нашел другой хозяин. Правда, они вели одинокий образ жизни, но изредка навещали друг друга. Снова

я почувствовал сильное желание убежать. Вероятно, меня удержало сознание, что вскоре вслед за мной подойдет Фриц.

Ничего не изменилось. Хозяин лежал тут же, неподвижный, молчащий, мертвый. Я смотрел на него, снова поражаясь происшедшему. И продолжал смотреть, пока не услышал шаги Фрица.

Он тоже был потрясен увиденным, но быстро пришел в себя. Он сказал:

— У меня есть план. Ты говоришь, он использовал газовые пузыри?

— Да.

— Я заметил, что когда мой хозяин брал их много, его движения становились неуверенными. Однажды он даже поскользнулся и упал в бассейн. Это могло случиться и с твоим...

— Но он далеко от бассейна.

— Нужно подтащить его туда.

Я с сожалением сказал:

— А сможем ли? Он, должно быть, ужасно тяжел.

— Попробуем.

Мы потащили его за щупальца. Прикосновение вызывало отвращение, но вскоре я об этом забыл. Вначале казалось, что он прикован к полу. Я решил, что ничего не выйдет. Но Фриц, который стал гораздо слабее меня, напрягал все силы, и я устыдился...Тело слегка двинулось, потом еще.

Медленно, тяжело дыша, потея сильнее обычного, мы со множеством остановок тащили его к бассейну.

Нам пришлось самим спуститься в бассейн, чтобы завершить работу. Вода была нестерпимо горячей, под ногами на дне хлюпала неприятная слизь. Вода дошла до пояса, державшего маски. Мы брели, продираясь сквозь тугие растения, которые липли к нам. Мы дергали за щупальца, подтягивая тело. И вот оно перевалилось через край и наполовину погрузилось в воду.

Выбравшись, мы посмотрели на него. Хозяин плавал в воде, погрузившись на три четверти, один его невидящий глаз смотрел вверх. Он вытянулся почти во всю длину бассейна.

Я был слишком измучен, чтобы думать. Мне хотелось упасть на пол и лежать неподвижно. Но Фриц сказал:

— Газовые пузыри.

Мы открыли с полдюжины, прижали их, чтобы выпустить красноватый туман, и разбросали их вокруг бассейна. Фриц додумался даже снова спуститься в бассейн и прикрепить один пузырь к хозяину. Потом мы вместе пошли в убежище,

сняли маски и вымылись. Я нуждался в отдыхе и хотел, чтобы Фриц тоже отдохнул, но он сказал, что должен возвращаться. Уже наступила ночь. Снаружи зажглись зеленые шары. Фриц уйдет, а вскоре я должен буду пойти за ним и подождать в общем помещении его пирамиды. Он спустится, когда его хозяин ляжет в постель, и мы вместе пойдем искать реку.

Когда он ушел, я немного полежал, но боялся уснуть. Мне казалось, что, проснувшись, я увижу другого хозяина, и смерть будет обнаружена. Поэтому я встал и начал готовиться. Вырвал те страницы, на которых делал записи, и сложил их в пустой контейнер, а книгу бросил в шкаф, который уничтожал ненужное. Закупорил контейнер и положил его в маску, прежде чем надеть ее на себя.

Потом мне в голову пришла новая мысль, я взял еще два маленьких контейнера и вышел из убежища. Один я наполнил водой из бассейна, другой воздухом, которым дышат хозяева, и закрыл оба контейнера. Потом вернулся в убежище и тоже положил эти контейнеры в маску. Они могут оказаться полезны Джулиусу и остальным.

Конечно, в случае если мы выберемся из города. Я старался не думать, как это маловероятно.

Мне пришлось долго ждать Фрица, а когда он пришел, я заметил, что его спина и руки покрыты новыми рубцами. Он сказал, что его побили за опоздание. Фриц выглядел усталым и больным. Я предложил, чтобы он остался и немного отдохнул, пока я буду искать выход реки, но он не захотел даже слушать. Я не найду дороги и буду лишь блуждать по городу. И верно: я так и не научился ориентироваться в этом лабиринте.

— Ты поел, Уилл? — спросил Фриц.

— Не хочу, — покачал я головой.

— Ты должен поесть. Я принес с собой еду. Напейся и возьми соленую палочку. И смени губки в маске перед выходом. Мы не знаем, когда снова сможем дышать хорошим воздухом.

Это тоже было верно, но я ни о чем таком не подумал. Мы были одни в общем помещении. Я проглотил пищу, раскрошил соленую палочку, съел ее и пил воду, пока мне не показалось, что я лопаюсь. Потом сменил губки в маске и надел ее.

— Не будет тратить времени.

— Не будем. — Голос Фрица звучал из-под маски глухо. — Лучше выйти немедленно.

Снаружи было темно, лишь лампы отбрасывали маленькие круги зеленого света; мне они показались похожими на гигантских светящихся червей. Жара, конечно, не спала. Она никогда не спадала. Почти тут же у меня под маской начал собираться пот. Мы шли особой медлительной походкой, которая вырабатывается у рабов как лучший способ экономии энергии. До сектора, в котором, как считал Фриц, вытекает река, был неблизкий путь. Один из экипажей быстро бы доставил нас туда, но для рабов немыслимо передвигаться в экипажах без хозяев. Пришлось тащиться пешком.

На улице почти не было хозяев, а рабов мы не встретили вовсе. По предложению Фрица мы разделились. Он шел впереди, на пределе видимости. Один раб ночью может сказать, что послан с поручением все еще бодрствующего хозяина, но два сразу — это уже подозрительно. Я согласился с ним, хотя мне не хотелось оставаться одному, и я все время держался так, чтобы не терять Фрица из виду. Мы двигались от одного круга света к другому, и на середине между ними был участок тьмы с едва заметным зеленым свечением впереди. Трудно было напрягать зрение и мозг, особенно мне, так как я должен был внимательно следить за Фрицем.

Приближение хозяина можно определить на некотором расстоянии. Их круглые толстые ноги производят отчетливый шлепающий звук на ровной твердой дороге. Проходя под лампой, я услышал за собой такой звук. Он становился громче, так как хозяева двигаются быстрее нас. Мне захотелось свернуть. Но поворота поблизости не было, да и мое поведение могло показаться подозрительным. К тому же я мог потерять из вида Фрица. Я шел, вспоминая стихотворение, которое отыскал в старой книге дома:

Как тот, что на одинокой дороге
Идет в страхе и тревоге,
Не поворачивая головы,
Он знает, что ужасный враг
Не отстает от него ни на шаг.

Я не поворачивал головы: и так знал, кто идет за мной. Мы были в незнакомой для меня части города, и я неожиданно понял, что если меня начнут расспрашивать, я не сумею ответить. Я старался придумать ответ и не мог.

Приближался темный участок, а шаги по-прежнему звучали за мной. Сейчас он поравняется со мной. Мне показалось, что хозяин сознательно замедлил шаг, что он рассмат-

ривает меня и сейчас заговорит. Я шел, ожидая каждую минуту оклика или же щупальца, которое, обвившись вокруг моей талии, поднимет меня в воздух. Я смутно видел, как фигура Фрица исчезает на следующем темном участке. Приближалась очередная лампа. Я чуть не побежал, но сумел сдержаться. Шлепающие шаги слышались гораздо ближе. И вот они прошли мимо, и я чуть не упал от слабости облегчения.

Фриц уже исчез во тьме, и хозяин вслед за ним. Я двигался за ними. Свет слабел, оставив лишь отдаленное свечение. Снова оно стало ярче. Я увидел лампу на длинном прямоугольном стержне. А под ней...

Там стояли хозяин и Фриц. Стояли рядом, и фигура хозяина возвышалась над Фрицем. Я слышал отдаленные звуки их разговора.

Я хотел остановиться, повернуть назад в тень, но это могло привлечь внимание. Что бы ни случилось, нужно идти вперед. К тому же, отступить — значит, покинуть Фрица. Я пошел дальше. Если он в опасности... Я дрожал от страха и решимости. Затем с волной облегчения увидел, как пошел хозяин, а за ним гораздо медленнее двинулся Фриц.

Он ждал меня на следующем темном участке. Я спросил:

— Что ему было нужно?

Фриц покачал головой.

— Ничего. Ему показалось, что он узнал меня. Я думаю, он хотел что-то передать со мной. Но я был не тем рабом, который ему был нужен, и он ушел.

Я перевел дыхание:

— Мне казалось, все пропало.

— Мне тоже.

Я не видел Фрица, но слышал дрожь в его голосе.

— Ты хочешь отдохнуть?

— Нет. Нужно идти.

Мы отдохнули час спустя. У большого треугольного бассейна-сада было открытое место, на котором росли деревья, похожие на ивы, только с более толстой корой. Ветви их свешивались в воду. Под ними мы и укрылись, так что прохожие не могли нас увидеть. Мы легли, и плотные листья шумели над нами, хотя в городе не было ветра. Земля притягивала нас, и было такое счастье просто лечь и лежать тихо и неподвижно.

Я сказал:

— Ты бывал в этой части города, Фриц?

— Только один раз. Мы недалеко от края.

— И против того места, где втекает река в город?
— Примерно против.
— Найдя стену, мы сможем начать поиски выхода воды.
— Да. Нужно теперь быть гораздо осторожнее. Уже слишком поздно для поручений, и мы достигли той части города, где не разрешается жить рабам.
— Похоже, хозяева тоже не ходят по ночам.
— Да. В этом нам повезло. Но мы не можем быть абсолютно уверены в этом. Хочешь пить?
— Немного.
— Я хочу. Но думать об этом не нужно... Здесь нет рабов и поэтому нет общих помещений. — Он медленно встал. — Лучше идти, Уилл.

Мы видели много странного во время поисков. Например, большую треугольную яму со сторонами примерно в сто ярдов, где далеко внизу зеленый свет отражался на поверхности густой жидкости, из которой через равные промежутки времени поднимались и лопались пузыри. В другом месте сложное сооружение из металлических прутьев и переходов возвышалось во тьме, казалось, устремленное к звездам. Однажды, завернув за угол, Фриц остановился, потом поманил меня. Я осторожно подошел, и мы вместе смотрели на открывшуюся перед нами сцену. В маленьком саду-бассейне всего с несколькими растениями были два хозяина, первые увиденные нами в этом районе. Они, казалось, боролись друг с другом, щупальца их переплетались, вода кипела от их борьбы. Мы смотрели несколько мгновений, потом молча повернулись и пошли другим путем.

Наконец мы увидели стену. Спустились по рампе между двумя маленькими пирамидами, и она оказалась перед нами. Стена тянулась в обе стороны, золотая даже в тусклом зеленом свете лампы, слегка изгибаясь внутрь на расстоянии. Поверхность у нее была гладкая и твердая, без какой-либо опоры. Взгляд на нее обескураживал.
— Ты думаешь, река близко? — спросил я.

Я видел, как поднимаются и опускаются при каждом вздохе ребра Фрица. Я был истощен, но он гораздо больше. Он ответил:
— Должна быть. Но она под землей.
— А есть ли спуск?
— Будем надеяться.

Я посмотрел на гладкую стену.
— Куда же мы пойдем?
— Не имеет значения. Налево. Ты ничего не слышишь?
— А что?

— Звук воды.

Я внимательно прислушался.

— Нет.

— Я тоже. — Он покачал головой. — Пойдем налево.

Вскоре я начал испытывать жажду. Старался выбросить мысль о воде, но она настойчиво возвращалась. Ведь в конце концов мы искали воду. Я думал о ней, холодной, кристально-чистой, как ручьи, что сбегают с Белых гор. Эта картина была пыткой, но я не мог выбросить ее из головы.

Мы проверили каждую рампу, ведущую вниз. Там, внизу, мы оказывались в диком лабиринте, иногда уставленном грудами ящиков, барабанов, металлических шаров, иногда забитом машинами, которые выли, гудели и даже искрились. Большинство из них работало без присмотра, но в одном или двух местах было несколько хозяев, что-то делавших у доски с дырками и кнопками. Мы шли тихо и осторожно, и они нас не увидели. В одной из пещер изготовлялись газовые пузыри. Они появлялись из пасти машины и по сужающемуся пандусу съезжали в ящики, которые, наполнившись, сами закрывались и автоматически отвозились куда-то. В другом, гораздо большем месте, делалась пища. Я узнал ее по цвету и форме прозрачного мешка, в котором доставляли особенно любимую моим хозяином еду. Вспомнив о хозяине, я снова почувствовал страх. Нашли ли уже его тело? Ищут ли исчезнувшего раба?

Возвращаясь на поверхность, Фриц сказал:

— Может, мы зря пошли налево? Мы уже долго идем. Надо повернуть назад и проверить противоположное направление.

— Сначала отдохнем.

— У нас нет времени.

И вот мы потащились назад, время от времени останавливаясь и прислушиваясь, не уловим ли звук текущей воды. Но всюду был слышен лишь гул мощных машин. Мы достигли места, где впервые увидели стену, и побрели дальше. Поглядев вверх, я увидел, что чернота ночи сменяется тусклым зеленым светом. Ночь подходит к концу. Рассветает, а мы все еще не нашли реку.

Становилось светлее. Жажда победила голод, а физическая слабость была хуже всего. Погасли зеленые шары. Мы увидели в отдалении хозяина и спрятались за краем сада-бассейна, пока он не прошел. Четверть часа спустя мы увидели еще двоих. Я сказал:

— Скоро улицы будут кишеть ими. Нужно ждать следующей ночи. Мы пойдем куда-либо, где можно снять маски, поесть и попить.

— Через несколько часов они найдут его.

— Знаю. Но что еще мы можем сделать?

Он покачал головой:

— Мне нужно отдохнуть.

Он лег, а я рядом с ним. Голова у меня кружилась от слабости, жажда, как злобный зверь, рвала горло. Фрицу было еще хуже. Но мы не могли оставаться здесь. Я сказал Фрицу, что мы должны вставать. Он не ответил. Встав на колени, я потянул его за руку. И тут он неожиданно возбужденно сказал:

— Мне кажется... слушай...

Я прислушался и ничего не услышал. Так я ему и сказал. Он ответил:

— Ложись и приложи ухо к земле.Так лучше передается звук. Слушай!

Я лег и через мгновение услышал — далекий звук текущей воды. Я теснее прижался к земле. Да, где-то здесь подземный поток. Жажда еще усилилась, но я не обращал на нее внимания. Мы наконец нашли реку. Вернее, мы приблизительно знаем, где она. Теперь предстояло найти ее на самом деле.

Мы систематически проверяли все идущие вниз рампы в этом районе, вслушиваясь ухом к земле. Кое-где звук был громче, кое-где слабее. Однажды мы совсем потеряли его, и нам пришлось возвращаться. Были спуски, казавшиеся такими многообещающими, но приводившие в тупик. Все чаще и чаще нам приходилось прятаться и ждать, когда пройдет хозяин. Один многообещающий спуск привел в огромный зал, где на скамьях сидело несколько десятков хозяев. Река могла прятаться в дальнем конце зала, но мы не осмелились идти туда. Время шло. Уже наступил день. И тут совершенно неожиданно мы нашли.

Очень крутая рампа, за которую мы цеплялись, боясь упасть, привела к площадке и, повернувшись, углубилась дальше. Фриц схватил меня за руку. Впереди было подземное помещение с заостренной крышей, где лежали груды ящиков в рост человека. В дальнем конце, едва видная в свете зеленых ламп, из огромного отверстия вырывалась вода и образовывала бассейн примерно в пятьдесят футов в поперечнике.

— Видишь? — спросил Фриц. — Стена.

Правда. В конце помещения за бассейном тускло блестело золото, безошибочно обозначая подземную часть кольца, которое окружает город и на котором покоится огромный купол. Бассейн доходил до стены. Эта вода прошла по городу, питая сотни садов-бассейнов. От нее поднимался пар. Она заполняла бассейн, а из бассейна... Она должна уходить под стену, другого пути нет.

Осторожно между грудами ящиков мы прошли к краю бассейна. В воде виднелось что-то вроде вертикальных сетей, и мы увидели, что она парит только при входе. Около стены Фриц протянул руку и коснулся воды.

— Она здесь гораздо холодней. Сети забирают тепло, чтобы оно не уходило из города.— Он смотрел на темную глубину, зеленую от висящих над ней ламп. — Уилл, пусть тебя несет течением. Перед тем, как ты нырнешь, я закрою воздушный клапан твоей маски. Внутри маски воздуха хватит для дыхания на пять минут. Я проверял это.

У нас было вещество, которым хозяева закрывали контейнеры. Оно выходило из тюбика жидким, но почти мгновенно твердело.

Я сказал:

— Сначала я закрою твой клапан.

— Но я не иду.

Я молча смотрел на него.

— Не глупи. Ты должен идти.

— Нет. Они ничего не должны заподозрить.

— Но они и так заподозрят, когда увидят, что я ушел.

— Не думаю. Твой хозяин погиб. Ударился при падении. Что должен в этом случае делать раб? Ему незачем жить, и он уходит в место счастливого освобождения.

Я видел, что он прав, но с сомнением сказал:

— Может, они так и подумают, но мы не можем быть уверены в этом.

— Нужно помочь им подумать так. Я знаю некоторых рабов в твоей пирамиде. Я скажу им, что видел тебя, и ты говорил, куда направляешься...

И тут он был прав. Фриц все заранее продумал. Я сказал:

— Если ты убежишь, я вернусь...

Он терпеливо возразил:

— Это не поможет. Твой хозяин мертв, а не мой, это ты должен уйти в место счастливого освобождения. Если ты вернешься, тебя начнут расспрашивать. А это конец.

— Мне это не нравится.

— Не имеет значения, нравится тебе это или нет. Один из нас должен передать сведения Джулиусу и остальным.

Тебе это сделать безопаснее. — Он схватил меня за руки. — Я выберусь. Сейчас это легче. Я знаю, где река. Через три дня я скажу рабам в своей пирамиде, что слишком слаб для работы и потому выбираю счастливое освобождение. Я спрячусь и приду сюда ночью.

— Я подожду тебя снаружи.

— Но не больше трех дней. Ты должен вернуться в Белые горы до начала зимы. А теперь посторонись. — Он заставил себя улыбнуться. — Чем скорее ты нырнешь, тем скорее я смогу вернуться и попить.

Он запечатал отверстия в моей маске, велев мне предварительно глубоко вдохнуть. Через несколько секунд он кивнул. Пожал мне руку и сказал: "Удачи!" Голос его звучал глуше обычного.

Я больше не смел задерживаться. Поверхность воды находилась в шести футах под низким парапетом. Я встал на ноги и прыгнул в воду.

Глава одиннадцатая

Двое возвращаются домой

Вниз, вниз, во тьму. Течение подхватило меня и потащило, а я помогал ему гребками. Я продвигался вперед и вниз. Рука задела за что-то, я больно ударился плечом. Это была стена. В ней по-прежнему нет отверстия, и течение увлекало меня вниз.

Страх охватил меня. В воде может оказаться решетка, которую я не смогу преодолеть. Или запутаюсь в какой-нибудь сети. Все предприятие казалось мне безнадежным. В голове начало шуметь. Я перевел дыхание. Пять минут, сказал Фриц. Сколько же я под водою? Я понял, что не имею представления: может, десять секунд, а может, в десять раз дольше. Растущий страх охватил меня, я хотел повернуть и плыть назад, против течения, туда, где оставил Фрица.

Но я продолжал спускаться, пытаясь выбросить из головы посторонние мысли. Если я поверну, все погибло. А мы не имеем на это права. Один из нас должен вырваться. Далеко внизу виднелся тусклый зеленый свет, но вокруг было темно, и я погружался в эту тьму. Я еще раз вдохнул, чтобы уменьшить боль в легких.

Течение резко изменило направление. Я протянул руку и опять наткнулся на стену. Вниз, вниз... И отверстие. Течение внесло меня в него, здесь оно было гораздо сильнее.

Вода шла более узким каналом. Теперь возврата уже не было.

Меня продолжало тащить вперед в абсолютной тьме. Изредка я вдыхал воздух, когда становилось невмоготу. Время становилось все более неизмеримым. Мне казалось, что я нахожусь под водой не минуты, а часы. Я иногда ударялся головой о твердую поверхность. А под собой я мог коснуться дна канала. Однажды я оцарапал вытянутую руку о стену, но мне было не до того, чтобы измерять ширину потока.

Воздуха уже не хватало: я дышал своим же выдохнутым воздухом. В голове начало стучать. Меня охватывала темнота. Все это безнадежно, ловушка, из которой нет выхода. Со мной все покончено и с Фрицем тоже, и со всеми теми, кого мы оставили в Белых горах, и со всем человечеством. Можно остановиться, прекратить борьбу. И все же...

Вначале оно было очень слабым, только самый убежденный оптимист мог принять его за свет, но я шевелил уставшими руками, и оно росло. Становилось все ярче, белее. Там должен быть конец туннеля. Боль в груди становилась невыносимой, но я решил не обращать на нее внимания; ярче и ближе свет, но все еще за пределами досягаемости. Еще гребок, говорил я себе, и еще, и еще. Свет теперь находился надо мной, и я пробивал себе дорогу вверх. Ярче и ярче, и вот надо мной ослепляюще яркое земное небо.

Небо, но не воздух, в котором нуждались мои измученные легкие. Закрытая маска душила меня. Я старался расстегнуть на поясе пряжку, но пальцы не слушались. Меня потянуло вниз, и лишь маска удерживала меня на поверхности. Удерживала, но и душила. Я снова попытался снять ее и снова не смог. Какая ужасная ирония, подумал я. Зайти так далеко и задохнуться на пороге свободы. Я вцепился в маску — безуспешно. Чувство поражения и стыда охватило меня, а затем тьма, от которой я так долго отбивался, обрушилась на меня и поглотила.

Меня окликали по имени, но откуда-то издалека.

— Уилл...

Я сонно подумал, что здесь что-то не так. Это мое имя, но... оно произносится по-английски, а не так, как я привык слышать в городе, где говорили по-немецки. Я умер? Может, я уже на небе?

— Как ты, Уилл?

На небе говорят по-английски. Но это английский с акцентом, да и голос мне сей знаком. Бинпол! Неужели Бинпол тоже на небе?

Я открыл глаза и увидел, что лежу на тенистом берегу реки. Надо мной склонился Бинпол. Он с облегчением произнес:

— Ты пришел в себя?

— Да. — Я собрался с мыслями. Яркое осеннее утро... текущая мимо река... солнце, от которого я все еще автоматически отводил глаза... а дальше... огромная золотая стена, увенчанная обширным зеленым куполом. Я выбрался из города.

— Как ты здесь оказался? — спросил я у Бинпола.

Объяснение было простым. Когда нас с Фрицем унесли треножники, он решил вернуться в Белые горы и рассказать Джулиусу о случившемся. Но он был еще не готов к этому и остался на несколько дней в городе, слушая и запоминая все, что может оказаться полезным. Он узнал приблизительные размеры города и решил, что попробует его обойти. Ему сказали, что город лежит на притоке большой реки, по которой мы плыли. Он взял лодку отшельника и поплыл на юго-восток.

Отыскав город, он решил понаблюдать за ним. Он не осмеливался приблизиться к стене днем, но вел наблюдение по ночам, при лунном свете. Результаты его не обрадовали. В стене не было ни одного отверстия. Не было и возможности взобраться на нее. Однажды ночью он начал подкоп и углубился на несколько футов, но стена уходила глубже, и ему пришлось на рассвете закопать яму и уйти. Никто из людей с шапками не приближался к стене, поэтому он мог их не опасаться. Сравнительно недалеко располагались фермы, и он питался там, находя или просто крадя пищу.

Когда он обошел вокруг стены, повода для того, чтобы остаться здесь, больше не было. Но тут ему пришло в голову, что единственным выходом из города служит река. Воды ее выходили из города; примерно на милю ниже выхода на берегах ничего не росло, не было и рыбы, хотя выше города она водилась во множестве. Бинпол время от времени находил в воде странные предметы. Он показал мне некоторые — различные контейнеры, включая несколько пустых газовых пузырей. Их должны были уничтожить, но каким-то образом они оказались в воде. Однажды он видел, как по течению плывет что-то большое. Оно находилось слишком далеко, чтобы он ясно мог рассмотреть, особенно с его зрением без линз, но он взял лодку и вытащил этот предмет. Он был металлический, полый, так что мог плавать, размером шесть футов на два при толщине в фут. Бинпол рассудил, что если

выплыл такой предмет, то может выплыть и человек. И он решил остаться и подождать.

Проходили дни и недели. Надежды Бинпола на то, что кто-нибудь из нас вырвется, рассеивались. Он не имел представления о том, что происходит в городе: нас в первый же день могли раскрыть, как носящих фальшивые шапки, и убить. Но он оставался, потому что, как он сказал, уйти означало вообще оставить всякую надежду. Наступила осень, он понял, что не может больше откладывать возвращение. Он решил ждать еще неделю и на утро пятого дня увидел, как что-то плывет вниз по течению. И он снова взял лодку, нашел меня и ножом разрезал мягкую часть маски.

— А Фриц? — спросил он.

Я коротко рассказал ему. Он помолчал, а потом спросил:

— Много ли у него шансов?

— Боюсь, что мало. Даже если он снова доберется до реки, он гораздо слабее меня в настоящее время.

— Он сказал, что попытается в течение трех дней?

— Да.

— Будем следить внимательней. И у тебя глаза лучше моих.

Мы ждали три дня, и трижды по три дня, и еще три дня, каждый раз находя все менее убедительные причины, чтобы остаться. Ничего не выплывало из города, кроме обычных обломков. На двенадцатый день пошел дождь, и мы дрожали, замерзшие и голодные, под перевернутой лодкой. На следующее утро, без обсуждения, мы тронулись к большой реке.

Один раз я оглянулся. Снег таял, но земля по обе стороны реки была белой и обнаженной. Река серой стеной неслась по алебастровой пустыне к золотому кольцу, увенчанному зеленым куполом. Я поднял руку. Как приятно не чувствовать на себе свинцовую тяжесть. Потом я подумал о Фрице, и радость освобождения сменилась печалью и глубокой жгучей ненавистью к хозяевам.

Мы возвращались домой, но только чтобы вооружиться. Мы еще вернемся.

КНИГА ТРЕТЬЯ

ОГНЕННЫЙ БАССЕЙН

Глава первая

План действий

Везде звучала вода. Иногда это был слабый шепот, слышный только из-за тишины вокруг; иногда причудливое отдаленное журчание, как будто какой-то гигант разговаривал с собой в глубинах земли. Но в некоторых местах журчание звучало чисто и громко, и было видно течение в свете масляных ламп: вода вырывалась из-под каменной стены и падала с крутого обрыва водопадом. А кое-где вода лежала спокойно в черных глубинах... капли падали бесконечные столетия и будут падать еще бесконечно долго.

Меня освободили от охраны для участия в совещании, и поэтому я шел по тускло освещенному коридору поздно и в одиночестве.

Потолок пещеры, где происходило совещание, уходил во тьму, которую не могли рассеять лучи наших слабых ламп; мы сидели под конусом ночи, в которой не сверкала ни одна звезда. На стенах мерцали лампы, такие же стояли на столе, за которым на самодельных деревянных стульях сидели Джулиус и его ближайшие помощники. Джулиус встал, чтобы поздороваться со мной, хотя многие физические действия причиняли ему неудобство или даже боль. Ребенком он упал в пропасть и на всю жизнь остался калекой. Сейчас он был стариком, седоволосым, но розовощеким от долгих лет, проведенных в разреженной атмосфере Белых гор.

— Садись рядом, Уилл, — сказал он. — Мы только начали.

Прошел месяц с тех пор, как мы с Бинполом пришли сюда. Вначале я рассказал Джулиусу и другим членам совета все, что я знал, и передал образцы зеленого воздуха хозяев и воды из города, которые мне удалось принести с собой. Я ожидал немедленных действий, хотя не знал, каких именно. К Земле приближался большой корабль с родной планеты хозяев. Он вез машины, которые превратят земную атмосферу в пригодную для дыхания хозяев, чтобы они смогли выйти из-под защитных куполов своих городов. Люди и все другие живые существа Земли задохнутся. Мой хозяин сказал мне, что корабль прибудет через четыре года. Времени оставалось мало.

Джулиус как будто обращался ко мне, отвечал на мои сомнения. Он сказал:

— Я знаю, многим из вас не терпится. Так и должно быть. Мы знаем, какая огромная задача стоит перед нами, знаем ее важность. Не может быть никаких извинений для неоправданной траты времени. Важен каждый день, каждый час, каждая минута.

Но не менее важно и другое. Именно потому, что события так торопят, мы должны все тщательно обдумать, прежде чем начать. Мы не можем допускать неверных ходов. Поэтому совет долго и напряженно думал, прежде чем выработать план действий. Сейчас я расскажу вам о нем в общих чертах, но у каждого из вас есть в нем своя роль, и об этом он узнает позже.

Он замолчал, и я увидел, как встал кто-то из сидящих за столом. Джулиус спросил:

— Вы хотите говорить, Пьер? Вы знаете, позже для этого будет возможность.

Когда мы в первый раз пришли в Белые горы, Пьер был членом совета. Это был смуглый человек с трудным характером. Мало кто решался спорить с Джулиусом, а он мог. Я знал, что он был против нашей экспедиции в город золота и свинца и против решения покинуть Белые горы. В конце концов он вышел из совета или был исключен из него: мне трудно судить об этом. Он пришел с юга Франции, из тех гор, что находятся на границе с Испанией. Пьер сказал:

— То, что я собираюсь сказать, Джулиус, лучше сказать сейчас, чем потом.

Джулиус кивнул:

— В таком случае говорите.

— Вы сказали, что совет познакомит нас с планами. Вы говорили о нашем участии в планах, о том, что каждому из нас отведена своя роль. Я хочу напомнить вам, Джулиус: перед вами свободные люди, а не люди в шапках. Нам следует не приказывать, а спрашивать у нас. Не только вы и ваш совет должны решать, как сражаться с треножниками. Есть и другие, у которых хватит мудрости. Все свободные люди равны, и им должны быть предоставлены равные права. Этого требует не только справедливость, но и здравый смысл.

Он замолчал, но продолжал стоять среди более ста человек, собравшихся в подземном зале. Снаружи царила зима, холмы покрыл снег, но здесь мы были защищены толстым слоем скал. Здесь температура никогда не менялась, и одно время года ничем не отличалось от другого.

Джулиус помолчал недолго, потом сказал:

— Свободные люди правят собой по-разному. Живя и работая совместно, они должны частично отказаться от своей

свободы. Разница между нами и людьми в шапках в том, что мы отказываемся от нее добровольно, с радостью, ради общей цели, тогда как их разум порабощен чуждыми существами, которые обращаются с ними, как со скотом. Есть и другая разница. Свободные люди отказываются от своей свободы лишь временно. И делают это по согласию, а не из-за хитрости или силы. И это соглашение всегда может быть расторгнуто.

— Вы говорите о соглашении, Джулиус, — сказал Пьер, — на чем основана ваша власть? На совете. А кто назначил совет? Сам совет под вашим контролем. Где же тут свобода?

— На все свое время, — ответил Джулиус, — будет время обсудить и вопрос, какую форму правления нам избрать. Но этот день придет лишь тогда, когда будут уничтожены те, кто сегодня правит человечеством. До этого у нас нет возможности для обсуждения и споров.

Пьер начал что-то говорить, но Джулиус поднял руку и заставил его замолчать.

— Сейчас не должно быть разногласий и сомнений. Возможно, то, что вы говорите, справедливо, независимо от мотивов, которыми вы руководствуетесь; соглашение заключается свободными людьми и может быть расторгнуто. Оно может быть и подтверждено. Итак, я спрашиваю: пусть тот, кто сомневается в праве совета говорить от имени всех, встанет.

Он замолк. В пещере наступило молчание, слышался только бесконечный отдаленный шум воды. Мы ждали. Никто не встал. Когда прошло достаточно времени, Джулиус сказал:

— Вам не хватает поддержки, Пьер.

— Сегодня. Но посмотрим, что будет завтра.

Джулиус кивнул.

— Вы хорошо сделали, что напомнили мне. Поэтому я спрошу еще кое о чем. Я прошу вас признать совет нашим правительством, пока не настанет время, когда те, что называют себя хозяевами, потерпят полное поражение. — Он помолчал. — Прошу встать тех, кто за это.

На этот раз встали все. Итальянец по имени Марко сказал:

— Я предлагаю изгнать Пьера за сопротивление воле общины.

Джулиус покачал головой:

— Нет. Никаких изгнаний. Мы нуждаемся в каждом человеке. Пьер тщательно исполнит свой долг, я знаю это. Слушайте. Я расскажу вам о нашем плане. Но вначале Уилл расскажет вам о том, как выглядит изнутри город наших врагов. Говори, Уилл.

Раньше меня просили временно хранить молчание и не отвечать на расспросы. В обычном состоянии мне было бы это нелегко. Я разговорчив по природе, а голова моя забита чудесами, которые я видел в городе, — чудесами и ужасами.

Но настроение мое в это время не было нормальным. На обратном пути с Бинполом вся моя энергия уходила на преодоление трудностей и опасностей, на размышления не оставалось времени. Но после возвращения в пещеры стало по-другому. В мире вечной ночи и тишины я смог думать, вспоминать и чувствовать угрызения совести. Я обнаружил — мне не хочется говорить с другими о том, что я видел, и о случившемся.

Теперь, услышав предложение Джулиуса, я смутился. Начал неуверенно, с остановками и повторами. Но постепенно я успокоился и заметил, с каким напряжением они слушают меня. Меня самого увлекли воспоминания об этом ужасном времени, о том, как ужасно было сгибаться под тяготением мира хозяев, потеть в неуемной жаре и влажности, смотреть, как слабеют и падают другие рабы, не выдержав напряжения, и знать, что меня ждет такая же судьба. Такой оказалась и судьба Фрица. Бинпол позже сказал, что я говорил страстно и легко, что обычно мне не свойственно. Когда я кончил и сел, наступила тишина, которая говорила о том, как глубоко поражена услышанным аудитория.

Потом снова заговорил Джулиус.

— Я хотел, чтобы вы выслушали Уилла, по нескольким причинам. Одна из них: его рассказ — это свидетельство очевидца. Вы сами слышали и убедились в этом. Он все это видел. Другая причина: я хотел подбодрить вас. Хозяева обладают колоссальной властью и силой. Они преодолели неизмеримые расстояния между звездами. Наша жизнь по сравнению с их долгой жизнью кажется танцем бабочки-однодневки над текущей рекой. И все же...

Он замолчал и с удивительной улыбкой посмотрел на меня.

— И все же Уилл, обычный парень, не умнее большинства, даже меньше других ростом, он, этот Уилл, ударил и убил одного из чудовищ. Ему, конечно, повезло. У хозяев есть место, уязвимое для удара, и Уиллу удалось узнать о нем. Но остается фактом, что он убил одного из них. Они вовсе не всемогущи. Этот факт должен подбодрить нас. То, чего Уилл добился благодаря удаче, мы можем достигнуть подготовкой и решительностью.

Это приводит меня к третьему пункту, к третьей причине, по которой я хотел, чтобы вы послушали Уилла. Это тем более существенно, что речь пойдет о неудаче. — Он посмотрел на меня, и я почувствовал, что краснею. Джулиус спокойно и неторопливо продолжал: — Хозяин стал подозревать Уилла, найдя в его комнате записи о городе и его обитателях. Уилл не думал, что хозяин зайдет в его комнату, где ему приходится надевать маску; но это было поверхностное суждение. Уилл знал, что его хозяин больше других

заботится о рабах, что он уже раньше бывал в убежище, организуя там мелкие удобства, и следовательно, мог побывать еще раз. Следовало предположить, что он зайдет туда еще и обнаружит книгу с записями.

Он говорил спокойно, размышляя, а не критикуя, но тем больший стыд и замешательство я ощущал.

— Уилл с помощью Фрица сумел наилучшим образом использовать ситуацию. Он бежал из города и сообщил нам сведения, ценность которых невозможно определить. Но можно было добиться и большего. — Глаза Джулиуса снова остановились на мне. — Если бы все было рассчитано заранее, Фриц тоже мог бы вернуться. Он передал часть своих сведений через Уилла, но, конечно, лучше было бы, если бы он рассказал обо всем сам. В нашей борьбе ценна каждая крупица знаний.

Затем Джулиус говорил о том, что у нас мало времени, что из глубин космоса приближается большой корабль, а с ним смерть для всего живого на Земле. И он сообщил нам о решении совета.

Самое главное заключалось в том, чтобы ускорить — в десять, сто, даже тысячу раз, — привлечение к нам молодежи. Для этого пойдут все, кто может, убеждая и обучая молодых людей по всему миру. Должны повсюду возникать очаги сопротивления и вызывать к жизни другие новые очаги. У совета есть карты, и он скажет, куда идти... В особенности необходимы такие очаги по соседству с двумя другими городами хозяев — один за тысячи миль к востоку, другой — за большим океаном на западе. Возникала при этом проблема языка. Возникали и другие проблемы, на первый взгляд, неразрешимые. Но их нужно разрешить. Не должно быть слабости, отчаяния — ничего, кроме решимости отдать последнюю каплю энергии и сил общей цели.

Разумеется, этот курс связан с возможностью насторожить хозяев. Может, они и не станут особенно тревожиться, так как их план близок к осуществлению. Но нам следует подготовиться к контрмерам. У нас должен быть не один штаб, а дюжина, сотня — и каждый должен быть способен действовать самостоятельно. Совет рассеется, и члены его будут переезжать с места на место, встречаясь лишь изредка, с должными предосторожностями.

Такова первая часть плана — мобилизация всех сил, способных бороться, разведка и организация колоний вне пределов досягаемости трех вражеских городов. Но есть и вторая часть, может быть, более важная. Поиски средств для уничтожения врага. А это означает напряженную работу и испытания. Должна быть создана особая база, но лишь непосредственно связанные с ее работой будут знать, где она на-

ходится. С ней связаны все наши надежды. Ее мы не смеем обнаруживать перед хозяевами.

— Теперь я сказал все, что мог.Позже вы получите индивидуальные указания и карты. Есть ли у кого-нибудь вопросы или предложения? — закончил Джулиус.

Все молчали, даже Пьер.

— Тогда можно расходиться. — Джулиус помолчал. — Мы в последний раз собрались все вместе. Следующий раз соберемся после выполнения задуманного. Задача наша ужасна и грандиозна, но мы не должны бояться. Ее можно решить. Но только если каждый из нас все сделает для ее решения. Идите, и да будет с вами бог.

Сам Джулиус давал мне инструкции. Мне предстояло отправиться на юг и восток, с вьючной лошадью, выдавая себя за торговца, набирая добровольцев, организуя сопротивление. Потом мне предстояло вернуться с докладом в центр.

— Тебе все ясно, Уилл?

— Да, сэр.

— Посмотри на меня, Уилл.

Я поднял голову. Джулиус сказал:

— Мне кажется, тебе все еще больно от моих слов после твоего рассказа на собрании.

— Я понимаю, что ваши слова были справедливы, сэр.

— Но их не легче переносить, особенно если рассказываешь о храбрости, изобретательности и мужестве, а потом все это оказывается окрашенным в иной цвет.

Я не отвечал.

— Слушай, Уилл. Я сделал это сознательно. Мы сами должны устанавливать себе нормы, и эти нормы должны быть высокими, почти невозможными. Я использовал твой рассказ, чтобы вывести мораль: неосторожность одного человека может погубить всех — не должно быть самоуспокоения; сколько бы мы ни сделали, предстоит сделать еще больше. Но теперь я могу сказать: то, что сделали вы с Фрицем, имеет для нас огромное значение.

— Фриц сделал больше. И он не вернулся.

Джулиус кивнул.

— Придется тебе это перенести. Важно, что один из вас вернулся, что мы не потеряли год из того короткого времени, что у нас осталось. Нам всем придется привыкнуть к утратам, а горе должно спаять нас.

Он положил мне руку на плечо.

— Я знаю тебя и поэтому говорю так. Ты запомнишь это, но запомнишь и мои слова на совете. Верно, Уилл?

— Да, сэр. Запомню.

Мы втроем: Генри, Бинпол и я — встретились в найденном мною месте, у расселины высоко в скале; через расселину пробивался дневной свет, его вполне хватало, чтобы мы могли видеть друг друга без помощи лампы. Это место находилось довольно далеко от жилой части пещеры, но мы любили приходить сюда из-за напоминания о внешнем мире; обычно лишь во время дежурств у выходов можно было убедиться в том, что этот мир по-прежнему существует, что где-то есть свет, ветер, дождь. А мы жили в постоянной темноте и непрерывном журчании и капании подземных вод. Однажды, когда снаружи бушевала буря, капли дождя проникли в трещину, и маленький ручеек потек в пещеру. Мы подставили лица под капли, наслаждаясь прохладной влажностью. Нам казалось, что дождь приносит с собой запах деревьев и растений.

Генри сказал:

— Мне предстоит переправиться через западный океан. Мы пойдем на "Орионе" с капитаном Куртисом. Он рассчитал свой экипаж в Англии, остался лишь один моряк с фальшивой шапкой. Вдвоем они приведут корабль в порт на западе Франции, там мы присоединимся к ним. Нас будет шестеро. Земля, куда мы направляемся, называется Америка, а население там говорит на английском языке. А ты, Уилл?

Я коротко ответил. Генри кивнул, очевидно, считая свое поручение более важным и интересным. Я был с ним согласен, но это меня теперь не трогало.

— А ты, Бинпол?

— Не знаю, куда именно.

— Но ты получил назначение?

Он кивнул.

— На исследовательскую базу.

Этого и следовало ожидать. Бинпол принадлежал к тем людям, которые нужны, чтобы тщательно продумать нападение на хозяев. Наше трио должно разойтись, подумал я. Но это не имело особого значения. Мысли мои были с Фрицем. Джулиус был совершенно прав: я все время вспоминал его слова, и мне было стыдно. Еще одна-две недели подготовки, и мы бежали бы вдвоем. Моя неосторожность ускорила события и привела к гибели Фрица. Мысль горькая, но неизбежная.

Генри и Бинпол разговаривали, а я молчал. Они заметили это. Генри сказал:

— Ты очень молчалив, Уилл. Что случилось?

— Ничего.

Он настаивал:

— В последнее время ты мрачен.

Бинпол сказал:

— Я читал когда-то об американцах, о той земле, куда ты направляешься, Генри. Кажется, у них красная кожа,

они одеваются в перья, носят с собой топоры и бьют в барабаны, когда начинают войну, а когда заключают мир, курят трубку.

Бинпол всегда слишком интересовался предметами — как они устроены, как действуют, — чтобы обращать внимание на людей. Но я понял, что он заметил мое настроение и догадался о его причине — ведь именно он ждал со мной Фрица из города и добирался со мной — и теперь пытается отвлечь Генри от расспросов. Я был благодарен ему за это и за ту чепуху, что он рассказывал.

Предстояло многое сделать до выхода.

Меня учили торговать, рассказывали о странах, в которых мне предстояло побывать, учили языкам, советовали, как организовать ячейку сопротивления и что говорить, когда я уйду. Все это добросовестно запоминал я с твердой решимостью больше не допускать ошибок. Но плохое настроение не покидало меня.

Генри выступил раньше меня. Он отправился в отличном настроении вместе с Тонио, который был моим спарринг-партнером и соперником при подготовке к играм. Все они были очень веселы. Все в пещерах казались веселыми, кроме меня; Бинпол пытался развеселить меня, но безуспешно. Потом меня вызвал Джулиус. Он прочел мне лекцию о самоистязании, о том, что нужно извлечь хороший урок из прошлого, чтобы не допускать подобных ошибок в будущем. Я слушал, вежливо соглашался, но плохое настроение меня не покидало. Джулиус сказал:

— Ты воспринимаешь это неверно, Уилл. Ты плохо переносишь критику, особенно от самого себя. Но такое настроение делает тебя менее пригодным для выполнения задач, поставленных советом.

— Задание будет выполнено, сэр, — сказал я. — И выполнено вовремя. Я обещаю это.

Он покачал головой.

— Не уверен, что такое обещание поможет тебе. Другое дело, если бы у тебя был характер Фрица. Да, я говорю о нем, хотя тебе и больно. Фриц был меланхолик по натуре и легко переносил печаль. Ты сангвиник и нетерпелив, с тобой совсем другое дело. Угрызения совести и сожаления могут привести тебя к болезни.

— Я сделаю все возможное.

— Знаю. Но достаточно ли будет этого. — Он задумчиво посмотрел на меня. — Ты должен был выйти через три дня. Я думаю, мы отложим выход.

— Но, сэр...

— Никаких "но", Уилл. Таково мое решение.

— Я готов, сэр. А у нас нет времени.

Джулиус улыбнулся.

— В этом есть что-то от неповиновения, значит, не все еще потеряно. Но ты забыл уже, что я говорил на последнем совете. Мы не можем допустить неверных ходов, или планов, или недостаточно подготовленных людей. Ты пока останешься здесь, парень.

В тот момент я ненавидел Джулиуса. Даже пережив это, я продолжал негодовать. Уходили другие, и собственная бездеятельность раздражала меня. Тянулись темные бессолнечные дни. Я знал, что должен изменить свое отношение, и не мог. Я пытался изобразить веселье, но знал, что это не обманет никого, тем более Джулиуса. Наконец Джулиус снова вызвал меня.

Он сказал:

— Я думал о тебе, Уилл. Мне кажется, я нашел ответ.

— Я могу выступить, сэр?

— Подожди, подожди! Ты знаешь, торговцы разъезжают парами, чтобы иметь товарища и чтобы в случае необходимости защитить товары. Хорошая идея — дать тебе такого товарища.

Он улыбался. В гневе я ответил:

— Я вполне управлюсь и сам, сэр.

— Но если вопрос стоит так: идти вдвоем или остаться здесь — что ты выберешь?

Похоже, он считал меня не способным выполнить задание в одиночку. Но ответ мог быть только один. Я угрюмо ответил:

— Я выполню ваше решение, сэр.

— Хорошо, Уилл. Тот, кто пойдет с тобой... ты хочешь увидеть его сейчас?

Он улыбался. Я стесненно ответил:

— Да, сэр.

— В таком случ ... — Его глаза устремились во тьму в глубине пещеры, где ряд известняковых столбов создавал каменный занавес. — Подойди.

Появилась фигура человека. Мне показалось, что глаза обманывают меня. Легче было считать так, чем поверить в возвращение из мертвых.

Потому что это был Фриц.

Позже он рассказал мне, что произошло. Убедившись, что река унесла меня под золотую стену, он вернулся и, как мог, замел мои следы, рассказывая другим рабам, будто я обнаружил своего хозяина мертвым в бассейне и прямиком отправился к месту счастливого освобождения, не желая оставаться в живых после смерти хозяина. Его рассказ никого не удивил, и Фриц готовился последовать за мной. Но тяжелые условия жизни вместе с дополнительным напряжением бессонной ночи сказались на нем. Он упал вторично

и был доставлен в больницу для рабов.

Мы условились с ним, что если я выберусь, то буду три дня ждать его. Прошло гораздо больше времени, прежде чем он смог встать с постели, и он решил, что я ушел. На самом деле мы с Бинполом ждали его 12 дней, прежде чем отчаяние и снег заставили нас уйти; но Фриц, конечно, этого не знал. Поверив в мой уход, он начал снова, как это характерно для него, медленно и логично обдумывать все заново. Он решил, что выход под водой будет труден — я погиб бы, если бы Бинпол не вытащил меня из реки, — и знал собственную слабость. Ему нужно было окрепнуть, а больница для этого вполне годилась. Оставаясь в ней, он избегал побоев хозяина и тяжелой работы, которую обычно должен был выполнять. Он оставался там две недели, изображая растущую слабость, а потом заявил, что он не в состоянии больше служить хозяину, а потому должен умереть. Поздно вечером он покинул больницу и направился к месту счастливого освобождения. Укрывшись до наступления ночи, он пошел к стене и свободе.

Вначале все шло хорошо. Он в темноте вынырнул, устало доплыл до берега и пошел на юг по тому же маршруту, что и мы. Но он на несколько дней отставал от нас и отстал еще больше, когда лихорадка вынудила его пролежать несколько дней в заброшенном сарае, потея от слабости и умирая от голода. Он все еще был отчаянно слаб, когда снова двинулся в путь, и вскоре его остановила более серьезная болезнь. На этот раз, к счастью, за ним ухаживали: у него было воспаление легких. Его нашла женщина, сын которой несколько лет назад стал вагрантом после надевания шапки.

Оправившись, он убежал и продолжил свой путь. В буран добрался он до Белых гор и некоторое время был вынужден скрываться в долине, прежде чем начать подъем. В туннеле его окликнул единственный дежурный, именно на этот случай и оставленный Джулиусом. Сегодня утром дежурный привел его в пещеры.

Все это я узнал позже. А в этот момент я просто смотрел, не веря своим глазам. Джулиус сказал:

— Я думаю, вы с ним сработаетесь. Как ты считаешь, Уилл?

И я понял, что улыбаюсь, как идиот.

Глава вторая

Охота

Мы вышли на юго-восток, уходя от зимы. Вначале был крутой подъем, осложненный сугробами, по горному переходу, который нас привел в страну итальянцев, но потом

идти стало легче. Миновав плодородную равнину, мы пришли к морю, которое билось о скалистые берега с маленькими рыбачьими гаванями. Оттуда мы уже пошли на юг, оставляя слева холмы и отдаленные горы, пока снова не настало время повернуть на запад.

Нас везде встречали радостно, не только из-за товаров, но и из-за того, что мы были новыми людьми, а в маленьких коммунах волей-неволей все слишком хорошо знают друг друга. Мы продавали ткани, резное дерево и маленькие деревянные часы из Черного Леса: наши люди захватили несколько барж на большой реке и доставили ими груз. Торговля шла хорошо: по большей части это были богатые сельскохозяйственные земли, женщины охотно покупали здесь обновки. Доход, помимо того, что шло на еду, выражался в золотых и серебряных монетах. Повсеместно нам охотно предоставляли жилье. В ответ на гостеприимство мы похищали детей хозяев.

Эту проблему я никак не мог разрешить для себя. Для Фрица все было ясно и очевидно: у нас есть долг, и мы обязаны его выполнить. Я понимал, что мы спасаем этих людей от уничтожения хозяевами, но все же завидовал прямолинейности Фрица. Отчасти это происходило потому, что я легче сходился с людьми. Фриц, дружелюбный в глубине души, внешне оставался неразговорчив и сдержан. Он лучше меня владел языками, но я больше разговаривал и гораздо больше смеялся. В каждом новом поселке я завязывал быстро хорошие отношения и часто уходил с истинным сожалением.

Еще в замке де ла Тур Роже я понял, что хотя мужчина или женщина носит шапку и считает треножники огромными металлическими полубогами, это не мешает им во всех других отношениях оставаться людьми, способными на дружбу и любовь. Моя роль заключалась в том, чтобы общаться с ними и торговать. Я делал это, как мог, но не способен был при этом оставаться равнодушным. Было нелегко узнавать их, ценить их доброту и в то же время продолжать наше дело. В сущности, с их точки зрения, мы завоевывали их доверие, чтобы предать их. Мне часто становилось стыдно от того, что сами мы делали.

Нашу главную заботу составляли мальчики, которым примерно через год должны были надеть шапку. Вначале мы завоевывали их интерес подкупом, раздавая мелкие подарки — ножи, свистки, кожаные пояса и тому подобное. Они толпились вокруг нас, и мы с ними разговаривали, искусно вызнавая, кто из них начал сомневаться в праве треножников владеть человечеством и до какой степени простираются эти сомнения. Вскоре мы научились быстро распознавать потенциальных повстанцев.

А их оказалось гораздо больше, чем можно было предполагать. В самом начале я удивился, узнав, что Генри, которого знал с рождения и с которым много раз дрался, не меньше меня хочет освободиться от предстоящего обряда и от тесных рамок жизни, которую мы вели, он тоже сомневается в том, что старшие называли благословением, — в надевании шапки. Я не знал об этом, потому что на такие темы никто не разговаривал. Немыслимо было высказывать сомнения, но это не означало, что сомнений не существует. Постепенно нам стало ясно, что какие-то сомнения возникают у всех, кому предстоит надевание шапки. Для мальчиков было невероятным облегчением оказаться в обществе двух взрослых в шапках, но которые, в отличие от родителей, не запрещали говорить на загадочные темы, а напротив, подбивали на это, внимательно слушали и говорили сами.

Конечно, нам приходилось соблюдать осторожность. Вначале шли завуалированные намеки, вопросы, внешне невинные. Наша задача заключалась в том, чтобы в каждой деревне найти одного-двух мальчиков, сочетавших умственную независимость с надежностью. Таких незадолго до своего ухода мы поодиночке отводили в сторону.

Мы рассказывали им правду о треножниках и о мире, о том, какую роль они могут сыграть в организации сопротивления. Сейчас уже нельзя было посылать их в наши штабквартиры. Напротив, они должны были оставаться в своих деревнях и поселках, организовывать группы до весеннего надевания шапок. Это должно было произойти много времени спустя после нашего ухода, чтобы избавить от подозрений. Они должны были найти место для жизни в стороне от людей в шапках, но так, чтобы оттуда можно было добывать пищу и наблюдать, набирая новых добровольцев. И там они должны были ждать новых указаний.

Мы мало что могли дать им: успех целиком зависел от их индивидуальных качеств и умения приспосабливаться к обстановке. Мы давали им средства связи. У нас с собой были голуби в клетках, и мы время от времени оставляли новобранцам пару. Эти птицы могли через большие расстояния вернуться к месту, где они вылупились из яйца. Они переносили сообщения на листочках бумаги, привязанных к лапам.

Мы сообщали новым добровольцам опознавательные знаки: лента, вплетенная в гриву лошади, шляпа определенного фасона и надетая под определенным углом, определенные жесты, крики птиц. Договаривались о месте, где будет оставлено сообщение для нас или наших сменщиков. В сообщении должен быть указан путь к их убежищу. Кроме этого мы ничего не могли им дать. Мы шли все дальше и дальше по пути, указанному Джулиусом.

Вначале мы часто видели треножники. Но потом они встречались все реже и реже. Не зима вызывала их неактивность, а отдаленность от города. В земле, называемой Эллада, нам рассказывали, что они появляются лишь несколько раз в году, а в восточной части этой страны треножники появлялись лишь раз в год на церемонии надевания шапок, и не в маленьких поселках, как в Англии: родители свозили детей с больших расстояний в одно место, где им надевали шапки.

Конечно, это вполне объяснимо. Треножники могли передвигаться быстро, гораздо быстрее лошади, и безостановочно, но расстояние даже для них имело значение. Районы вблизи города они неизбежно должны были посещать чаще, чем отдаленные места. Для нас было большим облегчением оказаться на территории, где в это время года ни одно металлическое полушарие на трех суставчатых ногах не появится на фоне горизонта. К тому же возникала еще одна мысль. Два города хозяев расположены по краям огромного континента. Чем дальше мы отходили от города, тем слабее становился их контроль над местностью. Не значило ли это, что на полпути между городами существует территория, где их контроля нет совсем, где люди не носят шапок и свободны?

На самом деле, как мы узнали позже, контролируемые территории перекрывали друг друга, и на середине между ними находились, главным образом, океан на юге и ледяные пустыни на севере. Те же земли, дальше к югу, которые они не контролировали, хозяева превратили в абсолютную пустыню.

Наша задача не стала легче, как можно было подумать, оттого, что здесь треножники встречались реже. Наоборот, по-видимому, из-за своей редкости они вызывали особое преклонение. Мы наконец добрались до места, где за полуостровом между двумя морями были развалины огромного города. Он сравнительно мало зарос растительностью, но выглядел гораздо более древним, чем другие. В городе находились большие деревянные купола на трех столбах, куда вели ступени. Здесь люди молились. Проводились длинные службы, с продолжительным пением и плачем. Над каждым куполом стояла модель треножника, выложенная золотыми листами.

Но мы и здесь сумели найти последователей. К тому времени мы стали очень искусны в своей работе.

Конечно, бывало и трудно. Хотя мы двигались на юг, в солнечные теплые земли, временами было холодно, особенно в высокогорных районах, и потому мы ночью, чтобы не замерзнуть, жались к своим лошадям. И долгие сухие дни в пустынных районах, когда мы беспокойно искали признаки воды, не столько для нас, сколько для лошадей. Мы полностью зависели от них, и для нас страшным ударом было, когда лошадь Фрица заболела и спустя несколько дней умер-

ла. Я был настолько эгоистичным, что обрадовался, ведь это произошло не с моей лошадью, Кристом, которая мне очень нравилась. Если Фриц испытывал нечто подобное к своей лошади, то никак этого не проявлял.

Мы находились на краю пустыни и на большом удалении от обитаемых мест. Мы навьючили багаж на Криста и побрели в направлении ближайшей деревни. Уходя, мы видели, как с неба спустились большие отвратительные птицы и начали рвать мясо бедного животного. За час они очистят его до костей.

Это было утром. Мы шли весь день и половину следующего, прежде чем достигли нескольких хижин, жавшихся к небольшому оазису. Здесь не было никакой надежды получить лошадь, и мы шли еще три дня к поселку. Местные жители называли его городом, но он был не больше моей родной деревни Вертона. Здесь были лошади, а у нас было золото, чтобы заплатить за них. Трудности заключались в том, что в этой местности лошадей никогда не использовали для перевозки грузов. Украшенные дорогими попонами, они носят на себе важных и богатых людей. Мы не могли купить такую лошадь, потому что нанесли бы смертельное оскорбление местным обычаям, если бы взвалили на нее груз.

Но здесь были животные, которых я видел на рисунке в Белых горах. Тогда, глядя с любопытством на рисунок, я принял его за необъяснимый предмет древних. Теперь я увидел это животное в жизни. Выше лошади, оно покрыто жесткой коричневой шерстью, и у него на спине большой горб. Нам сказали, что в горбу находится запас воды, и животное может обходиться без воды дни и даже недели. Вместо копыт у него расплющенные ступни с пальцами. Голова на длинной шее очень уродлива, с отвислыми губами, большими желтыми зубами и отвратительным запахом. Животное кажется неуклюжим, но может передвигаться удивительно быстро и переносить большие тяжести.

У нас с Фрицем произошел спор. Я хотел купить одно такое животное, он возражал. Я испытал обычное раздражение, когда мы в чем-то расходились. Мои страстные доводы в защиту этого предложения встретились с его упорным несогласием. Я негодовал — он возражал еще спокойнее — я негодовал сильнее... и так далее. Я перечислял достоинства животного, а он просто возражал, что мы достигли пункта, где должны повернуть назад и возвращаться к пещерам. Сколько бы ни было полезно оно в этой местности, там, где его не знают, оно будет казаться странным, а наша задача — не привлекать к себе внимания. К тому же, вероятно, продолжал Фриц, животное, привыкшее к жаркому климату, заболеет и сдохнет в северных землях.

Конечно, он был совершенно прав, но мы два дня спори-

ли, прежде чем я сдался. И даже признался, что меня привлекла прежде всего причудливость этого животного. Я уже видел себя (бедный Крист был тут же забыт) едущим по улицам незнакомого города на раскачивающейся спине животного, а вокруг толпятся люди и...

За ту же сумму мы купили двух ослов — это были маленькие, но сильные и послушные животные — и навьючили на них товары. У нас хватило денег и на покупку местных товаров: фиников, различных пряностей, шелков, красивых ковров. Все это позже мы с выгодой продали. Но у нас были и неудачи. Много трудностей принес нам язык. Торговаться можно было при помощи жестов, но чтобы говорить о свободе и борьбе с рабством, нужны слова. К тому же здесь очень был силен культ треножников. Повсюду виднелись полушария, под самыми большими из них стояли навесы, откуда жрецы трижды в день призывали верующих к молитве: на рассвете, в полдень и на закате. Мы вместе с остальными склоняли головы и что-то бормотали.

Так мы достигли обозначенной на карте реки — широкого теплого потока, который медленными змеиными изгибами тек по зеленой долине. И повернули назад.

Обратный путь был другим. Мы прошли через горы и выбрались к восточному берегу того моря, которое видели из развалин гигантского города на перешейке. Мы обогнули море с севера и запада и на этот раз хорошо использовали время, завоевав много последователей. Здесь говорили по-русски, а мы заранее немного изучили этот язык.Мы пришли на север, но лето перегоняло нас: земля была покрыта цветами, и я помню, как однажды мы целый день ехали в одуряющем аромате апельсинов, зреющих на ветках деревьев. По плану нам до наступления зимы нужно было вернуться к пещерам, и поэтому приходилось торопиться.

Конечно, мы одновременно приближались и к городу хозяев. Время от времени на горизонте показывались треножники. Впрочем, вблизи мы их не видели и были благодарны и за это. Точнее, не видели до дня охоты.

Хозяева, как мы уже знали, по-разному обращались с людьми в шапках. Может, разнообразие человеческих обычаев забавляло их — сами они всегда представляли одну расу, и национальные различия, языки, войны, которые вели между собой народы — все это было им совершенно незнакомо. Во всяком случае, хотя они покончили с войнами, все другие формы различий они поощряли. Так, в церемонии надевания шапок они подчинялись ритуалу, выработанному их рабами, и появлялись в определенное время с характер-

ным звуком, совершая предписанные движения. На турнирах во Франции и на играх они терпеливо ждали, хотя их интересовали только рабы, которых они получали в конце. Возможно, как я уже сказал, это их забавляло. А может, они думали, что это соответствует их роли богов. Во всяком случае, мы увидели необычное и ужасное доказательство этого, когда от конца пути нас отделяло несколько сотен миль.

Много дней двигались мы вдоль большой реки, на которой, как и на той реке, по которой мы добирались до игр, шло большое движение. Там, где на пути нам встретились руины гигантского города, мы вступили в более возвышенную область. Земля была хорошо обработана, обширные участки занимали виноградники, с которых уже сняли урожай. Местность была густо населена, и мы остановились на ночь в городе на противоположном от руин берегу реки. За городом начиналась обширная равнина, освещенная осенним закатом.

Город был наполнен возбужденными толпами, люди приезжали за пятьдесят миль для того, чтобы присутствовать на следующий день на торжественной церемонии. Мы расспрашивали, и нам с готовностью ответили. То, что мы узнали, было ужасно.

Следующий день называли по-разному: день охоты или день наказания.

У меня на родине, в Англии, убийцу вешали — это жестоко и отвратительно, но по крайней мере понятна необходимость защиты невинных; к тому же это делалось быстро и как можно гуманно. Здесь, напротив, преступников содержали в тюрьме до осеннего дня, когда созревал виноград и было готово свежее вино. Тогда приходил треножник, и приговоренных выпускали одного за другим. Треножник охотился за ними, а горожане смотрели, пили вино и обсуждали зрелище. Завтра предстояла охота на четверых, больше, чем за многие предыдущие годы. Поэтому зрители были особенно возбуждены. Новое вино не полагалось пить до завтрашнего дня, но было достаточно и старого, и многие утоляли им жажду, предвкушая завтрашнее развлечение.

— Мы можем уйти на рассвете. Нам незачем оставаться и видеть это.

Фриц спокойно взглянул на меня.

— Но мы должны, Уилл.

— Смотреть, как человека, сколь бы велико ни было его преступление, как зайца, преследует треножник? А другие люди в это время заключают пари, сколько он продержится? — Я рассердился и не скрывал этого. — Я не назвал бы это развлечением.

— Я тоже. Но все, связанное с треножниками, важно. Все равно, как тогда, когда мы были в городе. Ничего нельзя упустить.

— Тогда ты и смотри. Я подожду тебя на следующей остановке.

— Нет, — он говорил терпеливо, но решительно. — Нам приказано действовать вместе. К тому же на пути к следующей остановке Макс может оступиться, сбросить меня, и я сломаю шею.

Макс и Мориц — так он назвал наших ослов по какой-то истории, которую немецким детям рассказывали родители. Мы оба улыбнулись, представив себе, как основательный Макс спотыкается. Но я понял, что Фриц прав: наша задача — наблюдать и не отказываться от наблюдений, даже если они нам неприятны.

— Да, уж ладно, — сказал я. — Но как только все будет кончено, мы выступим. Не хочу ни на одну минуту здесь задерживаться.

Он осмотрел кафе, где мы сидели. Посетители пели пьяными голосами, стучали стаканами по столам, расплескивая вино. Фриц кивнул:

— Я тоже.

Треножник пришел ночью. Утром он, как огромный часовой, стоял у города, неподвижный, молчаливый, как те треножники, что возвышались над турнирным полем в замке де ла Тур Роже и над полем игр. Наступил день праздника. Всюду были развешаны флаги, от крыши к крыше через узкие улицы протянулись ленты, уличные торговцы вышли рано с горячими сосисками, сладостями, бутербродами с мясом и луком, лентами и безделушками. Я видел у одного из них лоток, на котором стояло с десяток маленьких деревянных треножников. Каждый треножник держал в вытянутом щупальце человечка. Торговец был веселый, краснощекий; и преуспевающий фермер в гамашах, с седой головой, купил два треножника своим внукам: аккуратному мальчику и девочке с прической хвостиком шести-семи лет.

Шла борьба за лучшие места. Я не хотел добиваться одного из них, но Фриц уже заранее все обеспечил. Многие домовладельцы, чьи окна выходили на равнину, продавали места у них, и он купил для нас два места. Цена была высокая, но в нее входило вино и сосиски. А также использование увеличительных стекол.

Я уже видел в витрине множество биноклей и решил, что здесь центр их изготовления. Но тогда мне не ясна была связь с предстоящим зрелищем. Теперь я понял: под нами толпились люди, и солнце отражалось во множестве стекол. Неподалеку, там, где дорога круто спускалась в долину, кто-то установил телескоп на треноге. Владелец телескопа кричал:

— Замечательное зрелище! Пятьдесят грошей за десять

секунд! Десять шиллингов за сцену смерти! Так близко, будто на другой стороне улицы!

Напряжение в толпе росло. Заключались пари, сколько продлится охота, далеко ли уйдет человек. Вначале мне казалось это нелепым. Я не понимал, как он вообще может уйти. Но кто-то в комнате объяснил мне. Преступнику дают лошадь. Конечно, треножник легко перегонит лошадь, но человек, используя складки местности, может продержаться даже с четверть часа.

Я спросил, сумел ли кто-нибудь спастись. Мой собеседник покачал головой. Теоретически это возможно: существовало правило, что за рекой охота кончается. Но за все годы, когда велась охота, никому не удалось туда добраться.

Неожиданно толпа зашумела. Я увидел, как на поле, над которым возвышался треножник, вывели оседланную лошадь. Служители в серых мундирах привели человека, одетого в белое. В бинокль я разглядел, что это высокий, очень худой мужчина примерно тридцати лет, выглядевший испуганным и озлобленным. Ему помогли сесть верхом, служители с обеих сторон держали поводья. Шум усилился. Послышался звон церковного колокола: пробило девять часов. При последнем ударе служители отскочили, хлопнув лошадь по боку. Она прыгнула вперед, и толпа испустила возбужденный крик.

Преступник скакал вниз по холму к отдаленно блестевшей реке. Он проскакал не менее четверти мили, прежде чем треножник шевельнулся. Поднялась огромная металлическая нога, затем другая. Треножник не торопился. Я подумал о человеке на лошади и ощутил его страх. Оглянулся. Фриц, как всегда, смотрел с невозмутимым выражением лица. А остальные... их лица вызывали у меня большее отвращение, чем то, что происходило снаружи.

Охота длилась недолго. Треножник настиг человека, когда тот поднимался по обнаженному коричневому склону виноградника. Щупальце подняло его с той аккуратностью, с какой девушка вдевает нитку в иголку. Зрители снова закричали. Щупальце держало бьющуюся куклу. А потом второе щупальце двинулось...

Меня вывернуло наизнанку. Я стремглав выбежал из комнаты.

Когда я вернулся, в комнате была уже другая атмосфера: лихорадочное возбуждение сменилось расслаблением. Люди пили вино и говорили об охоте. Плохой образец, решили они. Один из них, кажется, слуга из ближайшего замка графа, проиграл пари и особенно негодовал. Мое появление встретили смехом и язвительными замечаниями. Они говорили, что я чужеземец со слабыми нервами, и советовали мне подкрепиться вином. Снаружи тоже расслабление, поч-

ти пресыщение. Выплачивались ставки, шла оживленная торговля горячими пирожками и сладостями. Я заметил, что треножник вернулся на исходную позицию.

Постепенно напряжение снова стало нарастать. В десять часов церемония повторилась, с тем же самым ростом возбуждения, с теми же криками, когда началась охота. Вторая жертва доставила зрителям больше удовольствия. Преступник прекрасно владел лошадью и в первый раз сумел увернуться от щупальца под прикрытием деревьев. Когда он выбрался на открытое место, я хотел крикнуть ему, чтобы он оставался в укрытии. Но это не дало бы ему ничего, и он это знал: треножник мог вырвать вокруг него все деревья. Человек устремился к реке. Я видел, что впереди, в полумиле от него, была всего одна рощица. Но он не успел доскакать до нее. Щупальце двинулось к нему. Резко повернув лошадь, он сумел сначала увернуться, так что металлическая веревка ударилась о землю. Я подумал, что у него есть шанс добраться до рощи, а там уже близко река. Но вторая попытка треножника была точнее. Тело человека взвилось в воздух и было разорвано на части. Толпа затихла, и в чистом осеннем воздухе прозвучал крик агонии.

После этого убийства я не возвращался... Есть пределы, через которые я не смог переступить, даже повинуясь долгу. Фриц остался, но когда я потом увидел его, он был угрюм и даже более молчалив, чем обычно.

Несколько недель спустя мы добрались до пещер. Их мрачные глубины казались странно приветливыми — убежище от мира, в котором мы странствовали почти год. Нас окружили каменные стены, тепло мерцали огоньки ламп. Но самое главное — мы были свободны от напряжения, которое всегд. испытывали, общаясь с людьми в шапках. А здесь нас окружали свободные люди.

Три дня мы отдыхали, исполняя лишь обычные обязанности. Затем получили очередные распоряжения от местного начальника — немца по имени Отто. Через два дня нам предстояло сделать доклад в месте, обозначенном точкой на карте. Отто сам не знал, где это.

Глава третья

Зеленый человек на зеленой лошади

Путь занял у нас два дня, большую часть его мы ехали верхом. Приближалась зима, дни укорачивались, короткое бабье лето сменилось холодной неустойчивой погодой. Одно

утро нам пришлось ехать под холодным дождем. Первую ночь мы провели в небольшой гостинице, но на второй день вечер застал нас в пустынной местности. Поблизости не видно было ни пастуха, ни пастушьей хижины.

Мы знали, что приближаемся к концу пути. На вершине холма мы остановили лошадей. Внизу лежало море. Волны бились о хмурый скалистый берег. Только... На севере, на самом краю видимости, что-то торчало, как поднятый палец. Я показал его Фрицу, он кивнул, и мы направились туда.

Подъехав ближе, мы увидели развалины замка на скалистом мысу: Еще ближе стала видна небольшая гавань, тоже в развалинах, но более современного вида. Вероятно, дома рыбаков. Когда-то здесь был рыбацкий поселок, но теперь он пустовал. Мы не видели признаков жизни ни в поселке, ни в замке, который черным силуэтом вырисовывался на фоне темнеющего неба. Разбитая дорога вела к воротам замка, где виднелась покосившаяся деревянная створка, обитая железом. Проехав в ворота, мы оказались во дворе.

Он был пуст и обширен, но мы спешились и привязали лошадей к железному пруту, который использовался для этой цели, наверное, и тысячу лет назад. Даже если мы неверно поняли отметку на карте, все равно нам придется отложить поиски на утро. Но я не мог поверить в то, что мы ошиблись. В амбразуре окна я рассмотрел отблески света и тронул Фрица за руку, показывая туда. Свет исчез и спустя миг появился дальше. Я догадался, что где-то есть дверь, и свет движется в том направлении. Мы пошли туда и увидели уходящего в низ коридора человека с лампой. Он поднял лампу, освещая наши лица.

— Вы немного опоздали. Мы ждали вас еще днем.

Я со смехом пошел вперед. Лица мне по-прежнему не было видно, но голос я узнал:Бинпол!

Часть помещений, выходящих главным образом в сторону моря. и подвалы были расчищены и приспособлены для жизни. Нас накормили горячим ужином: жаркое, домашнего приготовления хлеб с французским сыром в форме колеса, пыльно-белым снаружи, масляно-желтым изнутри, с прекрасным острым вкусом. Была и горячая вода для мытья и постели с чистыми простынями. Мы отлично выспались под рокот волн, разбивающихся о скалы, и проснулись освеженными. Завтракали мы вместе со всеми, в том числе с Бинполом. Я узнал двоих или троих. Это все были члены группы, изучавшей чудеса древних. Пока мы ели, появился еще один знакомый человек. С улыбкой, хромая, к нам шел Джулиус.

— Добро пожаловать, Фриц. И Уилл. Приятно снова видеть вас.

Мы расспрашивали Бинпола и получали уклончивые ответы. Он сказал, что нам все объяснят утром. И после завтрака мы с Джулиусом и полудюжиной других пошли в большую комнату на первом этаже замка. Огромное окно выходило на море, в огромном очаге пылали дрова. Мы сели на стулья за длинный, грубо вырубленный стол без особого порядка. Заговорил Джулиус.

— Сначала я удовлетворю любопытство Уилла и Фрица. — Он посмотрел на нас. — Это одно из нескольких мест, где ведутся поиски средств, способных привести к поражению хозяев. Было выдвинуто много идей, в том числе немало очень остроумных. Но у всех них есть недостатки, и самый существенный — несмотря на ваши сообщения, мы очень мало знаем о враге.

Он немного помолчал.

— Этим летом на игры было послано второе трио. Только один его член сумел победить и был взят в город. С тех пор мы ничего о нем не знаем. Может, он еще спасется — мы надеемся на это, — но не можем от этого зависеть. Во всяком случае сомнительно, чтобы он доставил нужную нам информацию. Решено, что прежде всего нам необходимо захватить одного из хозяев, и желательно живым, чтобы мы могли его изучить.

Должно быть, у меня на лице появилось скептическое выражение.Мне уже говорили, что лицо у меня все выражает. Во всяком случае Джулиус сказал:

— Да, Уилл, можно подумать, что это немыслимо. Но не совсем так. Именно поэтому мы и вызвали вас. Вы видели треножник изнутри, когда вас доставляли в город. Вы уже описывали его нам и достаточно подробно. Но если мы хотим захватить хозяина, его нужно извлечь из этой металлической крепости, в которой он шагает по нашей земле. И здесь будет полезна любая, даже самая незначительная деталь, которую вы сумеете вспомнить.

Фриц сказал:

— Вы говорите о том, чтобы захватить хозяина живым. Но как это сделать? Как только он выйдет из треножника, то через несколько секунд задохнется в нашей атмосфере.

— Правильное возражение, — сказал Джулиус, — но у нас есть на него ответ. Вы привезли с собой образец из города. Мы научились изготовлять зеленый воздух, которым дышат хозяева. В этом замке уже подготовлено герметическое помещение с шлюзом.

— Но если привести сюда треножник и тут разбить его, — продолжал возражать Фриц, — за ним явятся другие. Они легко смогут уничтожить весь замок.

— У нас есть герметический ящик, достаточно большой, чтобы вместить одного хозяина. Если мы сумеем захватить его

дальше на берегу, то сюда его можно будет доставить на лодке.

— А как его захватить, сэр? — спросил я. — Не думаю, чтобы это было легко.

— Конечно, нелегко, — согласился Джулиус со мной. — Но мы изучали хозяев. Они педанты и всегда следуют заведенному порядку. Мы отметили время и место появления многих треножников. В пятидесяти милях к северу отсюда есть место, где раз в девять дней проходит треножник. Он идет по неровной местности на берегу моря. От одного его появления до другого у нас есть девять суток, чтобы выкопать яму и накрыть ее ветвями и землей. Треножник упадет, и нам останется извлечь хозяина, посадить в ящик и отнести в лодку, которая будет прятаться поблизости. Из вашего с Фрицем рассказа следует, что они дышат медленно — особой опасности, что он задохнется перед тем, как мы наденем на него маску, нет.

Фриц возразил:

— Они могут связаться с другими треножниками и с городами по невидимым лучам.

Джулиус улыбнулся.

— Мы можем справиться и с этим. Теперь расскажите нам о треножниках. Перед вами бумага и карандаш. Рисуйте, делайте чертежи. Вспоминайте все, до мельчайших подробностей.

Перед тем, как двинуться на север, мы неделю провели в замке. За это время я от Бинпола и остальных узнал немного о тех огромных успехах, которые были достигнуты в изучении тайн древних. Была организована экспедиция в развалины города-гиганта, и там нашли библиотеку с тысячами и тысячами книг, рассказывающих о чудесах мира, еще до треножников. Эти книги дали нам доступ в мир знаний. Бинпол сказал, что теперь мы можем делать лампы, которые благодаря электричеству дают более яркий свет, чем масляные лампы и свечи, к которым мы привыкли. Можно было получать тепло от сооружения из проводов, можно было построить экипаж, который движется без лошадей. Когда Бинпол сказал это, я вопросительно взглянул на него.

— Значит, можно снова пустить в ход шмен-фе?

— И очень легко. Мы знаем, как плавить металл, умеем изготовлять искусственный камень, который древние называли бетоном. Можем снова строить огромные здания, создавать города-гиганты. Можем посылать и сообщения по невидимым лучам, как это делают хозяева, можем даже передавать по воздуху изображения. Мы очень многое можем сделать или научиться делать за короткое время. Но мы сосредоточились лишь на том, что даст немедленную помощь в борьбе с хозяевами. Например, в одной из лабораторий мы построили машину, которая при помощи высокой темпера-

туры режет металл. Эта машина будет ждать нас на севере.

Лаборатории, подумал я, где же они? Мой мозг был смущен услышанным. Мы многое узнали после расставания, но его знания были обширнее и удивительнее моих. Он выглядел гораздо старше. Неуклюжее сооружение из линз, которое он носил, когда мы впервые встретились в прокуренной таверне в рыбачьем французском городке, сменилось новыми симпатичными очками, аккуратно сидевшими на длинном тонком носу и придававшими ему взрослый и авторитетный вид. То, что это сооружение называется очками, нам сказал Бинпол. Их носили многие ученые. Очки, ученые... так много слов, выходящих за пределы моего кругозора.

Вероятно, он понял, что я чувствую. Он расспрашивал меня о наших путешествиях, и я рассказывал, что мог. Он слушал внимательно, как будто и мои обычные путешествия были не менее интересны и важны, чем фантастические науки, которыми он занимался. Я был благодарен ему за это.

Недалеко от места намеченной засады мы разбили лагерь в пещере. Лодка, которую мы хотели использовать, — сорокафутовая рыбачья шхуна — находилась поблизости. Рыбаки бросали сети и внешне ничем не привлекали внимания. Они даже наловили немало рыбы, главным образом сардины; часть мы съедали, остальное приходилось выбрасывать. В одно определенное утро мы укрылись, а двое из нас проползли дальше, чтобы видеть проход треножника. Те, что оставались в пещере, тоже слышали его: он издавал звук, значения которого мы не знали, — причудливый вибрирующий вопль. Когда звук затих в отдалении, Джулиус заметил:

— Точно минута в минуту начнем работу.

Мы напряженно работали, готовя ловушку. Девять дней — не очень большой срок, если нужно выкопать яму для машины с сорокафутовыми ногами, и к тому же так замаскировать следы работы, чтобы ничего не было видно. Бинпол в перерывах между копанием задумчиво говорил о чем-то, называвшемся бульдозер. Эта штука могла тоннами передвигать землю и камни. Но на сооружение ее у нас не было времени.

Во всяком случае мы выполнили задание, и у нас еще остался день в запасе. Он нам казался длиннее предыдущих восьми. Мы сидели у входа в пещеру, глядя на серое, спокойное, холодное море, местами затянутое туманом. По крайней мере поездка по морю будет нетрудной. Конечно, если мы поймаем треножник и захватим хозяина.

На следующее утро погода оставалась сухой и холодной. Мы заняли места — на этот раз все — за час до появления треножника. Мы с Фрицем были вместе, Бинпол вместе с другим человеком занимался джаммером. Так называлась машина, которая испускала невидимые лучи, заглушавшие

лучи треножника и не дававшие ему связаться с другими. Я был полон сомнений на ее счет, но Биппол чувствовал абсолютную уверенность. Он говорил, что невидимые лучи могут прерываться по естественной причине, например, из-за грозы. Хозяева решат, что произошло нечто подобное, а потом будет уже поздно.

Медленно шли минуты. Постепенно напряженность сменилась у меня чем-то вроде дремоты. Вернул меня к действительности Фриц, молча тронувший меня за плечо. Я увидел к югу на холме треножник. Он направлялся прямо к нам. Я мгновенно почувствовал напряжение во всем теле. Треножник шел на средней скорости. Менее чем через пять минут... Но тут без предупреждения он остановился. Он стоял, подняв одну ногу, и выглядел нелепо, как собака, выпрашивающая кость. Три или четыре секунды стоял он так. Нога опустилась. Треножник продолжал идти, но уже не в нашем направлении. Он изменил курс и пройдет в нескольких миля от нас.

Я ошеломленно следил, как он удаляется. Из-за деревьев по ту сторону ямы вышел Андре, наш предводитель, и помахал рукой. Мы вместе с остальными присоединились к нему.

Вскоре была установлена причина неудачи. Колебания треножника совпали с моментом включения джаммера. Треножник остановился и свернул в сторону. Человек, включивший джаммер, сказал:

— Я не знал, что он будет так действовать. Мне нужно было подождать, пока он достигнет ловушки.

Кто-то спросил:

— Что же нам делать?

Все явно впали в уныние. Работа и ожидание оказались напрасными. Наш план победы над хозяевами казался безнадежным и почти детским.

Хромая, к нам подошел Джулиус.

— Подождем, — сказал он. Его спокойствие казалось непоколебимым. — Подождем следующего раза и включим джаммер лишь в самый последний момент. Тем временем мы сможем расширить ловушку.

Еще девять дней работы и ожидания. Снова настал нужный час. Как и в предыдущий раз, появился треножник, прошел по склону холма, достиг того места, где он остановился в прошлый раз. На этот раз он не остановился. Но и не пошел к нам. Без колебаний он двинулся тем же курсом, что и в прошлый раз после остановки. Вдвойне горько было видеть, как он проходит мимо и исчезает вдали.

На последующем военном совете все были в подавленном настроении. Даже Джулиус, показалось мне, был обескуражен, хотя делал все, чтобы не показать этого. Мое собст-

венное отчаяние я совершенно не скрывал.

Джулиус сказал:

— Теперь ясно, как он действует. Следует по строго определенному курсу. Если этот курс почему-либо изменился, в следующий раз изменение повторяется.

— Вероятно, у него автопилот, — заметил один из ученых. Я гадал, что бы могли означать его слова. — Курс неизменен, и если в него вносятся поправки, они тоже сохраняются до следующего изменения. Я видел такой механизм.

Это было выше моего понимания. Как да почему — это не казалось мне важным. Вопрос в том, как теперь добраться до треножника.

Кто-то предложил выкопать другую яму на новом месте на пути треножника. Наступило молчание, которое прервал Джулиус.

— Мы можем это сделать. Но треножник не подходит к морю ближе, чем на две мили, и дорога там трудная. Прежде чем мы доберемся с пленником до лодки, вокруг нас будут толпиться треножники.

Снова наступила тишина, на этот раз более долгая. Потом Андре сказал:

— Может, отложим операцию. Поищем другой курс, вблизи моря.

Кто-то другой возразил:

— Нам потребовалось четыре месяца, чтобы найти этот. Другой мы можем искать еще дольше.

А счет шел на дни, никому из нас не нужно было напоминать об этом. Снова все замолчали. Я старался придумать что-либо, но в голове у меня была пустота. Дул сильный ветер, в воздухе пахло морем. Земля и море были пустыми и мрачными под низко нависшим небом. Наконец заговорил Бинпол. Скромно в присутствии старших он сказал:

— Похоже, использование джаммера не насторожило его. Иначе он вторично не подошел бы так близко. Или подошел бы еще ближе для расследования. Изменение курса — это случайность.

Андре кивнул:

— Похоже на правду. Но чем это нам поможет?

— Если попробовать приманить его на тот прежний курс...

— Прекрасная идея. Вопрос только: как? Что может привлечь треножник? Ты знаешь? Кто-нибудь знает?

Бинпол сказал:

— Я вспомнил рассказ Уилла и Фрица.

Он коротко пересказал наш рассказ об охоте. Все слушали, но когда Бинпол кончил, один из ученых сказал:

— Мы знаем об этом. Такое бывает и в других местах. Но эта традиция поддерживается как треножниками, так и

людьми в шапках. Ты предлагаешь за следующие девять дней основать новую традицию?

Бинпол начал говорить что-то, но его прервали. Нервы у всех были напряжены, и вот-вот могла вспыхнуть ссора. Джулиус успокоил всех и сказал:

— Продолжай, Бинпол.

Нервничая, Бинпол слегка заикался. Но по мере того, как он излагал свою идею, заикание прекратилось.

— Я думал... мы знаем, что они любопытны... их привлекает необычное...Когда мы с Уиллом плыли на плоту по реке... один из них изменил курс и разбил плот щупальцем. Если бы кто-то привлек внимание треножника и привел бы его к ловушке...И я думаю, это может подействовать.

Андре возразил:

— Привлечь внимание и избежать его щупальцев — это невозможная задача.

— Пешком это невозможно, — сказал Бинпол. — Но на охоте Уилл и Фриц видели всадника. Один всадник продержался достаточно долго и покрыл очень большое расстояние, прежде чем был пойман.

Новая пауза. Мы обдумывали услышанное, и Джулиус задумчиво сказал:

— Возможно, и подействует. Но можем ли мы быть уверены, что он клюнет на приманку? Ты говоришь, что их интересует необычное. Всадник... Они их ежедневно видят во множестве.

— Если человека одеть в яркое... и раскрасить лошадь...

— В зеленое, — сказал Фриц. — Это их собственный цвет. Зеленый человек на зеленой лошади. Я думаю, это привлечет их внимание.

Послышался одобрительный ропот. Джулиус сказал:

— Мне это нравится. Да, так и сделаем. Теперь нам нужны лошадь и всадник.

Я чувствовал, как во мне нарастает возбуждение. Все это были ученые, не привыкшие к такому занятию, как езда верхом. И оставались лишь Фриц и я. А за долгий год путешествия мы с Кристом привыкли друг к другу.

Я сказал, поймав взгляд Джулиуса:

— Сэр, если я могу предложить...

Мы выкрасили Криста в зеленый цвет. Позже краску легко будет смыть. Он хорошо перенес унижение, только раз или два фыркнул в знак отвращения. Цвет был ярко-изумрудный и действовал ошеломляюще. Я надел брюки и куртку того же цвета. Когда ко мне подошел Фриц с тряпкой, вымоченной в зеленой краске, я вначале сопротивлялся и подчинился лишь Джулиусу. Фриц, глядя на это, расхохо-

тался. Он не склонен был к веселью, но, я думаю, не часто ему приходилось видеть такое комичное зрелище.

За предыдущие девять дней я много раз повторял свою роль в предстоящих утренних событиях. Я должен был привлечь внимание треножника и, как только он сделает движение в моем направлении, на полной скорости скакать в сторону ямы. Поверх ловушки мы проложили узкий мостик и надеялись, что он выдержит тяжесть Криста со мной на спине. Мостик был обозначен приметами, видными мне, но вряд ли способными привлечь внимание хозяев в треножнике. Самая большая опасность ждала именно здесь, и я много тренировался, несколько раз чуть не упав в яму.

И вот все было готово. В десятый раз я проверил упряжь Криста. Все пожали мне руки и отошли. Я остался один. Снова ожидание, знакомое и в то же время незнакомое. На этот раз все зависело от меня, а я был один.

Сначала я почувствовал: земля под нами дрожит от далеких ударов огромных металлических ног. Удар, еще удар, еще — устойчивая последовательность ударов, каждый последующий сильнее предыдущего. Крист стоял головой в сторону ямы, а я повернул голову направо, следя за приближением треножника. Он появился над вершиной холма. Я вздрогнул и почувствовал, что Крист тоже дрожит. Я постарался успокоить его. Если треножник не повернет ко мне, я должен буду скакать к нему. Я надеялся, что этого не случится. Это увело бы меня дальше от ямы и означало, что я буду еще поворачивать. Обе эти задержки делали предприятие еще более опасным.

Курс треножника изменился. Машина не остановилась, но ноги ее повернулись. Я не стал ждать и коснулся коленями боков Криста. Он прыгнул, и охота началась.

Я хотел оглянуться, посмотреть, насколько близок мой преследователь, но не осмеливался: каждая капля энергии нужна была мне для галопа. Но по сокращающимся интервалам между ударами я догадывался, что треножник увеличил скорость. Знакомые приметы местности мелькали по сторонам. Впереди берег, темно-серое море с белыми шапками пены на волнах от ветра. Ветер дул мне в лицо, и я почувствовал нелепое негодование против него: он уменьшал мою скорость, пусть даже на доли секунды. Я миновал знакомый кустарник, скалу в форме буханки хлеба. Еще не более четверти мили до ямы...И тут я услышал свист стали в воздухе.

Я резко повернул Криста вправо. Мне показалось, что щупальце промахнулось. Но тут же Крист забился от удара стальной плети. Щупальце схватило его за туловище, сразу за седлом. Крист качнулся и упал. Я хотел выдернуть ноги из стремени и полетел через голову лошади. Перевернувшись, я вскочил на ноги и побежал.

Каждую секунду я ожидал, что взлечу в воздух. Но хозяин, управлявший треножником, вначале заинтересовался Кристом. Я видел, быстро оглянувшись, как слабо бьющуюся лошадь подняли и поднесли ближе к зеленым иллюминаторам полушария. Больше я не смел смотреть и побежал дальше. Еще несколько сот ярдов... Если треножник достаточно долго будет заниматься Кристом, я добегу.

Когда я осмелился немного оглянуться, то успел увидеть, как моя бедная лошадь падает на землю с высоты в шестьдесят футов, и как треножник начинает новое преследование. Быстрее я не мог бежать. Металлическая нога ударилась рядом, а край ямы, казалось, не приближался. Последние пятьдесят футов я думал, что пропал, что вот-вот щупальце схватит меня. Думаю, хозяин играл со мной, как большой сытый кот мышью. Такое предположение позже высказал и Бинпол. Я чувствовал только, что ноги у меня подгибаются, а легкие готовы разорваться. Лишь подбежав к яме, я понял, что меня ждет новая опасность. Я изучил путь с лошадиной спины, а для бегущего человека все выглядит по-иному: изменение перспективы вводило в заблуждение. В последний момент я узнал нужный камень и бросился к нему. Я был на мостике. Но предстояло еще миновать его, а треножник был рядом.

Лишь услышав вместо тупого удара о прочную землю рвущий скрежещущий звук за собой, я понял, что моя задача выполнена. Поверхность под моими ногами вздрогнула. Я ухватился за ветвь одного из кустов, маскировавших яму. Она подалась, и я снова начал падать. Схватился за другую ветвь, колючую, она удержалась, разрывая мою ладонь. Я повис, и небо надо мной затмилось. Поверхность ямы подалась под передней ногой треножника, вторая его нога застыла на полпути в воздухе. Потеряв равновесие, он наклонился вперед. Полушарие беспомощно раскачивалось. Глядя вверх, я увидел, как оно пролетело мимо меня, и мгновение спустя услышал тупой удар о землю. Сам я висел, рискуя каждую секунду упасть на дно ловушки. Я знал, что никто не придет мне на помощь: все они были заняты более важным делом. Я собрался с силами и медленно, с трудом начал подниматься по сети ветвей.

К тому времени, как я выбрался на поверхность, дела уже зашли далеко. Дополнительной герметизации, как при перевозке рабов в город, не было, а круглый люк отверстия отпал при ударе. Фриц повел отряд с металлорежущей машиной внутрь, и они занялись внутренней дверью. Все они были в масках для защиты от зеленого воздуха, который вырвался наружу, когда они пробили дверь. Казалось, ждать пришлось целую вечность. На самом деле через несколько

минут они были уже внутри и занялись потерявшими сознание хозяевами. Фриц подтвердил, что один из них, несомненно, жив, на него надели заранее подготовленную маску и закрепили ее. Я смотрел, как его вытаскивали. К яме подкатили телегу с большим ящиком из дерева, но обмазанным смолой, чтобы не выходил зеленый воздух. Гротескную фигуру с тремя короткими толстыми ногами, с длинным заостренным коническим телом, с тремя глазами и тремя щупальцами, с отвратительной зеленой кожей, которую я вспоминал с ужасом, вытащили из полушария и бросили в ящик. На ящик надели крышку и занялись герметизацией. Проведенную внутрь трубку временно закрыли: на борту шхуны через нее ему заменят воздух. Наконец был отдан приказ, и лошади потащили телегу с грузом к берегу.

Остальные, насколько возможно, уничтожили следы. Когда хозяева отыщут разбитый треножник, у них не будет сомнений, что они встретились с организованным сопротивлением — это не случайное нападение, как наша стычка с треножником на пути к Белым горам, — но даже если мы объявляем войну, нам незачем было давать врагу свидетельства нашего существования. Мне хотелось похоронить Криста, но на это не было времени. На случай, если понадобится еще раз применить тот же прием, мы смыли с его тела краску и оставили. Я шел последним. Мне не хотелось, чтобы видели слезы у меня на глазах.

Телега зашла в волны по твердому песчаному дну, пока вода не достигла груди лошадей. У шхуны была мелкая осадка, и она смогла подойти к самому берегу, ящик с пленником перетащили на борт. Видя, как гладко разворачивается операция, я еще раз подивился, как тщательно все предусмотрено. Лошадей выпрягли и отвели на берег; дальше их парами и поодиночке увели на север. Остальные, мокрые и усталые, забрались на борт. Оставалось сделать еще одно: к телеге привязали канат, шхуна двинулась и потащила ее за собой. Телега скрылась под водой. Канат перерезали, и шхуна, освободившись от груза, казалось, взлетела на верхушки волн. На берегу лошади уже исчезли. Остались лишь обломки треножника. Слабый зеленоватый туман еще виднелся над разбитым полушарием. Хозяева, оставшиеся в нем, теперь, несомненно, были мертвы. По-видимому, джаммер сработал: треножник лежал разбитый и одинокий, никто не явился к нему на помощь.

Наш курс лежал на юг. Сильный встречный ветер замедлял наше продвижение и раскачивал шхуну. Все взялись за весла, и постепенно расстояние от берега увеличивалось. С отчаянной медлительностью мы обогнули мыс, борясь с начинающимся приливом.

Но теперь берег был уже далеко, обломки треножника со-

всем уже не видны. Нам принесли из камбуза эль, чтобы мы согрелись.

Глава четвертая

Немного выпивки для Руки

Когда мы вернулись в замок, Джулиус организовал быструю смену. Большинство из тех, кто принимал участие в захвате хозяина, получили различные поручения и разъехались. Три дня спустя уехал и Джулиус. Кризис миновал, осмотр и изучение пленника займут долгие недели и месяцы, и существовали еще десятки дел, которым он был должен уделить внимание. Я думал, нас с Фрицем тоже ушлют, но оказалось не так. Мы остались охранять замок. Перспектива относительной бездеятельности вызвала у меня смешанные чувства. С одной стороны, я боялся скуки, с другой — понимал, что мне не мешает отдохнуть. Позади был длинный и тяжелый год.

Приятно было также находиться в постоянном общении с Бинполом, который принадлежал к группе изучающих пленника. Мы с Фрицем теперь хорошо знали друг друга, я к нему привык, но мне не хватало изобретательного и любопытного Бинпола. Он сам не говорил этого, но я знал, что остальные ученые, гораздо старше его самого, относились к нему с большим уважением. Он никогда не проявлял никакого самодовольства и не беспокоился о своем положении. Его слишком интересовало происходящее, чтобы думать о себе.

Взамен наших многочисленных потерь мы получили приобретение, без которого я мог вполне обойтись. Это был Ульф, бывший шкипер "Эрлкенига", баржи, которая должна бы была доставить меня, Фрица и Бинпола по большой реке на игры.Из-за болезни Ульф должен был оставить баржу, и Джулиус назначил его командиром охраны замка. Это означало, что мы с Фрицем оказались у него в прямом подчинении.

Он хорошо помнил нас обоих и действовал в соответствии со своими воспоминаниями. Что касалось Фрица, то дело обстояло отлично. На "Эрлкениге", как и повсюду, он повиновался приказам пунктуально и без вопросов, предоставляя все остальное, за исключением своего непосредственного задания, руководителям. Нарушителями явились мы с Бинполом, вначале убедив его помощника отпустить нас на берег; потом я ввязался в ссору с горожанами и оказался в яме, а Бинпол, проявив неповиновение, пошел мне на выручку. Баржа уплыла без нас, и мы были вынуждены сами добираться до места игр.

Бинпол сейчас не подлежал юрисдикции Ульфа, и мне кажется, Ульф побаивался его, как принадлежащего к муд-

рым людям, ученым. Мой случай был совершенно иным. Со мной не связывался ореол учености, а Ульф был моим непосредственным командиром. Тот факт, что оставшись позади, мы все же сумели попасть на игры, что я победил и вместе с Фрицем попал в город, что я сумел вернуться назад с информацией, не смягчил Ульфа. Наоборот, еще больше ожесточил его. Удача, а ему казалось, что мне просто везет, не заменяет дисциплину; напротив, удача — враг дисциплины. Мой пример может подбить других на такие же глупые поступки. Неповиновение должно быть пресечено в корне, и он именно такой человек, который может это сделать.

Я видел его отношение ко мне, но вначале не воспринимал его серьезно. Мне казалось, что он просто негодует по поводу моего легкомысленного, я с этим согласен, поведения при нашей прежней встрече. Я решил отнестись к этому добродушно и больше не давать поводов для недовольства. Лишь постепенно я понял, что его нелюбовь ко мне имеет гораздо более глубокие корни и, что бы я ни делал, этого мне не изменить. Еще позже я понял, насколько он сложный человек: нападая на меня, он боролся с собственной слабостью и неустойчивостью, бывшими частью его характера. Я видел только, что чем послушней, быстрей и исполнительней я действую, тем больше издевательств и дополнительных нарядов получаю. Неудивительно, что через неделю я ненавидел его не меньше, чем своего хозяина в городе.

Его внешность и привычки не улучшали моего к нему отношения. Приземистость и бочкообразная грудная клетка, толстые губы и приплюснутый нос, густые черные волосы, видные сквозь петли его рубашки на теле, — все это вызывало во мне отвращение. Громче него никто не ел суп и жаркое. А привычка постоянно отхаркиваться и сплевывать не стала лучше оттого, что теперь он плевал не на пол, а в большой красный платок, который носил за рукавом. Я не знал тогда, что красным был платок от его собственной крови, и что он умирал. Впрочем, не уверен, что знай я это, то стал бы относиться к нему по-другому. Он постоянно изводил меня, и с каждым днем мне все труднее становилось сдерживаться.

Фриц очень помогал мне, успокаивая и, когда было возможно, беря на себя выполнение заданий.И Бинпол тоже. С ним я часто и подолгу разговаривал в свободное время. У меня были и другие отвлечения, сильно занимавшие мои мысли. Это был наш пленник-хозяин Р у к и.

Он хорошо выдержал то, что можно назвать мучительным и болезненным испытанием...Помещение, подготовленное для него, находилось в подвале замка, и мы с Фрицем посещали его там, проходя через шлюз и надевая маски. Это

была довольно большая комната, высеченная в цельной скале. На основе наших докладов ученые сделали все возможное для его удобства, даже пробили в полу яму и наполнили ее теплой водой, чтобы он мог в нее погружаться. Не думаю, что когда мы доставляли ее в ведрах, вода была так горяча, как ему хотелось, и сменяли ее не так часто, как у хозяев, постоянно смягчавших свою ящерицеподобную кожу, но это было лучше, чем ничего. То же самое относилось и к пище, которую для него производили, как и воздух, на основе образцов, которые сумел вынести из города Фриц.

Первые несколько дней Руки находился в шоке, потом началось то, что у них называется болезнью, или проклятием Склудзи — так называл это мой хозяин. На зеленой коже появились коричневые пятна, щупальца все время дрожали, он сам был апатичен и ни на что не реагировал. Мы не знали, как лечить его. У нас не было даже газовых пузырей, которые хозяева в городе используют, чтобы облегчить боль, и ему приходилось выкручиваться самому. К счастью, он выкрутился. Неделю спустя я зашел в его комнату и увидел, что кожа у него здорового зеленого цвета, и он проявляет явный интерес к пище.

До этого он не отвечал на вопросы ни на одном из человеческих языков. Он и сейчас не ответил, и мы уже начали отчаиваться. Неужели нам попался хозяин, не знающий ни одного языка людей? Спустя несколько дней, когда он явно выздоровел, один из ученых предположил, что его невежество притворное. Нам велели на следующий день не приносить ему горячую воду в бассейн. Он тут же проявил недовольство и даже, подойдя ко мне, указал на нее щупальцем. Мы не обратили на это внимания. Когда мы собирались выйти, он наконец заговорил обычным для хозяев гулким голосом. По-немецки он сказал:

— Принеси мне воды. Мне необходимо выкупаться.

Я смотрел на морщинистое нелепое чудище вдвое выше меня.

— Скажите "пожалуйста".

Но это слово хозяева не употребляли ни на одном из наших языков. Он просто повторил:

— Принеси мне воды.

— Подожди, — ответил я. — Посмотрим, что скажут ученые.

После этого он не пытался изображать из себя глухонемого. Но, с другой стороны, и особенно разговорчивым не был. На одни из вопросов он отвечал, на другие следовало упрямое молчание. Не всегда легко было понять, почему он решил ответить или промолчать. Были случаи, когда вопросы имели явное отношение к возможной обороне города, но трудно понять, почему, например, подробно рассказав о роли людей-рабов и об отношении к ним которых хозяев,

он отказался говорить об охоте с шарами. По-видимому, все хозяева страстно любили сей вид спорта, в который играли на треугольной арене в городе. Мне кажется, отдаленно он напоминает баскетбол, только здесь было семь "корзин", игроками являлись маленькие треножники, а мяч был сверкающим золотым шаром, который как бы возникал в воздухе. Руки не ответил ни на один вопрос об этом.

За долгие месяцы рабства я так и не узнал имени своего хозяина и было ли у него вообще имя: он всегда был "хозяин", а я "мальчик". Мы же не могли так называть своего пленника. На вопрос об имени он ответил, что его зовут Руки. Спустя короткое время я уже думал о нем не только как о представителе врага, державшего в рабстве наш мир, но и как об индивидууме. Я знал, конечно, что хозяева не представляют однородную массу одинаковых чудовищ. Мой собственный хозяин был относительно добрым, хозяин Фрица — жестоким. У них были и разные интересы. Но различия, которые я находил в городе, были сурово практичны, мы отыскивали их, чтобы использовать. В изменившейся же ситуации то же самое виделось под другим углом зрения.

Однажды, например, меня задержал Ульф, и я не принес Руки ужин вовремя. Когда я прошел через шлюз и увидел Руки в центре комнаты, то как-то попытался извиниться за опоздание. Он слегка дернул щупальцем, гулко ответил:

— Неважно. Здесь так много интересного.

Его окружали каменные стены, освещенные двумя маленькими лампами за зеленым стеклом для его удобства. Единственным нарушением монотонности были двери и дыра в полу. Она служила ему не только ванной, но и постелью; вместо используемого в городе вещества вроде мха мы клали туда водоросли. Невозможно было разгадать выражение этих абсолютно чуждых черт — голова без шеи, три глаза, отверстия для дыхания и питания, окруженные причудливой сетью морщин, — но в этот момент Руки выглядел по-своему печальным и несчастным. Я во всяком случае понял одно: он шутил! Неумелая, может быть, но шутка. Это было первое указание на то, что у хозяев существует, пусть и рудиментарно, чувство юмора.

Меня инструктировали при малейшей возможности вступать с ним в разговор. Конечно, ученые исследовали его, но мы тоже могли что-нибудь узнать. Выходя из его комнаты, мы каждый раз должны слово в слово повторять все услышанное одному из ученых. Я и сам находил интересным эти разговоры. Не всегда Руки отзывался на мои попытки, но иногда начинал говорить.

Например, он охотно отвечал о рабах в городе. Похоже, что он относился к числу противников их содержания в го-

роде. Обычное основание оппозиции, как я уже знал, заключалось не в жалости к этим бедным созданиям, жизнь которых так ужасно сокращалась из-за жары, свинцовой тяжести и плохого обращения, а в том, что зависимость от рабов могла ослабить хозяев и постепенно ослабить их волю для распространения своей власти по всей вселенной. Что касается Руки, то, видимо, у него было слабое, но искреннее сочувствие к людям. Он не задумывался над правом хозяев владеть Землей и использовать шапки для подчинения человечества своей воле. Он считал, что сейчас люди более счастливы, чем до прихода хозяев. Сейчас меньше болезней и голода, и люди свободны от проклятий войн. Правда, и сейчас они прибегают иногда к насилию во время споров,и, с точки зрения хозяев, это ужасно, но насилие это не переходит определенных границ. По крайней мере положен конец отвратительному обычаю отрывать мужчин от дома и посылать их в далекие страны, чтобы убивать и быть убитыми незнакомыми, с которыми у них нет никаких личных счетов. Мне это тоже казалось отвратительным, но я понимал, что неодобрение Руки гораздо сильней и более страстное, чем мое.

Одно это в его глазах оправдывало завоевание Земли и надевание шапок людям. Мужчины и женщины, которым надевали шапки, наслаждались жизнью. Даже вагранты не казались несчастными, а подавляющее большинство человечества вело мирную и обеспеченную жизнь, со множеством церемоний и праздников.

Я вспомнил человека, которого мальчишкой видел в бродячем цирке. Он говорил о животных точно так же, как Руки — о людях. Дикие животные, утверждал он, подвержены болезням, проводят дни и ночи, охотясь и спасаясь от охотников, и никогда не гарантированы от голода. Животные в цирке, с другой стороны, гладкие и сытые. Тогда его слова казались мне разумными, теперь я воспринимал их по-другому.

Во всяком случае, Руки, хоть и одобрял контроль хозяев над планетой и над воинственными существами, ранее правившими ею, считал, что не следует приводить их в город. Его точка зрения оправдывалась тем, что каким-то образом рабы, несмотря на шапки, передали нам информацию из города. Мы не говорили ему об этом, вообще не говорили ничего, что могло бы оказаться полезным хозяевам, но ему нетрудно было догадаться, что нам стали известны сведения, которые позволили нам подготовить для него воздух и пищу. Было странно видеть, что, несмотря на свое пленение, он испытывает некоторое удовлетворение от того, что оказался прав.

Нужно сказать, что он нисколько не опасался того, что наше восстание против хозяев окажется успешным. Его, конечно, удивила наша изобретательность при нападении на

треножник, в котором он находился; но точно так же человек восхищается собакой, идущей по следу или приводящей назад заблудившуюся овцу. Все это очень интересно и даже разумно, хотя лично ему причинило неприятности. Но для реального положения это не составляло никакой разницы. Хозяева не могут быть побеждены горсткой непослушных пигмеев.

Помимо расспросов, наши ученые разными способами изучали его. Я присутствовал при некоторых опытах. Он не сопротивлялся, не проявлял неудовольствия (хотя сомнительно, чтобы мы сумели отличить недовольство от других его эмоций), он покорно позволил брать у себя пробы крови, как будто это происходило не с ним, а с кем-то другим. Единственная его жалоба касалась воды: он считал ее недостаточно горячей. Наши ученые получали тепло при помощи энергии, называемой электричеством; в его помещении стояла жара, но ему все равно было прохладно.

Мы экспериментировали также с его едой, напитками. Цель заключалась в том, чтобы выяснить, как влияют на него определенные вещества, но эксперимент окончился неудачей. Казалось, он ощущает присутствие вредных примесей. В таких случаях он просто не притрагивался к еде. Однажды я разговорился об этом с Бинполом, когда трижды подряд Руки отказывался от еды.

— А имеем ли мы право на это? — спросил я. — В конце концов даже когда мы были рабами в городе, нам давали еду и питье. Руки почти два дня ничего не ест. Мне кажется это ненужной жестокостью.

— Жестоко вообще держать его здесь, если на то пошло, — ответил Бинпол. — Помещение мало, в нем холодно, и нет привычного для него тяготения.

— Тут мы ничем не можем помочь. Но подмешивать яд в пищу или совсем не давать есть — это нечто другое.

— Мы должны делать все, что позволяет отыскать у них слабое место. Одно нашел ты сам — место между ртом и носом, удар в которое убивает их. Но это нам не поможет: не можем же мы надеяться ударить их всех одновременно. Нужно найти что-то другое. Что-то такое, что мы смогли бы использовать.

Я понимал, о чем он говорит, но не был вполне убежден.

— Жаль, что это случилось с ним. Я предпочел бы, чтобы на его месте был хозяин Фрица или даже мой. Руки кажется лучше остальных. Он хотя бы был против использования людей как рабов.

— Это он тебе сказал?

— Но они не лгут. Не могут. Я узнал это в городе. Мой хозяин не мог понять разницы между правдивым рассказом и ложью — для него все рассказы были одинаковыми.

— Они могут не лгать, — возразил Бинпол, — но в то же время они не всегда говорят всю правду. Он говорит, что был против рабства. Ну, а как насчет плана заменить воздух, чтобы мы все задохнулись? Говорил ли он о том, что противился этому плану?

— Он вообще ничего не говорил об этом.

— Но он знает об этом, все они знают. Он не говорит, потому что не подозревает, что мы знаем. Может, он не такой плохой, как другие, но он один из них. У них никогда не было войн. Верность их своей расе нам не понятна, как не понятна им наша способность вести войны. Но, не понимая ее, мы все же должны с ней считаться. И использовать для защиты любое оружие. Если для этого потребуется причинить ему какие-то неудобства, даже убить, это не столь важно. Важно только одно: победить в борьбе.

Я только сказал:

— Не нужно напоминать мне об этом.

Бинпол улыбнулся.

— Я знаю. Во всяком случае в следующий раз его пища будет нормальной. Мы не хотим убивать его без надобности. Он нам полезен живой.

— Пока не очень полезен.

— Нужно стараться.

Мы сидели на разрушенном укреплении замка, наслаждаясь свежим воздухом и бледным зимним солнцем. Оранжевый солнечный диск уже склонялся к западу. Но вот знакомый голос нарушил наш мир, прокричав со двора:

— Паркер! Где ты, образец бесполезности и неумения? Сюда! И немедленно!

Я вздохнул и приготовился подняться. А Бинпол сказал:

— Ульф не очень придирается к тебе?

— Какая разница?!

— Мы хотели, чтобы вы с Фрицем находились при Руки, потому что вы знакомы с хозяевами и раньше других подметите все необычное и интересное. Но не думаю, что Джулиус понимает, насколько плохие отношения у вас с Ульфом.

— Отношения между бревном и пилой. И я вовсе не пила.

— Если тебе очень трудно... можно перевести тебя в другое место.

Он сказал это скромно, как и все остальное, я думаю, потому что не хотел подчеркивать свое высокое положение — он и на самом деле мог организовать мой перевод.

— Я справлюсь с ним.

— Может, если ты не будешь так стараться...

— Стараться делать что?

— Справляться с ним. Вероятно, он еще больше сердится из-за этого.

Я с негодованием ответил:

— Я повинуюсь приказам, и быстро. Что ему еще нужно?

Бинпол вздохнул.

— Да. Ну, что ж, мне тоже пора приниматься за работу.

Я заметил одно различие между Ульфом с "Эрлкенига" и тем, который так отравлял мне жизнь в замке. Прежний Ульф был пьяница: вся история со мной и Бинполом началась именно из-за того, что он не вернулся вовремя, а его помощник предположил, что он пьет в какой-нибудь таверне...Здесь он совсем не пил. Некоторые из старших иногда выпивали бренди — от холода, как они говорили, — он же никогда. Он не пил даже пиво, обычный местный напиток, или красное вино, которое все пили за обедом. Иногда я жалел, что он не пьет. Мне казалось, что это немного смягчило бы его характер.

Однажды в замок прибыл вестник от Джулиуса. Не знаю, с чем он прибыл, но он привез с собой несколько длинных каменных кувшинов. И он оказался старым знакомым Ульфа. В кувшинах был шнапс — бесцветный спирт, который пьют в Германии и который, по-видимому, они не раз пили с Ульфом. Возможно, неожиданная встреча со старым другом ослабила решимость Ульфа, а может, он просто предпочитал шнапс другим напиткам, употреблявшимся в замке. Во всяком случае я видел, как они вдвоем сидели в караульной комнате, перед ними стоял кувшин и стаканы. Я был счастлив, что Ульф отвлекся, и благоразумно держался от него подальше.

В полдень вестник уехал, но оставил Ульфу кувшин. Ульф уже проявлял признаки опьянения, ничего не ел за обедом, распечатал кувшин и пил из него в одиночестве. По-видимому, он был в плохом настроении, ни с кем не разговаривал и ничего не замечал. Конечно, это плохо для командира охраны, но в его оправдание должен сказать, что единственной опасностью для замка могли быть треножники, а так жизнь шла по заведенному порядку, и все мы знали свои обязанности и исполняли их. Что касается меня, то я не порицал Ульфа и не искал для него оправданий, а просто радовался, что не слышу его неприятный голос.

День был пасмурный, и стемнело рано. Я подготовил еду для Руки— что-то вроде похлебки из составных частей, изготовленных нашими учеными, — и пошел через караульную комнату к его помещению. Караульная освещалась через высокие окна, и теперь в ней был полумрак. Я с трудом разглядел у стола фигуру Ульфа. Перед ним стоял кувшин. Я хотел пройти мимо, но он окликнул меня:

— Куда идешь?

Голос у него был пьяный. Я ответил:

— Несу пленнику еду, сэр.

— Иди сюда!

Я подошел и остановился перед столом, в руке я держал поднос. Ульф спросил:

— Почему ты не зажег лампу?

— Еще не время, сэр.

Оставалось еще четверть часа до времени, назначенного самим Ульфом. Если бы я зажег лампы, Ульф принял бы это за нарушение его приказа.

— Зажги, — сказал он. — И не возражай мне, Паркер. Когда я велю что-нибудь сделать, делай, и быстро. Понятно?

— Да, сэр. Но распоряжение...

Он встал, слегка покачиваясь, и наклонился, опираясь о стол. Я чувствовал, как от него несет спиртом.

— Ты недис... недисциплинирован, Паркер, и я тебе этого не спущу. Завтра получишь наряд вне очереди. А сейчас поставь поднос и зажги лампу. Ясно?

Я молча повиновался. Свет лампы упал на его тяжелое, покрасневшее от выпивки лицо. Я холодно сказал:

— Если это все, сэр, я займусь своими обязанностями.

Он смотрел на меня несколько секунд...

— Не можешь дождаться свидания со своим приятелем, а? Болтать с большой ящерицей легче, чем работать, верно?

Я хотел взять поднос.

— Я могу идти, сэр?

— Подожди.

Я послушно остановился. Ульф рассмеялся, взял стакан и вылил его содержимое в чашку с похлебкой для Руки. Я молча смотрел на него.

— Иди, — сказал он. — Неси своему приятелю его ужин. Пусть он немного оживится.

Я прекрасно знал, что должен был сделать. Ульф в пьяном виде совершил глупый поступок. Мне следовало унести поднос, вылить содержимое чашки и приготовить новую порцию для Руки. Но я, наоборот, спросил послушно и в то же время презрительно:

— Это приказ, сэр?

Гнев его был столь велик, как и мой, но у него гнев был горячий, а у меня холодный. И рассудок его затуманен был алкоголем. Он проговорил:

— Делай, как я сказал, Паркер. И побыстрей!

Я взял поднос и вышел. Боюсь, я решил: Ульф попался. Я отнесу поднос Руки, он, как обычно, откажется от еды, я вынужден буду доложить об этом, и случай получит огласку. Простым повиновением приказу я получу возможность избавиться от своего мучителя.

Дойдя до шлюза, я услышал, как Ульф что-то ревет сзади. Я вошел в комнату Руки и поставил поднос. Оставив его, я

вышел, чтобы узнать, о чем это кричит Ульф. Ульф неуверенно стоял на ногах. Он сказал:

– Приказ отменяется. Приготовь другой ужин для ящерицы.

– Я уже отнес поднос, сэр. Как было приказано.

– Так забери его! Подожди. Я иду с тобой.

Я был раздражен тем, что мой план не удался. Руки съест замененную пищу, и мне не о чем будет докладывать. Даже в моем состоянии раздражения я и не подумал бы сообщать, что Ульф был пьян на дежурстве. Я молча пошел с ним, горько думая, что ему все же удастся вывернуться.

В шлюзе едва нашлось места для двоих. Мы толкали друг друга, надевая маски. Ульф открыл внутреннюю дверь и вошел первым. Я слышал, как он в удивлении и отчаянии вскрикнул. Я быстро прошел вперед и увидел то же, что и он.

Чашка была пуста. А Руки, вытянувшись во всю длину, неподвижно лежал на полу.

Джулиус приехал в замок на совещание. Он хромал сильнее обычного, но был так же весел и уверен. Он сидел за длинным столом, а вокруг него собрались ученые, включая и Бинпола. Фриц и я сидели в самом конце. Первым говорил Андре, командир замка. Он сказал:

— Наш план заключался в подрыве города изнутри. Вопрос лишь как? Некоторое количество наших могло проникнуть в город, но этого не достаточно, чтобы сражаться с хозяевами, особенно на их поле. Мы могли бы, вероятно, вывести из строя некоторые машины, но это не означало бы уничтожение города. Хозяева починили бы машины, а мы оказались бы в еще худшем положении: они были бы предупреждены и готовы к нападению. То же самое относится и к попыткам повредить стену. Даже если бы нам удалось пробиться снаружи или изнутри — а это весьма сомнительно, — мы не смогли бы помешать хозяевам ликвидировать пролом.

Нам необходимо было найти способ поразить самих хозяев, причем всех сразу и одновременно. Предлагалось отравить их воздух. Вероятно, это возможно, но я не вижу способа осуществить это в отведенное для нас время. Вода представляет лучшую возможность. Они используют много воды для питья и купанья даже если учитывать, что они вдвое выше и вчетверо тяжелее людей, они соответственно используют в четыре-шесть раз больше воды, чем средний человек. Если бы мы могли подмешать им что-нибудь в воду, это могло бы подействовать.

К несчастью, как мы установили в опытах с пленником, хозяева очень чувствительны к примесям. Пленник отказывался от всего, что могло ему повредить. Но по счастливой случайности в пищу его попало немного шнапса. Пленник

без колебаний съел пищу и менее чем через минуту был парализован.

— Сколько времени ему потребовалось, — спросил Джулиус, — чтобы очнуться от паралича?

— Через шесть часов к нему начало возвращаться сознание. Через двенадцать часов он был в полном сознании, но координация его движений все еще была нарушена. Через 24 часа он полностью оправился.

— И с тех пор?

— Абсолютно нормален, — сказал Андре. — И заметьте, он все еще обеспокоен и встревожен случившимся. И не так уверен уже в безнадежности наших попыток, я думаю.

Джулиус спросил:

— Как вы объясняете это? Паралич?

Андре пожал плечами.

— Мы знаем, что у человека алкоголь поражает отдел мозга, контролирующий работу тела. Пьяный не может идти прямо, и ему плохо повинуются руки. Он может даже упасть. Если он выпьет достаточно, то теряет сознание, как Руки. Похоже, что в этом смысле хозяева более чувствительны и уязвимы, чем мы. Важно также, что в этом случае не действует их способность распознавать посторонние примеси. Количество алкоголя может быть очень мало. В стакане были лишь остатки спирта. Я думаю, это хорошая возможность.

— Алкоголь в питьевую воду, — задумчиво проговорил Джулиус. — И лучше всего изнутри. Мы знаем, что вода при входе в город очищается, и к ней добавляют какие-то вещества. Значит, нужно действовать изнутри. Если мы сумеем провести туда отряд... А как же алкоголь? Хоть каждому из них нужно немного, в целом это очень большое количество. Его не удастся пронести.

— Алкоголь можно получить на месте, — сказал Андре. — В городе есть сахар. Хозяева используют его при изготовлении своей пищи и пищи рабов. Потребуется лишь установка для дистилляции. Когда алкоголя наберется достаточно, его можно влить в питьевую воду.

Кто-то возбужденно сказал:

— Может, получится!

Андре не отрывал взгляда от Джулиуса. И говорил:

— Это должно быть сделано во всех трех городах одновременно. Хозяева теперь знают, что у них есть противник: им сказано об этом нападении на треножник и похищении одного члена экипажа. Но последние сообщения говорят, что они по-прежнему доставляют людей-рабов в город. Значит, они все еще доверяют людям в шапках. Но как только они обнаружат, что мы можем подделывать шапки, все будет по-другому.

Джулиус медленно кивнул.

— Мы должны ударить, пока они ни о чем не подозревают. Хороший план. Начнем подготовку.

Позже меня вызвали к Джулиусу. Он что-то писал, но когда я вошел в комнату, поднял голову.

— А, Уилл. Садись. Ты знаешь, что Ульф ушел?

— Я видел, как он уходил сегодня утром, сэр.

— И испытывал удовлетворение, я думаю? — Я промолчал. — Он очень болен, и я отослал его на юг, к солнцу. Он будет служить нам там, как делал всю жизнь, оставшееся ему короткое время. И еще он очень несчастен. Даже когда дела идут хорошо, он видит одни неудачи, и свою главную ошибку — неспособность победить старую слабость. Не презирай его, Уилл.

— Нет, сэр.

— У тебя есть свои недостатки. Они иные, чем у него, но и они могут поставить тебя в дурацкое положение. Как и получилось на этот раз. Ошибка Ульфа в том, что он напился, а твоя — в том, что ты гордость предпочел разуму. Сказать тебе кое-что? Я свел тебя с Ульфом отчасти потому, что думал: это принесет тебе добро, дисциплинирует и научит сначала думать, а потом действовать. Кажется, результат оказался противоположным.

— Мне жаль, сэр.

— Это уже кое-что. И с Ульфом то же. Он со мной разговаривал перед уходом. Он обвиняет тебя в ваших трудностях на пути в город. Он знает, что не должен был останавливаться в городке и тем давать вам повод уйти на берег на его поиски. Если бы я знал об этом, я не позволил бы ему находиться здесь. Некоторые люди несовместимы. Похоже, у вас такой случай.

Он помолчал, а я чувствовал себя все более неуютно под пристальным взглядом его глубоко посаженных голубых глаз. Он спросил:

— Ты хочешь принять участие в планируемой экспедиции?

Быстро и убежденно я ответил:

— Да, сэр.

— Разумнее было бы отказать тебе. Ты действовал неплохо, но все еще не умеешь обуздывать свою горячность. И я не уверен в том, что ты когда-нибудь научишься.

— Но ведь все обернулось хорошо, сэр.

— Да, потому что тебе везло. Я буду неразумен и снова пошлю тебя. К тому же ты знаешь город и поэтому будешь полезен отряду. Но признаюсь честно, меня больше всего поражает твоя удачливость. Ты... наш талисман, Уилл.

Я горячо ответил:

— Постараюсь, сэр.

— Я знаю, можешь идти.
Я уже подошел к двери, когда он окликнул меня:
— Еще одно, Уилл.
— Да, сэр?
— Думай иногда о тех, кому не везет. Об Ульфе особенно.

Глава пятая

Шестеро против города

Экспедиция началась весной, но не сразу, а спустя год.

А до этого было очень много сделано: составлялись планы, велась подготовка, и снова и снова репетировались действия. Были установлены контакты с группами сопротивления в районе двух других золотых городов; нам было бы легче, если бы мы могли обмениваться сообщениями по невидимым лучам, которые использовали наши предки и сами хозяева. Наши ученые могли бы построить для этого машины, но было решено не делать этого. Хозяева должны были считать себя в безопасности. Если мы используем так называемое радио, они узнают об этом и даже если не сумеют засечь передатчик, то поймут, что готовится большое восстание.

Поэтому мы вынуждены были пользоваться прежними примитивными средствами. У нас была сеть почтовых голубей, а в остальном мы полагались на быстрых лошадей, подменяя их как можно чаще. Были согласованы планы, и представители других центров сопротивления вернулись к себе.

Издалека вернулся Генри. Сначала я не узнал его: он вырос, похудел и стал бронзовым под лучами тропического солнца. Он казался самоуверенным и был доволен тем, как идут дела. К северу от перешейка, на котором стоит второй город хозяев, он обнаружил сильное сопротивление и объединил его силы. Обмен информацией оказался полезным, и он привез с собой одного из руководителей. Это оказался высокий тощий человек по имени Уолт. Он говорил со странным тягучим акцентом и очень мало.

Мы, Генри, я и Бинпол, целый день говорили о прошлом и будущем. Между разговорами мы наблюдали за организованной нашими учеными демонстрацией оборудования. Был конец лета, мы смотрели со стены замка на спокойное голубое море. Было тихо, и трудно себе представить, что в этом мире существуют треножники и хозяева. (Треножники никогда не приближались к изолированному мысу. Это было одной из причин, по которой выбран этот замок.) Прямо под нами небольшая толпа окружила двух человек в шортах, точно таких же, какие носил я, будучи рабом в городе. Сход-

ство на этом не кончалось: на голове и плечах у них были маски, какие защищали нас в ядовитой атмосфере хозяев. С одним отличием: там, где у нас вкладывались губки, в этих масках находились трубки, которые вели к ящику на спине.

Был дан сигнал. Люди в масках вошли в воду. Она поднялась им до колен, до бедер, до груди. Затем одновременно они нырнули и исчезли под поверхностью. Еще одну-две секунды смутно видны были фигуры, плывущие от замка. Потом они исчезли, и мы ждали их появления.

Ждать пришлось долго. Секунды превращались в минуты. Хотя я знал, что придется ждать, я почувствовал опасения. Мне казалось, что что-то не так, что наши люди утонули в этой лазурной безмятежности. Они плыли против прилива. В этой части пролива есть сильные подводные течения и скалы. Медленно шло время.

Цель эксперимента заключалась в том, чтобы проверить способ проникновения в город. Мы не могли использовать прошлый способ, нужно было найти что-то более простое и быстрое. Очевидное решение заключалось в том, чтобы пройти назад тем путем, каким спаслись мы с Фрицем. Все три города стоят на реках, поэтому метод проникновения будет одинаков. Трудность заключалась в том, что даже двигаясь по течению, мы исчерпаем свои физические силы. Плыть против течения мы без помощи не могли.

Наконец я не выдержал.

— Не сработало! Они не могут быть уже живы!

— Подожди, — сказал Бинпол.

— Уже больше десяти минут...

— Почти пятнадцать.

Генри вдруг сказал:

— Вон там! Смотрите!

Я взглянул, куда он показывал. Далеко в стеклянной синеве появилась точка, за ней другая. Две головы. Генри сказал:

— Получилось, но я все еще не понимаю, как именно.

Бинпол постарался объяснить. Оказывается, воздух, который я всегда считал ничем, состоит из двух газов, и один из них нам необходим для дыхания. Ученые научились разделять эти газы и помещать нужный в контейнеры на спине пловца. Специальные устройства, называемые клапанами, регулировали поступление газа. Можно было долгое время оставаться под водой. Надетые на ноги ласты позволяли плыть против течения. Мы нашли способ проникнуть в города хозяев.

На следующее утро Генри уехал. С ним был молчаливый худой незнакомец. Они увезли с собой запас масок, трубок и наспинных контейнеров для газа.

Из убежища на речном берегу я снова смотрел на город

золота и свинца и не мог сдержать невольную дрожь. Золотая стена, увенчанная изумрудным защитным куполом, тянулась поперек реки и по полям по обе стороны, огромная, мощная и внешне неприступная. Нелепо и подумать, что ей может противостоять жалкая горсточка — шесть человек.

Никто из людей в шапках не подходил так близко к городу, поэтому мы не опасались помех с их стороны. Мы, конечно, видели множество треножников. Металлические гиганты выходили из города и входили в него. Но мы находились в стороне от их обычных маршрутов. Мы находились здесь уже три дня, и этот был последним. Приближался вечер. Оставалось несколько часов до начала.

Нелегко было синхронизировать нападение на три города. Войти нужно было в разное время, потому что ночь наступала не одновременно. В городе, которым занимался Генри, она началась через шесть часов после наступления темноты у нас. В городе на востоке вход происходил одновременно с нашим. Там в это время была самая слабая и маленькая база. Там люди в шапках были совершенно чужды нам и говорили на незнакомом языке. Наших сторонников там мало. Они побывали в замке прошлой осенью — худые, малорослые желтолицые ребята, которые мало говорили и еще меньше улыбались. Они немного изучили немецкий, и мы с Фрицем рассказали им, что они найдут внутри города (мы предполагали, что все три города устроены одинаково), они слушали и кивали, но мы не были уверены в том, что они все поняли.

Во всяком случае теперь мы ничего не могли сделать. Нам предстояла работа тут. Над городом сгущалась тьма, над рекой, над окружающей равниной и отдельными холмами, где находились развалины города-гиганта древних.

Я взглянул на товарищей. Они были одеты как рабы. Все держали наготове маски. У всех была бледная кожа от зимы, проведенной под землей без солнца. Фальшивые шапки плотно прилегали к голове, сквозь них росли волосы. Но они не были похожи на рабов, и я подумал, что маскировка не удастся. Конечно, первый же увидевший нас хозяин заподозрит правду и поднимет тревогу.

Но время сомнений и размышлений кончилось. На западе загорелась звезда. Фриц — руководитель нашей группы, — взглянул на часы. Они были только у него, и он должен был прятать их в поясе своих шортов. Часы покажут время даже под водой. Они изготовлены не нашими мастерами, а великими умельцами, которые жили до прихода хозяев. Я вспомнил часы, которые нашел в развалинах города-гиганта и уронил в воду у замка де ла Тур Роже, катаясь в лодке с Элоизой. Как давно это было!

— Пора, — сказал Фриц. — Начинаем.

До нас пловцы уже изучили расположение подводных путей, по которым мы должны были проплыть. К счастью, выходы оказались большими, и их было четыре; каждый предположительно вел в бассейн, подобный тому, через который ушли мы с Фрицем из города. Выходы располагались в двадцати футах под поверхностью воды. Один за другим мы нырнули и поплыли против течения, руководствуясь слабым светом лампочек, привязанных лентой ко лбу каждого из нас. Это было еще одно чудо древних, воссозданное Бинполом и его коллегами. Бинпол просил разрешения идти с нами, но не получил его и вынужден был остаться на базе. И не потому, что он был слишком умен и им нельзя было рисковать. Главное — слабость его зрения. Очки не действуют под водой, к тому же они выделили бы его из других рабов в городе.

Огоньки двигались передо мной, один из них мигнул. Проход. Я продолжал углубляться и увидел закругленный металлический край и дальше едва различимую стену туннеля. Оттолкнувшись ногой в ласте, я поплыл вперед. Туннель казался бесконечным. Впереди по-прежнему виднелись огоньки, моя лампа бросала тусклый свет, ощущалось давление воды, которое я должен был преодолевать. Мне начало казаться, что мы вообще никуда не попадем, что течение настолько сильно, что наше продвижение вперед лишь ка-

жущееся. Что мы скоро истощим запас воздуха, усталость одолеет нас, а течение выбросит назад. Вода как будто стала немного теплее, но это тоже могло быть иллюзией. Но в этот момент огоньки впереди исчезли, и я заставил себя плыть быстрее. Время от времени я вытягивал руку и касался потолка туннеля. На этот раз мне не удалось до него дотронуться. А далеко вверху блеснул зеленый свет.

Я поплыл вверх, и вот моя голова показалась из воды. По плану мы должны были собраться у стены бассейна. Плывший передо мной молча кивнул. Одна за другой появлялись другие головы. С огромным облегчением я увидел Фрица.

В прошлый раз ночью в бассейне никого не было, но мы не могли рисковать. Фриц осторожно выглянул из-за стены. Он махнул рукой, и мы один за другим выбрались из воды. И мгновенно на нас обрушилась свинцовая тяжесть города. Хотя мои товарищи и знали, что их ждет, я видел, что они потрясены и шатаются от напряжения. Плечи у них обвисли. Я подумал, что отличие наше от рабов будет не столь уж велико.

Быстро мы проделали все необходимое, отсоединили трубки и сняли со спины бачки с кислородом. На нас остались лишь обычные маски с губками. Губки позже нужно будет сменить в одном из общих помещений. Мы пробили бачки и связали их трубками. А затем один из нас снова опустился в бассейн и держал бачки под водой, пока они не

заполнились и не затонули. Течение унесет их вниз по реке. Даже если их кто-нибудь выловит завтра или позже, то примет за еще одно чудо треножников; мы знали, что из города время от времени выплывали различные предметы.

Мы могли разговаривать друг с другом, но опасались привлечь к себе внимание шумом. Фриц снова кивнул, и мы двинулись. Мимо сети, которая отнимала у воды тепло, так что вода около нее кипела и пузырилась, мимо большого водопада, образующего бассейн, мимо груд ящиков, доходящих до потолка зала, и так до самой крутой изгибающейся рампы, которая означала выход. От шаров, подвешенных высоко под потолком, шел зеленый свет. Фриц шел впереди, осторожно переходя от укрытия к укрытию, а мы следовали его сигналам. Хозяева редко показываются по ночам, но рисковать было нельзя: рабы вообще по ночам не выходят. К тому же мы несли с собой части дистилляционной аппаратуры, которые не могли бы найти здесь.

Медленно и осторожно мы шли по спящему городу. Миновали углубления, откуда доносился гул машин, покинутый сад-бассейн с его отвратительными тусклыми растениями, стоявшими, как молчаливые часовые. Прошли мимо большой арены, где происходили охоты за шарами. Когда я смотрел на эти знакомые предметы, годы свободной жизни казались мне сном. Я возвращался в 19 пирамиду, где меня ждал хозяин. Ждал, чтобы я приготовил ему постель, потер спину, приготовил еду — даже поговорил с ним, был его товарищем в том странном понимании товарищества, которое у него сложилось.

Путь был долгим, а желание не рисковать еще более удлинило его. К тому времени, когда мы достигли нужного места в противоположном районе города, где в него влилась река, проходя через очистительные машины, тьма над нашими головами позеленела. Снаружи за отдаленными холмами занимался ясный рассвет. Мы устали, промокли от собственного пота, нам было жарко, хотелось пить, все тело болело от нескончаемого напряжения; огромный вес давил на нас и тянул книзу. Пройдет еще немало времени, прежде чем мы сумеем зайти в одно из убежищ, снять маски, напиться и поесть. Каково тем четверым, для кого все это ново? Мы с Фрицем по крайней мере испытывали это раньше.

Мы пересекли треугольную площадь, держась в тени изогнутого древовидного растения, склонившегося над невидимым бассейном. Фриц знаком велел остановиться. Я замер. В отдалении послышались звуки — ритмичные хлопающие удары. Я знал, что это такое. Последовательность ударов трех ног о гладкий камень.

Хозяин. По коже у меня пробежали мурашки, когда я увидел, как он проходит по дальней стороне площади. Мне

казалось, что много времени проведя с Руки, я привык к хозяевам, но Руки был наш пленник, заключенный в маленьком помещении. При виде этого хозяина в огромном городе, символе их власти и господства, во мне снова проснулся старый страх и старая ненависть.

Во время пребывания в городе мы с Фрицем установили, что некоторые места в нем посещаются очень редко. Прежде всего сюда входили склады, забитые ящиками, как та пещера, через которую мы проникли в город, или пустые и подготовленные для чего-то в будущем. Я решил, что хозяева предполагали расширить город и подготовили для этого оборудование.

Во всяком случае, мы могли воспользоваться этим. Хозяева, о чем свидетельствовали неизменные маршруты их треножников, были существами устойчивых привычек, а рабы действовали лишь по их прямым поручениям. Для раба немыслимо подсматривать за тем, что он считает святым божественным чудом.

Мы направились к пирамиде, которую ранее исследовал Фриц и которая находилась не более чем в ста ярдах от рампы, ведущей к очистительной машине. Очевидно, тут бывали очень редко: с пола и груд ящиков поднималась от наших движений коричневая пыль. Для большей безопасности мы спустились по рампе в нижний этаж пирамиды, где ящики были навалены еще выше. Здесь, в дальнем углу, мы расчистили место и занялись нашей аппаратурой.

В основном мы рассчитывали на то, что можно добыть в городе. Мы знали, например, что легко найдем стеклянные трубки и сосуды. С собой мы принесли только инструменты, резиновые шланги и клапаны. Для получения тепла мы также собирались воспользоваться оборудованием хозяев. Открытого огня в городе не было, зато были устройства, больше не казавшиеся нам чудом. Пластины разного размера после нажатия кнопки давали концентрированное тепловое излучение. Самые маленькие из них использовались рабами для подогрева жидкостей. А когда пластины переставали давать тепло, их нужно было подсоединять к розеткам, и час спустя они снова были готовы к работе. Бинпол объяснил, что это какая-то форма электричества, над которой сейчас трудятся наши ученые.

Наступил день, зеленая тьма сменилась зеленым полусветом, стал даже виден диск солнца. В две очереди под руководством Фрица и моим, мы побывали в общем помещени, поели, попили и сменили фильтры в масках. Общее место тоже было выбрано заранее. Оно находилось в большой пирамиде, куда ежедневно собиралось множество хозяев из различных районов города. (Подобно многому другому, нам было совершенно непонятно, чем они там занимались). Сле-

довательно, в общем помещении этой пирамиды находилось постоянно много рабов, которые все время менялись, некоторые проводили здесь целые часы и спали на диванчиках; и большинство не знало друг друга. Все рабы были, разумеется, так истощены, что у них не было энергии, чтобы наблюдать друг за другом.

Здесь была наша главная база не только для еды и питья, но также для отдыха и сна. Мы решили работать по ночам, а днем отдыхать. Отдых был коротким — всего по несколько часов.

В первый день мы добывали необходимые вещи. Поразительно, как гладко все шло. И Андре был прав, говоря, что нападение на три города должно быть одновременным. Вся наша надежда основывалась на абсолютной уверенности хозяев в том, что они полностью контролируют людей в шапках. Мы могли пойти куда угодно и взять все необходимое — невозможно было предположить, что мы действуем не по приказам хозяев. Мы ходили по улицам со своей добычей прямо под носом у врага. Двое из нас протащили на небольшой платформе чан по открытому пространству, а с обеих сторон не менее десяти хозяев резвились в парящей воде с полным отсутствием грации.

Чаны были нам необходимы в первую очередь. Мы доставили в наш подвал три таких чана и заполнили их смесью воды с размельченными сухарями, которые давались в качестве еды рабам. Добавили в это месиво немного сухих дрожжей, принесенных с собой. Вскоре началось брожение. Наши ученые утверждали, что брожение будет идти и в ядовитой атмосфере города, но все же было облегчением наблюдать, как поднимаются пузырьки. Первый шаг был сделан.

Сразу вслед за этим мы принялись за дистилляционные устройства. Это было нелегко. Обычно процесс дистилляции происходит при высокой температуре. Жидкость должна превратиться в пар. Алкоголь кипит при более низкой температуре, чем вода, поэтому, когда образовался первый пар, в нем был большой процент алкоголя. Далее следовало охладить пар, чтобы он снова сконденсировался в жидкость. Повторяя сей процесс неоднократно, можно получить все более и более концентрированный алкоголь.

К несчастью, нам мешала постоянная неизменная жара. Мы надеялись охлаждать пар, используя более длинные трубки, но вскоре выяснилось, что это не действует. Конденсация шла очень медленно. При таких темпах нужны были месяцы, чтобы заполнить коллектор. Необходимо было найти другой выход.

В эту ночь мы с Фрицем пошли вместе. Мы осторожно спустились по рампе в пещеру, где работала машина по очистке воды. Горел зеленый свет, гудели машины, но в пещере никого не было. Машины работали автоматически, а ставить

охрану там, где могут находиться только хозяева и их верные рабы, нецелесообразно. Ни одна дверь в городе не имела замка. По эту сторону от работающих машин находился бассейн с горячей водой более двадцати футов в ширину, от него отходили многочисленные трубы. Отсюда вода подавалась в пирамиды, шла в сады-бассейны и на аналогичные устройства.

Вода в машины поступала из другого бассейна. А этот бассейн питался потоком из широкого сводчатого туннеля, проложенного в золотой стене. Вдоль туннеля шел узкий карниз. Мы взобрались на него и пошли в сгущающейся тьме.

От поверхности воды повеяло прохладой. Именно это мы и искали. Но карниз был уж слишком узок для дистилляционной установки. Фриц шел впереди. Я не видел его и не знал, что он остановился, но понял по отсутствию звука его шагов. Я тихонько позвал.

— Где ты?

— Здесь. Возьми мою руку.

Мы находились прямо под стеной. Вода звучала здесь по-иному, и я предположил, что именно здесь она вырывается из подземного потока. Она должна приходить из внешнего мира с достаточной глубины, чтобы не принести с собой воздуха. Ощупью идя за Фрицем, я обнаружил, что нахожусь в пространстве, ранее занятом рекой. Вдоль туннеля тянулось нечто вроде платформы, от нее отходил меньший туннель прямо под подземным потоком. Мы обнаружили в нем небольшое помещение, очевидно, для осмотра и ремонта. Вероятно, дальше были и другие помещения подобного назначения.

— Здесь есть место, Уилл, — сказал Фриц.

Я возразил:

— Но ведь тут темно.

— Придется работать в темноте. Глаза немного привыкают. Я теперь кое-что вижу.

Я ничего не видел. Но он был прав: придется работать. Нам необходимо охлаждение, и вот оно здесь, под нами.

Я спросил:

— Сможем начать сегодня же?

— По крайней мере доставим оборудование до утра.

В последующие ночи мы яростно работали. Вокруг было множество контейнеров, на вид из стекла, но чуть податливых на ощупь, и мы заполняли их плодами своей работы. На платформе для контейнеров не было места, и мы тащили их по туннелю. Я молился, чтобы подводный поток не засорился и чтобы не потребовался его осмотр. Вряд ли этого стоило опасаться. Система была подготовлена на крайний случай и, вероятно, ни разу не использовалась за все время существования города.

Это была жизнь на износ. В туннеле не было жары, но оставалась тяжесть и необходимость носить раздражающие лицо маски. Нам не хватало сна. Общими помещениями можно было пользоваться только днем, и мы отдыхали по очереди. И каким мучением было видеть в этих помещениях множество рабов. Однажды, смертельно уставший, я добрел туда и обнаружил, что все диванчики заняты. Я упал на жесткий пол, тут же уснул и проснулся оттого, что меня трясли за плечо. Снова нужно вставать, надевать маску и выходить в зеленый туман.

Но время шло, и наши запасы алкоголя, хоть и медленно, пополнялись. Мы работали по плану и выполнили намеченное за неделю до срока. Мы продолжали производить алкоголь. Легче было работать, чем просто выжидать. И чем большей концентрации алкоголя в воде мы добьемся, тем эффективнее он подействует. Мы уже установили, какие трубы из бассейна доставляют питьевую воду. Наконец день настал.

Оставалось еще одно препятствие. Мы не знали, как скоро скажется действие алкоголя на хозяевах, на какой стадии они начнут осознавать, что что-то не так. Между тремя городами из золота поддерживалась связь, и один из них сможет предупредить остальных об опасности. Поэтому алкоголь должен быть влит в питьевую воду примерно в одно время.

И тут возникала проблема, связанная с тем, что наш мир — шар, вращающийся вокруг солнца. Днем очистительные машины обслуживаются группами хозяев. В течение дня эти группы сменялись трижды. Ночью машины работали автоматически. Было ясно, что две из трех диверсий можно будет предпринять в ночное время: одну сразу после окончания рабочего дня, другую незадолго до его начала. Следовательно, в третьем городе попытка должна быть предпринята около полудня.

Без всякого обсуждения было решено, что именно нашей экспедиции предстоит решить эту проблему. У нас были очевидные преимущества: мы ближе всего к штаб-квартире, и в составе нашего отряда два человека уже побывали городе. Итак, мы должны были выполнить задачу, когда хозяева бодрствуют и заняты работой.

Мы много думали об этом. Хотя мы повсюду расхаживали с частями оборудования, и четверо наших новичков настолько привыкли к виду хозяев, что относились к ним чуть ли не презрительно — у нас с Фрицем не было такого никогда: слишком свежи были наши горькие воспоминания, — вряд ли хозяева не стали бы нас расспрашивать, увидев, как мы выходим из туннеля с контейнерами и опустошаем их в питьевую воду. Ведь это был их участок работы, и любой человек-раб работал здесь только под их присмотром.

Один из нас предложил выдать себя за раба-вестника, ко-

торый отзовет хозяев в другую часть города. Поскольку они никогда не сомневаются в рабах. то поверят в это. Фриц отверг предложение.

— Такое сообщение очень странно, и они решат, что раб что-то перепутал. Вероятно, они свяжутся с другими хозяевами, может, из того места, куда им сказано идти. Вспомните, они могут разговаривать друг с другом на больших расстояниях. И во всяком случае я уверен, уйдут они не все. Хоть один останется с машинами.

— Что же тогда?

— Есть лишь одна возможность. — Мы посмотрели на Фрица, и я кивнул. — Нужно использовать силу.

В группу, обслуживающую машины, входило максимально четыре хозяина. Один из них появлялся изредка. Я думаю, он был вроде старшего. Еще один обычно отсутствовал и отдыхал в ближайшем саду-бассейне. Даже зная уязвимое место хозяев и превосходя их количественно, мы вряд ли могли надеяться справиться более чем с двумя. Даже в равных условиях они гораздо сильнее нас. Здесь же, при их тяготении, сравнение было явно не в нашу пользу. У нас не было оружия и не было способов его изготовлять.

Выбранный нами момент приходился примерно на середину второй дневной смены. Необходимо было действовать сразу, как только третий хозяин поднимется по рампе и направится к выходу в сад-бассейн. Следовательно, мы должны были находиться поблизости от выхода. Нужно было найти укрытие. Проблему решил Фриц. Он велел нарубить ветвей и сложить их кучей. Так часто делалось. Ветви потом убирали группы рабов. И вот, по очереди отдыхая в общем помещении, мы почти весь день провели в груде ветвей, чем-то похожих на водоросли: в своей резиновой гибкой отвратительности они казались почти живыми. Фриц находился в таком месте, откуда ему был виден выход; остальные забирались дальше вглубь и отдыхали. Я думаю, нам грозила опасность задохнуться, если бы случилась какая-то задержка.

А время шло мучительно медленно. Я лежал в своем неприятном гнезде, не видя ничего, кроме листьев перед глазами, умирая от желания выглянуть, но не осмеливался даже шептать. Листья становились клейкими, вероятно, начиная разлагаться, и это не делало ожидание более приятным. Ногу у меня свело, но я не решался пошевелиться. Боль становилась сильнее, и я подумал, что не выдержу. Придется встать и помассировать ногу.

— Пора, — сказал Фриц.

Никого не было видно. Мы добежали до рампы, вернее, добрели до нее несколько быстрее обычного. Спустившись, мы пошли медленней. Виден был один хозяин, другой на-

ходился за машиной. Когда мы приблизились, он сказал:

— Что вам нужно? У вас здесь поручение?

— Сообщение, хозяин. Это...

Трое наших одновременно схватили его за щупальца. Фриц прыгнул, а остальные двое как можно выше подняли его за ноги. Все произошло почти мгновенно. Фриц сильно ударил его в уязвимое место; издав короткий оглушительный рев, хозяин упал, отбросив при этом нас в стороны.

Мы думали, что со вторым будет труднее справиться, а оказалось легче. Он вышел из-за машины, увидел, что мы стоим около упавшего, и спросил:

— Что здесь случилось?

Мы отвесили ритуальные поклоны. Фриц сказал:

— Хозяин ранен, хозяин. Мы не знаем, как это произошло.

Еще раз уверенность в абсолютной преданности рабов выручила нас. Без колебаний и подозрений он подошел, наклонился и стал ощупывать лежащего. Уязвимое место оказалось в пределах досягаемости Фрица. Ему даже не пришлось прыгать. Второй хозяин упал молча.

— Оттащим их за машины, — сказал Фриц. — И за работу.

Подгонять нас не было необходимости. У нас было примерно полчаса до появления третьего хозяина. Двое из нас выносили контейнеры из туннеля на узкий карниз, а остальные перетаскивали контейнеры по два за раз и выливали их в воду. Всего мы изготовили около ста контейнеров. Бесцветная жидкость смешивалась с водой и исчезала. Я считал свои мучительные пробежки. Девять... десять... одиннадцать...

Щупальце подхватило меня так, что я его даже не видел. Хозяин, должно быть, подошел ко входу на рампу и вместо того, чтобы идти дальше, почему-то заглянул вниз. Позже мы поняли, что это совершал один из своих регулярных обходов старший. Он увидел рабов, выливающих что-то из контейнеров в воду, и заинтересовался. Он спустился, поворачиваясь, — это был их эквивалент бега, — причем, сделал это почти бесшумно. Щупальце крепко держало меня за талию.

— Мальчик, что это? Где хозяева?

Марио, шедший за мной, уронил свой контейнер и прыгнул. Второе щупальце поймало его в воздухе. То щупальце, которое держало меня, напряглось, и я почувствовал, что задыхаюсь. Подбежали еще двое наших, но что они могли сделать? Боль стала невыносимой, и я закричал. Третьим щупальцем хозяин ударил Яна, датчанина, и, как куклу, бросил его на машину. И ухватил Карлоса. Мы были беспомощны, как цыплята со связанными лапами.

Хозяин не знал о двоих, оставшихся в туннеле, но нас это не утешало. Мы были так близки к успеху...

Ян с трудом встал. Я висел вниз головой, и маска моя

прижималась к телу хозяина. Я видел, как Ян поднял что-то — металлический прут примерно в шесть дюймов длиной и два толщиной, какое-то приспособление для работы. И тут я вспомнил: Ян готовился к участию в играх как метатель диска. Но если хозяин увидит его... Я вытянул руки и вцепился в ногу, стараясь ухватиться ногтями.

Вероятно, с таким же успехом комар мог пытаться ужалить слона. Но хозяин почувствовал это, потому что щупальце снова сжало меня сильней. Я закричал от боли. Еще мгновение, и я потеряю сознание. Я видел, как Ян размахнулся. И тут для меня наступило забвение.

Очнувшись, я увидел, что сижу, прислоненный к одной из машин. Не пытаясь привести меня в чувство, остальные продолжали работу. Когда я попытался вдохнуть, мне показалось, что я глотаю огонь. Все тело мое стало кровоподтеком. Хозяин лежал недалеко от меня на полу, из раны у него под ртом сочилась зеленоватая жидкость. Я смутно видел, как опустошались последние контейнеры. Подошел Фриц и сказал:

— Унесите пустые контейнеры в туннель. Вдруг кто-нибудь из них заглянет. — Он заметил, что я пришел в себя. — Как ты себя чувствуешь, Уилл?

— Лучше. Мы действительно сделали это?

Он посмотрел на меня, и редкая улыбка появилась на его длинном унылом лице.

— Да.

Мы осторожно поднялись по рампе и пошли. Один хозяин увидел нас, но не обратил на нас внимания. Мы с Яном шли с трудом. Он сильно поранил ногу, а мне было больно дышать. Но это не было чем-то необычным — рабы в городе часто калечились. Третьего хозяина мы тоже оттащили от машины. Пора было возвращаться четвертому из бассейна-сада. Он найдет их и, возможно, поднимет тревогу, но машины будут работать, как обычно, посылая воду. Вода с алкоголем уже поступает в краны по всему городу.

Мы уже довольно далеко отошли от очистительных установок. Зашли в общее помещение. Я пил воду, но не ощущал ее вкуса. Наши ученые определили минимальное количество алкоголя, вызывающее паралич у Руки, но я не знал, добились ли мы нужной концентрации.

Фриц осмотрел меня и прощупал верхнюю часть тела. Я чуть не закричал от боли.

— Сломано ребро, — сказал он. — Надо что-то сделать.

В помещении были запасные маски. Разорвав одну из них, Фриц использовал материал для повязок, которые наложил выше и ниже больного места. Потом велел мне выдохнуть и затянул повязки. Было больно, но потом стало легче.

Мы подождали с полчаса. Хозяева поглощали воду в огромных количествах и пили не реже, чем через час. Когда мы вышли, то не заметили вначале никаких изменений. Хозяева проходили мимо с обычным высокомерием. Я почувствовал отчаяние.

Но вот мы увидели выходящего из пирамиды хозяина.

Марио схватил меня за руку, и я сморщился. Но какое значение имела моя боль? Хозяин качался, щупальца его двигались неуверенно. Мгновение спустя он упал и замер.

Глава шестая

Огненный бассейн

Не знаю, поняли ли они, что случилось, но хозяева не сумели принять никаких мер. Возможно, они решили, что это болезнь под названием проклятие Склудзи действует новым, более острым способом. Мне кажется, что сама мысль об отравлении для них была непостижима. Как мы установили на примере с Руки, у хозяев была безошибочная способность определять вредные примеси в воде и еде. Трудно бороться с опасностью, о существовании которой даже не подозреваешь.

Они пили, начинали шататься и падали; вначале немногие, потом все больше и больше, пока наконец улицы не покрылись их нелепыми и чудовищными телами. Рабы наклонялись к ним, пытаясь поднять, робкие и умоляющие в одно и то же время. На большой площади, где лежало свыше десяти хозяев, раб с залитым слезами лицом сказал:

— Хозяев больше нет. Значит, наша жизнь бесцельна. Братья, идемте к месту счастливого освобождения.

Остальные охотно двинулись за ним. Фриц сказал:

— Нужно их остановить.

— Как? — спросил Марио. — И какое это имеет значение?

Не отвечая, Фриц поднялся на небольшую каменную платформу. Такие платформы время от времени использовались хозяевами для чего-то вроде размышлений. Он воскликнул:

— Нет, братья! Они не умерли! Они спят. Скоро они проснутся, и мы им понадобимся.

Рабы остановились в нерешительности. А тот, который выступил первым, спросил:

— Откуда ты это знаешь?

— Мой хозяин сказал мне перед тем, как это случилось.

Это был решающий довод. Рабы могут друг другу лгать, но никогда не лгут относительно своих хозяев. Это вообще немыслимо. Смущенные, но несколько пришедшие в себя от

отчаяния, рабы разошлись.

Как только стало ясно, что наш замысел удался, мы обратились ко второй и не менее важной части плана. Мы знали, что алкоголь вызывает лишь временный паралич. Конечно, можно было попробовать убить всех хозяев поодиночке, пока они лежат в бессознательном положении, но, вероятно, мы не сумели бы отыскать всех вовремя... да и рабы, конечно, не позволили бы нам сделать это. Пока хозяева не мертвы, а только без сознания, власть шапок сохранялась.

Ответ мог быть лишь один — ударить в самое сердце города и разрушить его. Мы знали — это Фриц постарался установить в первую очередь, — где находится центр, контролирующий тепло, свет, энергию и свинцовую тяжесть в городе. Мы двинулись в том направлении. Идти было довольно далеко, и Карлос предложил использовать безлошадные экипажи, перевозившие хозяев. Но Фриц запретил. Рабы не ездят в экипажах без хозяев. Хозяева, конечно, не в состоянии заметить нарушение, но рабы заметят, и мы не знаем, как они отреагируют.

И вот мы тащились по улице 11 к рампе У14. Идти было нужно по самой большой площади города, обрамленной множеством садов-бассейнов. Сама рампа оказалась весьма широкой, она уходила под землю перед пирамидой, возвышающейся над всеми соседними. Снизу доносился гул машин, земля у нас под ногами дрожала. Спускаясь в глубины, я испытывал страх. К этому месту рабы никогда не приближались, и мы тоже здесь раньше не были. Здесь билось сердце города, а мы, горстка пигмеев, осмелились подойти к нему.

Рампа оканчивалась в пещере, втрое большей, чем все виденные мной. Вокруг центрального круга располагались три полукруга. В каждом полукруге стояло множество машин с сотнями циферблатов и шкал. На полу лежали хозяева, некоторые упали прямо на рабочих местах. Я видел, как одно щупальце все еще сжимало рукоять.

Количество машин и их сложность смутили нас. Я поискал переключатель, которым можно было бы выключить машины, но не нашел. Металл, блестевший желтизной, был необыкновенно прочен, все циферблаты покрыты прочным стеклом. Мы переходили от машины к машине в поисках слабого места, но ничего не находили. Неужели теперь, когда хозяева бессильны, их машины все же победят нас?

— Может быть, эта пирамида в центре, — предположил Фриц.

Она занимала самый центр внутреннего круга. Стороны ее у основания достигали более тридцати футов и образовы-

вали равносторонний треугольник, вершина которого тоже поднималась на тридцать футов. Вначале мы не обратили внимания на пирамиду, потому что она не походила на машину. В ней виднелась лишь треугольная дверь, достаточно высокая, чтобы впустить хозяина. Поблизости от нее не было тел.

Пирамида была сделана из того же желтоватого металла, что и машины, но, приближаясь к ней, мы не слышали гула. Слышался лишь слабый свистящий звук, повышавшийся и падавший. За дверью оказался такой же металл. Внутри пирамиды находилась другая пирамида, между ними было пустое пространство. Мы прошли по узкому коридору и нашли дверь во внутренней пирамиде, но с другой стороны. Пройдя в нее, мы увидели третью пирамиду во второй!

В ней тоже оказалась дверь, но опять с противоположной стороны. Оттуда виднелся свет. Мы вошли и замерли.

Большую часть пола занимала круглая яма, и свет шел оттуда. Он был золотой, как золотые шары в охоте, но гораздо ярче. Это был огонь, но жидкий огонь, пульсирующий в медленном ритме, который соответствовал подъемам и падениям свиста. Создавалось впечатление огромной силы, бесконечной, вечной, дающей энергию всему городу.

Фриц сказал:

— Я думаю, это оно. Но как его остановить?

— На дальней стороне... видишь? — спросил Марио.

По другую сторону бассейна стояла тонкая колонна примерно в рост человека. Из ее вершины что-то виднелось. Рычаг? Марио, не ожидая ответа, пошел к ней вокруг бассейна. Я видел, как он протянул руку, схватился за рычаг — и умер.

Он не издал ни звука и, вероятно, даже не понял, что случилось. Бледное пламя пробежало по его руке от рычага и десятком потоков устремилось по телу. Несколько мгновений он продолжал стоять, потом упал. Его тяжесть потянула за собой рычаг. Рычаг опустился. Затем пальцы Марио разжались, и он соскользнул на пол.

Все стояли в ужасе. Карлос шевельнулся, как бы собираясь подойти к Марио. Но Фриц сказал:

— Нет. Ничего хорошего это не даст, а ты тоже можешь погибнуть. Но смотрите! В яму!

Пламя угасло. Оно медленно, как бы неохотно, опускалось, глубины его продолжали светиться, а поверхность вначале приобретала серебряный цвет, затем потемнела. Свист медленно-медленно стихал, перешел в шепот и совсем прекратился. Глубины ямы покраснели, затем потускнели. Появились и черные пятна, они все увеличивались, соединялись. И вот мы молча стояли над темной ямой.

Фриц сказал:

— Нужно выйти. Держитесь друг за друга.

В этот момент земля дрогнула под нами, как при небольшом землетрясении. И неожиданно мы освободились от свинцовой тяжести, которая нас все время сгибала. Тело мое снова стало легким. Как будто множество воздушных шариков, прикрепленных к мышцам и нервам, подняли меня вверх. Но странно! Несмотря на всю легкость и воздушность я ощутил страшную усталость.

Мы держались друг за друга, выбираясь из лабиринта пирамид.В большой пещере тоже было темно, свет погас. Темно и тихо, потому что гул машин замер. Фриц вел нас туда, где, как ему казалось, находился выход, но мы натолкнулись лишь на машины. Ощупывая металл руками, мы пошли вдоль них. Дважды Фриц натыкался на тела хозяев, и однажды я сам неожиданно наступил на щупальце. Оно тошнотворно прокатилось у меня под ногой, и меня чуть не вырвало.

Наконец мы нашли выход и, поднимаясь по рампе, увидели вверху зеленый свет дня. Мы пошли быстрее и скоро смогли видеть друг друга. И вот мы на большой площади с садами-бассейнами. Я видел плавающие тела хозяев и подумал, утонули ли они. Впрочем, теперь это не имело значения.

При выходе на улицу нас поджидали три фигуры. Рабы. Фриц сказал:

— Я думаю...

Они выглядели недоумевающими, как будто только что проснулись, но еще не вполне пришли в себя. Фриц сказал:

— Здравствуйте, братья.

Один из них сказал:

— Как выбраться из этого... места? Вы знаете выход?

Эти простые слова сказали нам все. Ни один раб не станет искать выход из небесного рая, где он может служить хозяевам. Это значило, что контроль прекратился, что шапки на их головах так же бессильны, как и наши. Это были уже свободные люди. И если так происходит в городе, значит, то же самое и во внешнем мире. Мы больше не были беглым меньшинством.

— Мы найдем выход, — сказал Фриц. — А вы нам поможете.

По пути к залу треножников, воротам города, мы разговаривали с ними. Естественно, они были сбиты с толку. Они помнили, что было с ними после надевания шапок, но не видели в этом смысла. Рабы, которые с радостью служили хозяевам, обожествляли их, теперь казались нашим собеседникам чужими, незнакомыми людьми. Однажды они остановились перед двумя лежащими хозяевами, и я подумал, что они начнут топтать их. Но, поглядев на них, они отвернулись, прошли дальше.

Мы встретили множество рабов. Некоторые присоединя-

лись к нам, другие бесцельно бродили или сидели с отсутствующим взглядом. Двое несли чепуху, очевидно, превратившись в вагрантов. Третий, очевидно, тоже сошедший с ума, лежал на одной из рамп. Он сорвал с себя маску, и его мертвое лицо было искажено ужасной гримасой: он задохнулся в ядовитом воздухе города.

В нашем отряде было уже свыше тридцати человек, когда мы подошли к спиральной рампе на краю города. Я вспомнил, как спускался здесь в первый день, пытаясь удержаться на подгибающихся ногах. Мы поднялись на платформу и оказались выше окружающих малых пирамид. Здесь были двери, через которые мы прошли из комнаты переодевания. По ту сторону ее воздух, которым мы сможем дышать. Я шел первым и нажал кнопку, открывающую дверь шлюза. Ничего не произошло. Я нажал снова, и еще раз. Подошел Фриц. Он сказал:

— Нам следовало догадаться. Вся энергия в городе происходила от огненного бассейна. И для экипажей, и для открывания и закрывания дверей. Теперь механизмы не действуют.

Мы по очереди колотили в дверь, но безуспешно. Кто-то отыскал кусок металла и попытался бить им: на поверхности дверей появились царапины, но она не поддалась. А один из новичков с ужасом сказал:

— Значит, мы в ловушке?

Неужели это так? Небо потемнело: приближался вечер. Через несколько часов наступит ночь, и в городе станет совсем темно. Жара постепенно слабела. Я подумал о том, убьет ли их холод, или они придут в себя раньше. Придут в себя и снова зажгут огненный бассейн... Нет, мы не можем потерпеть поражения сейчас.

Я думал и о другом. Если не открылась дверь здесь, то не откроются они и в общих помещениях. У нас нет ни пищи, ни воды. И, что гораздо важнее, нет свежих фильтров для масок. Мы задохнемся, как тот, на рампе. Посмотрев на Фрица, я понял, что он подумал о том же.

Тот, который колотил куском металла, заметил:

— Я думаю, она поддастся, если бить долго. Всем нужно найти что-нибудь и бить по двери.

— Это не поможет, — возразил Фриц. — За ней другая дверь. А дальше комната, которая поднимается вверх и вниз. Она тоже не работает. Мы не сможем пройти. К тому же там темно...

Наступившее молчание показало, что все согласились с его словами. Прекратились удары по двери. Мы неподвижно застыли в отчаянии. Карлос взглянул на огромный стеклянный купол, прозрачный зеленый пузырь, покрывавший лабиринт рамп и пирамид.

— Если подняться туда и пробить дыру... — сказал он.

Ян предложил:

— Можешь встать мне на плечи.

Он сидел, чтобы отдыхала раненая нога.

Это была невеселая шутка, и никто не рассмеялся. Ни у кого не было настроения для смеха. Я глубоко вздохнул и сморщился от боли в ребрах. Пытался придумать что-нибудь, но в голове звучало:

— В ловушке... в ловушке...

Тогда один из бывших рабов сказал:

— Есть путь наверх.

— Где?

— Мой... — он колебался. — Один из... них... показал мне. Он осматривал купол, а я подвозил ему продукты. Путь наверх и карниз в куполе над самой стеной.

— Мы не сможем проломить купол, — сказал я. — Он, должно быть, крепкий, крепче стекла на циферблате. Сомневаюсь, сможем ли мы его даже поцарапать.

— Нужно попытаться, — сказал Фриц. — Другого выхода, кроме реки, я не вижу.

Я совсем забыл о реке!

— Конечно! А почему же нет? Бежим через реку!

— Не думаю, что ты выдержишь это, Уилл, ты ранен. Но в любом случае мы не уверены, что они не придут в себя. Надо уничтожить город.

Я кивнул. Оживление покинуло меня так же быстро, как и появилось. Река не выход для нас.

Мы снова спустились по рампе, на этот раз нас вел новый проводник. В одном из садов-бассейнов мы вооружились металлическими прутьями; к ним крепились некоторые растения, и мы без труда выломали их. Когда я уходил, мне показалось, что один из хозяев в бассейне шевельнулся. Всего лишь дрожь в щупальце, но зловещий признак. Я рассказал об этом Фрицу, он кивнул и велел проводнику идти быстрее.

Путь вверх находился в районе города, застроенном высокими заостренными пирамидами. Сюда рабы ходили очень редко. Здесь тоже была рампа, но шедшая вдоль стены, узкая и головокружительно крутая. Прекращение тяжести сделало подъем более легким физически, но когда мы поднимались все выше и выше, и под нами открывался ничем не огражденный провал, ощущение было ужасное. Я прижимался к сверкающей поверхности стены и старался не смотреть вниз.

Наконец мы достигли карниза. У него тоже не было перил, и он был не шире четырех футов. Очевидно, хозяева не боялись высоты. Карниз уходил вдоль стены в оба направления, насколько хватало взгляда. Край хрустального купола находился в восьми футах над карнизом. Для хозяина он был на уровне глаз, но для нас...

Мы сделали попытку. Несколько человек подставили спи-

ны, другие взобрались, неуклюже размахивая прутьями. Я не принимал участия из-за сломанных ребер, но было ужасно смотреть на них. Одно неосторожное движение — и они упадут на твердую землю в трехстах футах внизу. Они били по куполу в том месте, где он соединялся со стеной. Но их удары не приводили ни к чему. Дальше образовалась вторая группа, еще дальше — третья, но без всякого успеха.

Фриц сказал:

— Подождите...

Подойдя у нашему проводнику, он спросил у него:

— Ты встретил хозяина здесь?

Тот покачал головой.

— Нет, я его не видел. Мне было приказано принести еду и газовые пузыри и оставить их здесь. Я не оставался здесь дольше необходимого.

— И ты не видел его дальше по карнизу?

— Нет, но он мог быть далеко. Весь карниз не видно.

— Не видно и сквозь стену.

— Но за стеной они не могут жить, в обычном воздухе. А хозяин уходил без маски.

Фриц сказал:

— У них должна быть возможность осматривать купол не только изнутри, но и снаружи. Стоит поискать. — Он посмотрел на бледный диск солнца над куполом, клонившийся к западу. — Если только у кого-либо нет лучшей идеи.

Идей не было. Мы пошли по карнизу в направлении движения часовой стрелки. Справа крутой обрыв к улицам города. Некоторые из пирамид напоминали копья, готовые проткнуть упавшее на них тело. У меня кружилась голова и сильно болела грудь. Вероятно, мне следовало лечь или повернуть назад: все равно никакой пользы от меня не было. Но мысль о том, чтобы покинуть товарищей и остаться одному, была для меня еще ужаснее.

Мы тащились по карнизу. Верхушка рампы затерялась в дымке сзади. Я был уверен, что мы ничего не найдем. Хозяин был просто вне пределов видимости, как мы сейчас. И тут Фриц впереди сказал:

— Что-то есть!

Идущие впереди мешали мне видеть, но спустя минуту я разглядел, что он имел в виду. Впереди карниз кончался, вернее, он сменялся чем-то, выступающим из стены. Блок-гауз — и в нем дверь. Но без кнопки. На двери виднелось колесо из того же золотого металла, что и стена.

Мы столпились вокруг, на минуту забыв о головокружении, когда Фриц взялся за колесо. Сначала у него ничего не получилось, но когда он попробовал вертеть в противоположном направлении, колесо шевельнулось. Немного, но

у нас появилась надежда. Фриц нажимал изо всех сил, и колесо сдвинулось еще немного. Через несколько минут он уступил место другому. Организовали смены. Колесо поворачивалось ужасно медленно, но поворачивалось. И наконец мы увидели щель. Дверь открылась.

Как только щель стала достаточно широка, Фриц протиснулся внутрь, и мы последовали за ним. Внутри было светло от квадратных окон в потолке. Мы хорошо видели окружающее.

Блокгауз углублялся в стену и по обе стороны выступал из нее. В нем было несколько ящиков, очевидно, с инструментами, а на полке — с полдюжины масок, какие носили хозяева в земной атмосфере.

Фриц указал на них:

— Вот почему он не брал с собой маску. Их хранили здесь. — Он осмотрелся. — Сюда не проведена энергия. Поэтому дверь открывается механически. Все двери.

Противоположная дверь, очевидно, вела на продолжение карниза. Но у дальней стены блокгауза тоже виднелись две двери напротив друг друга. Вероятно, они открывались на такой же карниз, но уже снаружи купола. Я сказал:

— Но если это шлюз... нужна энергия, чтобы накачивать воздух.

— Не думаю. Вспомни: их воздух гуще, под более высоким давлением, чем наш. Тут простой клапан, действующий от разности давлений. А количество воздуха здесь, сравнительно с тем, что под куполом, ничтожно. Это не имеет значения.

Ян сказал:

— Значит, нам остается только открыть наружную дверь. Чего же мы ждем?

Фриц взялся руками за колесо. Мощные мускулы вздулись на его руках. Колесо не дрогнуло. Отдохнув, он попробовал снова. Ничего не случилось. Он отошел, вытирая лоб.

— Попробуйте кто-нибудь другой.

Попробовали несколько.

Карлос сказал:

— Это невероятно. Дверь точно такая же, как и эта. И колесо такое же.

— Подождите, — сказал Фриц. — Кажется, понял. Закройте внутреннюю дверь.

На внутренней стороне двери находилось такое же колесо. Оно повернулось так же неохотно: колеса были рассчитаны на силу хозяев, а не людей. Наконец дверь закрылась.

— Попробуем, — сказал Фриц.

Он снова взялся за колесо внешней двери. На этот раз оно поддалось. Медленно, медленно, но вот появилась щель, она все расширялась. Послышался свист выходящего воздуха, ветерок тронул наши тела. Десять минут спустя мы смот-

рели на внешний карниз и на земной ландшафт внизу: поля, ручьи, отдаленные горы и гиганты-города древних. Яркость дня заставила нас щуриться.

— Даже хозяева могли совершить ошибку, — сказал Фриц, — поэтому у них есть приспособление, мешающее открывать двери одновременно. Наружная дверь не откроется, пока не закрыта внутренняя. И наоборот, я думаю. Попробуйте сейчас открыть внутреннюю дверь.

Мы попробовали. Ничего не вышло. Очевидно, Фриц был прав.

Карлос сказал:

— Оставим открытой одну дверь и попробуем взломать другую.

Фриц осматривал открытую дверь.

— Это будет нелегко. Взгляни.

Дверь, в четыре дюйма толщиной, была сделана из того же прочного блестящего металла, что и стена. Она была отполирована и плотно, без зазора, прилегала к стене. Фриц поднял металлический стержень и постучал по двери. Никакого эффекта.

Итак, еще одно препятствие. Мы можем держать закрытой внутреннюю дверь, нас окружает наш земной воздух, и мы не задохнемся. Но у нас нет пищи, нет воды и нет никакой возможности спуститься по крутому сверкающему утесу стены. К тому же, если мы не пробьем купол города, всегда существует опасность, что хозяева проснутся и восстановят огненный бассейн. Мы все смотрели на дверь. Карлос сказал:

— Между этими дверями разница. Первая открывается внутрь, вторая — наружу.

Фриц пожал плечами.

— Из-за разницы в давлении. Так их легче открывать.

Карлос ощупывал место соединения двери со стеной.

— Сама дверь слишком прочна. Но петли...

Петли шли вдоль всей поверхности стены, тонкие, блестящие, чуть смазанные маслом. Вероятно, смазанные хозяином, который невольно указал нам путь сюда.

Фриц сказал:

— Я думаю, мы сможем их сломать. Но это возможно лишь с открытой дверью, значит, внутренняя дверь будет закрыта. Чем же это нам поможет?

— Не совсем сломать, — сказал Карлос. — Но если мы ослабим петли, затем закроем эту дверь, откроем внутреннюю и тогда...

— Попробуем взломать изнутри? Возможно. Во всяком случае, можно попытаться.

И вот по двое мы начали колотить по петлям. Было не-

легко, но когда хрустнула первая петля, все испустили крик торжества. За первой последовали другие. Были разбиты все петли, кроме самой верхней и самой нижней. Потом снова закрыли наружную дверь, а внутреннюю открыли.

— Ну, а теперь разобьем верхнюю и нижнюю, — сказал Фриц.

Начали Фриц и Карлос; когда они устали, их сменила другая тройка. Потом третья, и так далее. Под звон металла о металл проходили минуты. Прозрачные квадраты на потолке потемнели, приближался вечер. Я видел, как оживают на улицах хозяева, слабо, но целеустремленно движутся... и движутся к темной яме, где горел огонь... и снова может вспыхнуть.

— Можно мне?

— Боюсь, ты не поможешь, — ответил мне Фриц. — Давай, Карлос. Снова мы с тобой.

Удары продолжались. И тут я уловил какой-то новый звук. Он повторился, и еще.

— Сильней! — воскликнул Фриц.

Раздался звук рвущегося металла. Последние две петли отскочили одновременно. И дверь начала падать, и я увидел открытое небо. уже посеревшее. Но это было последнее, что я на некоторое время мог ясно видеть. Как только дверь упала, по блокгаузу пронесся шквал. Кто-то крикнул:

— Ложись!

Я упал на пол. Тут было немного легче. Ветер рвал меня, и я держался с трудом. И это был не ветер, а что-то неожиданное... Громкий постоянный рев. Говорить было невозможно, даже если бы хватило сил. Я видел других, лежащих на полу. Невероятно, как долго и без изменения это продолжалось.

Но изменение все же произошло. Шум ветра перекрылся другим, гораздо более резким и громким, более ужасным звуком. Как будто само небо раскололось на части. Мгновение спустя ветер затих. Я с трудом встал и тут только понял, что от падения на пол у меня невероятно болят ребра.

Мы подошли к внутренней двери и смотрели молча, слишком потрясенные, чтобы говорить. Хрустальный купол раскололся. Большая его часть по-прежнему цеплялась за стену, но в центре зияло огромное отверстие. Большие куски купола обрушились на улицы, один целиком накрыл арену шаров. Я поискал Фрица. Он один стоял у наружной двери.

— Все, — сказал я. — Ни один из них уже не встанет.

В глазах Фрица стояли слезы, одна скатилась по щеке. От радости, подумал я сначала, но на его лице не было радости.

— Что случилось, Фриц? — спросил я.

— Карлос...

Он указал на открытую дверь. Я в ужасе воскликнул:

— Нет!

— Ветер унес его. Я пытался его удержать, но не смог.

Мы смотрели друг на друга. Стена пропастью обрывалась у наших ног. Далеко внизу крошечный золотой прямоугольник обозначал упавшую дверь. Рядом лежала маленькая черная точка...

Мы сорвали маски и смогли дышать обычным воздухом. Зеленый воздух рассеялся в обширной атмосфере Земли. Мы вернулись по карнизу и спустились по рампе в город. Свет быстро слабел, и плохая видимость еще увеличила мое головокружение. Но все же мы наконец спустились.

Общие помещения внутри пирамид были по-прежнему закрыты для нас. Но в открытых складах мы нашли запасы пищи. В нескольких местах были питьевые фонтанчики, чтобы утолять жажду проходящих хозяев, и мы напились из них. Повсюду были разбросаны тела хозяев. К нам присоединялось все больше и больше рабов. Все они были потрясены и сбиты с толку, некоторые изранены упавшими осколками купола, и мы как могли позаботились о них. Потом принялись готовиться к долгой холодной ночи. Конечно, это не особенно приятно, но над головой сверкали звезды, яркие звезды земного неба.

Утром, дрожа, мы с Фрицем обсуждали, что же делать. Через вход мы по-прежнему не могли выйти без долгой и утомительной работы, а выход для треножников был в этом смысле вообще неприступен. Мы могли, конечно, уйти по реке, но это тоже нелегко, а в моем случае — самоубийство. Я сказал:

— Мы можем изготовить веревку; тут есть запасы ткани, которую они использовали для одежды рабов. Можно будет спуститься с блокгауза.

— Потребуется слишком длинная вèревка, — возразил Фриц. — Я думаю, это будет даже хуже реки. Но я размышляю...

— О чем?

— Все хозяева теперь мертвы. Если мы снова зажжем огонь в бассейне...

— Как? Вспомни Марио.

— Я помню. Энергия убила его. Но ведь этот рычаг предназначен для щупальца. Щупальца из другого материала, чем наше тело. Может, энергия на них не действует. Разве что отрубить щупальце и попробовать им поднять рычаг?

— Это мысль, но я думаю не об этом. Тот огонь горел, когда Марио ухватился за рычаг. Он погас медленно. Если он и разгорается медленно... Понимаешь? Пока огонь не горит, опасности нет.

Я согласился:

— Может, ты и прав. Я сделаю это.

— Нет, я, — решительно возразил Фриц.

Мы спустились по рампе в машинный зал. Тьма была полной, и мы наугад искали центральную пирамиду. В воздухе

стоял странный запах, как от гниющих листьев, и, случайно наткнувшись на тело хозяина, я понял, откуда он исходит. Они начали разлагаться, и, я думаю, здесь, внизу, разложение шло быстрее, чем на улицах.

В первый раз мы прошли мимо пирамиды и наткнулись на ряд машин и полушарий за ней. Вторая попытка оказалась успешной. Я коснулся гладкого металла и окликнул Фрица. Вместе мы ощупью отыскали вход и прошли сквозь лабиринт внутренних пирамид. Здесь, конечно, было не темнее, чем в зале, но я почувствовал страх. Вероятно, дело было в закрытом помещении, а также в том, что мы приближались к темной яме.

Когда мы подошли к третьему выходу, Фриц проговорил:

— Оставайся здесь, Уилл. Дальше не ходи.

— Не говори глупостей. Конечно, я пойду с тобой.

— Нет. — Голос его звучал ровно и строго. — Это ты говоришь глупости. Если со мной что-то случится, ты меня заменишь... Нам нужен выход из города.

Я молчал, понимая, что он прав. Мне было слышно, как он обходит яму. Это заняло немало времени, потому что шел он осторожно. Наконец послышались его слова:

— Я добрался до колонны. Иду рычаг. Я его поднял!

— Как ты? На всякий случай отойди.

— Уже отошел. Но ничего не случилось. И ни следа огня.

Я напрягал зрение во тьме. Может, огня не было слишком долго. Может, нужно еще что-то, о чем мы не смогли догадаться. И разочарованным голосом Фриц сказал:

— Я возвращаюсь.

Я протянул руку и нащупал его. Он добавил:

— Остается веревка или река. Жаль. А я надеялся, что мы сумеем управлять городом.

Вначале мне показалось, что глаза подводят меня, что я вижу искры во тьме, как это иногда бывает. Я сказал:

— Подожди...

А потом:

— Смотри!

Он повернулся. Внизу, там, где находилась яма, мелькнула искра, за ней другая. Они росли, сливались. Огонь поднимался, и послышался свистящий звук. И вот уже огонь заполнил всю яму, комната осветилась.

Глава седьмая

Лето на ветру

Хозяева умерли, но город снова ожил.

Свинцовая тяжесть снова навалилась на нас. В зале за-

горелись зеленые шары, загудели машины. Мы вышли на улицу и, найдя экипаж, отправились в нем к тому месту, где мы оставили остальных. Они стояли и таращили на нас глаза. По периметру города поднимался зеленый туман: машины. производящие воздух хозяев, тоже начали работать. Но это было уже не опасно. Он уходил через расколотый купол и терялся в бесконечной глубине.

Мы собрали своих последователей и направились к выходу из города. На этот раз дверь открылась от нажатия кнопки. Внутри мы нашли рабов, которые должны были готовить новичков ко входу в город. Они были сбиты с толку, и воздух после 18 часов был спертый, но в остальном все было в порядке. Именно они показали нам, как действует поднимающаяся и опускающаяся комната и как открывается стена.

— Треножники... — сказал я. — Многие из них застигнуты снаружи. Может, они ждут там. Если мы откроем...

— Ждут чего? — спросил Фриц. — Они знают, что купол разбит.

— Но у хозяев в треножниках могут быть маски. А машины, производящие их воздух, работают. Они смогут что-нибудь сделать, починить...

Фриц вернулся к тому, как открывается стена. Он спросил:

— В зале треножников человеческий воздух. Как они проходили туда, где снова могли дышать?

— Выход из треножника находится на уровне ворот в верхней части зала. Там они и выходили.

— Ворота открываются снаружи?

— Нет, отсюда. Мы нажимали кнопку по приказу хозяев. — Он указал на решетку в стене. — Их голоса доносились отсюда, хотя сами они находились снаружи, в треножниках.

— Оставайтесь здесь, — сказал Фриц. — Позже вас сменят, но до того времени ваша обязанность — следить, чтобы ворота были закрыты. Ясно?

Он говорил властно, как человек, имеющий право распоряжаться, и его приказы исполнялись без возражений. Нас, четверых оставшихся из отряда, вошедшего в город, окружили почтением и уважением. Хотя люди в шапках больше не находились под контролем хозяев, они испытывали благоговейный страх при мысли о тех, кто осмелился выступить против хозяев и победил их.

Мы поднялись в маленькой комнатке и оказались в зале треножников. Горели зеленые шары, но их свет терялся в блеске дня, лившемся через отверстие в стене, в 50 футов шириною и вдвое больше в высоту. Ряды треножников стояли вдоль стен, неподвижные, неуправляемые. В их присутствии мы снова были пигмеями, но торжествующими пигмеями. Мы прошли в отверстие, и Ян схватил меня за руку.

Над нами угрожающе возвышался еще один треножник.

Фриц крикнул:

— Приготовьтесь разбежаться. Как можно шире, если он нападет. Всех сразу он не схватит.

Но щупальце безжизненно свисало с полушария. Угроза оказалась мнимой. В треножнике не было жизни. Через несколько минут мы поняли это и успокоились. Спокойно прошли в тени треножника, а несколько бывших рабов с криками и смехом радости вскарабкались на одну огромную ногу.

Фриц сказал мне:

— Я думал, у них большой запас воздуха, еды и питья. Ведь они уходят на целые дни и даже недели.

— Какая разница? — ответил я. — Они все мертвы.

Мне хотелось присоединиться к тем, кто карабкался на гиганта, и я продолжал:

— Может, у них разбились сердца!

И может, мое глупое предположение было не так уж далеко от истины. Позже мы установили, что все треножники замерли спустя несколько часов после гибели города. Наши ученые вскрывали тела хозяев. Невозможно было установить, от чего они умерли. Похоже, что от отчаяния. Их мозг не похож на наш. Руки, однако, не умер, вернее, умер, но не тогда. Возможно, что привык к плену и мог противостоять шоку от гибели города. У него еще оставалась надежда на спасение.

День был прекрасный, как бы в честь нашей победы. Большие пушистые облака висели в небе, но между ними виднелись голубые участки, и в них проглядывало солнце. Дул легкий теплый ветерок, пахло весенними цветами. Мы пошли вокруг стены к реке и к убежищу, откуда мы выступили. Нас уже ждали. Мы издали увидели машущих руками людей и поняли, что дни убежищ и страха миновали. Земля снова принадлежала нам.

Здесь был Андре. Он сказал:

— Хорошая работа! Мы думали, что вы не сумеете выбраться.

Фриц рассказал, как мы вновь зажгли огненный бассейн. Андре внимательно слушал.

— Это еще лучше. Ученые сойдут с ума от радости. Тайны хозяев открыты для нас.

Я потянулся и сморщился: напомнили о себе ребра.

— У них будет достаточно времени. Можно не торопиться.

— Нет, — возразил Андре. — Мы выиграли здесь, но возможны контратаки.

— Из других городов? — спросил Фриц. — Когда мы получим оттуда известия?

— Мы их уже получили.

— Но голуби не могут летать так быстро.

— Невидимые лучи быстрее голубей. Мы сами не осме-

ливались их использовать, но прослушивали переговоры хозяев. Передачи из двух городов прекратились, но продолжаются из третьего.

— Того, что на востоке? — предположил я сразу же. — Маленькие желтые люди потерпели неудачу...

— Нет, — возразил Андре. — Из города на западе.

Там должен был находиться Генри. Я подумал о нем, вспомнил наших погибших, и яркий день для меня потускнел.

Но Генри остался жив. Два месяца спустя в замке он рассказал нам троим: Бинполу, Фрицу и мне — о том, что произошло.

С самого начала их поджидали неудачи. В последний момент трое из шести заболели и были заменены другими, менее подготовленными. Один из новичков пытался отговорить их плыть через туннель и попытаться сделать это на следующую ночь. Даже когда они проникли в город, их преследовали неудачи и задержки. Им долго пришлось искать склад с крахмалоподобным веществом, а когда они наконец нашли его, часть дрожжей оказалась негодной. Им также не удалось найти убежища вблизи от очистительных установок, а это означало, что по ночам им приходилось далеко тащить контейнеры с жидкостью.

Но к назначенному времени они получили необходимое количество, и Генри думал, что дальше будет легче. Они должны были начать на рассвете, до появления первой смены хозяев. Но к рампе, ведущей к очистительным машинам, нужно было идти через открытое пространство с садами-бассейнами, и они увидели в одном из бассейнов двух хозяев.

Хозяева как будто боролись, обхватив друг друга щупальцами, вода вокруг билась и пенилась. Мы с Фрицем видели такую картину, когда ночью искали выход из города. Мы не поняли этого — как не поняли и многих других обычаев хозяев, из-за которых ломают головы наши ученые. Генри тоже не понял. Ему оставалось только надеяться, что они скоро кончат и уйдут. Но они не уходили, а время шло. Скоро должна была появиться первая смена.

В конце концов Генри решил рискнуть. Хозяева казались поглощенными своим занятием. Он решил, что они смогут проскользнуть мимо бассейна и пробежать к рампе в тени. Троим это удалось, но четвертый был замечен. С удивительной быстротой хозяева выбрались из бассейна и отправились расследовать, что происходит.

Отряду Генри удалось убить одного из них, наверное, удалось бы убить и другого, как считал Генри, если бы он остался. Но второй хозяин при виде невероятного зрелища — нападения рабов на хозяев — убежал с невероятной скоростью, воя что-то на своем языке. Он, несомненно, вернется

с другими; не было надежды вылить в воду больше десяти контейнеров до этого. Значит, хозяева узнают об опасности. Не только здесь, но и в остальных двух городах — туда немедленно будет послано сообщение по невидимым лучам.

Приходилось признать, что нападение не удалось. Теперь главная цель — избежать плена и раскрытия наших планов, по крайней мере пока не завершится нападение на два других города. Генри велел своим людям рассыпаться и пробираться разными путями к речному выходу.

Он выбрался из города, и с ним еще двое. Они не имели представления, что произошло с остальными тремя, но думали, что они захвачены: они следили за рекой в поисках их тел, но ничего не увидели. (Это была не настоящая река, а создание древних: огромный канал, соединяющий западный океан с еще бо́льшим восточным). В последующие дни всюду бродили треножники, но беглецы отлежались в подземном убежище и не были обнаружены. Впоследствии им удалось добраться до корабля и приплыть к нам.

— Полная неудача, — закончил он.

— Тебе не повезло, — ответил я. — И нам всем нужна была удача для успеха, у тебя ее не было.

— И все же это не полная неудача, — сказал Фриц. — Что бы ни случилось с невернувшимися, очевидно, они продержались достаточно долго. Другие два города не получили предупреждения.

Бинпол сказал:

— Я был с Джулиусом, когда пришло сообщение об этом. Джулиус сказал, что был бы доволен, если бы удалось нападение хотя б на один город. Два — это больше, чем можно было ожидать.

— Но это не меняет того факта, что у них остается Американский континент, — заметил Генри. — Что нам теперь делать? Проникнуть в город теперь вряд ли удастся. И хозяева могут не знать, что произошло, но не будут больше доверять рабам.

— Не пойму, почему они не контратакуют, — сказал я.

— Они еще могут это сделать, — ответил Фриц.

— Немного поздно. Если бы они сумели установить новый передатчик до того, как мы вывели из строя шапки, тогда наше положение было бы гораздо труднее.

Шапки, которые срастались с телом тех, кто их носил, невозможно было снять, но наши ученые нашли способ разрезать их сетку, так что они больше не могли выполнять свое назначение. Мы смогли снять свои фальшивые шапки, которые носили для маскировки. Было удивительно приятно не ощущать давления металла на голову.

Фриц сказал:

— Может, они решили сосредоточиться на обороне. Их города здесь и на востоке разрушены, и тут они ничего не могут сделать. Но через полтора года придет большой корабль с их планеты. Вероятно, они рассчитывают продержаться до того времени. Удерживая один континент, они смогут установить на нем машины для замены воздуха.

— Полтора года... — беспокойно повторил Генри. — Немного же. Ты знаешь наши планы, Бинпол?

— Некоторые.

— Но тебе, наверное, нельзя говорить?

Бинпол улыбнулся.

— Вы скоро узнаете. Думаю, Джулиус все скажет завтра на банкете.

Погода стояла прекрасная, и поэтому банкет провели во дворе замка. На нем предполагалось отпраздновать победу над двумя городами, а мы были активными участниками нападения. Различная морская и речная рыба, цыплята, мясо дикой свиньи, голубиный пирог — все это стояло на столах. Было также искристое вино с севера, которое мы пили на банкете в честь окончания игр. И нам не нужно было готовить пищу, расставлять столы и тому подобное. Существовали люди в шапках. Они — все они — смотрели на нас, как на героев; это смущало, но в то же время было приятно. К тому же пищу готовили повара, которые специально учились этому искусству.

Джулиус говорил о нашем деле. Его похвалы не были чрезмерны, но я почувствовал, что краснею. Особо он упомянул Фрица, и совершенно справедливо. Именно решительность и спокойствие Фрица помогли нам выиграть.

Джулиус продолжал:

— Вы все размышляли над тем, что же дальше. Нам удалось уничтожить города врага здесь и на востоке. Но один город остался невредим, и пока он существует, нож по-прежнему прижат к нашему горлу. Прошло больше половины отпущенного нам времени. Последняя крепость должна быть разрушена до прилета их корабля.

Но она одна. Одна-единственная атака, правильно подготовленная и организованная, может принести нам победу. И могу вам сказать, план ее разработан.

Он основан на их главном уязвимом месте — они чужаки в нашем мире и вынуждены повсюду создавать собственное окружение. В первой атаке мы опьянили хозяев и выключили энергию, приводящую в движение город, но разрушение наступило лишь тогда, когда треснул купол, и их воздух сменился нашим. Именно это нужно сделать с оставшимся городом.

Бесполезно повторять попытку изнутри. В последних сообщениях говорится, что хозяева перестали набирать для го-

рода рабов. Мы не знаем, что случилось с рабами в самом городе, но почти несомненно, что они убиты или получили приказ убить себя сами. Нет, мы должны напасть на них. Вопрос: как?

Мы узнали, что в древние времена люди могли поразить такую большую территорию, как этот город, из-за половины мира. Мы тоже можем создать такие средства, но у нас нет времени. Мы могли бы построить более примитивные орудия, чтобы кидать взрывающиеся снаряды, но это не поможет. В другом сообщении из-за океана говорится, что хозяева опустошили всю территорию на много миль к югу и северу. Там теперь нет ничего живого. Нам нужно что-то другое.

И я считаю, что оно у нас есть. У наших предков было одно достижение, которое, по-видимому, никогда не существовало у хозяев. У них были машины, которые могли летать по воздуху. Хозяева пришли с планеты, тяготение которой делает полеты затруднительными, если не невозможными. Прямо с поверхности они перешли к межпланетным полетам. Вероятно, после завоевания Земли они могли бы скопировать земные машины для полетов в воздухе, но они не сделали этого. Возможно, из-за своеобразной гордости или потому, что считали треножники достаточными для своих целей... или из-за своеобразного каприза и особенностей строения мозга боялись их.

Я вспомнил собственный страх и головокружение, когда поднимался по рампе и шел по узкому карнизу вдоль стены над пирамидами города. Хозяева, очевидно, не испытывали ничего подобного, иначе они не построили бы такой ход. Но страх не всегда рационален. Возможно, они оставались спокойны, пока сохранялся контакт с поверхностью, иначе приходили в ужас.

Джулиус сказал далее:

— Мы построили летающие машины.

Он сказал это спокойно, без подчеркивания, но его слова завершил гул аплодисментов.

Джулиус, улыбаясь, поднял руку.

— Не такие, как у древних, — машины, которые могли переносить сотни людей через западный океан за несколько часов. Да, как ни невероятно вам это кажется, но это правда. Такие машины пока нам недоступны. Мы построили более простые и маленькие. Но они могут летать и нести человека и взрывчатку. Мы используем их и надеемся с их помощью разбить скорлупу врага.

Он продолжал говорить об общем плане. Я ожидал услышать слова о нашем конкретном участии в новом деле, но не услышал. Позже, когда мы смотрели представление нескольких жонглеров, я спросил у него прямо:

— Скоро ли мы начнем учиться летать на этих машинах,

сэр? И будем ли учиться тут или за океаном?

Он посмотрел на меня смеющимися глазами.

— Я думал, ты насытился приключениями, Уилл. Как ты умудряешься столько проглотить и остаться маленьким?

— Не знаю, сэр. Машины действительно построены?

— Да.

— Значит мы можем сразу начать учиться управлять ими?

— Люди уже учатся. В сущности, они уже научились. Сейчас им нужно лишь напрактиковаться.

— Но...

— Но как же твое участие? Послушай, Уилл, полководец не использует все время одно и то же оружие. Вы с Фрицем хорошо поработали и заслужили отдых.

— Сэр! Это было несколько месяцев назад. С тех пор мы ничего не делали, только отъедались. Я предпочел бы учиться летать на этих машинах.

— Я знаю. Но полководец должен уметь организовать своих людей и свое время. Нельзя ждать конца одной операции, чтобы лишь потом начать другую. Мы не смели поднимать машины в воздух, пока жили города хозяев. Но наши люди изучали их и старые книги о полетах. Первая машина поднялась на следующий день после разрушения купола.

Я возразил:

— Но я смогу присоединиться к ним и догнать. Вы говорите, я мал ростом. Разве это не ценно? Машине будет легче нести вес.

Он покачал головой.

— Вес неважен. И пилотов у нас больше, чем нужно. Ты знаешь наши правила, Уилл. Личные приверженности не имеют значения. Важны лишь эффективность и успех. Число машин у нас ограничено. Даже если бы я считал, что ты сумеешь догнать других пилотов — а я так не считаю, — я все равно не пошел бы на это.

Он говорил решительно, и мне пришлось смириться. Позже я рассказал об этом Фрицу. Он выслушал с обычным спокойствием и заметил:

— Джулиус прав, конечно. Нас включили в отряд для нападения на город, потому что мы жили в нем и знали его.Но с летающими машинами у нас нет таких преимуществ.

— Значит, мы должны остаться здесь и бездействовать, когда по ту сторону океана решается все?

— Да. — Фриц пожал плечами. — Выбора у нас нет.

Боюсь, что я не очень хорошо перенес это. Я считал, что вполне могу догнать пилотов, и что наши прошлые дела дают нам право участвовать в последнем нападении. Я надеялся, что Джулиус изменит свое решение, хотя такое случалось не часто. И отказался от надежды, лишь когда он

уехал из нашего замка на другую базу.

Когда я с разбитого укрепления смотрел за его отъездом, ко мне подошел Бинпол. Он спросил:

— Нечего делать, Уилл?

— Мне многое нужно делать. Купаться, загорать, ловить мух...

— Перед отъездом Джулиус разрешил мне начать одно дело. Ты можешь мне помочь.

— Что это? — безучастно спросил я.

— Я тебе рассказывал, что еще до нашей встречи заметил, как поднимается пар из котла. Я пытался построить шар, который смог бы поднять меня в воздух.

— Помню.

— Я хотел улететь в землю, где нет треножников. Конечно, у меня ничего не вышло. Прежде всего, воздух быстро остывал, и шар тут же опускался. Но когда мы разделили воздух на отдельные газы, чтобы сделать для вас маски, мы обнаружили, газы легче воздуха. Если наполнить шар одним из таких газов, он поднимется и останется в воздухе. Такие шары были у древних до того, как они изобрели летающие машины.

Я сказал без всякого энтузиазма:

— Очень интересно. И что я должен буду делать?

— Я убедил Джулиуса выделить мне несколько человек для работы над такими шарами. Мы разобьем лагерь и будем там испытывать шары. Хочешь с нами? Фриц и Генри согласились.

Мое негодование, конечно, было детским, и, примирившись с обстоятельствами, я понял это. Мне помогло то обстоятельство, что воздушные шары оказались удивительно интересными. Мы на телегах отвезли шары вглубь континента, в дикую и почти не населенную местность. Это было высокогорье, конечно, не такое высокое, как Белые горы, но впечатляющее. Бинпол хотел научиться управлять шаром в разных условиях, а многочисленные холмы создавали потоки воздуха.

Сам шар делался из промасленной кожи и заключался в шелковую сетку, которая, в свою очередь, крепилась к корзине. Вот в этой корзине и помещался человек. Корзину привязывали к земле, потом шар наполняли легким газом, и он натягивал веревки. Ему не терпелось в небо. Шары были большие, а корзина была способна нести четверых, хотя обычный экипаж состоял из двоих. В корзине также находился балласт — мешки с песком, которые можно было сбрасывать, если нужно уменьшить вес груза.

Опускаться было сравнительно просто. Нужно было потянуть за веревку и выпустить из шара немного газа. Нетрудно, но дело это требовало осторожности: если открыть клапаны полностью, шар камнем полетит на землю... Не очень приятная перспектива: ведь земля в сотнях футов внизу.

Но это не уменьшало нашего удовольствия. Не припомню ничего такого же возбуждающего, как первый полет. Конечно, я и раньше взлетал над землей, подхваченный щупальцем треножника, и это было ужасно. Здесь же наоборот, все было спокойно. Бинпол опустил последнюю веревку, и мы начали подниматься, быстро, но ровно и устойчиво. Стоял тихий день, и мы поднимались прямо в небо, затянутое мелкими кучевыми облаками. Деревья, кусты, люди — все уменьшалось и отходило. С каждым мгновением наш кругозор все расширялся. Мы чувствовали себя божествами. Мне показалось, что никогда не захочу опускаться на землю. Как прекрасно было бы вечно плыть по воздуху, питаясь солнечным светом и дождем из облаков!

Постепенно мы научились управлять большими шарами, которые поднимали нас и несли по воздуху. Это гораздо более сложное искусство, чем можно подумать. Даже в сравнительно спокойные дни случались вихри, а иногда ветер был очень сильный. Сам Бинпол поговаривал о сооружении гораздо больших шаров с прочной оболочкой, которые могли бы нести двигатель, но это следовало отложить на будущее. Наши же шары полностью зависели от ветра и погоды. Нам пришлось учиться править ими, как каноэ, проводить по невидимым рекам. Мы учились предвидеть погоду по незначительным приметам и угадывать воздушные течения.

Очарованный новым занятием, я смог даже на время забыть о том, что приближалась решающая битва. Самый тяжелый момент, когда присоединившиеся к нам из замка люди сообщили, что наши пилоты отправились за океан. Они плыли на разных кораблях для безопасности, и каждый корабль вез части, из которых на том берегу будут собраны летающие машины. Мы с Генри поговорили об этом. Я обнаружил, что он переживает гораздо больше меня: ведь он был в третьем городе и не сумел его разрушить.

Но нам приходилось сосредоточиться на собственных бесполезных полетах, подниматься высоко над холмами и с разной высоты смотреть на коричневые вершины гор. На земле мы жили в лагере... но эта жизнь включала ловлю рыбы в реках, которые текли сквозь заросли папоротника и вереска. Мы жарили рыбу на горячих угольях. Мы ловили не только кроликов и зайцев, но и оленей и диких кабанов и часто пировали в сумерках возле костра. А потом спали на жесткой земле и просыпались освеженные.

Так шли дни, недели, месяцы. Лето кончалось, и дни укорачивались. Приближалась осень. Вскоре нужно будет возвращаться на зимние квартиры в замок. Но за несколько дней до намеченного возвращения прибыл вестник. Известие было простым: Джулиус срочно вызывал нас к себе. Мы

разобрали шары, погрузили их на телеги и на следующее утро выехали рано под мелким дождем.

Я никогда раньше не видел Джулиуса таким усталым и старым. Глаза у него покраснели; видно было, что он мало спал ночью. Я почувствовал себя виноватым из-за беззаботных дней и ночей на холмах.

Джулиус сказал:

— Лучше вам все сказать прямо. Новости плохие. Хуже быть не может.

— Нападение на третий город... — начал было Бинпол.

— Полностью провалилось.

— Как?

— Подготовка шла хорошо. Мы благополучно доставили все летающие машины и основали три базы: две на севере и одну на юге. Мы замаскировали их как будто удачно, раскрасив машины так, что с высоты они сливались с окружающей местностью. Этот трюк использовали в своих войнах древние. Треножники им не досаждали. Они никак не показывали, что знают о них. И вот в назначенный час с грузом взрывчатки они вылетели к городу...

Джулиус помолчал.

— Никто не долетел. В один и тот же момент двигатели остановились.

— Известно, почему? — резко спросил Бинпол.

— В работе двигателей участвовало электричество. Ты знаешь это лучше меня. На базах, на много миль позади, в тот же момент остановилось все, что действует на основе электричества. Позже машины снова заработали. Ученые считают, что были применены особые невидимые лучи, убивающие электричество на расстоянии.

— А летающие машины, — спросил я. — Что произошло с ними, сэр?

— Большинство разбилось. Некоторым удалось сравнительно благополучно приземлиться. Но пришли из города треножники и уничтожили беспомощные машины.

— Все, сэр?

— Все. Целой осталась лишь одна машина, которая из-за какой-то неисправности не вылетела с базы.

Только тут до нас дошло все ужасное значение его слов. Я был так уверен в удаче нападения, в том, что удивительные машины древних уничтожат последнюю крепость врага. Но не только нападение не удалось, но и оружие, на которое мы так рассчитывали, оказалось бесполезным.

— Итак, сэр? — сказал Бинпол.

Джулиус кивнул.

— Да. Осталась одна возможность. Будем надеяться, что

твои шары нам помогут.

Я спросил Бинпола:

— Ты все время знал, что это возможно, и что можно будет использовать шары, если машины постигнет неудача?

Он с удивлением взглянул на меня.

— Конечно. Ведь не думаешь же ты, что у Джулиуса не было запасного варианта?

— Ты мог сказать мне.

Он пожал плечами.

— Это дело Джулиуса. А шары хороши сами по себе. У древних были такие. Но они отказались от них ради тяжелых машин. Я не уверен, что они были правы.

— Скоро ли мы пересечем океан?

— Не знаю. Нужно еще подготовиться.

— Да, конечно.

Он резко сказал:

— Уилл, перестань улыбаться, как дурак. Нам совсем не до веселья. Было бы гораздо лучше, если бы атака крылатых машин удалась. Как сказал Джулиус, это наша последняя возможность.

Я раскаивающимся тоном сказал:

— Да, я понимаю.

Но раскаяние не было в тот момент моим главным чувством.

Глава восьмая

Пузыри свободы

Мы и наши шары тоже были распределены по разным кораблям для путешествия за океан. Генри и я оказались на одном корабле, водоизмещением четыреста-пятьсот тонн. Перед тем как выйти из гавани, французские моряки предложили нам свое варево, которое предупреждало морскую болезнь. Они сказали, что небо предвещает дурную погоду. Генри принял предложение, а я же отказался. Напиток выглядел сомнительно, и от него отвратительно пахло, а я сказал себе, что уже переплывал моря.

Но то было совсем другое море — узкий канал между моей родиной и Францией — и совсем другие условия. Мы плыли по неспокойным волнам с белыми вершинами, восточный ветер срывал с них брызги. Ветер был попутный, и все паруса нашего корабля — "Королевы" — ловили его. "Королева" качалась под темнеющим небом. А ведь была середина дня. Королева, возможно, но подвыпившая, она шаталась из стороны в сторону и погружала нос во впадины между волнами.

Вначале я испытывал некое неудобство. Мне казалось,

что это пройдет, когда я привыкну. Я стоял у борта рядом с Генри, смеялся и шутил. Но неудобство не проходило, напротив, оно усиливалось. Моряк, который предлагал мне средство от морской болезни, проходя мимо, спросил, как я себя чувствую. Я засмеялся и ответил, что чувствую себя прекрасно — похоже на карусель, на которой я катался мальчишкой. В этот момент корабль устремился с вершины очередной волны в бездну, я закрыл рот и торопливо глотнул. К счастью, моряк уже прошел.

Отныне битва корабля с волнами сопровождалась битвой моего разума с желудком. Я намерен был не показывать своего состояния даже Генри. Поэтому я обрадовался. когда он пошел вниз, сказав, что хочет выпить чего-нибудь горячего. Он спросил, не пойду ли я с ним, но я покачал головой и улыбнулся из последних сил. Он ушел, а я вцепился в перила и глядел на море, уговаривая его или свой желудок успокоиться. Но ничего не вышло. Время тянулось медленно, ничего не происходило, только небо еще больше потемнело, волны увеличивались, а взлеты и падения "Королевы" стали гораздо круче. У меня заболела голова, но я решил не сдаваться.

Кто-то коснулся меня сзади. Генри сказал:

— Ты все еще здесь, Уилл? Ты жаден до свежего морского воздуха.

Я пробормотал что-то. Генри продолжал:

— Я разговаривал с капитаном. Он говорит, что впереди нас может ждать плохая погода.

Я повернулся, не в силах поверить. Плохая погода? Раскрыл рот, собрался что-то сказать, и тут же закрыл его. Генри заботливо отметил:

— Ты здоров, Уилл? У тебя странный цвет лица. Оливково-зеленый...

Я повис на перилах, и меня вырвало. И не один раз, а снова и снова. Желудок мой продолжало выворачивать, когда в нем уже ничего не оставалось. У меня сохранились очень туманные воспоминания о конце дня, ночи и следующем дне; да я и не хочу их вспоминать. Приходил французский моряк со своей микстурой, и Генри силой влил мне ее в рот. Вероятно, мне стало лучше, но все же я никогда так плохо себя не чувствовал.

Постепенно состояние мое улучшилось. На четвертое утро, хотя я все еще испытывал тошноту, мне захотелось есть. Я помылся соленой водой, привел себя в порядок и, покачиваясь, направился к камбузу. Кок, толстый, смешливый человек, гордившийся своим английским, сказал:

— А ты лучше, нет? У тебя хорошо аппетит, быстро завтрак?

Я улыбнулся.

— Думаю съесть что-нибудь.

— Хорошо, хорош. У нас есть особ завтрак. Готовый.

Он протянул мне тарелку, и я взял ее. На тарелке лежали ломти бекона. Толстые, с жирным мясом, с тонкой розовой полосочкой, они буквально купались в жире. Кок смотрел на меня. Тут корабль качнулся в одну сторону, мой желудок — в другую, я торопливо поставил тарелку и, шатаясь, двинулся на палубу, к свежему воздуху. За собой я слышал веселый хохот кока.

Однако на следующий день мне стало совсем хорошо. После вынужденной голодовки у меня развился чудовищный аппетит. Пища на корабле была хорошая(жирный бекон, как я узнал, был старой корабельной шуткой коков, а наш кок был особенно охоч до шуток). Улучшилась и погода. На море были еще волны, но уже не такие большие, и поверхность воды отражала чистое голубое небо с пригоршней кучевых облаков. Ветер оставался свежим, хотя переменился на северо-западный. Это было не лучшее для нас направление, и приходилось все время маневрировать, чтобы продвигаться вперед. Мы с Генри предложили свои услуги, но нам отказали, вежливо, но решительно. Мы поняли, что наши неопытные руки и дрожащие пальцы служили бы морякам не поддержкой, а помехой.

И вот мы были осуждены на созерцание неба и моря и на общество друг друга. После возвращения из Америки я заметил в Генри перемену. Она еще яснее проявилась в лето наших занятий шарами.. Это была не просто физическая перемена, хотя он стал много выше и стройнее. Изменился и его характер. Он стал сдержанней, и я чувствовал, что это объясняется уверенностью в себе и в своих жизненных целях. Причем эти цели отличались от нашей общей цели — победить и уничтожить хозяев. Мы вели общую жизнь в холмах, и у нас там было мало возможностей к доверительным беседам. Только здесь, в долгие солнечные зимние дни, когда море пусто тянулось во всех направлениях, я получил некоторое представление о его целях.

В тех редких случаях, когда я заглядывал за нашу ближайшую цель и думал о мире, освобожденном от угнетателей, мне представлялись лишь смутные и туманные картины. Боюсь, что главное место в них занимали удовольствия. Мысленно я наслаждался охотой, ездой верхом, рыбалкой — всем тем, что мне так нравилось. И все это было в сто раз радостней от сознания, что никогда больше не появится на горизонте треножник, что мы хозяева своего мира и что города строятся только для людей.

Мысли Генри были совсем иными. На него произвела сильное впечатление первая поездка за океан. Он со своими товарищами высадился к северу от города на перешейке в

том месте, где люди говорили по-английски, хотя и со странным акцентом. Его поразил тот факт, что здесь, через тысячу миль, он мог говорить и все понимать, в то время как, преодолев около двухсот миль, мы попали во Францию и не могли общаться с теми, кто жил там.

Он начал размышлять о разделении людей, которое существовало до прихода хозяев и которое хозяева, всегда представлявшие единую расу с одним языком, никогда не могли понять, хотя и не преминули им воспользоваться. Казалось чудовищным положение, когда люди могли убивать других людей, совсем незнакомых, только за то, что те жили в чужой стране. Во всяком случае это прекратилось с приходом хозяев.

— Они принесли мир, — согласился я, — но что это за мир! Мир послушного скота.

— Да, — сказал Генри. — Это верно. Но неужели свобода означает взаимное убийство?

— Люди больше не воюют друг с другом. Мы все боремся с общим врагом: француз Бинпол, немец Фриц, твой друг американец Уолт...

— Сейчас да. Но потом, когда мы уничтожим хозяев, что будет потом?

— Конечно, мы останемся едиными. Мы получили урок.

— Ты уверен?

— Конечно! Немыслимо, чтобы люди снова начали воевать друг с другом.

Он молчал. Мы смотрели на море. Где-то далеко что-то вспыхнуло, но я решил, что это обман зрения. Там ничего не может быть. Генри сказал:

— Вовсе не немыслимо, Уилл. Я думал об этом. Этого не должно произойти, но придется немало поработать.

Я начал расспрашивать, и он отвечал на вопросы. По-видимому, он поставил перед собой главную цель — установить мир между людьми в свободном мире. Я почувствовал невольное уважение, хотя он не вполне меня убедил. Я знал, что в прошлом существовали войны, но ведь тогда людей ничего не объединяло. Теперь нас объединяет борьба с хозяевами. Невозможно представить себе, что, объединившись, мы откажемся от этого единства. Как только кончится наша война...

Генри что-то говорил, но я прервал его, схватив за руку.

— Там что-то есть. Я заметил раньше, но не был уверен. Какая-то вспышка. Может это иметь отношение к треножникам? Неужели они могут путешествовать по морю?

— Я удивился бы, обнаружив их посреди океана, — ответил Генри.

Он смотрел, куда я показывал. Вспышка повторилась.

— Слишком низко для треножника! Над самой поверхностью воды. Я думаю, это летучие рыбы.

— Летучие рыбы?

— Они на самом деле не летают. Выпрыгивают из воды, когда их преследует дельфин, и скользят по поверхности, используя плавник как парус. Иногда попадают и на борт судов.

— Ты их видел раньше?

Генри покачал головой.

— Нет, но моряки рассказывали мне о них и о многом другом. О китах, огромных, как дом, что выпускают фонтаны воды из головы, об огромных спрутах, о существах в теплых морях, которые похожи на женщин и кормят детенышей грудью. Море полно чудес.

Я мог представить себе, как он слушает моряков. Генри стал хорошим слушателем, и внимательным, и вежливым, и заинтересованным. Это была еще одна перемена в дерзком неразумном мальчишке, которого я знал. Я понял, что если после нашей победы понадобится сохранить единство человечества, Генри как раз из тех людей, кто сможет это сделать. За минувшие годы Бинпол стал одним из самых известных наших ученых, Фриц был признан лучшим командиром, и даже у меня были (главным образом благодаря везению) моменты славы. Генри повезло меньше, главное его предприятие потерпело неудачу, хотя и не по его вине. Но, возможно, в мире будущего он ценнее нас всех. Даже Бинпола, потому что какой смысл восстанавливать города-гиганты, если они снова будут разрушены?

Хотя совершенно невероятно, чтобы подобное повторилось. И во всяком случае хозяева еще не побеждены. До этого еще далеко.

Последняя часть нашего пути пролегала по темным морям. Мы направлялись южнее, чем в первом путешествии Генри. Нам предстояло высадиться влизи нашей второй базы в горах, в нескольких сотнях миль к востоку от города. (Любопытно, что хоть два континента Америки лежат к северу и югу друг от друга, узкий перешеек между ними тянется с востока на запад). Главная база, откуда выступили летающие машины, после неудачи была покинута. Нам было известно, что в этой местности почти весь год будет устойчивый северо-восточный ветер.

Море было полно островов всех форм и размеров, некоторые маленькие, другие такие огромные, что если бы моряки не предупредили меня, я принял бы их за континент. Мы проплыли близко от них и видели соблазнительную зелень холмов, золото песка, кроны деревьев раскачивались на ветру... Только самые большие острова были населены, на остальные хозяева наложили табу. Прекрасно было бы высадиться и осмотреть эти острова. Возможно, когда все окончится... Генри пусть занимается своими проповедями.

А от меня тут толку не будет.

Наконец мы пристали и вышли на берег, ощущая подошвами непривычно твердую землю. И тут же поняли, что мы на земле врага. Мы разгружались, чтобы на следующий день тронуться вглубь. Работа была тяжелая, и ее не облегчил проливной дождь. Ничего подобного я раньше не видел: как будто сплошная стена обрушилась с неба. За несколько секунд мы промокли до нитки.

Впрочем, утром солнце снова жгло сквозь листву незнакомых деревьев. Я пошел на ближайшую поляну, чтобы вымыться и высушить одежду. Оттуда мне была видна береговая линия и ближайшие острова. И кое-что еще. На расстоянии многих миль, но отчетливо видное на горизонте, залитом солнцем.

Треножник.

Нам потребовалось несколько дней, чтобы добраться до базы, и еще неделя на завершение подготовки. После этого оставалось только ждать.

Мне приходилось ждать и раньше, и я думал, что научился терпению. Позади были долгие месяцы подготовки к играм, казавшиеся бесконечными недели вынужденной бездеятельности в пещерах, дни на реке, когда мы готовились к вторжению в город. Я думал, что все это научило меня ждать, но ничего подобного. Это ожидание было совершенно иным. Теперь мы зависели не только от человеческих решений, даже не от хозяев, а от капризов гораздо большей силы — от природы.

Штаб наш, куда входил и Бинпол, совещался с участниками предыдущей экспедиции, уроженцами этих мест, которые хорошо знали их. Нам нужен был ветер, который мог бы отнести наши шары к городу, ветер с северо-востока. Именно этот преобладающий ветер сопровождал нас в последней части пути по морю. К несчастью, именно на нашем участке местности ветер затих. Приходилось ждать.

Мы расставили поближе к городу наблюдательные посты. Оттуда нам при помощи голубей сообщали изменения в погоде. А пока нам только оставалось ворчать на задержку.

А ждать пришлось немало. Мы прибыли предпоследними, на следующий день появилась последняя группа, но многие ждали уже давно. Я с трудом сохранял спокойствие. Характер у меня ухудшился, и я вспыхивал при малейшем поводе. Наконец, когда один из наших пошутил — он заметил: я так полон горячим воздухом, что мне и не нужен шар, — я ударил его, мы сцепились и яростно дрались, пока нас не растащили.

Вечером со мной разговаривал Фриц.

Мы находились в палатке, которая, как и все остальные,

протекала в нескольких местах. Здешние дожди нелегко удержать навесом. Я сказал, что сожалею о случившемся, но на Фрица это не произвело впечатления.

— Ты и раньше сожалел, — сказал он мне, — но продолжал действовать, не раздумывая, поддаваясь минутному порыву. Мы не можем позволить здесь раздоры. Нам нужно жить и сражаться вместе.

— Я знаю, — ответил я. — Постараюсь справиться с собой. — Он смотрел на меня. И я знал, что он меня любит, я тоже любил его. Мы вместе делили трудности и опасности и давно знали друг друга. Тем не менее у него было угрюмое выражение лица.

— Как ты знаешь, я руковожу операцией, — сказал он. — Мы с Джулиусом обсудили много вопросов перед отправлением. Он сказал, что если я не буду уверен в ком-нибудь, то его нужно немедленно отстранить от операции. В частности, он говорил о тебе, Уилл.

Он любил меня, но долг был превыше всего. Так у Фрица было всегда. И я попросил у него последней возможности. Он согласился со мной, покачав головой, но сказал, что это и на самом деле будет для меня последняя возможность. Если возникнут какие-нибудь неприятности с моим участием, он не станет искать виновных. А я буду отстранен.

На следующее утро во время обычного осмотра шаров тот, с кем я накануне подрался, подставил мне ногу— случайно, а может быть и нет, — и я растянулся. Я не только ударился локтем о камень, но приземлился в грязной луже. Я закрыл глаза и лежал, пока не прошло по крайней мере пять секунд. Лежал, улыбаясь и сжимая зубы.

Два дня спустя во время ливня мы увидели тощего голубя на шесте перед голубятней. К его лапке был прикреплен маленький листок бумаги.

В нашем распоряжении было двенадцать шаров, с одним человеком на каждом, чтобы нести как можно больше взрывчатки. Она находилась в металлических контейнерах, похожих на ребристые металлические яйца, которые мы когда-то нашли в руинах города-гиганта, но гораздо больших по размеру. Нелегко было переваливать их через край корзины. Они были снабжены запалом, который срабатывал через четыре секунды после спуска.

Это значит, объяснял нам Бинпол, что бросать бомбу нужно с высоты сто пятьдесят футов. Этот расчет был основан на законе, открытом великим ученым древности по имени Ньютон. Бинпол постарался объяснить его мне, но я не понял. Падающий предмет проходит фут за одну шестнадцатую секунды, и скорость его падения увеличивается. За

первую секунду он пролетит шестнадцать футов, за две секунды — шестьдесят четыре фута, за три — сто сорок четыре. На четвертой секунде бомба должна оказаться в наилучшем положении для взрыва.

Мы снова и снова тренировались с фальшивыми бомбами, учась определять расстояние от земли, оценивать время и т.д. Приходилось учитывать также поступательное движение шара, от чего место попадания бомбы менялось. Мы хорошо овладели этим искусством. Теперь оставалось применить его.

Шары с двухсекундными интервалами поднялись в промокшее серое небо, и ветер с океана подхватил их. Наш порядок был определен Фрицем, который летел первым. Я шел шестым, Генри — десятым. Поднимаясь в небо, я бросил взгляд вниз, на тех, кто оставался в лагере. Бинпол смотрел вверх, его очки совершенно залил дождь, но он все равно смотрел на нас. Не везет Бинполу, подумал я, но эта мысль тотчас же исчезла. Я был свободен, кончились все задержки и раздражения. Дождь насквозь промочил меня, но это уже не имело значения.

Мы длинной линией, все еще сохранявшей некоторую правильность, поднялись выше. Местность, над которой мы пролетали, выглядела странно: низкие круглые холмы, покрытые густым лесом, тянулись до самого океана. Дождь продолжался. Постепенно холмы становились ниже, а леса уступили место полям. Изредка виднелись маленькие деревушки с белыми домиками. Появилась и река, и наш курс некоторое время проходил над нею.

Наша линия потеряла стройность, действовали местные порывы ветра. Некоторые шары летели быстрее других. Я с недовольством заметил, что мой шар отстает. Теперь мы летели двумя группами: девять шаров впереди и три, включая мой, позади. Генри тоже был среди этих трех. Я помахал ему рукой, он ответил тем же. Но мы были слишком далеко, чтобы я смог разглядеть выражение его лица.

Мы потеряли из вида реку, но вскоре нашли ее или другую. Если это была та же самая река, то она стала шире. Дальше она впадала в озеро — длинную полосу воды, растянувшуюся почти на десять миль справа от нас. Местность внизу была голая и безжизненная. Это была часть территории вокруг города, которую хозяева опустошили в качестве защитной меры. Я пристально всматривался вперед, но не видел ничего, кроме воды справа и обгоревшей пустой земли слева. Передние шары увеличили скорость относительно нас, отстающих. Это разъярило меня, но я ничего не мог сделать.

На самом деле все мы продвигались вперед медленнее, потому что ветер уменьшился. Дождь совсем прекратился. Наш курс был тщательно рассчитан, но мне казалось, что либо расчет неверен, либо ветер изменил

направление, и мы бесцельно улетаем и от океана и от города. Спереди озеро отклонялось вправо. И тут...

Оно шло точно на запад, прямое, абсолютно правильное углубление, которое выкопали древние, чтобы их корабли могли через перешеек попадать из океана в океан. На нем теперь не было кораблей, но зато вдали виднелось нечто другое — огромный зелено-золотой жук. Расчет оказался верен. Прямо перед нами лежал третий город хозяев.

Но рассматривать его у меня не было времени. Мое внимание было привлечено к тому, что появилось из-за холмов слева от города. На свою базу возвращался треножник. Но заметив пляшущую в воздухе цепочку пузырей, он изменил курс. Он догнал их, когда первый шар был в ста ярдах от городской стены. Щупальце взвилось в воздух, но промахнулось, так как летчик, заметив угрозу, выбросил балласт и поднялся выше. Второй шар приближался к треножнику. Щупальце снова взвилось и на этот раз достигло цели. Шар лопнул, а корзина ударилась о землю.

Треножник напоминал человека, бьющего насекомых. Еще два шара полетели вниз. Но остальные пролетели мимо. Первый из них уже достиг города. Что-то выпало из него. Я считал: один, два, три... ничего не случилось. Бомба не взорвалась.

Еще два шара пролетели мимо цели, слева от нее. Но оставшиеся три приближались к огромному зеленому куполу. Упала другая бомба. Снова я начал считать. Послышался взрыв. Но насколько я мог видеть, купол уцелел. Больше я не мог следить за тем, что происходило впереди. Прямо подо мной находился треножник.

Все предыдущие выбрасывали балласт для того, чтобы подняться и избежать удара врага. Я предположил, что он уже приспособился к такому маневру. Подождав, пока щупальце двинется вверх, я потянул за веревку, и мой шар резко пошел вниз. Щупальце пролетело над ним. Я не знал, насколько оно промахнулось: все мое внимание заняла быстро приближающаяся земля. Я торопливо выбросил мешки с песком, и шар полетел вверх. Треножник остался позади, город — впереди. Я видел, как один из оставшихся шаров разбился о землю, второй пролетел. Я надеялся, что в оставшемся Генри, но не мог рассмотреть летчика.

Я слышал еще два взрыва, но город по-прежнему стоял на месте. Мой шар находился над куполом, и я сквозь прозрачную зелень видел вершины пирамид. Нажав спуск, я потащил бомбу через край корзины и выпустил ее.

Шар поднялся, освободившись от тяжести. Я считал секунды. Не успел я досчитать до трех, как бомба ударилась о купол и отскочила от него. В воздухе она взорвалась, и взрывная волна подбросила мой шар. Я взглянул вниз и с от-

чаянием увидел, что купол невредим. Оставалась одна надежда, один хрупкий шар, чтобы разбить могучую крепость врага.

В последнем шаре летел Генри. Я узнал его по цвету его куртки. Он находился точно над центром города. Но не сохранил высоту, которую указали ученые и Бинпол. Я видел, как он опускается, опускается... И его корзина задела за купол.

И тут я понял, что он хочет сделать. Он видел неудачу предыдущих и догадался о ее причине. Наши ученые экспериментировали на кусках разбитого купола и считали бомбу достаточно мощной. Но здесь бомбы рикошетировали и взрывались, не прилегая к куполу. И, сбрасывая бомбу, большего добиться было невозможно.

Иное дело — положить бомбу на купол. Я пролетал над краем купола. Но Генри был точно над центром. Так огромен был купол, что изгиб его в центре был совсем не заметен, и человек мог ходить по нему.

Я был полон надежды и ужаса. Корзина снова скользнула, подпрыгнула, опустилась. Я видел маленькую фигурку, которая что-то поднимала. Мне хотелось крикнуть Генри, чтобы он оставил бомбу и улетал. Бомба взорвется, скользя по куполу, но он все равно не услышал бы. Я видел, как он перелез через край корзины. Шар, освободившись, резко взвился в серое угрюмое небо. Генри остался на куполе — крошечная фигурка на огромном сверкающем поле.

Он что-то держал обеими руками.

Я отвернулся. Лишь через несколько секунд после взрыва у меня хватило мужества посмотреть. Воздух хозяев с ревом вырывался зеленым столбом сквозь рваную дыру. Пока я смотрел, дыра все более увеличивалась.

Я слепо потянул за веревку и повел свой шар к ожидавшей земле.

Глава девятая

Конференция человечества

Снова мы втроем поднимались по туннелю внутри горы к вершине, покрытой вечными снегами и льдом. Тогда мы шли пешком не торопясь, останавливались, когда уставали и освещали дорогу толстыми свечами, которыми пользовались в пещерах. Не совсем те же трое. Фриц занял место Генри.

Теперь двигались мы по-иному. Не пешком, а в одном из четырех вагонов маленького поезда, приводившегося в движение электричеством. И путь нам освещали не свечи, а яркое и ровное свечение, при котором можно было даже читать. Мы не несли с собой еду: она ждала нас в конце пути;

там большой штат ждал на высоте в одиннадцать тысяч футов над уровнем моря делегатов и тех счастливцев, которые были приглашены на конференцию человечества.

По желанию Джулиуса конференция проводилась здесь, высоко среди вершин Белых гор, которые укрывали первые гнезда сопротивления завоевателям. Мы вместе с другими выжившими участниками битвы тоже были приглашены по желанию Джулиуса. Мы не были делегатами, хотя, вероятно, могли бы ими стать, если бы захотели. Я не хвастаю, говоря это. Те, кто участвовал в борьбе с хозяевами и победил их, могли претендовать на все, что угодно... и выносить такое преклонение, что мы предпочитали поиски спокойствия и уединения.

Мы трое искали его по-разному. Бинпол работал в больших лабораториях, построенных во Франции, недалеко от замка у моря. Фриц стал фермером у себя на родине и все время отдавал уходу за животными и посевами. А я, более беспокойный и менее целеустремленный, нежели они, нашел мир в исследовании тех далеких областей, которые хозяева полностью лишили прежнего человеческого населения. На корабле с полудюжиной опытных моряков я плавал по морям и приставал в чужих забытых гаванях на незнакомых берегах. Мы плавали под парусами. У нас уже были корабли с двигателями, но мы предпочитали прежний способ.

Это была наша первая встреча за два года. Мы много смеялись и разговаривали в городе между двумя озерами, но во время долгого пути в горах разговоры прекратились. Мы погрузились в собственные мысли. Я был меланхолично настроен. Вспоминал прошлое и наши совместные дела. Приятно было бы сохранить прежнюю тесную дружбу. Приятно, но, увы, невозможно. То, что свело нас вместе, исчезло, а теперь наши дороги разошлись в соответствии с нашими характерами и потребностями. И мы изредка встречались, но всегда почти как незнакомые — может, состарившись, мы сможем сидеть вместе и обмениваться воспоминаниями.

Потому что победа все изменила. Были и месяцы беспокойного ожидания большого корабля, но даже в это время Земля приходила в себя, восстанавливала забытые умения, сжимая в месяцы то, что наши предки сделали за десятилетия и даже за столетия. И лишь когда однажды осенней ночью в небе вспыхнула новая звезда, люди остановились, затаив дыхание, и беспокойно смотрели в небо.

Эта звезда двигалась — огненная точка среди неподвижных знакомых звезд. В мощные телескопы виден был металлический цилиндр корабля. Ученые произвели расчеты его размеров, и результаты получились поразительные. Более мили в длину и четверть мили шириной в самой толстой

части. Он перешел на круговую орбиту, а мы напряженно ожидали, что он предпримет, не получив ответа от колонистов.

В первый раз они победили хитростью, но вторично она не подействует. Воздух нашей планеты для них ядовит, а базы у них нет. Люди по-прежнему носят шапки, но эти шапки не контролируют их. Они могут попытаться основать новую базу, но мы создавали все более и более мощное оружие. Победив их, когда они были могущественны, а мы ничтожно слабы, мы знали, что в будущем не должны давать им ни одного шанса.

Они могли обрушить смерть и разрушение со своего безопасного неба. К такой возможности склонялось большинство, и сам я вначале думал так же. Они могли рассчитывать, что после долгой бомбардировки мы будем настолько ослаблены и падем духом, что они смогут высадиться и снова править нашей обожженной почерневшей планетой. В таком случае предстояла долгая и жестокая борьба, но мы бы выиграли ее в конце концов.

Ничего этого они не сделали. Лишь сбросили три бомбы, по одной на каждую цель, и полностью их уничтожили. Целью были мертвые золотые города их колонистов. Мы потеряли людей, работавших там в это время, в том числе многих ученых. Но потери составляли сотни людей, а могли погибнуть миллионы. А когда взорвалась третья бомба, последний хозяин, оставшийся на Земле, забеспокоился в своей комнате — новой, хорошо оборудованной, с высоким потолком, садом-бассейном и стеклянной передней стенкой, чтобы на него могли смотреть люди, как на зверя в зоопарке, — Руки взвыл, упал и умер.

Поезд прошел последние промежуточные станции, и снова сомкнулись стены тоннеля над нами. Я спросил:

— Почему они так легко сдались? Я этого так и не понял.

Фриц удивился, но, должно быть, Бинпол думал так же. Он сказал:

— Вряд ли кто-нибудь знает. Я читал недавно новую книгу. Автор ее последние месяцы наблюдал за Руки. Мы многое узнали о том, как функционируют их тела, по вскрытиям, но их мозг все еще остается загадкой. У них было иное, чем у людей, отношение к судьбе. Хозяева в треножниках умерли, когда погиб их город. Руки каким-то непонятным способом узнал, что корабль покинул его и повернул в глубины космоса. Не думаю, чтобы мы когда-нибудь узнали, как это происходит.

— Возможно, мы снова встретимся с ними, — сказал я. — Как продвигается постройка лунной ракеты?

— Хорошо, — ответил Бинпол. — А также и разработка атомного двигателя, правда, более слабого, чем у древних. Лет через сто, а может через пятьдесят мы полетим к звездам.

— Не я, — весело ответил я. — Я останусь в своих тропических морях.

Фриц сказал:

— Если мы снова встретимся с ними...И настанет их очередь бояться нас.

В зале конференции с одной стороны были большие окна, и через них виднелись горные вершины, белые от снега. Солнце сверкало на безоблачном небе. Все было резким и ослепляющим; таким ярким, что нужны были очки, чтобы смотреть дольше нескольких мгновений.

В зале за столом сидел совет во главе с Джулиусом, их стол находился на помосте, лишь слегка приподнятом над полом. Большая часть зала была занята сидениями делегатов. В дальнем конце зала за шелковым шнуром были наши места. Здесь находились получившие особые приглашения, подобно нам, некоторые чиновники и представители газет и радио. Нам пообещали, что через год-два будет введено телевидение, и люди смогут в своих домах видеть, что происходит на другом конце мира. Именно это изобретение использовали хозяева для предварительного гипноза, и наши ученые хотели добиться, чтобы этого больше не случилось.

Помещение, огромное, с высоким потолком, было переполнено. Мы сидели впереди и смотрели прямо на сидения делегатов, расставленные концентрическими кругами. Каждый секция имела знак страны, откуда эти делегаты. Я видел название своей родины, Англии, названия Франции, Германии, Италии, России, Соединенных Штатов Америки, Китая, Египта, Турции... Невозможно было разглядеть все.

Из двери в противоположном конце зала начали выходить члены совета и занимали места за своим столом. Мы все встали. Джулиус шел последним, тяжело опираясь на палку, и его появление встретила буря аплодисментов. Когда они стихли, секретарь совета, по имени Умберто, заговорил. Он был краток. Объявил конференцию человечества открытой и предоставил слово президенту совета.

Снова аплодисменты, которые Джулиус остановил, подняв руку. Прошло два года с тех пор, как я видел его. Он как будто не очень изменился. Немного больше согнулся, но выглядел бодро, а голос звучал сильно.

Он не тратил времени на разговоры о прошлом. Нас больше интересует настоящее и будущее. Ученые и техники быстро восстанавливают знания и искусства древних и даже перегоняют их. Последствия этого трудно переоценить. Но прекрасное будущее во многом зависит от того, как человечество будет управлять собой, потому что человек — мера всех вещей.

Прекрасное будущее... Джулиус имеет право говорить так

от имени всего человечества, подумал я. Человечество проявило неутолимый аппетит к игрушкам и чудесам древних. Повсюду в так называемых цивилизованных странах с восторгом слушали радио и нетерпеливо ждали телевидения. По пути сюда я навестил своих родителей и слышал, как отец говорит о проводке электричества на мельницу. В Винчестере вокруг собора поднялись новые каменные здания.

Этого хотело большинство людей, но не я. Я думал о мире, в котором родился и вырос — мире деревушек и маленьких городков, о мирной упорядоченной жизни, неторопливой, спокойной, зависящей лишь от времени года. Я думал о своей жизни в замке де ла Тур Роже, о ручьях с форелью, о сквайрах, смеющихся и разговаривающих, о рыцарях, фехтующих на турнирах...И об Элоизе. Лицо ее, маленькое и спокойное под голубым тюрбаном, так ясно стояло передо мной, как будто я видел его вчера. Нет, прекрасный новый мир, который хотели все построить, не привлекал меня. К счастью, я мог повернуться к нему спиной и отправиться по пустынным морям в далекие гавани.

Джулиус продолжал говорить о правительстве. Это главный вопрос, и все остальное зависит от него. Совет был образован в дни, когда горстка людей скрывалась в пещерах и планировала восстановление свободы мира. Свобода достигнута, возникли местные правительства по всей Земле, каждое управляет своей территорией. Международные отношения, управление наукой и другие вопросы отошли к юрисдикции совета.

Ясно, что существование такой системы в интересах каждого. Но также важно, чтобы система действовала под демократическим контролем населения всей Земли. По этой причине совет готов самораспуститься и передать свои функции аналогичному, хотя и большему органу, который будет достаточно представительным. Это потребует изучения и организации и соответствующего переходного периода. Конференция должна также утвердить состав нового совета.

— Это все, что мне необходимо было сказать, — закончил Джулиус. — Остается только поблагодарить всех за сотрудничество в прошлом и пожелать удачи новому совету и новому президенту.

Он сел среди новой волны аплодисментов. Они звучали громко,но, к моему удивлению, быстро оборвались. Некоторые вообще не хлопали. Когда шум стих, кто-то встал, но секретарь, действовавший, как председатель конференции, сказал:

— Слово предоставляется делегату Италии.

Выступавший, низкорослый смуглый человек, с облаком волос вокруг серебряной решетки шапки, сказал:

— Я предлагаю прежде всего переизбрать Джулиуса президентом совета.

Послышались одобрительные возгласы, но не от всех делегатов.

Делегат Германии сказал:

— Поддерживаю это предложение.

Послышались крики:

— Голосуйте!

Встал еще один делегат. Я узнал его. Это был Пьер, который выступал против Джулиуса шесть лет назад в пещерах. Он был делегатом от Франции.

Начал он спокойно, но под его спокойствием таилась ярость. Вначале он напал на предложенную процедуру, по которой первым выбирался президент. Выборы президента должны следовать за формированием правительства, а не предшествовать ему. Он выступил также против переходного периода. В нем нет необходимости. Конференция обладает правом создать эффективный постоянный совет и должна сделать это. Мы зря тратим время.

Он помолчал и потом, глядя прямо на Джулиуса, продолжал:

— Дело не только в трате времени. Джентльмены, эта конференция проходит здесь не случайно. Было заранее известно, что некоторые делегаты предложат переизбрать президентом Джулиуса. Мы должны были просто утвердить это избрание. Должны были утвердить власть деспота.

Последовал взрыв криков и рева. Пьер подождал, пока все не затихли, и продолжал:

— Во времена кризиса необходимо было вручать всю власть одному человеку — диктатору. Но кризис миновал. Мир, который мы создаем, должен быть демократическим. Мы не можем давать волю чувствам или другим слабостям. Мы посланы сюда представлять свои народы, служить их интересам.

Итальянский делегат крикнул:

— Джулиус спас нас всех.

— Нет, — возразил Пьер, — это неверно. И были другие, кто боролся за свободу, сотни, тысячи других. Мы признавали Джулиуса руководителем, но сейчас в этом нет необходимости. Возьмем эту конференцию. Совет должен был давным-давно созвать ее. Его власть существовала лишь до полного уничтожения хозяев. А это произошло почти три года назад, и только теперь, неохотно...

Последовала новая буря, были слышны слова немецкого делегата:

— Раньше это было невозможно. Нужна была подготовка...

Пьер прервал его:

— А почему здесь? Есть десятки, сотни мест в мире, которые больше подходят для проведения этой конференции. Мы здесь по прихоти стареющего тирана. Да, я настаиваю

на этом! Джулиус захотел, чтобы конференция состоялась здесь, среди вершин Белых гор. Это еще одно напоминание о нашем предполагаемом долге перед ним. Многие делегаты родом из низин и чувствуют себя здесь плохо. Некоторые заболели горной болезнью и вынуждены были переселиться ниже. Но это не беспокоит Джулиуса. Он призвал нас сюда, в Белые горы, думая, что здесь мы не осмелимся голосовать против него. Но если люди беспокоятся о своей свободе, Джулиус увидит, что он ошибся.

Крики и споры пронеслись по всему залу. Один из американских делегатов произнес короткую сильную речь в поддержку Джулиуса. Китайский делегат тоже. Но другие поддержали Пьера. Делегат Индии заявил, что личности не имеют значения. Важно создать сильное и эффективное правительство, а для этого нужен сильный руководитель. А не ослабленный преклонным возрастом. Джулиус сделал великое дело, и его долго будут помнить. Но его место теперь должно быть занято более молодым человеком.

Фриц рядом со мной сказал:

— Проголосуют против него.

— Это немыслимо, — возразил я. — Кричат лишь некоторые, но когда дойдет до голосования...

Обсуждение продолжалось. Наконец начали голосовать предложение о переизбрании Джулиуса президентом. Зал был оборудован электрическим устройством: делегаты нажимали кнопку "за" или "против", и результаты появлялись на табло. Там загорелись большие цифры.

За — сто пятьдесят два.

Я затаил дыхание.

Против — сто шестьдесят четыре.

Последующая буря приветствий и негодующих возгласов была более яростной, чем все предыдущие. Она не кончилась, пока не встал Джулиус. Он сказал:

— Конференция приняла решение. — Внешне он не изменился, но голос его звучал устало. — Мы все должны согласиться с ним. Я хочу лишь, чтобы мы оставались едиными при любом президенте и совете. Люди не в счет. Важно лишь единство.

Аплодисменты на этот раз звучали недолго. Старший представитель Соединенных Штатов сказал:

— Мы прибыли с доброй верой, готовые сотрудничать с людьми всех наций. А услышали только болтовню и оскорбление великого человека. Исторические книги говорили нам о том, каковы европейцы, что они никогда не меняются, но мы не верили этому. Что же, теперь мы верим. Наша делегация покидает конференцию. У вас есть свой собственный континент, а у нас свой, и мы сами позаботимся о себе.

Американцы собрали свои вещи и направились к выходу.

Прежде чем они вышли, китайский делегат своим мягким голосом сказал:

— Мы согласны с американской делегацией. Мы считаем, что наши интересы не может защитить совет, разрываемый страстями, как мы это видели сегодня. К сожалению, мы должны покинуть конференцию.

Один из немецких делегатов сказал:

— Это работа Франции. Французы заняты лишь своими интересами и амбициями. Они хотят править Европой, как правили ею раньше. Но я должен сказать им: берегитесь! У нас, немцев, есть армия, которая сумеет защитить наши границы, и есть авиация...

Его слова затерялись в настоящем аду. Я видел, как встал английский делегат и направился к выходу. Я взглянул на Джулиуса. Тот сидел, опустив голову, закрыв глаза руками.

Из зала конференции по твердому снегу можно было подняться по склону Юнгфрау. И Юнгфрау сверкала слева от нас, Менх и Эльгер — справа. Виднелся круглый купол обсерватории, которая снова использовалась для наблюдений за бесстрастными небесами. Снежные поля над нами расступились, и стали видны зеленые поля внизу. Солнце садилось, появились тени.

Мы молчали, выйдя из зала. Наконец Бинпол сказал:

— Если бы Генри не умер...

— Что может сделать один человек?

— Многое. Джулиус сделал. Но Генри был бы не один. Я помогал бы ему, если бы он захотел.

Я подумал об этом и сказал:

— Наверное, я тоже. Но Генри мертв.

Фриц сказал:

— Я откажусь от своей фермы. Есть дела поважнее.

— Я с тобой, — сказал Бинпол.

Фриц покачал головой:

— Между нами разница. Твоя работа важнее моей.

— Не такая важная, как эта. А ты, Уилл? Ты готов к новой борьбе, длительной, менее волнующей, без великого триумфа в конце? Оставишь ли ты свои моря и острова, чтобы помочь нам объединить людей, сохранить мир и свободу? Англичанин, немец и француз — это будет неплохое начало.

Воздух был холодный, но возбуждающий. И порыв ветра принес снежную пыль с вершины Юнгфрау.

— Да, — сказал я. — Я оставлю свои моря и острова.

СОДЕРЖАНИЕ

Книга первая

Белые горы

Глава первая. День надевания шапок 3
Глава вторая. "Меня зовут Озимандиас" 11
Глава третья. Дорога к морю 21
Глава четвертая. Бинпол 28
Глава пятая. Город древних 36
Глава шестая. Замок Красной башни 51
Глава седьмая. Треножник 64
Глава восьмая. Бегство и преследование . . . 72
Глава девятая. Мы даем бой 80
Глава десятая. Белые горы 88

Книга вторая

Город золота и свинца

Глава первая. Трое избраны 96
Глава вторая. Пленник в яме 104
Глава третья. Плот на реке 114
Глава четвертая. Отшельник на острове . . . 121
Глава пятая. Игры 129
Глава шестая. Город золота и свинца 137
Глава седьмая. Кошка моего хозяина 147
Глава восьмая. Пирамида красоты 158
Глава девятая. Я наношу отчаянный удар . . . 170
Глава десятая. Под золотой стеной 180
Глава одиннадцатая. Двое возвращаются домой. 191

Книга третья

Огненный бассейн

Глава первая. План действий 195
Глава вторая. Охота 204
Глава третья. Зеленый человек на зеленой лошади 213
Глава четвертая, Немного выпивки для Руки 224
Глава пятая. Шестеро против города 236
Глава шестая. Огненный бассейн 248
Глава седьмая. Лето на ветру 259
Глава восьмая. Пузыри свободы 270
Глава девятая. Конференция человечества . . 279

Джон Кристофер

ОГНЕННЫЙ БАССЕЙН

Фантастическая трилогия

Перевод Д. Арсеньева
Ответственный редактор Л.М. Палько

Ответственные за выпуск Е.А. Грушко, Ю.И. Иванов

Редакторы Н.В. Гайдамака, Л.П. Козинец
Оформление В.А. Красноперова, Л.А. Колосова
Технический редактор Г.В. Якова
Корректор Л.В. Пиницина

ИБ 3511

Сдано в набор 01.02.91. Подписано в печать 05.04.91. Формат 84X108/32. Бумага газетная. Гарнитура "Таймс". Печать офсетная. Усл.-печ. л. 14,28. Уч.-изд. л. 18,46. Тираж 200.000 экз. Цена в переплете 9 руб., в мягкой обложке 7 руб. Заказ № 5484.

Ордена Трудового Красного Знамени
издательско-полиграфическое объединение ЦК ВЛКСМ "Молодая гвардия"
103030, Москва, К-30, ул. Сущевская, 21

Всесоюзное творческое объединение молодых писателей-фантастов
при ИПО ЦК ВЛКСМ "Молодая гвардия"
278000, Тирасполь-4, а/я 585

Набор и верстка выполнены в компьютерном центре
информационного агентства "ЭКС-пресс"
международной газеты "Мегаполис-Экспресс"
603005, Нижний Новгород, Верхневолжская наб., 9-а

Книга отпечатана в Ордена Трудового Красного Знамени
типографии издательства ЦК Компартии Узбекистана

700000, Ташкент, ул. Газеты «Правда», 41.

Бракованные экземпляры заменяются типографией

ISBN 5-235 - 01907-3